

Свет из тени будущих благ или 32 беседы о скинии, жертвоприношениях и священстве

"Закон имеет ТЕНЬ будущих благ, а не самый образ вещей... А ТЕЛО во Христе".

(Евр. 10:1. Кол. 2:17).

И.В. Каргель

Оглавление

[Предисловие](#)

Часть I. Скиния и ее принадлежности

1. Скиния вообще
2. Двор - завесы двора
3. Ворота, дверь и завеса
4. Медный жертвенник
5. Медный умывальник
6. Серебро выкупа и употребление его
7. Святилище - его брусья
8. Священные цвета
9. Покрышки из синих (барсучьих) и бараньих кож
10. Покрывало из козьей шерсти и покрывало с изображением херувимов
11. Золотой жертвенник для курения
12. Золотой светильник
13. Стол для хлебов предложения и хлебы предложения
14. Святое-святых - ковчег завета

Часть II. Жертвы

15. Жертва за грех
16. Жертва повинности
17. Жертва всесожжения
18. Жертва благодарности, или мирная жертва
19. Жертва хлебного приношения
20. Жертва посвящения
21. Курение, или жертва курения

Часть III. Священство

22. Первосвященник
23. Священники
24. Хитон и верхняя риза
25. Ефод и нарамники

- 26. Пояс
- 27. Два камня оникса
- 28. Наперсник судный
- 29. Кидар с золотой дощечкой
- 30. Священное миро для помазания
- 31. Посвящение священников
- 32. Странствование Израиля со святилищем

Предисловие

Выпуская в свет эти беседы, автор имел в виду исключительно прославление своего чудного Господа и Учителя; из личного опыта автору пришлось не раз убедиться, что стремление к прославлению Господа служило подкреплением и радостью Его чадам. Что касается его самого, то он с радостью свидетельствует, что его многолетние исследования именно этой части Священного Писания представили ему Господа несравненно удивительнее и славнее, чем Он для него был до изучения этой части Библии; часто приходилось ему в изумлении поклоняться величию, которое в "тени будущих благ" предшествовало Тому, Кто должен был придти, и Кто в настоящее время уже давно пришел. К сожалению, ни уста, ни перо не в состоянии передать всего того, что часто испытывало переполненное сердце; несмотря на все это, он осмелился выпустить слабое свидетельство о своем Господе в более обширный круг читателей, будучи твердо уверен, что это, несомненно, послужит, с своей стороны, к прославлению Возлюбленного; детям же Его, для которых Он драгоценность, это будет способствовать укреплению веры, умножению любви и большому утверждению их надежды. Автор с тем большею радостью ожидает осуществления всего этого, что ему не раз приходилось наблюдать появление подобных плодов во многих своих слушателях.

Эти лекции обязаны своим возникновением зимним месяцам, давшим автору случай быть в довольно значительном кругу дорогих детей Божиих и душ, ищущих Господа всем сердцем; летние же месяцы посвящались обыкновенно проповеднической деятельности и попутному собиранию материалов для бесед. С благодарностью приходится упомянуть о том, что автор имел счастье пользоваться мнениями писателей, занимающихся тем же предметом. Это были преимущественно сочинения на английском языке; из них извлечены были некоторые чудные мысли; во избежание же неудобства приводить дословно заимствованное и называть автора сказанного не однократно, мы предпочитаем упомянуть об этом в предисловии. Для этой высокой цели нами были выбраны: Роджерс, Макинтош, Солто; каждый из них по-своему, при изучении скинии или ветхозаветного Богослужения, высказал ценное свидетельство. В остальном беседы являются самостоятельным трудом; возникли они не сразу, а в продолжение многих зим, причем они велись в различных кружках и постоянно обогащались новыми мыслями; наконец они приняли настоящую форму.

Да не поставят любезные читатели автору в вину то, что он приводит без сокращений и дословно те места из Священного Писания, которые послужили или основанием для этих бесед, или должны были осветить и подтвердить ту или другую истину; сделано это было не с той целью, чтобы увеличить объем книги, а во избежание отыскивания приводимых мест в Библии, так как автору не раз пришлось убедиться, что дорогие читатели мало справляются насчет

приведенных из Библии мест; случается, что они и вовсе об этом не помышляют. Поступить таким образом оказалось особенно необходимым в виду того, что предмет наших бесед менее известен, нежели другие, о которых более часто было писано. Неопровержимо верным останется притом слово, которое часто повторялось одним дорогим чадом Божиим, а именно, что "одно слово Божие в тысячу раз драгоценнее, нежели многие слова человеческие".

Дух же Святой, постоянно прославляющий нам Христа, да сопровождает повсюду эту книгу; да осияет Он Своим присутствием тот малый свет, который она извлекла из "тени будущих благ" и да изольет Он несказанное благословение на каждого читателя.

Автор

Часть I.

Скиния и ее принадлежности

Глава 1

Скиния вообще

И устроят они Мне святилище, и буду обитать посреди их; все [сделайте], как Я показываю тебе, и образец скинии и образец всех сосудов ее; так и сделайте

(Исх. 25:8-9)

В одной из торжественнейших бесед нашего Господа с Иудеями, когда шла речь о Нем, как о посланном Богом Мессии, Он между прочим сказал следующие многозначительные слова: "Исследуйте Писания: ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне" (Иоан.5:39). В те дни еще не существовало Нового Завета, который мы вместе с Ветхим теперь привыкли называть "Писанием"; по всей вероятности ни одна строчка его еще не была тогда написана. Потому ясно, что этими словами Иисус указывает Иудеям на Ветхий Завет, как на свидетеля Своего о Нем, и если мы внимательно проследим всю Его речь, то увидим, что Он имел в виду главным образом Моисея, потому что, ссылаясь на него, Господь заключает речь эту следующими словами: "Если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне; потому что он писал о Мне. Если же его писаниям не верите; как поверите Моим словам" (Иоан.5:46,47). Итак, Ветхий Завет и, в особенности, Моисей, по собственным словам Иисуса, **свидетельствуют** о Нем. И когда Он, по воскресении Своем, шел с теми двумя учениками в Эммаус, то "начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании" (Лук.24:27). Следовательно, Он указал на Себя из Ветхого Завета. Вопрос состоит в том, братья мои, "исследуем", изучаем ли **мы** так страницы Ветхого Завета, чтобы на самом деле Иисус был найден нами? Действительно, мы читаем главу за главой, но не углубляемся в них настоящим образом и потому не замечаем многих чудес, не слышим того, что там сказано; часто наше исследование бывает неуспешно, потому что мы не производим его под руководством лучшего наставника - Духа Святого. Если б Он был нашим водителем при этом деле, то, воистину, мы всегда видели бы Иисуса, и повсюду Иисуса.

"Видеть Иисуса", такова должна быть цель наших собраний по воскресеньям, в которых мне будет позволено возвещать Слово Божие. Если только будет на то Его святая воля, то мы хотели бы увидеть Его из Ветхого Завета, а главным образом из писаний Моисея. Для того, чтобы исследовать и понять все сказанное о скинии, жертвах и священстве, которые так подробно описаны Богом, мы должны приложить к этому предмету не менее внимания и расположения сердечного, как и ко всякому ясному изречению Господа и Его апостолов, потому что они, хотя и картинно, но все же в чудном свете, представляют нам Его. Поэтому я и желал бы, ради вашей пользы, предложить вам - несколько раз с благоговением прочесть отрывок Священного Писания от 25 главы Исхода до 8 гл. книги Левит, и, по возможности, запечатлеть в памяти прочитанное, потому что это должно послужить основанием для наших исследований. Прежде всего, мы постараемся увидеть в скинии с ее двором, святилищем, Святым-святых и в принадлежностях ее, как в тени будущих благ, Иисуса Христа и Его чудное дело искупления. Далее, на то же самое укажут нам различные жертвы, и, наконец, в священстве мы увидим нашего прославленного Господа на небесах, и этим закончим беседы наши. Сегодня же мы

прежде всего направим наше внимание на

скинию вообще

Приказание Господне, чтобы Ему была построена скиния, было дано народу Израильскому, который только несколько месяцев тому назад начал быть народом, а именно с того дня, когда Господь избавил его в Египте от рабства посредством пасхального агнца и вывел из Египта "Своей рукой крепкой и мышцей высокой". Сам Господь приказал им начать с этого времени их летосчисление (Исх.1:2,12), так как до того времени этот народ был в действительности горстью рабов, уже присужденных к смерти (Исх.12:1,2), Следовательно, это был незначительный народ, призванный с самой низкой ступени, но Богом избранный на то, чтобы явить среди него самые чудные откровения Божии. Отныне им должны были "принадлежать усыновление, и слава, и заветы, и законоположение, и богослужение, и обетования; их и отцы, и от них Христос по плоти, сущий над всем Бог, благословенный во веки, аминь" (Римл.9:4,5). Со времени их исхода все особенные обетования Божии относились **ко Христу**, причем они были даны или в форме простых слов или, как это в начале случалось чаще, картинно, в прообразах. После освобождения их из Египта, Бог не замедлил исполнить Свое намерение, предвозвестив в прообразе Свое явление во Христе Иисусе на землю и пребывание Свое среди людей. А именно повеление о постройке скинии для Него было откровением Его божественного намерения.

Израиль только что успел перейти Чермное море и совершить несколько переходов в пустыне, только что умолк гремевший с Синая гром, от которого народ разбежался, только что успели Израильтяне попросить Бога не говорить с ними больше непосредственно, и вот уже исходит слово из уст Его: **"И устроят они Мне святилище, и буду обитать среди их"**.

Какое чудное повеление! Оно свидетельствует нам о том, что **Господь жаждал приблизиться к человеку, снизойти до его немощи**. В страхе и трепете стоял Израиль у подножия горы, горевшей огнем, в стане, в сознании отдаленности от своего Бога; отделенный чертой от святой горы, он не смел дерзнуть приблизиться к Богу, зная, что даже всякая попытка в этом направлении навлекла бы на него неизбежную смерть. Таким образом, с их стороны не могло никогда - возникнуть стремление приблизиться к Богу, так как они убедились, что им невозможно перейти пропасть, лежавшую между ними и Богом. Поэтому их единственное желание заключалось в том, чтобы держаться как можно дальше от Бога, что они и выразили словами: "Говори ты с нами, и мы будем слушать, но чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам, не умереть" (Исх.20:19). Итак, **человек** не мог подняться к Богу, но зато - дивна милость Божия! - **Бог** мог сойти к нему и, что еще удивительнее, Бог желал к нему сойти. Он Сам возвестил Свое намерение сойти с горы величия Своего в стан немощи, к человеку, чтобы приблизиться к нему.

Возлюбленные, Бог показал в скинии прообразом Свое приближение к человеку, во Христе же Иисусе мы имеем действительное осуществление этого. И так как Израилю невозможно было снова войти с Богом в союз и общение, нарушенные грехопадением, так невозможно было бы это никакому человеку на земле, еслиб Бог не принял решения снизойти чрез Христа и во Христе до нашего жалкого положения. И несомненно, что мы погибли бы безвозвратно, как погиб от вод потопа первоначальный мир, еслиб Он Сам не восстановил с нами этой связи. Но, слава Ему, мы знаем, что это совершилось. Ветхозаветный вопль: "О, если бы Ты расторг небеса и сошел!" (Ис.64:1) услышан и исполнился славнейшим образом тогда, "когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего Единородного, который родился от жены и подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление" (Гал.4:4,5). Он уничтожил пропасть, Он разрушил преграду, стоявшую между нами и Богом.

Спасенье даровать желая,

Пришел за мной на землю Бог;

Свою греховность сознавая,

К Нему подняться я не мог.

Влекомый чудною любовью,

Меня Он спас Своею кровью.

И не свидетельствует ли нам самый способ, избранный Богом для Своего пребывания посреди Израиля, о намерении Его, тесно сблизиться с народом? Израиль жил в шатрах и кущах, путешествуя по пустыне, Он - заметьте это - избрал для Себя то же самое, решил подойти к ним, уподобиться им. Там, на вершине горы, было "под ногами Его нечто подобное работе из чистого сапфира и, как самое небо, ясное" (Исх.24:10): там "Он обитал в неприступном свете;" там не видел Его ни один человек, так что Он сказал даже Моисею, которого Сам приблизил к Себе: "Человек не может увидеть Меня и остаться в живых" (Исх.33:20). И вот, оставляя всю эту славу, как бы уничижая Себя Самого, Он желает для Себя только шатра - скинии. Правда, Он повелел приготовить Себе чудный шатер, драгоценную постройку, но ведь все же, то был только шатер, скиния. И затем, когда Израильтяне уже вошли в Ханаан и сами долгое время жили в благоустроенных домах, только тогда допустил Он, чтоб и Ему, как и им, построен был дом, храм: но и тогда не земное ли только было великолепие храма? Да, так это было, но именно в таком виде Израиль не только не страшился Бога, но радовался иметь Его среди себя: так они могли и смели приближаться к Нему.

Не таким же ли близким сделался и нам Господь во Христе Иисусе? О Нем сказано: "И Слово стало плотию, и обитало (собственно говоря, "жило в шатре") с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца" (Иоан.1:14), Что именно хочет сказать нам этим Дух Святой, внушая апостолу Иоанну сказать: не "Слово стало человеком", но "Слово стало плотию"? Не то ли это, чтобы мы восприняли эту великую тайну во всей ее простой действительности, чтобы мы поняли, что Он воистину взял на Себя человеческую природу с ее внешней нищетой, немощью и ничтожеством в полном библейском смысле этих слов, дабы мы могли без страха, дерзновенно, приближаться к Нему? Если наше тело представляет собою только "хижину, которая разрушится," то и его тело могло быть подвержено разрушению; в теле Своем Он обитал как бы в шатре посреди нас. "Разрушьте", сказал Он однажды окружавшим Его обитателям земных хижин, "разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его", причем Дух Святой в любви поясняет нам это слово, говоря: "А Он говорил о храме тела Своего" (Иоан.2:19,21). Да будет Ему слава и хвала за то, что Он, "будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу (не удерживал его судорожно, как добычу); но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись **подобным человекам и по виду став, как человек**" (Филип.2:6,7) Неправда ли, мой дорогой грешный собрат, в таком виде тебе Его нечего бояться, при таких условиях ты можешь с дерзновением приблизиться к Нему?

Далее мы находим ту удивительную истину относительно скинии, **что Бог желал вступать в сношения с человеком исключительно чрез скинию.** Приведем несколько мест, свидетельствующих об этом. "**Там Я буду открываться тебе и говорить с тобою над крышкою, посреди двух херувимов, которые над ковчегом откровения, о всем, что ни буду заповедывать чрез тебя сынам Израилевым**" (Исх.25:22). - "Когда Моисей входил в скинию собрания, чтобы говорить с Господом, слышал голос, говорящий ему с крышки, которая над ковчегом откровения, между двумя херувимами: и он говорил ему" (Числ.7:89). И достойно замечания то,

что божественные откровения Моисею прекратились на горе в то самое время, как только была построена скиния, хотя ему следовало получить еще много указаний относительно последней. Книга Левит начинается словами: "И воззвал Господь к Моисею и сказал из скинии собрания" (Лев.1:1). Бог возвещал Свою волю чрез Моисея: Он говорил Израилю и чрез пророков, бывших вестниками Его слова, так что через них народ мог получать некоторое познание **о Боге**, но с **Богом Самим** можно было встретиться только здесь, почему скиния и называлась скинией собрания. Здесь встречался человек с Богом: скиния была как бы звеном между Ним и Его народом. Если кто-нибудь хотел приблизиться к Богу, - другого пути тогда для Израиля не было, - он шел в скинию.

И теперь всякий, желающий приблизиться к Богу, непременно должен идти к Тому, Кого скиния была только прообразом, к Иисусу. "**Я есмь путь** и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как **только** чрез **Меня**", - так подтверждают это Его собственные уста. В Нем, в Его личности слились Бог и человек; **Он есть Бог, явившийся во плоти**, и только чрез Него грешник снова может соединиться с Богом. Что бы ты ни делал и кто бы ты ни был, мой дорогой слушатель, до тех пор, пока ты **без Христа**, свидетельство Божие называет тебя "**отчужденным** от общества Израильского, **чуждым** заветов обетования"; оно говорит о тебе, что ты "**не имеешь надежды и безбожник в мире**" (Еф.2:12). Тебе может быть тяжело выслушать это свидетельство, но оно непреложно истинно, потому что это свидетельство Божие. Послушай, однако, также, что Господь говорит о тех, которые чрез Сына пришли к Нему: "Теперь во Христе Иисусе вы, **бывшие некогда далеко, стали близки кровию Христовою...** потому что **чрез Него и те и другие имеем доступ к Отцу, в одном Духе**" (Еф.2:13,18). Итак, будьте уверены, что не пришедший к Сыну, не пришел и к Отцу: как бы такой человек ни был честен, достоин уважения, религиозен и благочестив, он безбожник в мире. Апостол Иоанн нам это категорически подтверждает следующими словами: "Всякий, отвергающий Сына, не имеет и Отца" (1Иоан.2:23). Только Сын представляет Собой ту лестницу, которую Иаков видел некогда во сне, лестницу, соединяющую небо и землю, грешника и Святого, человека и Бога. О, если бы ею были соединены все!

Эту же чудную истину подтверждает нам еще то, что у **Израиля была вообще только одна скиния**. Почему во всем этом огромном стане не было нескольких, а позже, в земле Ханаанской, не существовало многих святилищ? Не хотел ли Бог и тогда уже показать народу Израильскому, что между Ним и человеком может существовать только один Посредник? Когда народ Израильский провел уже многие годы в своей земле и сделался великим народом, мы читаем, как однажды десять колен отделились от Иуды и Вениамина и установили у себя отдельное богослужение; они оставили скинию или, вернее сказать, храм и собирались в Вефиль; но Бога там не было; там Его невозможно было найти, и все их богослужение было им зачтено за идолопоклонство, до которого оно вскоре и опустилось. Почему же не было там Бога? Не потому, чтобы Он не был везде-сущим, как в наши дни и как будет во веки веков; но для Иеговы был в то время только один путь для сношения с человеком, как и теперь, исключительно чрез Христа и чрез Него **Одного**. Тогда это происходило, конечно, в прообразе, теперь же в действительности; тогда у Израиля была только тень, между тем как мы теперь обладаем самым существом благ. Не имей мы этой истины в виду не были бы мы поражены тем, что во всем Израиле, от Дана до Вирсавии, было только **одно** святилище, причем и богослужение могло совершаться только на **одном** месте, так что из года в год все колена Израилевы должны были восходить в Иерусалим и там только могли совершать свои жертвоприношения? Мы знаем причину этого: существовала только одна скиния, было только одно место откровения Божия,

где обитала слава имени Его. Пожалуй в этом свете нам будет понятнее, почему Спаситель мог сказать Самарянке: "Вы не знаете, чему кланяетесь, а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от Иудеев" (Иоан.4:22).

"Един Бог", свидетельствует нам апостол, и "един Посредник (не два, не три посредника) между Богом и человеками, человек Христос Иисус, предавший Себя для искупления всех", - **вот** истина, к познанию которой должны придти **все люди** и которая спасительна для каждой души. Вне ее не существует ни спасения, ни искупления. Да, мои братья, и для нас также, если я могу так выразиться, существует одно только место соединения с Богом, один центр встречи с Ним, и место это, центр этот - Христос. Здесь соединяются воедино все племена Израиля Божия, под каким бы знаменем они ни шли, какое бы наименование они ни носили; только в Нем они приобретают благоволение Божие, только чрез Него могут они узреть Бога и только в Нем приносимые ими жертвы являются приятным благоуханием для Отца. Вся разница между Израилем и нами заключается в том, что Израильский народ служил Богу в прообразе, тогда как мы имеем Его Самого. Для нас уже нет тени будущих благ, - она исчезла навсегда; и хорошо, что исчезла, потому что тень могла находиться только на одном месте земли и никогда бы не могла удовлетворить всех; теперь же мы входим во святилище на всяком месте земли, потому что Посредник наш вездесущ. Да, **настало** уже время, когда, не связанные более ни временем ни местом, **истинные** поклонники поклоняются Богу во Христе Иисусе в Духе и истине. Все ли мы принадлежим к числу таких поклонников?

Вернемся, однако, к скинии и посмотрим, не научит ли нас также чему-нибудь и **место, на котором Господь повелел воздвигнуть ее**. Заметьте, что Бог не думал воздвигнуть ее в Египте; нет, Он избрал пустыню для этой чудной постройки. "Отпусти народ Мой, чтоб он совершил Мне праздник в пустыне", таково было повеление Божие, пока они не оставили Египет позади. Бог не мог обитать среди Израильтян, пока они были невольниками и рабами, но когда, выведенные Рукою Крепкою, они раз навсегда покинули дом рабства и, отделившись от страны мрака и смерти, жили в пустыне, как странники и пришельцы, тогда Он поставил Свой походный шатер среди них, обитал посреди них, ходил с ними и был Богом их.

Так и в настоящее время. Для живущих в Египте, т.е. для грешников, живущих в мире и грехе, и сегодня еще нет пребывающего с ними Бога и Христа. Как бы ни утверждал человек, что в сердце его живет Бог, если при этом он мирится с грехом, или довольствуется своей старой жизнью, как живет весь мир вокруг него, он обманывает самого себя: Бога он имеет только в воображении. Присутствию Божию предшествует освобождение, отделение, разлучение, обновление, и где этого нет, там господствует не Искупитель, не Бог, а рабство и служение греху. Но да не подумает кто-нибудь, говоря себе: "Хорошо же: с этой минуты я буду избегать мира, буду тщательно остерегаться греха и стараться вести, по мере сил, лучшую жизнь, и этим докажу, что имею Бога". Но так это не совершится, мой друг, потому что ты должен **быть выведен** и выведен непременно кровью истинного Пасхального Агнца и Рукою Крепкою, и, слава Богу, то и другое предложено тебе. О, решишь только довериться руке Искупителя, скраться за кровью Агнца, как Израиль это сделал в Пасхальную ночь, и ты увидишь, как скоро ты освободишься от мира и всего мирского. И если, когда ты на это решишься, тебе покажется, что ты, подобно Израилю, идешь в сухую и дикую пустыню, что за беда? Сердце твое тогда делается святилищем Господа: Он обитает, Он ходит в тебе, и с этой минуты ты, хотя и живешь еще в мире, не будешь уже от мира.

Общение с Богом при отделении от мира и похотей его - эта истина еще раз выражается скинией, а именно в положении, которое она занимала в стане Израильском. В Исх. 33:7

мы читаем: "Моисей же взял и поставил шатер **вне стана, вдали от стана**, и назвал его скинией собрания; и каждый, ищущий Господа, **приходил** в скинию собрания, находившуюся **вне стана**". Итак, она не стояла в рядах других жилищ, но на месте, совершенно отделенном. Никакое дело, касавшееся Бога и человека, никакой вопрос сердца к Иегове, как единичного Израильянина, так и всего народа, не могли решиться в стане; все те вещи, которые заключали в себе какое-либо отношение к Богу, непременно требовали выхода из стана.

Совершенно таково же положение чада Божия, даже еще в высшем смысле, потому что апостол нас так поучает в послании к Евреям: "И Иисус, дабы **освятить** людей кровию Своею, пострадал **вне врат**. Итак **выйдем к Нему за стан**, нося Его поругание (Евр.13:12,13)". Итак, нам нечего ждать, пока нас вытеснят, как вытеснили Египтяне Израильян, нет, выход должен быть добровольный, выход **к Нему**, ради Него, чтобы соединиться с Ним. Выходи, брат мой, выходи, моя сестра, из внешнего мира, из мира, тебя окружающего и тебя к себе влекущего. Но выйди также из твоего внутреннего мира, из мира чувств и помышлений, которые тысячью картин и представлений отвлекают тебя от Него, Возлюбленного! Выходи, чтоб ты мог войти в общение с Ним! Да, возлюбленные, не только внешний мир, так называемый Египет настоящего времени, необходимо должен быть оставлен позади нас, потому что часто это еще не самое для нас трудное; но существует еще другой внутренний, нам более близкий мир, который мы берем всюду с собою, хотя бы и пошли в настоящую пустыню, подобно Израилю, всюду несшему с собой свой стан. Но, слава и хвала Богу, что мы знаем Одного, Кто "отдал Себя Самого за грехи наши, чтоб **избавить нас от настоящего лукавого века**, по воле Бога и Отца нашего" (Гал. 1:4). Укрыться в Нем - вот наше спасение.

О, дорогие друзья, позвольте вам сказать откровенно: это ложь врага, когда думают, что возможно одновременно быть одно со Христом и одно с миром, что можно хотя бы своими наклонностями и сердечными помышлениями, своим образом мыслей и своими стремлениями оставаться в мире, и все-таки быть соединенными со Христом. Нет, обращение ко Христу, общение с Ним есть отвлечение от мира, а где нет последнего, там нет и обращения к Нему.

Мы не можем покончить с этим вопросом, не **упомянув еще об одном важном обстоятельстве, находившемся во время путешествия Израильян в непосредственной связи со скинией, именно о столпе облачном**. Последняя часть последней главы Исхода дает нам желанное пояснение по этому поводу: "Ибо облако Господне стояло над скинией днем и огонь был ночью в ней пред глазами всего дома Израилева, во все время путешествия их". Стан Израильский, насколько нам известно, был очень обширен, так как включал в себе жилища, по меньшей мере, около 2,5 миллионов людей. Какое огромное пространство там было занято шатрами! Валааму пришлось подняться на семь разных холмов, чтобы рассмотреть этот стан весь и со всех сторон. Спрашивается, как же мог Израильянин тотчас же отыскать скинию, когда сердечная потребность влекла его к Иегове? Возвышалась ли она настолько над всеми другими шатрами, что ее можно было видеть отовсюду? Никак. И однако об этом не приходилось много расспрашивать; следовало только открыть глаза, находясь даже на самом отдаленном краю стана, чтобы тотчас определить место, где она находилась, потому что она была нераздельно связана с облачным столпом. И этот облачный столп поднимался прямо от нее к небу, ни днем ни ночью не отступая от жилища Божия, и не оставлял ни одного ищущего в сомнении о том, где можно найти Иегову. Как утешительно, что ни сумерки, ни густейший мрак не были помехой этому, потому что "**огонь был ночью в ней пред глазами всего дома Израилева**".

Мы, возлюбленные, видим в облачном столпе чудный прообраз слова Божия, которое Отец ниспослал к нам подобно тому, как Он поставил облачный столп над скинией собрания. Да,

слово написанное и Слово воплощенное неразрывно связаны друг с другом, доколе мы странствуем здесь на земле. Ты, стоящий близко, и ты, стоящий далеко, оба вы можете найти Иисуса; ты, ходящий, так сказать, днем и в свете, потому что ты "с детства знаешь Священные Писания", и ты, пребывающий во мраке невежества и греха, загляните оба в слово Божие, - оно поведет вас к Нему. И еслиб вначале вам пришлось увидеть только облачный столп слова Божия, пусть он привлечет вас к себе все ближе и ближе, пока вы не достигнете Того, о Ком он свидетельствует, т.е. до вашего Господа и Искупителя.

И неправда ли, что, **имея Его и слово Его, мы имеем верных путеводителей по пустыне этого мира?** Израиль не мог заблудиться во всех своих странствованиях, имея среди себя скинию и столп облачный, пока они добровольно следовали за ними. Они еще никогда не шли этим путем, он еще не был проложен пред ними, и однако мы никогда не читаем, чтобы они заблудились в пустыне, как это случилось с Агарью (Быт.21:14), хотя враги их однажды это об них думали, смот. Исх. 14:3; нет, им надлежало только бодро идти вперед, потому что Господь шел пред ними, указывая им каждый шаг.

Так Иисус и слово Его должны быть путеводителем нашим, если мы не хотим блуждать. И наше странствование ведет нас также на темные непроложенные пути; о, да не отвратятся никогда от Него глаза наши, и уши наши да будут всегда открыты, чтобы мы слышали говорящее позади нас слово: "Вот путь; идите по нему, если бы вы уклонились направо и если бы вы уклонились налево" (Ис.30:21). И еще одно: никогда не делите слова от Христа или Христа от слова, и путь ваш будет постоянно светел пред вами. Израиль имел, как мы знаем, от Египта до Синая только облачный столп; отсюда же шел Господь Сам **сознательно для них** с ними. Так идут некоторые дети Божии, имея мало общения со Христом Иисусом Самим; они в очень незначительной степени осуществляют для себя лично Его присутствие; они руководятся **исключительно** словом Божиим и часто только буквой его. И таким образом мы сплошь и рядом находим у них много знания, то или другое верное понимание, но в них почти не ощущается дыхания жизни, могущего исходить только от Него и всегда приносимого Его присутствием. Они разделили то, что Господь сочетал; или же они извратили Его порядок, отведя слову Его первое место, которое принадлежит Тому, о Ком оно свидетельствует. Да не будет это положением многих, как это случается в действительности!

Нам же да укажет раз навсегда наше верное положение благое свидетельство Его собственных уст: "Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни" (Иоан.8:12). Аминь.

Глава 2

Двор - завесы двора

Сделай двор скинии: с полуденной стороны к югу завесы для двора должны быть из крученого виссона, длиною во сто локтей по одной стороне; столбов для них двадцать, и подножий для них двадцать медных; крючки у столбов и связи на них из серебра. Также и вдоль по северной стороне - завесы ста локтей длиною; столбов для них двадцать, и подножий для них двадцать медных; крючки у столбов и связи на них [и подножия их] из серебра. В ширину же двора с западной стороны - завесы пятидесяти локтей; столбов для них десять, и подножий к ним десять. И в ширину двора с передней стороны к востоку - [завесы] пятидесяти локтей; [столбов для них десять, и подножий для них десять]. К одной стороне - завесы в пятнадцать локтей [вышиною], столбов для них три, и подножий для них три; и к другой стороне - завесы в пятнадцать [локтей вышиною], столбов для них три, и подножий для них три. А для ворот двора завеса в двадцать локтей [вышиною] из голубой и пурпуровой и червленной шерсти и из крученого виссона узорчатой работы; столбов для нее четыре, и подножий к ним четыре. Все столбы вокруг двора должны быть соединены связями из серебра; крючки у них из серебра, а подножия к ним из меди. Длина двора сто локтей, а ширина по всему протяжению пятьдесят, высота пять локтей; завесы из крученого виссона, а подножия у столбов из меди.

(Исх. 27:9-18)

При изучении скинии прежде всего мы остановимся на ее дворе, потому что, будь скиния доступна нашему взору, первое, на что упал бы наш взгляд, был бы двор скинии. Если вы прочли указанный отрывок Исхода с 25-ой гл. до конца книги, то вы вероятно заметили, что Бог, намечая план постройки скинии, начинает отнюдь не со двора, а с внутреннейшего места Своего жилища. Первое, о чем Он дает Моисею указание, это о ковчеге завета во Святом-святых; затем следует святилище со столом для хлебов предложения, золотым светильником и золотым жертвенником, точно так же, как и самая скиния; и только в конце идут медный умывальник и медный жертвенник, вокруг которых столбы с их завесами составляют ограду всего, или двор. Вот, это тот путь, возлюбленные, который Бог избрал во Христе Иисусе, чтобы Ему приблизиться к нам. Из Святого-святых небес, с престола Своего Божеского величия, спустился Он "через завесу, т.е. плоть Свою" (Евр.10:20), чтобы во святилище Своей земной жизни, в совершенной отдаче и непоколебимой преданности, исполнить волю Отца и затем, дойдя до крайнего предела, предать Себя, как Агнца Божия, на медный жертвенник креста для искупления грешников. Таков, как уже сказано, путь Божий; это те чудные факты, которые прежде всего должны быть усвоены верою; это тот фундамент, "**твердое основание Божие**", на котором радостно покоится упование нашего спасения. Это благая весть о том, что спасение мое исходит от Него, что оно совершено Им. Раньше, чем я буду в состоянии направить шаги свои к небу, чтобы быть там, где Он, мне необходимо увидеть и верою себе усвоить, как Он **ко мне и для меня** сходит с небес.

Однако же, при нашем изучении, мы сделаем, пожалуй, лучше, если пойдем от внешнего к внутреннему, т.е. тем путем, которым должен идти человек, чтобы достичь Бога во Святом-святых. И так как мы все по природе находимся вне святилища, то нам, во всяком случае, надо раньше всего достигнуть двора. Постараемся объяснить себе все части двора отдельно и, насколько Господь нам даст света, уяснить и себе их значение. Сегодня же обратим наше внимание на

завесы двора.

Если бы, возлюбленные, какой-нибудь посторонний человек, не знавший ничего о скинии,

нечаянно на нее наткнулся, он не мог бы составить себе никакого понятия о том, что она в себе заключала и для какой цели была построена. Меньше всего мог бы он узнать что-либо относительно блеска и славы, скрытых внутри, потому что туда взор его не мог проникнуть. Все внутреннее было бы для него скрытой тайной, о которой он не мог составить себе никакого представления, и разве только мог узнать кое-что из рассказов других. Его глаз раньше всего остановился бы на дворе во сто локтей длиной и пятьдесят шириной, который был образован безукоризненно белыми завесами, поддерживаемыми шестьюдесятью столбами. Эти завесы заключали в себе внутренние сокровища, выключая в то же время всякого постороннего. Это живо напоминает нам невозрожденного природного человека, стоящего еще вне Христа и Его спасения; он, собственно, еще не знает, что ему делать со Христом, когда он, наконец, серьезно начинает думать о Христе и Его жизни, и ему также не ясно, какое значение имеет для него смерть Его, хотя бы он слышал об этом бесчисленные объяснения. Он смотрит и смотрит и не видит ничего для себя привлекательного, потому что он ничего не знает о славе и божественном величии, присущих Христу; не знает, что "в Нем обитает вся полнота Божества телесно", а потому и не может увидеть "славу Его, славу, как Единородного от Отца, полного благодати и истины", как могут видеть открытым лицом ученики Его. Все, что он в конце концов смог бы открыть в Нем, это, может быть, **безукоризненная чистота, невинность Его существа**, которые, если их рассматривает человеческий глаз без света свыше, способны скорее изгнать и исключить человека из Его близости, чем его ободрить для радостного приближения. Что завесы двора были в действительности символом этих славных совершенств Христа, это кажется нам ясным и впоследствии станет еще яснее.

Рассмотрим прежде всего ткань, из которой были сделаны эти завесы. Они были, как это видно из текста, приготовлены из **крученого белого виссона**. То была очень дорогая ткань, много превосходившая обыкновенный шелк и ценившаяся на вес золота. Цвет ее был белый, чрезвычайной чистоты и прекраснейшего блеска. Мы видим скинию со всех сторон заключенную в этот драгоценный виссон так, что нет нигде места, где можно бы заметить какую-либо другую ткань.

В книге Откровения 19:8 мы читаем следующее относительно невесты Агнца: "И дано было ей облечься в виссон чистый и светлый; виссон же есть праведность святых". Не желая оставить нас в сомнении относительно значения виссона, Духу Божию благоугодно было в этой символической книге пояснить нам его настоящий духовный смысл: "**Это праведность святых**", и, заметьте хорошо, не их собственная, а праведность, им **данная**; и от кого же иного могла она происходить, как не от ее Жениха? Если мы теперь это самое значение придадим завесам из белого виссона, принадлежащим к одним из прообразов или теней будущих благ, то они показывают нам Христа в Его человеческой праведности и чистоте. Здесь является Он нам безгрешным и беспорочным. Я предлагаю вам проследить всю Его жизнь, Его страдания, даже до смерти, и смею заранее вас уверить в том, что, где бы вы Его ни встретили, вы всегда найдете Его таковым. В пустыне ли, в жестоких ли искушениях, в храме ли, учащим и наставляющим, в пути ли, дома ли, среди друзей или врагов, - никогда не было лести в устах Его и лукавства в сердце. Все, кто знал Его, должны были засвидетельствовать это. Когда Он предлагает Своим врагам вопрос: "Кто может обличить Меня в грехе?" - мы не слышим ответа, у них не нашлось его. Видя приближение "князя мира сего", Он выразительно мог сказать: "Во Мне он не имеет ничего", потому что Он не находил ни одного пятна на белом виссоне Своей праведности. Враждебный Ему и отпавший от Него ученик, который получил бы, может быть, некоторое утешение в своем предательстве, если бы мог найти в Нем хоть какую-нибудь вину, вынужден

был, прежде, чем ушел из этого мира, сознаться, что, изменяя Ему, он предал "**кровь невинную**". И судья, осудивший Его на смерть, вынес из короткого пребывания с Ним такое глубокое впечатление Его непорочности, что вынужден был раз за разом признаться тысячной толпе: "Я не нахожу никакой вины в Нем". А вы, могли ли вы найти в Нем хотя бы единое пятно?

Между тем, если мы всмотримся немного глубже в происхождение виссона, то нам откроется новая истина. Эта драгоценная белая ткань была самая тонкая, самая чистая хлопчатая бумага, которая добывалась из семени, положенного в землю, умершего и затем как бы воскресшего к жизни, приносившего этот драгоценный плод, - и таким образом возвещала о смерти и воскресении.

Это являет нам Христа, как **нашу праведность**, потому что написано: "Он был предан за грехи наши и воскрес для **оправдания нашего**" (Римл.4:25). Когда Он шел на смерть, наше бремя грехов лежало на Нем, оно низвело Его в темницу; Он должен был "вкусить смерть за всех"; когда же вина была искуплена, "смерти невозможно было удержать Его" (Деян.2:24). Он явился снова, но уже без вины нашей, "пленив плен" (Пс.68:19), и впредь никогда никакой грех не может быть больше возложен на Него. И в Него, как воскресшего, вечно непорочного, блистающего Своею праведностью, должны мы облечься. О, братья мои, Он никогда не мог бы сделаться нашей праведностью, если бы Он сошел с нашими грехами, и они могли бы безвозвратно удержать Его в могиле. Мы до сегодня считали бы Его пленником; и кто мог бы сказать, каковы будут последствия Его плена? Мы также ничего не знали бы об уничтожении рукописания, бывшего против нас. Но теперь Христос воскрес из мертвых и как Он освободился, так и мы. Понимаем ли мы теперь изречение апостола: "А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна; вы еще в грехах ваших" (1Кор.15:17)

Если мы снова обратимся ко двору, то найдем ту **чудную истину, что каждый Израильянин имел право войти во двор и, таким образом, пребывать внутри, за белыми завесами.**

Не всякий Израильянин мог проникать во святилище, таковых было небольшое число, - это были именно священники; а в Святое-святых мог входить только один человек и однажды в год, - то был первосвященник; но сюда, во двор, доступ был открыт каждому Израильянину. Представьте же себе Израильянина, вступающего в ворота: он, может быть, бедный и к тому же невежественный человек; он, подобно всем другим, человек грешный, не имеющий собственной праведности, с которой он мог бы предстать перед Богом: но коль скоро он сделал первый шаг во двор, вы видите его **окруженным, облеченным и защищенным** этими чудными белыми завесами. Он стоит здесь в присутствии Божию и смеет делать это без страха, потому что белый блестящий виссон, облакающий Самого Иегову, облакает и его: он облечен в одежду Божию.

Неправда ли, мне кажется излишним применять это ко Христу и вам; вы уже сами сделали применение, потому что это ясно, как на ладони. Если ты, грешник, беден и немощен, лишен всякой праведности и обременен грехами, то ты не можешь предстать пред Богом, ты был бы отвергнут Им навеки: но вот, в лице Иисуса Христа, Икупителя твоего, в Его непорочной праведности предлагается тебе настоящая "брачная одежда," "ризы спасения": скройся в Него. - Он хочет быть твоим покровом. Коль скоро ты Его примешь, как своего Икупителя, детски доверяясь Ему, ты получаешь возможность тотчас же предстать пред Лицо Божие без всякого страха, потому что Он уже не страшит тебя, как прежде, ибо теперь ты обладаешь праведностью Божию, которая вполне удовлетворяет всем Его требованиям. Жизнь Христова, дела и хождение Его, послушание, послушание до смерти и даже смерти крестной - все это вменено тебе и поставлено на твой счет; с этой минуты Бог видит тебя во Христе, ты "облагодатствован в

Возлюбленном". Ты радостно поешь с поэтом:

Христа Спасителя дела
Господь вменяет мне:
За милость дивную хвала,
Господь, во век Тебе!
Жил на земле для нас Святой.
И этим куплен мой покой.
Меня навек Он оправдал,
Мне ризы даровал спасенья.
Моею праведностью стал. -
Ему, Христу, мои хваленья!

Возлюбленные слушатели, во что облечены вы? Носите ли вы все еще запятнанную одежду плоти? Или, может быть, одежду собственной праведности? Не знаете ли вы, что "вся праведность наша, как запачканная одежда" (Ис.64:6)? Если вы облечены в нее, рано или поздно вы сделаете неожиданное открытие, что вы одеты только в смоковые листья, которые заставят вас, подобно трепещущему Адаму, бежать, чтобы скрыться: но это вам не удастся, они принудят вас воскликнуть и признаться: "Я наг, наг, наг и потому скрылся". О, отбросьте всякую вашу собственную оболочку и облекитесь в Господа Иисуса Христа: тогда вы с торжеством можете спросить перед небом, землю и самим адом: "Кто будет обвинять избранных Божиих? Бог оправдывает их. Кто осуждает? Христос Иисус умер, но и воскрес: Он и одесную Бога, Он и ходатайствует за нас" (Римл.8:33,34). Тогда ты смеешь радостно из глубины души повторять за тем же поэтом:

Кто праведность может мою обличить,
Которую Бог даровал?
И время не может ее изменить,
Напрасно бы враг ожидал...
И ангел святой не так чист в небесах,
Как я в Иисусе Христе!
Одевшая душу святая краса
Есть дело Его, возлюбившего меня.

Остановившись на чудных завесах, не упустим также из виду и того, что они исключали. Там, вне завес, грех и грешник могли существовать и действовать, там была нечистота и проказа, проклятие и осуждение; сюда ничто из всего этого не имело доступа, потому что, если обремененный грехами Израильтянин и вступал сюда, то никогда не иначе, как с жертвой за грех или жертвой повинности, которая, претерпев смерть, выносилась отсюда, тогда как грешник мог оставаться пред лицом Божиим, как освобожденный от греха. Эти белые стены были одновременно и преградой, границей для всего несвятого и нечистого, поэтому находившегося внутри их по справедливости можно было назвать "благословенным Господа". Этим, может быть, объясняется горячее, стремительное желание древних занять место хотя бы **во дворах** Господних. Перечтите псалмы Давида и других святых псалмопевцев, и вы найдете, что "двор" был постоянным предметом как их песен, так и их пламенных стремлений; вы найдете, как они жаждали туда попасть и, если возможно, постоянно там пребывать. **"Одного** просил я у Господа,

того только ищущу", восклицает так часто и много гонимый и преследуемый Давид, **"чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать храм Его, ибо Он укрыл бы меня в скинии Своей в день бедствия, скрыл бы меня в потаенном месте селения Своего, вознес бы меня на скалу"** (Пс.26:4,5). Итак Давид видел здесь для себя место, где он находил покров, защиту, убежище и возвышение. В другом месте сыны Кореевы как бы завидуют птицам и ласточкам, нашедшим себе жилье и свившим себе здесь гнезда: "Как вожделенны жилища Твои, Господи сил!" -восклицают они, - "Истомилась душа моя, желая во двory Господни; сердце мое и плоть моя восторгаются к Богу живому. И птичка находит себе жилье, и ласточка гнездо себе, где положить птенцов своих, у алтарей Твоих, Господи сил, Царь мой и Бог мой! Блаженны живущие в доме Твоем: они непрестанно будут восхвалять Тебя." Они готовы были отдать много дней своей жизни за один день, проведенный во дворах Господних: "Ибо один день во дворах Твоих", - так говорят они, "лучше тысячи. Желая лучше быть у порога в доме Божием, нежели жить в шатрах нечестия" (Пс.83:2-5,11). Как часто мы встречаем возгласы, подобные следующему: "Входите во врата Его со славословием, во двory Его - с хвалою. Славьте Его, благословляйте имя Его" (Пс.99:4). - "Воздайте Господу славу имени Его, несите дары и идите во двory" (Пс.95:8). И, однако, все, что Израиль там видел и имел, было только прообразом.

Насколько больше можем мы теперь назвать блаженным того человека, кто сокрыт во Христе, сокрыт в Господе, "праведности нашей"; такой человек действительно находится в той башне, куда грех проникнуть и войти не может, где он защищен от рыкающего льва, ищущего нас поглотить, где уже не существует никакого осуждения, ибо "нет ныне никакого осуждения тем, которые **во Христе Иисусе**" (Римл.8:1). Если дети Божии часто плачут, жалуются, сетуют и беспомощно опускают руки, потому что возвращается воспоминание о их прежней вине, и враг представляет им список их бывших беззаконий, то это происходит только оттого, что по неверию они оставляют положение свое **во Христе**, их святыне, и снова встают на свою собственную почву. Все это не может касаться их, пока они живой верой скрыты в Нем. Посмотрите, каким вполне укрытым во Христе видел себя, очень недавно ушедший к Господу, Густав Кнак:

Известна ль тебе та твердыня святая,
Где вражьи нападki, меня не страша,
Всю силу теряют, где, бури не зная,
Отраду находит больная душа?
Узнай же скорей: башня крепкая та -
Глубокие раны Иисуса Христа.

Если мы многое открыли, остановившись на том, что из себя исключали чудные завесы, то **насколько же еще важнее обратить внимание на то, что они в себя включали**. Прежде всего, по нашему мнению, они заключали в себе **чудное познание**. Каждому, ими окруженному, открывалась тайна Господня: он получал способность постичь нечто из плана Божия относительно своего искупления. Первое, на что падал его взор, внутри двора, был тот медный жертвенник, на котором огонь подал возложенную на него жертву; это свидетельствовало об отдаче невинной жизни за виновную, о мерзости греха и наказывающей справедливости Божией; сейчас за жертвенником он видел медный же умывальник, доверху наполненный водою: он напоминал ему об источнике, из которого "ручьём святая кровь течет для бедных грешников". И оба они, и жертвенник и умывальник, стояли как раз на пути к святилищу и

Святому-святых, следовательно, на пути к Богу. Как ясно говорят они о Христе распятом, об очищении грехов чрез Него и о том, каким образом мы можем получить доступ к Богу.

О вы, стоящие вне, т.е. живущие без Христа и Его праведности, как мало понимаете вы план Божий и путь к вашему спасению, как мало сознаете весь ужас греха и все его последствия, как мало знаете о том, как вы можете освободиться от греха и получить общение с Богом. Все это темно для вас, совершенно темно; но примите спасение, предложенное вам во Христе, примите Его Самого, сокройтесь в Нем, и что за чудный свет озарит вас тотчас же! То, чего не даст вам стократное объяснение, вдруг делается действительностью для вас, делается опытом вашим; вам останется только воскликнуть; "как мог я до сих пор не видеть всего этого!"

Далее завесы включали в себя **мир, и именно мир Божий**. Израильтянин, находясь внутри этих завес, хотя среди пустыни и в чужой стране, стоял на одной почве с Иеговой. Грех, имевший власть отделять его от Бога как мы видели, был исключен отсюда, и праведность Божия окружала здесь грешника; итак, не было преграды, которая препятствовала бы его приближению к Богу, всякая вражда была устранена, и царство безмятежного мира здесь начиналось.

Что же говорит нам Новый Завет относительно этого драгоценного блага, мира с Богом? Вот, дорогие слушатели, одно из слов его: "Итак, **оправдавшись** верою, мы **имеем мир с Богом чрез Господа нашего Иисуса Христа**" (Рим.5:1). Как тесно здесь связаны эти два факта - оправдание и мир с Богом, посредством третьего - веры в Господа Иисуса Христа. То же самое было нам возвещено еще в Ветхом Завете чрез пророка Исаию: "И делом правды будет мир, и плодом правосудия - спокойствие и безопасность вовеки" (Ис.32:17). Да, во Христе, братья мои, "милость и истина сретятся, правда и мир облобызаются" (Пс.84:11). Если Христос - наш, то и праведность Его - наша, наш - и мир с Богом; тогда мы стоим на чудной почве, на которой Бог и человек слились воедино.

Далее завесы эти заключали в себе **близость Господа и принятие Им грешника**. Израильтянин, исключенный из двора скинии, был отлучен как от Бога, так и от Его народа, и это по причине какого-нибудь греха, нечистоты или проказы. Представить себе печальное положение подобного человека в настоящее время совершенно невозможно, так как мы живем при совсем других условиях. Исключение из этого места означало тогда самое ужасное, что мы только можем себе представить: отвержение и отлучение от Бога Израилева и, к тому, изгнание из своего народа с лишением всех его преимуществ и обетований, тогда как включение в это святое место означало усыновление, общение и участие в наследии и всех благословениях Божиих.

Так и во Христе. Лишь только примирились мы чрез Него с Богом, мы тотчас же перестаем быть "странниками и пришельцами"; наше новое положение тогда - быть "**согражданами святым и своими Богу**", и Дух Святой немедленно свидетельствует духу нашему, что это так, чтобы мы могли радостно, чрез того же Духа Божия, заключить следующее: "Мы дети Божии, а если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу" (Рим.8:16,17). С этого времени мы знаем также, что "благость и милость сопровождают нас во все дни жизни нашей" и что "мы пребудем в доме Господнем многие дни" (Пс.22:6).

И теперь, отходя от рассмотренных нами завес, мы не можем не коснуться еще одного обстоятельства, а **именно, что Христос не только наш Спаситель и Искупитель, оправдавший нас, но также наш образец и пример**. Безукоризненно чистою, облеченною в белый виссон, видели мы скинию; безукоризненно чистым стоит и Христос перед нами. Какая чудная картина! Да не отвратится никогда от Него взор наш! О, если б он действительно покоился на Нем все время, пока мы не сделаемся подобными Ему! Ведь мы же предназначены

быть подобными образу Сына Его и призваны идти по Его следам. Апостол Иоанн говорит нам знаменательное слово: "поступаем в мире сем, как Он" (1Иоан.4:17). Да, братья мои, каждое чадо Божие, подобно Ему, есть жилище Божие, святой храм Его, как написано: "**Вы храм Бога живого, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них и буду их Богом, и они будут Моим народом**" (2Кор.6:16). И в другом месте: "Не знаете ли, что **тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога**" (1Кор.6:19)? Но ни мы ни другие люди не можем видеть того, что живет в вас; нам очевидно только то, что выступает наружу, бросается в глаза; пусть же это всегда будет белый виссон праведности, безукоризненная чистота жизни, белизна и непорочность хождения. И да станут явными для каждого эти чудные украшения, при первом же взгляде на вас. Праведность в жизни как и праведность по вере - **вот первое**, что должно украшать вас, если вы имеете участие в Царствии Божиим; только за ними последуют все остальные благословения. Потому апостол Павел говорит Римлянам со святой строгостью: "Царство Божие не пища и питье, но праведность, и мир, и радость во Святом Духе" (Рим.14:17). Миру и радости во Святом Духе непосредственно предшествует праведность. Да облакает она нас постоянно, да блистает она на нас, как белый виссон во дворе скинии.

Где же находитесь вы, дорогие друзья, те из вас, для которых чужды еще все эти предметы? Находитесь ли вы вне или внутри двора? **Вне Христа** или **в Нем**? Внемлите, внемлите этому слову! Вне Его господствует грех, смерть, осуждение; только в Нем одном царствует праведность, мир и радость во Святом Духе! Примите Его, и вы приняли с Ним ваше спасение. Аминь.

Глава 3

Ворота, дверь и завеса

А для ворот двора завеса в двадцать локтей [вышиною] из голубой и пурпуровой и червленной шерсти и из крученого виссона узорчатой работы; столбов для нее четыре, и подножий к ним четыре.

(Исх. 27:16)

И сделай завесу для входа в скинию из голубой и пурпуровой и червленной шерсти и из крученого виссона узорчатой работы;

(Исх. 26:36)

И сделай завесу из голубой, пурпуровой и червленной шерсти и крученого виссона; искусною работою должны быть сделаны на ней херувимы;

(Исх. 26:31)

и повесь завесу на крючках и внеси туда за завесу ковчег откровения; и будет завеса отделять вам святилище от Святого-святых.

(Исх. 26:33)

Уже в прошлом нашем исследовании мы бросили несколько беглых взглядов во внутренность двора скинии, не упомянув при этом о значении ворот. И, однако, при первом взгляде хотя бы и неопытного наблюдателя на двор скинии, ему не могла не броситься в глаза поразительная разница между тканями ворот и тканями завес двора. Последние были белы, как снег, не имея в себе решительно ничего цветного, тогда как на воротах мы видим четыре часто повторяющиеся цвета, а именно; голубой, пурпуровый, червленный и затем знакомый нам, встреченный нами уже в завесах, белый цвет. Это должно иметь значение и требует объяснения, почему ворота так исключительно выделялись. Чтобы дать подобающее объяснение этому предмету, мы должны бы сначала дать подробное толкование значения священных цветов, что в данную минуту не желательно, так как впоследствии нам еще представится случай для этого, а теперь это нас только отвлекло бы от нашего предмета. Потому ограничимся сегодня только обозначением смысла названных цветов. Голубой цвет - это цвет неба и всего небесного; красный, или пурпуровый, свидетельствует о человеческой царственной высоте и величии; червленный цвет указывает на кровь, и в нем же заключается мысль о жизни "Ибо душа всякого тела есть кровь его" (Лев.17:14), но также и о смерти, или о преданной на смерть жизни; затем следует белый цвет виссона, означающий, как мы уже видели, непорочность и праведность.

Вы уже, конечно, видите, что чрез эти цвета ворота получают высокое значение. При самом входе во двор они представляют нам в немногих чертах **всего Христа**; голубым цветом они указывают Его нам, как Сшедшего с небес, пурпуровым - как Царя человечества или, соединив эти две мысли вместе, как Бога воплотившегося, Который, согласно значению червленого цвета, отдал на смерть Свою жизнь и сделал это, как указывает белый цвет, в качестве Праведного за неправедных. Не будем же упускать всего этого из виду.

Затем нам хотелось бы обратить ваше внимание на то, что кроме **ворот** для входа во двор, о которых только что шла речь, существовала еще **дверь**, которая вела во святилище, а внутри святилища - **завеса**, отделявшая его от Святого-святых. Они все три были сделаны из одного и того же материала, совершенно одинаковые цвета украшали их, и размеры их также были одинаковы. Уже из этого ясно, что ко всем этим трем входам должны применяться те же самые истины. А именно они проповедуют нам Христа, как дверь, чрез которую мы достигаем Бога. Но эти три различные двери не означают трех различных Христов, но представляют собою **Одного** и **Того же Христа**, как вход к различным положениям пред Богом. Пусть бы эта истина стала нам особенно ясна при рассмотрении

ворот, двери и завесы.

Начнем сперва с **ворот двора**. Они научают нас, что **Христос есть дверь, чрез которую мы достигаем примирения с Богом**. Вот то положение пред Богом, к которому мы, как грешники, прежде всего должны стремиться. Это яснее всего видно над Израильтянами. По природе они не составляли исключения в глазах Божиих: подобно другим, они "все согрешили и лишены славы Божией", почему в обрядном законе им был прообразно указан тот же путь к Иегове, какой нам предлагает теперь Евангелие в лице Христа Иисуса. Нравственный закон не знал прощения, как бы нарушитель его ни старался исправить свою вину, решаясь впредь служить Богу вернее и быть готовым начать новую жизнь. Не обещал он также и примирения с Богом, хотя бы горькое раскаяние и горячие слезы сокрушали сердце грешника. Примирение с Богом могло состояться только на одном пути, на одном месте, а именно внутри святого двора, у ворот которого мы сейчас находимся.

И когда обремененный виною грешник из Израиля, изнемогая под тяжестью своих преступлений, с сознанием приговора, метался по стану, сокрушенный и согбенный, или, пораженный проказою, даже исключался из стана, как нечистый, то он все же знал, что существуют ворота, чрез которые он может пройти, существует вход, чрез который ему возможно приблизиться к Богу; он знал, что за этими воротами находится тот жертвенник, где он может встретить Бога и примириться с Ним. Как горячо, должно быть, стремился он к тому мгновению, когда ему будет позволено войти через эти ворота! Как только он мог туда проникнуть, он знал, что наступал конец его отлучению, что при его входе в ворота скинии сердце Бога Израилева снова для него открывалось, чтобы его снова благословить, и восстановить утраченные им человеческие, гражданские и священные права его. Этим объясняется нам поспешность, с которой ушли те девять из десяти исцеленных Иисусом прокаженных, забывая даже поблагодарить Господа, очистившего их. Они спешили, как можно скорее получить удостоверение в восстановлении своего положения и прав в Израиле, и этот личный интерес помешал им, по выражению Господа "воздать славу Богу".

Возлюбленные, мы все по природе принадлежим к стоящим вне, пребывающим в стане греха, нечистым и прокаженным. Путь к Богу, Святому и Чистому, со дня грехопадения закрыт для нас. Нам нельзя вернуться тем путем, которым мы вышли. Уничтожение нашей невинности, запятнание созданной в нас праведности и нарушение воли Божией своим собственным решением - вот та дверь, чрез которую мы постыдно вышли. Можем ли мы этим же путем вернуться назад? Можем ли мы своими собственными усилиями и желанием самоусовершенствования вернуть себе невинность, исполнить волю Божию и приобрести праведность, могущую устоять пред Богом? Нет, вовеки нет! Мы сами навсегда закрыли пред собою дверь. Но, благодарение Господу вовек, Он снова открыл ее нам в Сыне Своем, Иисусе Христе. Сшедший с небес второй Адам, Царь человечества, Праведник, положивший Свою жизнь за неправедных, и восставший из мертвых, Он - **наша дверь**, чрез нее мы имеем доступ в Его вечное царство.

И теперь посмотрите, как Он сделался ею. Если грех и лежащее на нем проклятие заградили нам путь к Богу, то Он, Безгрешный, сошел с небес не в греховной плоти, но "**в подобии** плоти греховной" и осудил грех во плоти. Грех получил свой смертный приговор и заслуженное им наказание в то время, когда, висая на древе, Он понес на Своем собственном теле проклятие. Поэтому апостол и может безвсякой оговорки принести нам эту радостную весть: "Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою; ибо написано: проклят всяк, висящий

на древе" (Гал.3:13). Так "рукописание, свидетельствовавшее против нас, было уничтожено, изъято из среды и пригвождено ко кресту" (Кол.2:14), - доступ теперь открыт. Открыв послание к Евреям гл. 10:19,20,22, мы ясно и отчетливо читаем это с применением, именно, к ветхозаветным **прообразам**, которые мы теперь рассматриваем; там сказано: "Итак, братия, имея дерзновение **входить во святилище посредством крови Иисуса Христа, путем новым и живым**, который Он вновь открыл нам **через завесу**, то есть плоть Свою, да приступаем с искренним сердцем, с полною верою, кроплением очистив сердце от порочной совести и омыв тело водою чистою". В знак того, что впредь не существует больше преграды между Богом и грешником и что дверь теперь открыта, - разодралась надвое при смерти Господней единственная завеса, существовавшая тогда в храме, и именно сверху до низу (Матф.27:51). Это не должно означать ничего другого, как: доступ во Святое-святых освобожден чрез Христа, всякое препятствие снято, грешный человек, стоящий вне его и не смевший войти туда, имеет теперь доступ во Христе; ему не нужно более оставаться вне, если он сам этого не желает. Это также значило: Сам Бог открыл дверь, потому что завеса разорвалась без участия руки человеческой, она разорвалась непосредственно, - разорвалась не снизу вверх, что люди могли бы сделать, но разорвалась сверху вниз: Бог сделал это, Он открыл вход. Священное Писание так преисполнено изречениями, что **Отец проложил нам путь посредством отдачи Сына Своего**, как будто оно старается в этом превзойти самого себя; опять и опять ставится Он на первый план. Выслушаем некоторые из этих изречений: "Так возлюбил **Бог** мир, что **отдал Сына Своего Единородного**" (Иоан.3:16); - "**Господь возложил на Него** грехи всех нас"; - "**Господу** угодно было поразить Его" (Ис.53:6,10); - "Незнавшего греха **Он** сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом" (2Кор.5:21); таким образом всякий, приходящий через Сына к Богу, может быть вполне спасенным и блаженным. А вы, возлюбленные, **спасены ли вы, пришли ли вы к Богу, пришли ли чрез Христа?** Вне Его нет спасения, вне Его нет пути!

На это указывает и то обстоятельство, что был только этот **единственный вход** во двор, эти **единственные ворота**, чрез которые грешник имел доступ в присутствие Божие. Раньше всего он должен был подумать о них и затем **направить сюда свои шаги** или навеки остаться вдали от лица Божия. И потому как безумно поступает еще сегодня тот грешник, который старается прийти к Богу чрез какую-нибудь другую дверь, а не чрез Христа, и воображает себе, что нашел ее. К сожалению, существует множество таких людей, которые ищут восстановить свою связь с Богом помимо Христа. Это **путь собственных усилий**; они ищут **сделаться угодными** Богу вместо того, чтобы чрез Посредника **прежде всего получить примирение**. Это значит отстранять Христа, не иметь в Нем нужды, желать сделаться своим собственным спасителем. Но это никак не может удасться: они лица Божия не увидят! И знаете ли вы, кто был предшественником этих людей? То был Каин. Он первый избрал иной путь, вместо пути примирения: он явился не с агнцем для жертвы за грех, подобно Авелю, он пришел с жертвой благодарения, как порывающийся проникнуть во святилище, прежде чем прошел через ворота, ведущие к примирению: но, вместо того, чтобы приблизиться к Богу, попытка эта кончилась бегством от лица Божия в землю Нод, что значит изгнание. Этот одинокий и пустынный путь, на который в начале вступил только один злой человек, превратился с тех пор в "широкий путь", называемый в послании Иуды "путем Каиновым" (Иуд.11). Тысячи людей идут по стопам его и хотят жертвовать и молиться во святилище, не пройдя через ворота примирения. Это им никогда не удасться, ибо непоколебимо верным остается собственное слово Господне, когда Он нам говорит: "**Я есмь дверь** (а не **одна из дверей**); кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет" (Иоан.10:9).

Перенесем теперь наш взор с ворот двора на **дверь святилища** и посмотрим, чему она нас научит.

Она научает нас тому, что Христос есть также и вход к истинному освящению. Нам дается чрез Христа не только оправдание и примирение, но и действительное освящение. Бог сделал Его для нас "премудростью и праведностью", и точно так же "освящением и искуплением" (1Кор.1:30). Об этом особенно ясно свидетельствует дверь, ведущая в жилище Иеговы. Если, например, кто-нибудь вошел в ворота двора и принес на медном жертвеннике своего агнца, примирился с Богом, и после этого пожелал проникнуть дальше, то он приходил к медному умывальнику, наполненному прозрачной водой для очищения. Здесь омывались священники пред своим посвящением, здесь облекали их в их славные одежды и здесь помазывали их елеем; затем открывалась дверь во святилище, чрез которую они вступали во внутреннее жилище Божие, чтобы с этой минуты служить только **Ему Одному и предстоять пред Ним.** С этой минуты их ежедневные обязанности состояли в священных занятиях в присутствии Иеговы. Отделенные даже от своих братьев, находились они внутри святилища, совершая все дела свои пред лицом Иеговы.

Да, братья мои, это одно отношение к Богу - стоять во дворе, как чадо Божие, помилованное и оправданное Богом, и другое - когда радостной детской верой принимаешь славное, дарованное во Христе положение - стоять перед Ним, как **освященный и посвященный** Ему. В первом случае отдаешь за себя в жертву Христа и берешь чрез Него благодать и мир; во втором же - приносишь чрез Христа **самого себя** в жертву на служение Богу, как бы говоря Господу: "Вот я, вот я! Отданный Тебе на святое употребление, не принадлежа отныне самому себе, воистину и на самом деле будучи Твоею собственностью, стою в Твоем полном распоряжении". Это то, к чему настойчиво побуждает апостол Павел римских христиан, предварительно назвав их "возлюбленными Божиими и призванными святыми": "Умоляю вас, братья, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу для разумного служения вашего" (Рим.12:1).

Но в то святилище, воздвигнутое руками человеческими, могли вступать только священники, только немногие отдельные личности. Так ли обстоит дело и в Новом Завете? Могут ли только некоторые отдельные личности войти в святую отдачу и посвящение для хождения пред лицом Божиим? Не преимущество ли это всех и каждого из детей Божиих? Непременно; потому что здесь нет никакого различия, как Святой Дух говорит: "Нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и **во всем Христос**" (Кол.3:11). А если Христос **во всех**, может ли возникнуть различие? И не свидетельствует ли нам также Священное Писание, что тот же Христос "соделал нас **царями и священниками** Богу и Отцу Своему" (Откр.1:6)? И апостол Петр так же отзывается о всех чадах Божиих: "**Вы** род избранный, **царственное священство**, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет" (1Пет.2:9). Благодарение Богу! Во Христе не существует между членами Его никаких степеней, никаких классов, никаких каст. В Нем не только проповедник Его Евангелия, миссионер или евангелист есть священник Божий, но всякое, даже только сегодня возрожденное чадо Его. Все, все Ему посвящены; все должны стоять в Его присутствии, пребывать в Его святилище. Как часто плачет мое сердце о том, что большинство из вас не понимают этого своего положения, а потому и остаются во дворе и никогда не входят во святилище. Вошли ли вы, братья мои?

Я боюсь, недоразумение есть причина того, что многие не занимают своего священнического положения и не достигают истинного освящения. Дело в том, что они хотят **сами** совершать

свое освящение, хотят сами пробиваться вперед. Они думают, как годами думал я: **Христос** искупил нас Своею кровью, а **нам** теперь надо из любви и благодарности к Нему напрячь все наши силы, чтобы не впасть снова в грех, но творить добро и вести истинно-христианскую жизнь. О, если б они хоть раз могли убедиться, как жалка и любовь и благодарность наша и насколько мало могут они быть рычагом,двигающим нас вперед! Христос - дверь, через которую ты можешь достичь святого хождения пред Богом; Он не только освящает тебя, брат мой, но Он Сам лично - освящение твое, Он - сила твоя, жизнь Его - твоя жизнь. Ты все это знаешь и даже исповедуешь; но весь вопрос в том, насколько твое знание и исповедывание представляют для тебя только учение, догмат, и насколько они для тебя осуществленная истина и действительность? Сделался ли Господь для тебя относительно твоего освящения "силой Божией", как о Нем проповедует апостол Его (1Кор.1:23,24)? Достаточно ли Ему простора, чтобы Он мог "могущественно действовать" в тебе, как свидетельствует о себе апостол Павел? Можешь ли ты все "в укрепляющем тебя **Иисусе Христе**" (Фил.4:13)? Исполнен ли ты плодов праведности **Иисусом Христом** (Фил.1:16)? Вот о чем идет речь, а не о каком-нибудь собственном деле, которое мы можем совершить сами по себе. О, как часто приходится мне стыдиться самого себя, что я так долго думал, что я чрез Него оправдан и, наконец, буду принят чрез Него на небеса, но что для этого я должен утомительными усилиями освятить себя! Я как бы отдал Ему начало и конец, но взял середину в свои собственные руки и по неведению уклонился от Его жизни, Его руководства и Его силы. И как много пришлось Ему меня учить, пока я не понял, что **без Него** я не могу ничего: но теперь я знаю, что "**Он** действует во мне, производя и хотение и действие по своему благоволению" (Фил.2:13). Да, Он есть дверь и к истинному освящению.

Дальше, **дверь во святилище вела входящего, как ясно видно, к чудному свету**. Как только священник входил чрез нее в те святые помещения, он был окружен совершенно другим светом, нежели тот, который светил во дворе. Там светил естественный дневной свет, здесь же священника окружало удивительно приятное сияние, святой свет, исходивший из семилампдного светильника, бросавшего лучи свои на позолоченные стены и на все другие предметы. Последние отражали от себя полученный свет, и, таким образом, вошедший сюда был охвачен им одинаково со всех сторон и видел здесь все предметы во всей привлекательности и красоте этого света. Кто никогда туда не проникал, тот не мог себе составить никакого понятия о царивших внутри сиянии и славе.

Конечно, свет необходим, чтобы подойти к Богу и сделать наше хождение благоугодным Ему, но в ком же найти свет, как не в Нем Самом? А между тем, как много собственного, природного света, как много света, заимствованного у нашего человеческого разума, мы видим у многих детей Божиих применено к святым и божественным истинам! Сколько в них еще существует мрака и тьмы и как незначительна ясность понимания и познания слова Божия, воли Божией и путей Господних; как ничтожно познание даже Бога и Самого Иисуса Христа! Многие, которым давно надлежало бы быть учителями, нуждаются сами в изучении первых начал слова Божия, нуждаются в молоке, а не в твердой пище; годами они не подвигаются вперед, "оставаясь младенцами по разуму" и удивляясь даже, когда другие рассказывают им о славе и красоте, ими найденных во Христе. Отчего это происходит? Да оттого, что своим познанием, своей верой, а, следовательно, и своей жизнью и своим хождением они остаются во дворе; оттого, что они слишком мало двинулись вперед. Это вовсе не удивительно, потому что им недостает света святилища! Да, жалка жизнь того, кто, даже будучи чадом Божиим, вместе с Асафом вне святилища рассматривает все предметы и о них размышляет. Прочтите 72-ой Псалом до 18-го

стиха и заметьте, какими темными и загадочными кажутся ему там все предметы; он и хотел бы уразуметь их значение, но это было слишком трудно в глазах его; он даже доходит до признания, что "едва не пошатнулись ноги его, едва не поскользнулись стопы его". И не удивительно: природный свет не мог ему дать разъяснения на все его загадки. Но посмотрите, как все сразу меняется с минуты его вступления во святилище Божие. Там светил ему святой божественный свет, там раскрылись пред ним тайны, там его собственное положение и состояние, которое раньше давало ему повод "пошатнуться" и поскользнуться, выяснилось, как "руководство советом Божиим". Он теперь увидел себя богатым, блаженным и почувствовал себя так переполненным в своем Боге, что ему больше нечего было желать ни на небе, ни на земле, - в Нем он нашел полное удовлетворение. Братия мои, Христос - дверь к освящению, Христос святилище, в котором мы всегда должны стоять и ходить; Он же и чудный свет, в котором мы должны видеть все в нас, вокруг нас и над нами, если хотим все это видеть в истинном свете. "Кто последует за Мною", - так возвестили нам Его уста истины, - "тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни" (Иоан.8:12). Находиться в Нем значит "ходить во свете".

Но дверь во святилище вела входящего в нее еще и к святому наслаждению. Священник, вошедший в нее, сделав несколько шагов вперед, стоял перед накрытой трапезой. Там, во святилище, находился золотой стол с хлебами предложения, всегда лежавшими пред Господом; каждую Субботу они съедались священниками и заменялись новыми. Это наслаждение можно было найти только во святилище.

И нам, неправда ли, необходима жизнь, необходима сила, необходимо подкрепление пищей? Как часто мы гонимся за этими дарами, мы глубоко нуждаемся в них, но как редко они выпадают нам на долю, потому что мы ищем их не там, где Бог уготовал их для нас, то есть **во Христе**. Как часто, когда находим, что их нам не достает, мы начинаем петь какую-нибудь прекрасную духовную песнь с чудным, хорошо разученным напевом, охотно идем слушать меткие и красноречивые проповеди, сближаемся с тем или другим из детей Божиих, из которого как бы исходит жизнь, участвуем в богослужениях, надеясь во всем этом наслаждаться и найти силу и жизнь; но... но не приходим ли мы часто к убеждению, что при всем этом мы истощаемся, ослабеваем и теряем даже жизнь. Все это чудные и прекрасные вещи, когда они на своем месте, когда они нас ведут ко Христу, истинному хлебу, истинной трапезе нашей души: но, если они к этому не приводят, тогда они не достигают своей цели; если чрез них **мы** надеемся найти **что-нибудь другое**, или же ищем в них силу и жизнь, то этим мы их ставим на место Господа, приписывая им то, что на самом деле заключается в Нем Одном. Он Один - хлеб жизни; Им Одним мы должны питаться, чтобы, как говорит Пророк, "течь и не устать, идти и не утомиться" (Ис.40:31). Но если мы хотим Его вкушать, то место наше должно быть во святилище, в постоянном присутствии Божиим, потому что только там можно питаться святым хлебом, но никак не на дворе.

Далее, дверь во святилище вела к блаженному общению. Скиния, под которой подразумевается, главным образом, жилище Божие, т.е. святилище и Святое-святых, носила также название "скинии собрания". Бог и человек встречались здесь. Что эта встреча происходила уже во дворе - это очевидно; так очевидно должно быть для нас и то, что стоять и действовать, жить и ходить во святилище означает вступить в более тесное общение, большую близость с Господом. Все, здесь находящееся, свидетельствует о непосредственной близости Иеговы. Одной лишь тонкой виссонной завесой священник был отделен от Пресвятого и Вездесущего, и эта завеса с вотканными в нее изображениями херувимов, служивших символом величия и всемогущества Божия, возвещала, что здесь обитает Он Сам.

"Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят", - сказал наш прославленный Спаситель, и, в известном смысле, это сбывается уже теперь, здесь, на земле. Хождение во святилище, хождение во свете, жизнь в присутствии Божиим устраняет преграду, прорывает заслоняющие свет облака и делает око чистым, и не только это, но ведет нас к блаженному, дружескому, общительному отношению с Тем, Которого мы еще не видим, но Которого несказанно любим. Да, дорогие слушатели, существует такая жизнь общения с Богом, в которой можно постоянно лицезреть Его, в которой Он составляет любимое сокровище сердца, центр всех мыслей и чувств, тему разговоров и причину всех наших поступков, причем уже здесь на земле душа наша, насколько она может это в себя вместить, вполне насыщена и блаженствует. Но позвольте спросить вас: в таком ли вы состоянии? Если нет, то не старайтесь его создать силой представления или воображения, потому что оно скоро рассеялось бы, будучи жалким самообманом; постарайтесь лучше скорее перейти из двора жалкого существования грешника во святилище священнических прав, дарованных вам **во Христе Иисусе** в неотъемлемую собственность; и ваше общение будет "с Отцом и Сыном Его, Иисусом Христом" (1Иоан.1:3).

Остановимся, наконец, еще пред завесою во Святое-святых.

Она проповедует нам, что Христос есть также и дверь к вечной славе. Святое-святых было прообразом небес, на что неоднократно указывается в послании к Евреям. Туда мог входить только первосвященник и притом **только однажды в год**; и, окропив кровию, он должен был тотчас же оттуда выйти, чем Дух Святой показывал, что "еще не был открыт путь во святилище, доколе стояла прежняя скиния" (Евр.9:7,8). В ветхозаветном домостроительстве никто другой, кроме первосвященника, не смел даже заглянуть за завесу Святого-Святых; первосвященник же, который сам не имел права там оставаться, не имел также права и вводить туда с собой кого-нибудь.

Благодарение Богу, теперь это изменилось: первой скинии уже не существует, путь открыт, потому что великий наш Первосвященник вошел и навсегда остался в нерукотворенной скинии, воздвигнутой помимо человека. И, входя туда, Он разорвал завесу, отделявшую святилище от Святого-святых, путь туда теперь для нас открыт. И чтобы нам как бы дать наглядную картину об этой истине, Он вошел во славу **не Один**, но взял с Собой пред нашими глазами того бедного разбойника, предварительно сказав ему: "Ныне же будешь со Мною в раю". Он, великая Глава, взял с Собой и членов Своих, так что в настоящую минуту уже исполнилось слово, что Бог нас "воскресил с Ним и **посадил на небесах во Христе Иисусе**" (Еф.2:6). Еще только короткое пребывание во святилище, недолгое стояние в Его свете, хождение верой в течение немногих дней, и все искупленные кровию Его пойдут за Ним, чтобы увидеть Его, как Он есть. Это для них так же несомненно, как их собственное существование. Потому они "имеют желание разрешиться и быть со Христом" (Фил.1:23) и "воздыхают, желая облечься в небесное их жилище" (2Кор.5:2). Да будет хвала Ему, что Он взялся "соблюсти их от падения и поставить пред славою Своею непорочными в радости" (Иуд.24). О, если б все это относилось и к нам!

Путь, ведущий туда, мы видели: он прост, он свободен, он указан; путь этот - Он Сам, Господь, Который сказал: "Я есмь дверь; кто войдет Мною, тот спасется; и войдет, и выйдет, и пажить найдет" (Иоан.10:9). Христос - наше примирение, Христос наше освящение и Христос - наше прославление, - вот основание нашей веры, но и основание нашего хождения и нашей жизни, на славу Ему! Аминь.

И сделай жертвенник из дерева ситтим длиною пяти локтей и шириною пяти локтей, так чтобы он был четырехугольный, и вышиною трех локтей. И сделай роги на четырех углах его, так чтобы роги выходили из него; и обложи его медью. Сделай к нему горшки для высыпания в них пепла, и лопатки, и чаши, и вилки, и угольницы; все принадлежности сделай из меди. Сделай к нему решетку, род сетки, из меди, и сделай на сетке, на четырех углах ее, четыре кольца медных; и положи ее по окраине жертвенника внизу, так чтобы сетка была до половины жертвенника. И сделай шесты для жертвенника, шесты из дерева ситтим, и обложи их медью; и вкладывай шесты его в кольца, так чтобы шесты были по обоим бокам жертвенника, когда нести его. Сделай его пустой внутри, досчатый: как показано тебе на горе, так пусть сделают [его].

(Исх. 27:1-8)

Стремясь понять духовный смысл трех входов в жилище Божие, мы проникли в прошлый раз из двора во святилище и Святое-святых. Но мы не можем там остановиться, так как нам необходимо вернуться во двор и ближе осмотреть его, чтобы познакомиться с предметами, которые по воле Божией были здесь поставлены. Главный предмет внутри двора был неоспоримо жертвенник, воздвигнутый между входными воротами и медным умывальником. Он был приблизительно семи с половиной футов в длину, столько же в ширину и четыре с половиной фута в высоту. Для краткости он назывался просто "жертвенником", иногда же "медным жертвенником" или "жертвенником всежжения", а иногда и "трапезой Господней", а возложенная на него жертва - "пищей" жертвенника. В действительности он постоянно был похож на накрытую трапезу, потому что на нем день и ночь сжигались различные жертвы, в особенности же жертва всежжения, так что огонь на нем никогда не угасал. На этот то жертвенник раньше всего падал взгляд Израильянина, и на него смотрел он, как на место, где он мог встретиться с Богом, где он мог примириться с Ним и придти к полному миру и истинной радости. Он был, так сказать, посредником между Богом и человеком; Бог, Святой и Праведный, получал здесь от грешного человека удовлетворение, а грешный человек получал от Бога удостоверение в примирении, залог мира и принятия его Богом. Воистину чудное место! Остановимся же и мы сегодня у такого благословенного места, каким был

жертвенник всежжения.

Займемся, прежде всего, материалом, из которого он был сделан.

Главной его составной частью было дерево ситтим, как мы это читаем в повелении Божиим. Это было то же самое дерево, из которого был изготовлен золотой жертвенник, стол для хлебов предложения, все святилище, даже самый ковчег завета и, вообще, всякий предмет в скинии, сделанный из дерева. Уже это одно обстоятельство должно нас наводить на мысль, что этот материал должен был иметь выдающееся значение между драгоценными прообразами Ветхого Завета. Точными исследованиями пришли к решительному выводу, что это была египетская акация, дерево, которое, так сказать, можно бы назвать нетленным, так как оно противостоит гниению даже в воде, делаясь, чем старше, тем крепче. Благодаря этой неизменной прочности, оно, с одной стороны, было образом жизни, противостоящей смерти; с другой же, в виду того, что гниение в Св. Писании обозначает нечистоту и испорченность, а это дерево гниению не подвержено, оно является прообразом совершенной чистоты и неиспорченности. Мы, конечно, не ошибемся, видя в этом дереве **человеческую природу Сына Божия**. Согласно с ней, Он, подобно египетской акации, "взошел, как росток из сухой земли" (Ис.53:2), который, с течением

времени, оказался чудным деревом жизни. Он не знал ни греха, ни порока; в Нем не было никакого пятна, а, следовательно, и никакой причины смерти, и, когда, вопреки всему этому, Он был предан ей, Он ее победил, отняв у нее силу, и явил жизнь и нетление через благовестие. Конечно, Христос был причастен "плоти и крови" (Евр.2:14), Он был "семенем жены" (Быт.3:15; Гал.4:4), Он - Сын Давидов; но Он был в то же время и родоначальником нового поколения, "вторым Адамом" (Рим.5:14), "Господом с неба" (1Кор.15:45,47). Он пришел "в подобии плоти греховной" (Рим.8:3) и, Сын девы Марии, Он в то же время и Бог, "явившийся во плоти" (1Тим.3:16). Он был человек, совершенный человек по виду и в то же время бесконечно отличался от нас, будучи Благословенным во веки Богом; и именно потому, что Он соединил в Себе две природы, мог Он сделаться **посредническим жертвенником**, у которого Бог и человек могли встретиться. В этом смысле апостол просто называет Его человеком Христом Иисусом. Это место гласит: "Един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус, предавший Себя для искупления всех" (1Тим.2:5,6). Таким образом, во всем Св. Писании постоянно выступают наружу обе природы Господа; но где дело идет об **отдаче Его Себя за нас**, тотчас же, как и у медного жертвенника, согласно его значению, выдвигается особенно Его человеческая природа. Постараемся иметь это в виду.

Другой составной частью жертвенника, как мы читаем далее, была медь. "Обложи его медью" - таково было повеление Божие. Таким образом он был покрыт и одет ею совершенно, со всех сторон. Медь есть символ силы, но, прежде всего, - **символ неумолимой строгости, осуждающего и наказывающего правосудия.** Некоторые места Св. Писания прольют нам, может быть, на это свет, Так о пророке Иеремии сказано: "Я поставил тебя ныне укрепленным городом и **железным столбом и медною стеною** на всей этой земле, против царей Иуды, против князей его, против священников его и против народа земли сей" (Иер.1:18). Это значило, что он будет непобедим и непоколебимо стоять за Бога против всего этого народа; и, действительно, Иеремия был человеком, который, подобно неподкупному судии Израиля, напоминал царю и князьям все их беззакония и осуждал их, защищая права Божии даже и тогда, когда казалось, что он идет на погибель. И мы знаем, что он непреклонно сохранил этот характер до конца своей жизни. О нечестивом мы читаем у Иов. 20:24: "Убежит ли он от оружия **железного**, пронзит его лук **медный**". Это указывает нам очень ясно на осуждающую и карающую руку правосудия Божия, поспешающую за нечестивым. Угрожая наказать Израиля за его отпадение, Господь ему говорит: "Небеса твои, которые над головою твоею, сделаются **медью** и земля под тобою **железом**" (Втор.28:23). Наконец, в Откровении, когда мы видим Господа Самого во славе Своей, то ноги Его являются "подобными халколивану, или меди, как раскаленные в печи"; они раскалены, потому что Он еще страдает здесь на земле в лице Своих членов; они медные, потому что Он готовится совершить неумолимый суд над злом. Он не может терпеть его и растопчет и сокрушит Своими ногами. Целый ряд грозных судов в Откровении служит доказательством этой истины.

Если мы здесь в жертвеннике из дерева ситтим видим, с одной стороны, человека Христа Иисуса и, с другой, в меди, которой он весь обложен, строгое, неумолимое правосудие Божие, связанное так тесно с ним, то, конечно, не трудно найти в Новом Завете, в жизни нашего Господа, образ, соответствующий этому ветхозаветному прообразу. Не там ли он, братия мои, где неумолимое правосудие Божие чинит суд и рассчитывается с Ним за нас? Не там ли, где от Него, непорочного, было потребовано то, чего Он не задолжал? Не на кресте ли, где этому правосудию Божию была дана полная свобода действия до конца? В течение всей Его жизни оно стояло над Ним, Он был подчинен его закону, но оно не нашло в Нем ничего, кроме чистоты, невинности и

полного удовлетворения всем своим требованиям; но когда он занял **наше место**, и **наша вина** легла на Него, так же как и вся ответственность за нее, тогда правосудие Божие предстало пред Ним со своими требованиями. Наши удары постигли Его; Он должен был испытать всю горькую чашу, которую мы сами себе приготовили: Он должен был пострадать за нас. Никто не может выразить это лучше Самого Господа, когда Он влагает в уста Своего народа следующие слова о Нем: "**Он** изъязвлен был за грехи **наши** и мучим за беззакония **наши**; наказание **мира нашего** было **на Нем** и ранами **Его мы исцелились**" (Ис.53:5). Но правосудие Божие достигло своей цели не тем, что Он был изъязвлен и мучим, - оно требовало большего, требовало Его жизни, Его погибели; оно потребовало, чтоб Он нисшел в погибель, как должны были погибнуть мы; и Он действительно погиб, был всецело окружен, охвачен его разъяренными волнами, как этот жертвенник был со всех сторон окружен медью. Итак, в этой тени будущих благ пред нами стоит страдающий Христос, или Христос распятый.

Что это так, разъясняется еще более тем обстоятельством, что здесь, **во дворе, медь была главным металлом**. Если вы осмотритесь хорошенько, то скоро откроете, что она встречается решительно везде. Правда, не все здесь сделано из меди, но все же большая часть. Не только самый жертвенник, но и все его принадлежности, как то: лопатки, чаши, вилки и угольницы, затем умывальник и все подножия столбов - все было медное. Все это свидетельствовало о происшедшем здесь беспощадном суде Божиим над грехом, над которым, без малейшего снисхождения, совершилось исполнение приговора. Совершенно другая картина вам представилась бы, если б вы захотели идти дальше и вступили бы во святилище. Какая большая разница! Здесь глаз не встречает больше ничего медного, даже ни одного медного гвоздя или крючка; нет, здесь везде золото, и исключительно одно золото. Что бы это значило? Вот что: во дворе мы имеем Христа распятого, а здесь имеем Христа прославленного; там Он страждущий и искупающий, здесь превознесенный, Князь мира и Спаситель, "принявший дары для человеков, даже и для противящихся". Благо тому, кто проник до этого места! Тот, кто пошел далее креста, оставляет позади себя свершившийся уже над грехом его суд, подобно тому, как Израильтянин, принесший жертву здесь на медном жертвеннике, мог с легким сердцем идти дальше, потому что суд над ним был кончен и долг был уплачен. Тот, кто достиг Голгофы и увидел там преданного за него на смерть Христа, тотчас же видит себя в совершенно новом положении пред Богом; как некогда Христос стоял на его месте, так теперь он стоит пред Богом на месте Христа, уже не как грешник, но как святой; уже не как трепещущий враг, но как поклоняющийся друг Божий: словом, он, по выражению Спасителя, "перешел от смерти в жизнь".

Еще нечто выступает с особенной ясностью из установки медного жертвенника и святилища, а именно то, что **мы должны непременно подойти к первому раньше**, чем войти во второе; мы должны подойти ко Христу страдающему, чтобы иметь возможность войти ко Христу прославленному и прославляющему. Прежде свести с Богом счета у медного жертвенника, затем уже идти к золотому жертвеннику, дабы там принести Господу на святом огне фимиам нашего поклонения и жертву хвалы уст наших. Как Израильтянин, прежде всего, останавливал свой взгляд на медном жертвеннике, так должны и ваши глаза вначале взглянуть на Голгофу, чтобы потоки благословений оттуда облагодатствовали вас и сделали вас благоугодными Богу. Тысячи людей начали не с того конца, а потому никогда не достигли цели Божией; они начали с золотого жертвенника, захотели служить Богу прежде, нежели примирились с Ним, и, в конце концов, они остались далекими и чуждыми Ему. Позвольте мне сказать вам: вы не можете служить Богу, не можете придти к Нему, не идя к Нему чрез Примирителя. Таков путь Божий от века.

Жертвенник один мог только дать намек относительно способа примирения; полную же и ясную картину он мог дать лишь с возложенными на него жертвами. И хотя мы надеемся посвятить ряд бесед изучению жертв, все же нам хочется здесь, в связи с медным жертвенником, сделать относительно них несколько общих замечаний.

Посмотришь сперва, как происходили жертвоприношения. Лишь только Израильтянин приходил к сознанию своего греха или своей вины, как ему надо было идти к своему стаду, выбрать из него жертвенное животное без порока и направиться сюда, во двор. Здесь животное это принималось из его рук и, вероятно, привязывалось к рогам жертвенника. Затем подходил сюда приносивший жертву, возлагал свои руки на голову животного и исповедывал свои грехи, возлагая их, таким образом, на свою жертву. Так стояла она вместо него пред Богом, и к ней предъявлялись требования за вину грешника, затем следовал удар, предававший животное смерти и проливавший его кровь. Последняя часть вносилась в Святое-святых или ею окроплялся жертвенник со всех сторон, большая же часть ее выливалась к подножию жертвенника. Все вокруг, за исключением места, где стоял священник, было залито кровью. Пролитую кровь встречаем мы, таким образом, в связи с медным жертвенником и притом в большом изобилии, потому что временами она текла здесь буквально потоками. Кровь же, не забудем этого никогда, обозначает принесенную в жертву жизнь.

Кто же, спрашиваем мы, был здесь виновным лицом, Израильтянин или его жертва? Конечно, Израильтянин. И все же мы видим, что виновный отпущался на свободу, а невинный искупал его вину, Праведный умирал за нечестивого. - Я могу себе представить, как часто несчастное жертвенное животное приводилось сюда силой; как оно должно было дрожать и сопротивляться при виде непривычной для него крови, заранее возвещавшей ему о предстоявшей насильственной смерти, которую оно должно было претерпеть. Смотрите, так открыл Бог Свой чудный план, как Он осудит и накажет грех, милуя и спасая грешника, и как Он совершит все это путем неумолимого, строжайшего правосудия. Таким образом, уже в Ветхом Завете было ясно указано, что Бог не прощает произвольно ни одного греха, а прощает только, если правосудие Его получить за него полное удовлетворение.

Взгляните же теперь на великий соответствующий образ, на Христа Иисуса, Который есть сущность самых благ. О Нем написано: "Вот Агнец **Божий**, Который берет на Себя грех мира". Там были агнцы человеческие, не могшие истребить ни **одного греха**, "ибо **невозможно**, чтобы кровь тельцов и козлов уничтожала грехи" (Евр.10:4); этот же Агнец Божий берет **грехи всего мира**. И ведь Сам Господь "возложил на Него грехи всех нас" (Ис.53:6), и Он их "вознес телом Своим на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды" (1Пет.2:24). Тогда исполнилось, что Бог "Незнавшего греха сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом" (2Кор.5:21). Он сделался тогда, по верному замечанию Лютера, тем, чем Он никогда не был, а именно грешником, я же сделался тем, чем никогда не мог бы сделаться, т.е. праведником. Мы спрашиваем: кто же был тут виновным лицом: Он или я? Без малейшего сомнения **я, ты, все мы!**

Как тяжело все это легло на Него! Взгляните на Него там, в Гефсимании, при приближении часа, когда бремя грехов наших должно было быть возложено на Него, и Ему предстояло вкусить смерть за нас. Как трепетал в эту минуту Агнец Божий, как струились с Его чела на землю тяжелые капли почерневшего кровавого пота! Посмотрите, как Он падает на лицо Свое, изливая Свое сердце в скорбном, настойчивом возгласе: "Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия: впрочем не как Я хочу, но как Ты" (Матф.26:39).

Не приходила ли вам мысль, будто Он там противился исполнить волю Божию, будто Он хотел

сойти теперь с Его пути и исполнить волю Его только в том случае, если не будет другого выхода? Нет, никак! О, если бы мы имели истинный свет относительно Гефсимании, тогда мы вскоре ясно бы увидели, насколько, особенно здесь, не было у Него ни малейшего колебания в исполнении узнанной Им воли Отца. Чаша, о которой Он здесь говорит, не есть крестная смерть на Голгофе, которую Он всегда видел пред Собою, навстречу которой Он спокойно шел во время Своего последнего путешествия и которая была у Него перед глазами, когда Он на Вечери преломил хлеб и сказал: "Сие есть тело Мое, **за вас ломимое**": нет, от смерти крестной Он никогда не отвращался и не о ней молил Он: "Отче Мой, если возможно, да минует Меня чаша сия". Здесь навязывалась Ему другая чаша, не та, которую давал Ему Отец Его, но чаша, которая, если бы Он ее должен был пить, не позволила бы Ему вкусить смерти крестной на Голгофе, и наше спасение никогда бы не совершилось. По этой то причине и боролся Он в молитве и молении, чтобы она миновала Его, если это возможно.

Из всех обстоятельств в Гефсимании, в связи с Евр. 5:7, явствует, что Он там был близок к тому, чтобы сделаться добычею смерти, т.е. умереть, прежде чем Он был пригвожден ко кресту. Сатана со всеми властями тьмы старался помешать Ему умереть той смертью, которая по Писанию обозначала проклятие за грех, как написано: "Проклят всяк, висящий на древе" (Втор.21:23, Гал.3:13), и потому он хотел погубить Его здесь, прежде чем Он Сам, добровольно, возложит Себя на жертвенник креста в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное. Эту то смерть хотел Он миновать, чтобы быть в состоянии умереть смертью жертвы, и, о чем Он умолял, в том и был услышан, эта чаша была от Него взята. Вот, это-то, что описывает нам апостол в посл. к Евр.5:7, когда говорит: "Он во дни плоти Своей, с сильным воплем и со слезами, принес молитвы и моления могущему спасти Его от смерти; и услышан был за Свое благоговение". Он хотел быть избавленным от смерти, говорит апостол, и прибавляет, что Он был услышан. От какой же смерти, спросим мы, не от смерти ли крестной на Голгофе? Нет, от той Он не желал быть избавлен, ведь этой смертью и умер Он добровольно очень скоро после того, а был спасен от смерти в Гефсимании, Он не подвергся ей там.

Итак, что же происходило в Гефсимании? Слушайте, Он Сам говорит нам: "**Душа Моя скорбит смертельно**" (Матф.26:38). Неописуемые душевные муки, которые могли бы положить конец Его жизни, овладели Им, каждое мгновение она готова была улететь от Него. Евангелист Лука говорит нам: "И находясь в борении (со смертью), прилежнее молился; и был пот Его, как капли крови, падающие на землю" (Лук.22:44). Один христианский писатель делает приблизительно следующую заметку к этому месту: во всей всемирной истории известно еще только об одном человеке, у которого во время предсмертной борьбы из пор выступала кровь: это был Карл XII, король шведский, который, в своих угрызениях совести за множество пролитой им во время его многочисленных войн крови, дошел до такой ужасной агонии. И спрошенные по этому поводу врачи все того убеждения, что при таких обстоятельствах должно быть порвано такое множество тонких кровеносных сосудов, что исключается возможность всякой дальнейшей жизни. Наш Господь победил, но как? Только посредством молитвы и моления, и Он был услышан. Он продолжал жить, но только чудом, потому что Священная История говорит нам: "Явился же Ему Ангел с небес и укреплял Его" (Лук.22:43). Таким образом, Он как бы прошел через одну смерть, душевную, только для того, чтобы иметь возможность претерпеть смерть за грех (чтобы иметь возможность быть вознесенным от земли). В этом свете оказывается Его смерть на Голгофе еще добровольнее, чем если бы не было борьбы со смертью в Гефсимании. И как Он спокойно смотрел в глаза смерти еще задолго до этого, когда Он говорил ученикам Своим: "Сыну человеческому много должно пострадать, быть отвержену старейшинами, первосвященниками и

книжниками и быть убиту" (Мар.8:31), так идет Он и после борьбы в Гефсимании без всякого содрогания навстречу толпе, которая пришла с мечами и кольями, чтобы взять Его. Не медля, дает Он Себя связать и вести на суд. И когда Петр хотел этому воспрепятствовать, говорит Он решительно **"Возврати меч твой в его место; ...или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представить Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов? Как же сбудутся Писания, что так должно быть"** (Матф.26:52-54)? И опять: "Неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец" (Иоан.18:11)? Да, крестная смерть была чаша Отца, против этой чаши не было у Него ни молитвы ни моления, ее выпил Он добровольно до дна. Да будет Ему слава и поклонение за это.

Но вернемся к медному жертвеннику двора и **рассмотрим, до какой степени заколотая здесь жертва должна была удовлетворить правосудие Божие**. Лишенная здесь жизни, она полагалась на жертвенник, на котором уже пылал огонь, готовясь ее сжечь. Жар, не остывавший здесь ни днем ни ночью, тотчас ее охватывал и подал и подал, пока не оставалось ничего, кроме пепла. Этот пепел возвещал Израильянину, что все, решительно все, было **выполнено**, что не оставалось более пищи для огня; он радостно мог поднять взор, - суд над ним был кончен, в лице его жертвы грех его сгорел в пепел.

Неправда ли, все требования были исполнены там до последнего; состоялся полный расчет между Богом и грешником, так что ничего не оставалось больше нерасчитанным. И в заключение пепел собирался с жертвенника и выносился вон из святилища, как бы прочь от лица Божия. С этой минуты Бог уже ничего не видел от греха грешника, ни даже от того, что напоминало о нем; и человек также ничего больше не видел, и это двойное сознание, - что грех уже не существует ни для Бога ни для человека, - должно было давать неизреченный мир.

Да, дорогой мой собрат, пойми, что Бог непременно должен получить удовлетворение, и притом удовлетворение полное, или от тебя, или от твоей жертвы. На чьем счету считаешь ты свой долг? Пострадал ли **за тебя** Христос, возложил ли ты, исполненный веры, руки твои на этого жертвенного Агнца и перенес ли ты на Него грехи свои? Если да, то ты покончил с ними; их уже нет, потому что Бог в Его святом теле осудил грех во плоти, когда огонь Его правосудия подал и подал свою жертву, пока она вся не исчезла, и Он мог сказать: "Совершилось!" Теперь, взирая на Распятого и ухватившись за Него, и ты имеешь право сказать: "Совершилось **для меня!**" Грех **истреблен**, и, если б начать искать его его не нашлось бы более, потому что Бог его бросил далеко **за хребет Свой** (Ис.38:17) и во веки не вспомнит его более. Какой покой, какой мир Божий должно дать сознание принесенной Самим Христом для нас жертвы! Все ли вы имеете это сознание, дорогие друзья? Если некоторые из вас не имеют его, то позвольте дать вам еще несколько указаний, которые ободрят вас еще сегодня подойти к этому медному жертвеннику.

После всего, что мы слышали об этом святом месте, казалось бы очень рискованным подходить к нему: но подойдите и посмотрите, здесь есть многое, что приглашает нас подходить к нему с дерзновением.

Прежде всего его простота должна привлекать к себе каждого, даже самого ничтожного. Если вы внимательно перечтете его описание, то вы увидите, что он представлял собою не что иное, как простой четырехугольный ящик, пустой внутри (Исх.38:7). Неправда ли, теперь возникает вопрос, как же на него возлагали жертву? Ответ на это мы находим в Исх. 20:24: "Сделай Мне жертвенник из земли и приноси на нем всесожжения твои и мирные жертвы твои, овец твоих и волов твоих". Всюду, где бы стан ни располагался, внутренность жертвенника заполнялась землею, и в таком виде он был готов. Заметьте здесь разницу между нашим Богом и

богами языческими и всякой другой религиозной системой, утверждающими, что к Богу нельзя приступить без шума и блеска, что необходимо воздвигать Ему украшенные золотом и драгоценностями алтари. Наш Бог не нуждается ни в каком украшении, ни в какой славе и красоте, которые мы были бы в состоянии создать; Он даже запрещает это. Мы можем придти таковыми, как мы есть.

Землю, неправда ли, всюду можно легко найти, чтобы воздвигнуть Ему жертвенник? Земля очень дешева, ничего не стоит, и жертвенник из нее - вещь ничтожная. Да. таким образом, Голгофа и крест на ней не представляют никакой привлекательности для человеческого глаза; и Тот, Кто висел там, был всеми презрен и отвержен, Он был так презираем, что люди отвращали от Него лицо свое; но именно так Он и может привлечь к Своему великому сердцу из всех укромных уголков даже и самых робких. О, если б только они все пришли!

Затем медный жертвенник привлекает к себе еще и тем, что он должен стоять на плоском месте. В Исх. 20:26, ясно выражается повеление Божие: "Не всходи по ступеням к жертвеннику Моему, дабы не открылась при нем нагота твоя." Итак, жертвенник стоял на том же уровне, как и приближающийся грешник, а именно, в прахе земли, почему мог легко и подойти к нему всякий, не имея нужды с трудом подниматься к нему постепенно выше и выше.

Это - чудный прообраз Христа Распятого, как Бог являет Его всему погибшему миру. Здесь, между мной и Богом, не нужны ни святые, ни священники, чтобы с их помощью мне подняться и быть представленным Богу, чтобы, наконец, мне получить доступ к Нему; нет, мне никого не надо, - я могу сам лично подойти к этому славному жертвеннику. Не приходится мне также переходить с одной ступени на другую по пути самоусовершенствования, раньше, чем дерзнуть приблизиться к жертве, заранее уготованной Богом; всякая моя попытка, помочь самому себе или постепенно подниматься по лестнице нравственности, послужила бы только к обнаружению моих слабых сторон и моей наготы. Поэтому благодарение Господу, что я смею придти, как я есть, и придти прямым путем к Нему!

Наконец, мы видим еще, что Господь желает, чтоб этот путь ко спасению сделался известным всем. Рассмотрите еще раз жертвенник, взгляните на медные кольца по сторонам, а затем и на шести, продетые через них. К чему, собственно, они находились там? Да чтобы "посредством их носить его", как звучало пояснение Господне. И заметьте особенно, что шести эти не вынимались никогда, даже когда Израиль оставался долгое время на одном месте; они постоянно напоминали, что жертвеннику вскоре предстояло опять двинуться в путь.

Так Христос Распятый принадлежит всему миру. Он не должен жить только в одном, в моем или твоём сердце; нет, неси Его дальше, неси Его дальше! Он не должен быть только в нашем городе; нет, Он должен сделаться известным всем городам, деревням и местечкам! Не в одной только нашей стране должен быть воздвигнут этот жертвенник, но во все страны, от северного до южного полюса, от Атлантического до Великого и от Великого до Атлантического океана, должен Он быть понесен; вот, таково намерение Божие. О, какая любовь, с Его стороны к погибшему миру! О, если бы мы, нашедшие спасение, мир, прощение и блаженство у этого жертвенника, оказались достойными носителями Его! Дорогие братья, все окружающие вас и живущие в далеких странах люди погибнут, уже находятся на прямом пути к гибели, если вы не понесете к ним этого жертвенника, если вы им не укажете его, как место, где всякая приближающаяся к нему душа находит вечный мир и полное прощение. Что касается меня, то я имею только одно желание: не знать и не проповедывать ничего, кроме Христа Распятого.

Но, может быть, и среди нас есть еще души, далеко стоящие от спасения. Придите, придите, примиритесь с Богом! Приступите ближе! Медный жертвенник воздвигнут и здесь; по Своему

обещанию Христос присутствует и здесь. Он теперь предлагает вам жизнь вечную; примите же ее с благодарением и идите с благоговением от этого благословенного места. Аминь.

Глава 5

Медный умывальник

И сказал Господь Моисею, говоря: сделай умывальник медный для омовения и подножие его медное, и поставь его между скиниею собрания и между жертвенником, и налей в него воды; и пусть Аарон и сыны его омывают из него руки свои и ноги свои; когда они должны входить в скинию собрания, пусть они омываются водою, чтобы им не умереть; или когда должны приступать к жертвеннику для служения, для жертвоприношения Господу, пусть они омывают руки свои и ноги свои водою, чтобы им не умереть; и будет им это уставом вечным, ему и потомкам его в роды их.

(Исх. 30:17-21)

Между медным жертвенником и дверью во святилище встречаем мы другой важный предмет во дворе - медный умывальник. Стоял он прямо позади жертвенника, на пути во святилище. Свое название "умывальника" он получил по той причине, что здесь в назначенное время происходило омовение священников, чаще же всего священники мыли здесь руки. Это был большой круглый котел, сделанный из медных женских зеркал, что мы узнаем из Исх. 38:8. Почти все известные переводчики так передают этот текст: "И он сделал умывальник из меди и подножие его медное из зеркал женщин, собиравшихся пред входом скинии собрания". Некоторые представляют его в виде котла, со всех сторон снабженного кранами, что весьма правдоподобно, потому что трудно допустить, чтобы руки и ноги омывались в одном и том же бассейне. Таким образом, священникам надо было здесь, просто подставив под кран руки и ноги, омыть нечистоту свою, чтобы иметь право войти во святилище, для приношения жертвы или благовонного курения пред Господом. Излишне будет говорить, что омовение это, как и все остальное, связанное со служением левитов Богу, было символическое и имело таинственный, глубокий смысл. О размерах этого умывальника мы не имеем ближайших указаний; однако, он должен был обладать значительной вместимостью, если принять в соображение что заменившее его впоследствии в Соломоновом храме литое (медное) море заключало в себе около трех тысяч багов или ведер воды (2Пар.4:5). Хотя в храме все было величественнее и в больших размерах, но и этот умывальник скинии должен был также содержать все же относительно большое количество воды. Впрочем, это не так важно, по той простой причине, что все святилище постоянно с большой точностью снабжалось всем необходимым. Исследуем же теперь духовный смысл или значение этого

медного умывальника.

Мы начнем, как и при медном жертвеннике; **с материала, из которого он был сделан.** Повеление Божие было: "Сделай умывальник медный для омовения и подножие его медное". Следовательно, он был весь медный и стоял на медном же основании. Здесь нет и следа дерева ситтим, которое мы видим у жертвенника; таким образом, медь и дерево ситтим не находились в связи в этом священном предмете, что имеет особенно важное значение. Едва ли нам надо напоминать, что медь представляет собой осуждающее правосудие Божие; последнее наше размышление привело нас к этому выводу. Там мы видели также, на кого обрушилось это

правосудие Божие - именно на Него, на Самого Сына человеческого. Здесь нам снова встречается медь, и возникает вопрос: к кому же применяется здесь правосудие Божие, и каков его смысл здесь? Там оно относилось к Богочеловеку, Христу Иисусу, **как к нашей жертве**; суд совершился над Ним; здесь же оно представляется в связи с **нашей собственной личностью**, потому что к этому медному умывальнику подходили **люди**. Это были те же самые священники, бывшие только что у медного жертвенника. И необходимо заметить, что они являлись здесь совершенно иначе, нежели там: сюда они не приводили никакого заместителя, никакого жертвенного агнца; они подходили к медному умывальнику одни, лично, со своей нечистотой. **Уже их появление** здесь доказывало, что они желали очиститься, и было действительной картиной исповедания своей духовной нечистоты и греха, над которыми они здесь как бы давали действовать нелицеприятному суду Божию. Здесь они сами осуждали свою нечистоту, не дерзая предстать на служение пред Богом, прежде чем она не была с них снята, и этим самым признавая справедливым приговор Божий.

Происходившее здесь вполне соответствует действительному обращению грешника от его греховного пути, заключающемуся, собственно говоря, в изменении образа мыслей, потому что внутреннее направление грешника меняется и обновляется согласно образу мыслей Божиих. Он начинает думать, как думает Бог, особенно относительно себя, своей личности, своей ужасной испорченности и своего греха. Он начинает теперь применять не существовавшее для него до сих пор правосудие Божие к себе и ко всему, **что он есть и что сделал**, и оно осуждает и произносит свой приговор над каждым обнаруженным грехом, совершенным в мыслях, словах или действиях.. Некогда, в своем греховном сне, он не считал грех таким ужасным, любил его и даже иногда им хвалился; но, с той минуты, как он был у медного жертвенника, т.е. у креста Христова, и увидел, **как Бог** в Своем правосудии относится к греху, что не пощадил ради него Сына Своего Единородного, он узнает **лично** всю мерзость греха и осуждает его вместе с Богом; теперь он уже не может любить его, предает его на смерть, начинает его ненавидеть, как его ненавидит Господь, и ничего так горячо не желает, как полного от него освобождения. Этот внутренний суд Божий, которого не видит и не подозревает ни один посторонний человек, но который должен быть непременно изведен и пережит сердцем человека, алчущего и жаждущего благодати, объясняет, может быть, до некоторой степени, каким образом новообращенный в состоянии **тотчас** ходить в обновленной жизни. В большинстве случаев обращений, описанных в Св. Писании, мы находим выдвинутым момент, когда грешник осуждает на смерть свой грех, сознавая себя уничтоженным пред правосудием Божиим. Довольно вспомнить о сокрушении великой грешницы у ног Иисуса; о Закхее, исповедующемся в обмане перед лицом ропщущей толпы; о тех трех тысячах людей, которые **в смущении и тревоге сердца** восклицали в день Пятидесятницы: "Что нам делать, мужи братия?" И не удивительно ли, что все эти сокрушенные души мы всегда встречаем у **источника**, который **"открылся** для омытия греха и нечистоты", метким прообразом которого был медный умывальник. Но самой яркой иллюстрацией этой истины служит, по-моему, все-таки история разбойника, распятого вместе с Господом. Уже вися на кресте, он в ослеплении своем поносил Господа вместе со своим товарищем; но, затем, он взглянул на Него, и ему стало ясно, что "Он ничего худого не сделал", и между тем невыразимо страдает; и вот, суд Божий, как неукротимая сила обрушивается на него, он осуждает себя и свои достойные осуждения дела, восклицая: "Мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли!" Затем, обращаясь с мольбой ко Христу, он погружается в очищающий источник и выходит оттуда омытым, белым как снег, так что он готов тотчас же войти со Христом в небесную скинию, даже в самое Святое-святых небес.

Дорогие друзья, вы видели суд Божий над грехом в смерти Христа, на медном жертвеннике. Теперь весь вопрос в том, как вы относитесь к нему? Я говорю, к вашему **собственному, личному греху**? Не сделался ли он ужасным для вас? Если вы его не осуждаете, не ненавидите, как его ненавидит Господь, то он вас осудит, и наступит день, когда вам придется пожать плоды ваших дел. Тогда вы еще никогда и не подходили ни к медному жертвеннику примирения, ни к медному умывальнику самоосуждения и очищения; ваш образ мыслей еще не изменен, вы еще не обращены, как бы благочестивы вы ни были, как ни совершенно было ваше познание о смерти Христа и ею данном удовлетворении. Пока вы имеете только учение о том, но никакого личного опыта. О, если б вы еще сегодня достигли его!

Обратим теперь наше внимание на содержимое медного умывальника. Какая разница между медным жертвенником и медным умывальником! Не бросается ли вам это в глаза каждый раз, когда вы их сравниваете? Там горел огонь, пылало пламя; там огонь поядал и поядал, пока не исчезало все, возложенное на жертвенник: здесь, напротив, имелось изобилие освежающего и очищающего вещества, свободно изливавшегося, омывавшего и очищавшего, пока не исчезало всякое, даже самое малейшее пятно; и приходящему сюда нечего было бояться, он мог смело и без всякого опасения подойти и уйти отсюда очищенным. Что за чудное и драгоценное вещество содержал медный умывальник!

Да, дорогие друзья мои, Христос, Агнец Божий, обремененный нашими грехами, должен был встретиться с огнем гнева Божия; и Он встретился с ним и был им истреблен: мы же, вследствие этого, хотя и соглашаемся с приговором Божиим, можем подойти к источнику, который убеляет багряные пятна греха. Одно только нужно, апостол Иоанн говорит нам это; "Если исповедуем грехи наши (т.е. предаем их суду Божию), то Он, будучи верен и праведен, **простит** нам грехи наши и **очистит нас от всякой неправды**" (1Иоан.1:9). О, если б все мы пошли этим спасительным путем, ведущим к чудесному источнику, тогда песнь пророка Исаии вскоре сделалась бы нашей песнью, и мы начали бы петь, говоря: "Славлю Тебя, Господи: Ты **гневался** на меня, но отвратил гнев Твой и утешил меня. Вот, Бог - спасение мое: уповаю на Него и не боюсь, ибо Господь - сила моя, и пение мое - Господь; и Он был мне во спасение. И в радости будете почерпать воду из источников спасения" (Ис.12:1-3).

Какую ясную картину представляют собой жертвенник и умывальник, если мы в их свете видим **наше спасение и обращение**. У жертвенника Бог осудил и наказал наш грех по Своему правосудию, у медного умывальника мы соглашаемся с Его приговором и сами осуждаем грех; там видели мы пролитую кровь, безусловно необходимую для **уплаты** нашего долга; здесь мы видим воду, безусловно необходимую для **очищения** и **освящения** души, чтоб она была в состоянии предстать пред Богом. Жертвенник исправляет испорченное нами, медный же умывальник делает его забытым, так сказать, не существовавшим: делает так, как бы грешник никогда не согрешал, делает его **невинным** и **незапятнанным**. Он, действительно, делается пред Богом **новою тварью**. Потому то принятие совершенного Христом спасения и **усвоение верой Его искупления** и называется "возрождением" и поставлено в связь с водою, которая, как мне это теперь же хочется заметить, не имеет ничего общего с водою крещения. Разговор Господа с Никодимом служит самым подходящим к этому примером. Никодим, по словам Господа, должен возродиться, и **возродиться от воды** и Духа. Но каким образом должен он это сделать? Все разъяснения Господа об этом внутреннем перевороте только обнаруживают его неведение и неверие, так что становится вполне ясным, что никакие поучения и объяснения, хотя бы доведенные до такой ясности, что можно почти видеть, как это случается, не могут еще возродить человека. Что же делает Господь? Он ведет Никодима прообразом вознесенного

медного змея в пустыне к Своему кресту. Он показывает ему Сына человеческого на нем, а вместе с тем и предстоящее дело искупления; затем, Он велит ему **взглянуть** на это дело, как должны были Израильтяне смотреть на медного змея; и следствием должно быть то, что он, как всякий верующий в вознесенного на крест Сына человеческого, не погибнет, но получит жизнь вечную. Дорогие, если Никодим не возродился этим путем, то он никогда и не был возрожден. Иисус Сам ставит наше возрождение и Свою крестную смерть под то известное нам, безусловное слово "должно": "**Должно** вам родиться свыше", и: "Так должно вознесены быть Сыну человеческому".

Мы подойдем к этому несколько ближе, **когда рассмотрим разного рода омовения, совершавшиеся у медного умывальника**. Во-первых, здесь производилось **однократное полное омовение** священников при их посвящении. Как только Аарон и сыны его предстали пред лицо Господа для посвящения их в священство, Моисей тотчас же привел их к этому умывальнику и омыл их водою. Он омыл **их самих**, не только их руки и ноги; он омыл все тело и одел их, затем, в их священнические одежды. Это омовение совершалось **один единственный раз**, никогда не повторялось и означало, что они с ног до головы были совершенно чисты; таким образом, они были омыты раз навсегда. Нельзя также не заметить, что это омовение они совершали **не сами над собой**; другой должен был совершить это над ними, то есть посредник Ветхого Завета. Так повелел Бог, и если б они поступили иначе, то это было бы с их стороны неповиновением Богу; Бог считал бы их нечистыми, и они никогда не могли бы приблизиться к Нему.

Это однократное и полное омовение священников изображает вполне наше единократное полное очищение, которое мы испытываем, приближаясь верой ко Христу и с полным доверием полагаясь на Его дело искупления, возвещенное нам в Евангелии. Грешник, таким образом, не сам себя омывает, но предоставляет это сделать другому; и, подобно тому, как однажды над Аароном и сынами его это совершал посредник Ветхого Завета, здесь это совершает Христос, Посредник лучшего, Нового Завета. Это не рука человеческая, ни даже священническая (которая, конечно, может совершить наружное омовение, крещение) совершает это чудное омовение, но прославленный Сын Божий посредством слова, которому грешник просто верит и которое Дух Святой запечатлевает. Выслушаем некоторые места Св. Писания, доказывающие эту истину. В Откр. 1:5 о Христе сказано: "Ему, возлюбившему нас и омывшему нас от грехов наших кровию Своею". Итак Иисус возлюбил, Иисус и омыл. В Еф. 5:25: "Как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною посредством слова". Здесь мы имеем то же самое. **Христос** возлюбил, Христос и очистил "банею водною посредством слова", не водою, но словом. В Евангелии Иоан. 15:3 мы читаем: "**Вы уже очищены** чрез слово, которое Я проповедал вам". Не только их руки и ноги, но и сами они были чисты; вера в это слово или упование на него сняло с них вину их. Подобное же мы находим и в 1 Кор. 6:9-11, где апостол перечисляет целый ряд грехов и пороков, которые исключали из Царствия Божия тех, кто совершал их; но далее он прибавляет: "И такими были некоторые из вас, **но омылись, но осветились, но оправдались** именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего". Это было полное и совершенное омовение, как это видно из слов "**но омылись, но осветились, но оправдались**". И кто же совершил это? Апостол ли Павел или который-нибудь из их проповедников? Или было это очищение совершено чрез какое-нибудь наружное средство? Нет! Они омылись, очистились, осветились и оправдались именем Господа Иисуса и Духом Бога нашего. Также не находим мы нигде указания, чтоб это святое духовное омовение когда-нибудь повторялось, потому что Христос "одним приношением навсегда сделал

совершенными освящаемых" (Евр.10:14).

Дорогие слушатели, могу ли я подойти к вам ближе, могу ли я спросить вас: все ли вы так омыты Христом? Сделалось ли это такою же действительностью для вас лично, какую оно было для тех, о которых говорит Св. Писание в вышеуказанных местах, а также и во многих других? Действительно ли грехи ваши сняты с вас, так что освященными и оправданными вы можете предстать пред Богом? Возможно ли, что после всего, нами только что слышанного в слове, вы все еще, может быть, придерживаетесь мнения, что подобная уверенность не что иное, как воображение или духовная гордость? Если это так, то я молю Господа, да откроет Он глаза ваши, чтоб вы могли увидеть истину Божию в Его свете, потому что с ней нераздельно связано ваше благо и ваше несчастье.

У этого медного умывальника, однако, происходило еще и другого рода омовение, а именно омовение рук и ног. Те же священники, получившие здесь в день своего посвящения полное омовение, должны были ежедневно и, вероятно многократно, приходиться к этому, их всюду сопровождавшему, источнику и омыwać свои руки, которые, быть может, прикасались к нечистым предметам, и свои ноги, ходившие в прилипающем прахе земном. Они должны были приходиться так часто, как только у них являлась потребность в очищении. И это омовение для них и над ними надлежало совершать уже не Моисею; нет, они должны были делать это сами, и если б они этого не исполняли, они были бы повинны смерти.

В жизни по вере существует также двоякое омовение: единократное, о котором мы только что говорили, и, затем, другое постоянно повторяющееся. Об единократном омовении, которое в порыве рвения жаждал получить вторично апостол Петр, говоря Иисусу: Господи, не только ноги мои, но и руки и голову", Иисус сказал: "Омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь" (Иоан.13:10). Таким образом, первое омовение не должно и не может повторяться, тогда как второе **должно** совершаться постоянно. В то время как первое имеет дело с нашим **оправданием**, второе имеет дело с нашим **освящением**; то касается наших грехов, это - нашей природы. Там мы облеклись в "нового человека", здесь же этот новый человек, как говорит апостол Павел, "обновляется в познании по образу создавшего его" (Кол.3:10). Потому о великом множестве людей, пришедших от великой скорби и стоящих в белых одеждах пред престолом Божиим, сказано, что они совершили два дела: "Они омыли одежды свои и убелили одежды свои кровию Агнца" (Откр.7:14). Это и была причина, почему они предстали пред престолом Божиим и, подобно священникам, двояко омытым, они "служат Ему день и ночь в храме Его" (Откр.7:15). Они не только были оправданы, но и освящены.

Дорогие дети Божии, оправданные кровью Христа, как обстоит дело вашего освящения? Делаются ли ваши одежды все светлее и светлее? Если вы, как священники, ходите во святилище пред лицом Господа, то несомненно, что вами откроются еще незамеченные пятна; тогда - вы будете все яснее и яснее видеть, где ваши ноги приходят в соприкосновение с липким прахом земным, и где дела рук ваших были не вполне чисты. Свет присутствия Божия откроет и осудит это, и благо вам, если вы тогда тотчас же поспешите предать медному правосудию Божию все промахи вашего хождения, ваших слов, мыслей и всех ваших внутренних побуждений, чтобы тут же произнесен был заслуженный ими приговор и чтобы, подобно Ахану, они тут же были казнены к преданы смерти; и затем принесите их немедленно под силу крови, которая навсегда омоет и самые их следы: Вы все знаете, что написано: "Без святости никто не увидит Господа" (Евр.12:14), и что мы должны совершать "святыню в страхе Божиим" (2Кор.7:1). Поэтому будем же внимательно, с нежной совестью ходить пред Ним, чтобы нам не поскользнуться и не лишиться созерцания чудного лица Его; но где обнаруживается пятно, порок или что-либо

подобное, не замедлим направляться к медному умывальнику, чтобы все это тут же раз навсегда было осуждено и отстранено.

Наконец, глубокое значение имеет еще и место, которое этот умывальник занимал в ряду других священных предметов. Он стоял, как мы уже это видели, между жертвенником и святилищем. На жертвеннике грешник приносил удовлетворение, у умывальника он получал очищение; и только уже после всего этого он вступал во святилище для служения. Вы видите, таков был порядок Божий. Бог точно придерживался его, даже когда дело шло о тени будущих благ. Приходилось начинать не со служения, а с признания: "Я погибший человек и повинен смерти!" И затем следовало другое признание: "Я запятнан и нечист, я не смею предстать пред Бога, пока Он меня не очистит!" И только по получении примирения и очищения открывалась дверь во святилище для служения Богу.

О, как многие еще и сегодня стараются изменить путь Божий, они хотят непременно навязать Богу служение своих нечистых и никогда еще не омытых рук; все хотят предстать пред Ним, минуя Христа Распятого, и не испытав на своих сердцах силу Его очищающей крови. Они думают о себе, как о людях, описанных пророком Исаией, которые считали себя народом, "поступающим праведно и не оставляющим законов Бога своего" (Ис.58:2). Не будет ли конец их подобен участи Озы, которого поразил Господь за то, что он простер руку свою к святому ковчегу (1Пар.13:9-11)? Да, Бог не хочет видеть их, пока они не будут "облагодатствованы в Возлюбленном".

Итак, кто хочет служить Богу, должен быть весь смыт и омыт Самим Христом Иисусом; с своей же стороны он должен омыwać руки и ноги и очищаться "от всякой скверны плоти и духа" (2Кор.7:1), и так приближаться к Нему в чистом хождении и святых действиях, иначе же он не может вступать в Его святилище. Об этом картинно свидетельствует нам медный умывальник; то же самое говорит нам прямо Господь всюду в слове Своем, Во времена пророка Исаии одно богослужение следовало за другим, все было исполнено в нем по закону, и при этом они прилагали заботу и страх; но все это не было угодно Господу. "К чему Мне множество жертв ваших?" восклицает Он, обращаясь к народу, его князьям и священникам, - "Я пресыщен всесожжениями овнов и туком откормленного скота; и крови тельцов и агнцев и козлов не хочу. Когда вы приходите являться пред лицо Мое, - кто требует от вас, чтобы вы топтали двory Мои?" В таком духе Он продолжает, высказывает им все Свое отвращение к подобному богослужению и затем отсылает их прочь от Себя со словами: "Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих" и т.д.; наконец заключает Он: "Тогда, придите и рассудим" (Ис.1:11-18). Итак, не может быть приближения к Нему, ни служения Ему, пока не порвана связь с грехом, разделяющим нас с Богом. На это так настойчиво указывает Давид, предлагая в 23 Псалме два вопроса: "Кто взойдет на гору Господню, и кто станет на святом месте Его"? И далее, когда он дает на них торжественный ответ: "Тот, у которого руки неповинны и сердце чисто; кто не клялся душой своей напрасно и не божился ложно". Неповинные руки, чистое сердце - есть ли у вас они? Есть ли они у вас, дети Божии? Есть ли они у всех вас, дорогие слушатели? Я знаю, вы все скажете, что их у вас нет. Но что же мешает вам, тем из вас, которые никогда еще не были омыты Господом, дать омыть себя так, как просил апостол Петр, и руки, и голову, и ноги, т.е. дать омыть себя всецело? Он пошел насмерть за вас, жизнь Его была отдана за вас, и кровь, за вас пролитая, готова вас очистить; встаньте только верой под могущество этой крови, чтоб вам сделаться белее снега. Вы же дорогие братья, следите за тем, чтобы, омывшись, вы не оскверняли одежд ваших, как это было с людьми в Сардисе, о которых мы читаем, что там осталось только несколько человек, которые не осквернили одежд своих, и только потому

немногие получили от Господа обетование: "Они будут ходить со Мной в белых одеждах, ибо они достойны" (Откр.3:4). Да будет же все светлее и светлее ваше хождение, ваша деятельность; да пребывают ноги ваши постоянно во дворе и во святилище Господнем, и да оmyваются ваши руки в невинности, дабы изобразился в вас Христос к прославлению Своему, и вы вскоре могли бы Его увидеть, как Он есть! Аминь.

Глава 6

Серебро выкупа и употребление его

Когда будешь делать исчисление сынов Израилевых при пересмотре их, то пусть каждый даст выкуп за душу свою Господу при исчислении их, и не будет между ними язвы губительной при исчислении их; всякий, поступающий в исчисление, должен давать половину сикля, сикля священного; в сикле двадцать гер: полсикля приношение Господу; всякий, поступающий в исчисление от двадцати лет и выше, должен давать приношение Господу; богатый не больше и бедный не меньше полсикля должны давать в приношение Господу, для выкупа душ ваших; и возьми серебро выкупа от сынов Израилевых и употребляй его на служение скинии собрания; и будет это для сынов Израилевых в память пред Господом, для искупления душ ваших.

(Исх. 30:12-16)

Все столбы вокруг двора должны быть соединены связями из серебра; крючки у них из серебра, а подножия к ним из меди.

(Исх. 27:17)

Так сделай брусья для скинии: двадцать брусьев для полуденной стороны к югу, и под двадцать брусьев сделай сорок серебряных подножий: два подножия под один брус для двух шипов его, и два подножия под другой брус для двух шипов его; и двадцать брусьев для другой стороны скинии к северу, и для них сорок подножий серебряных: два подножия [для двух шипов его] под один брус, и два подножия под другой брус [для двух шипов его].

(Исх. 26:18-21)

На этот раз нас должно занять одно повеление, особенно важное при постройке скинии, данное Самим Господом. Израиль, освобожденный и выведенный мощной рукой народ, должен был смотреть на себя не как на народ, завоеванный одной силой или властью, но как на народ, обошедшийся очень дорого, за который была положена высокая цена. И это должно было как можно яснее выражаться на скинии, как для утешения самих Израильтян, так и для "постоянной памяти пред Господом", чтобы, уже при вступлении их во двор скинии, они тотчас же могли это видеть. С этой целью Бог дал чрез Моисея особое повеление, по которому **всякий**, от двадцати лет и выше, зачислявшийся в ополчение Божие, должен был вносить за свою душу полсикля серебра, и при этом ясно указывалась причина, почему это должно было совершаться, то есть, **чтобы не было "между ними язвы губительной"**. Именно это последнее добавление говорило очень ясно: Каждый из вас - грешник, подлежащий по справедливости и правосудию язве и гибели, но грех и вина его может быть покрыта пред Богом **установленной Им ценой**, и погибель может быть, таким образом, отвращена. Серебром выкупа Бог как бы указывал путь, которым Он мог быть примирен и Израильтянин мог не считаться более должником. Это постановление дает нам богатый материал снова указать вам на Христа, данного Богом для **нашего искупления**. Пусть же будет угодно Господу дать нам великое благословение при рассмотрении

серебра выкупа Израиля и его применения.

Прежде всего, мне кажется особенно знаменательным тот факт, что цена выкупа выплачивалась серебром. Известно, что в то время, при всякой купле и продаже, а также при совершении всевозможных денежных сделок, употреблялось почти исключительно серебро. Это был, так сказать, металл торговца, и его называли просто "деньгами". Во многих местах Св. Писания, где встречается слово "деньги", в подлиннике стоит слово "серебро", что, конечно, не ошибка, так как в то время оба эти слова выражали часто одно и то же понятие. Первый торг, описанный в слове Божиим, покупка Авраамом пещеры Махпелы, был оплачен серебром. Иосиф был продан за серебро; за серебро же был продан и Христос. Обычная торговая монета "сикль" - была серебряная. Итак, в Св. Писании понятие о купле и продаже, о стоимости, цене и плате тесно связано с этим металлом; так что мы не впадем в ошибку, если везде, где нам в скинии встретится серебро, мы подумаем тотчас же о цене выкупа. Тем менее можем мы ошибиться, что апостол Петр, говоря о выкупе за наши души, на первом же плане противопоставляет этот металл выкупу Христову, напоминая об этом так: "Зная, что не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, но драгоценною кровию Христа, как непорочного и чистого Агнца" (1Пет.1:18,19)

Подобно тому, как серебро в скинии везде говорит о приобретении или искуплении, так всякий раз, где - в слове Божиим упоминается кровь Христа, она свидетельствует о подобном же, но для нас несравненно славнейшем событии. В Ев. от Матф. 20:28 мы читаем слова Самого Господа относительно этого: "Сын человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих". Итак, Он называет здесь отдачу Своей жизни, Свою жертву, - ценою выкупа, для многих. И когда апостол Павел призывает Коринфян к жизни освящения и желает особенно, чтобы и тела их были всецело вручены Господу, то он подтверждает необходимость этого такими словами: "Вы не свои, ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии" (1Кор.6:19,20). Да, даже искупленные во славе не могут умолчать об этой цене искупления; они воспевают ее там в новой, нам уже 1800 лет известной песне, говоря: "Достоин Ты взять книгу и снять с нее печати, ибо Ты был заклан и кровию Своею искупил нас Богу из всякого колена, и языка, и народа, и племени" (Откр.5:9). Итак, Св. Писание нам показывает, как цена нашего выкупа является причиной нашего вечного спасения, основным побуждением к жизни, посвященной Богу, и предметом вечного славословия. Да будет она для нас с каждым днем все дороже и дороже!

Серебро выкупа, приносившееся Израильтянами свидетельствовало им, прежде всего, о том, что человек не может угодить Богу или оправдаться делами закона. Израиль, как нам всем известно, находился под законом, предписывавшим ясные и определенные повеления и запрещения. Им было также сказано: "Душа, исполняющая их, будет жить ими". И они напрягали все свои силы, чтобы исполнить весь закон. На то, что они изнемогут при этом, так как сил их на это не достанет, Бог очень ясно указал им, давая один прообраз за другим, которые говорили об искуплении, примирении или плате за них. Их бы, конечно, и не понадобилось, если б они были в состоянии сами всецело исполнить волю Божию и Его закон; потому что к чему и плата за долги, если таковых нет? И то серебро было такой же прообраз, и не только в пустыне, но впоследствии и в земле Ханаанской постоянно вносилось оно, лишь только кто-либо причислялся к воинству Господню. И удивительно то, что даже самый благочестивый Израильтянин был обязан вносить его; это показывало, что он, подобно всякому другому, вполне

несостоятелен пред Богом, и при всем своем благочестии не может устоять пред Ним, и только на основании выкупа, наравне со всеми другими, мог быть угодным Господу и войти в Его исчисление.

Совершенно так же обстоит дело и теперь. Находящийся под законом, как бы благочестив он ни был, находится под проклятием. Он не может исполнить его в совершенстве, и потому закон, при всех его усилиях и самом высоком благочестии, приносит ему не жизнь, а смерть, Дорогие друзья, **мы уже** вполне несостоятельны; в нас нет нравственной силы, мы бессильны и мертвы, даже когда только хотим **начать** исполнять закон Божий. Каждый из нас, даже самый лучший, нуждается в цене выкупа пред Господом, если он хочет войти в исчисление Божие. Благодарение Богу, что он заплачен во Христе Иисусе и нам остается только верою усвоить это.

Это вносившееся серебро научает нас еще другой важной истине: **именно, что рождение по плоти не делало Израильянина угодным Богу**. Израильянину входя в исчисление, как бы вступал из несовершеннолетия в совершеннолетие пред Богом; начиная с этой минуты, он действительно принадлежал к народу, потому что входил в его исчисление. И впредь, как бы часто ни исчислялся Израиль, теперь его уже не могли обойти, как прежде, когда его не считали. Но он, может быть, мог бы встать и сказать: "Для чего выкуп, для чего серебро? К народу Божию я ведь принадлежу по рождению; вот вся моя родословная, восходящая без перерыва до Авраама. Избрание Божие простерлось и на меня, когда Он в Аврааме избрал Себе этот народ. Не довольно ли этого? Неужели пагуба постигнет и меня, если я не внесу за себя серебра выкупа"? Несомненно, пагуба и мука постигли бы его, как сказал Бог. Ему не было бы части в Израиле, он не был бы причислен к нему и остался бы без всяких прав. Происхождение по плоти, ведущее свое начало хотя бы от самого лучшего из Израильян, без платы выкупа, не давало еще преимущества принадлежать к ополчению Божию.

Так было во дни Моисея пред Богом, так во дни Иоанна Крестителя и так же со дней Иисуса Христа до сегодняшнего дня. Во дни Иоанна Крестителя этот верный свидетель Господа мог сказать приближавшимся к нему фарисеям и саддукеям; "Не думайте говорить в себе: отец у нас Авраам, ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму" (Матф.3:9). Их, вообще, столь высоко ценимое право рождения не вменялось ни неверующим саддукеям, ни казавшимся благочестивыми фарисеям, коль скоро они хотели предстать пред Богом. И наш Господь дает богобоязненному и прямому Никодиму, а чрез него и нам всем, никогда не теряющее своей силы царственное правило Божие: " Истинно, истинно говорю тебе: если кто не **родится свыше**, не может увидеть Царствия Божия" (Иоан.3:3). Никакие предки, никакое потомство, никакое родство или какое-либо право рождения не вводит нас в исчисление ополчения Божия. Только искупленный от греха найдет себе там место; сумма же выкупа, наша цена примирения - это кровь Иисуса. Пусть всякий заметит себе это!

Но заметьте, что всякий сам за себя должен принести Богу эту цену выкупа, подобно тому, как здесь в прообразе каждый Израильянин должен был сам вносить за себя свое серебро. Очень удивительно, как в повелении с особым ударением повторяется слово "всякий". Тут не мог один человек заплатить за другого, но каждый должен был лично внести свой выкуп.

И наше искупление в Иисусе Христе должно быть личным делом каждого, действительно происходящим между ним и его Богом и не допускающим никаких "если", "но" или "может быть". Одна из хитростей и уловок сатаны, распространенная в наше время по лицу всей земли, заключается в том, что для миллионов душ он сумел уничтожить эту истину, убедив целые общества людей верить, что они все уже христиане, что они достигли этого или чрез совершенные над ними обряды, или своим воспитанием, или тем, что принадлежат к

признанной или непризнанной церкви, или, наконец, внешним исповеданием. Бедные! они думают, что ведь веруют же они в то, во что веруют все другие, веруют в то, чему верит церковь, и чего же еще больше можно от них требовать? И думая, что и они включены в то **общее искупление** человечества, которое во всяком случае вменяется всему роду человеческому, они в своем самообмане никогда не доходят до того, чтобы серьезно подумать, что им самим нужно позаботиться о своем личном спасении. Им кажется до того само собой понятным, что в обществе со всеми другими спасутся и они, что даже удивленно смотрят на всякого, кто спрашивает их о достоверности **их** личного спасения. Да, это хитрый и искусный прием врага, которым ему удалось опутать многие души.

И не слышим ли мы среди нас всем известные речи: "Да, конечно, ведь **мы все** грешные", и еще: "Христос ведь за **всех нас умер?**" Быть может тот или другой из этого собрания и сам нередко повторял эти слова. Сознал ли ты, друг мой, что, обобщая этими выражениями заключенные в них важные истины, ты поступал крайне легкомысленно по отношению к самому себе? Ты сливал свое положение погибшего с судьбой других людей, называя себя грешником заодно **со всеми**, как бы отнимая этим жало у страшной истины, так что она не могла затронуть тебя так, как должна была бы; и, с другой стороны, ты так обобщал смерть Господню, что из слов твоих легко заметить, ты личного права на нее не имеешь, чего ты, опять-таки, сказать не хотел. Итак, ты находишься в совершенно неясном положении относительно этих обеих основных истин, которые решают временную и вечную твою участь. Выслушай же: ты не должен больше быть грешником в обществе со всеми другими. Сделайся хоть раз лично таковым наедине с Богом и тогда позаботься, чтобы тебе иметь для себя лично твое личное искупление. Только то личная собственность, настоящее владение, что ты можешь определить маленьким, но ценным словечком "**мое**". Однажды Иисус сказал: "Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь имеет жизнь вечную" (Иоан.6:54). "Еда и питье действия, конечно, личные. Я вовсе не могу есть за другого, также и пить ни за кого не могу, и никто не может этого сделать за меня. Если я желаю получить жизнь вечную, то я должен действовать сам и сам должен вкусить ее. Ведь в ежедневной же жизни так, что только та пища, которую я сам беру в рот и вкушаю, усваивается телом моим, составляет одно со мной; и только эта пища дает мне питание, силу и жизнь. Так и со смертью Христа, этой удивительной ценой искупления грешников; каждый из них отдельно должен ее лично присвоить себе и представить себя затем Богу. Каждая душа должна быть в состоянии сказать от всего сердца Христу: "Спаситель **мой**, Господь **мой** и Бог **мой!**"

Далее, и в отношении **определенного, точного веса приносимого серебра** заключается еще дивная истина. Там Бог Сам как бы держал весы. Он не позволял Израильянину оценить себя самого; Израильянин не смел и не мог по собственному мнению решать: "столько то или столько будет довольно". Нет! Полсикля, и сикля священного - таково было постановление Божие. И священник Божий, стоявший в скинии для получения серебра, ни за что не принял бы вместо серебра изгари, не принял бы и серебра низшей пробы или хоть немного меньшего веса, чем это было назначено Господом. И я представляю себе, что всякий истинный Израильянин непременно приносил серебро настоящее, чистое и установленного веса, так что он мог совершенно спокойно трясти свою монету, зная, что ее звонкость доказывает ее высокое качество: и с такой же уверенностью смотрел он далее, когда ее клали на весы святилища.

Да, Бог требует и сегодня от каждой души не что-либо меньшее и не что иное, как назначенный Им полный вес истинной цены выкупа, а именно кровь Христа. Он не может принять что бы ты ни захотел сам назначить и дать Ему, хотя бы это было наилучшее, что только может дать человек или все люди вместе, Он не может этого принять, вес этого приношения не

соответствовал бы весу священному, это были бы не настоящие деньги, но фальшивая монета, накипь и изгарь, Кровь и только кровь Христова - вот единственная, признаваемая Богом цена. Если ты ее имеешь, то ты можешь с полным дерзновением предстать пред Богом: она имеет достаточный, полный вес и совершенно удовлетворит как твои потребности, так и требования Божии. Однажды она была взвешена Богом и найдена совершенной. Все, не достигающее этой стоимости, и всякий, не приносящий этой настоящей цены, остается под проклятием; его приговор звучит подобно приговору над Вавилонским царем Валтасаром, написанному Господом пламенными буквами на стене: "Ты взвешен и найден очень легким". Не забудьте никогда, дорогие друзья, что пред Богом мы только настолько существуем, столько весим и во столько ценимся, сколько цены имеет пред Ним наш выкуп; если мы имеем то, что Он Сам назначил, тогда, без всякого сомнения, мы обладаем Его полным благоволением. И насколько Любовь Божия превышает всякое наше разумение, что она не пощадила Сына Своего Единородного, но подвергла Его суду, наказанию и смерти ради нас, чтобы мы были искуплены и спасены чрез Него! Не должна ли эта цена выкупа быть для нас дороже всего?

Далее, в Израильском серебре выкупа заключалась еще мысль высокого значения, что за всякую душу вносилась одна и та же цена. Одинаковая цена была назначена, как для богатого, так и для бедного. Богатый, которому легко было бы внести более полсикля, который мог дать десять, двадцать и более, не смел заплатить и полгеры сверх назначенного; бедный же не мог принести на полгеры меньше. Здесь все они стояли на одном уровне пред Богом.

Так же и относительно нашего искупления: беден или богат, учен или неучен, молод или стар, нравствен или безнравствен, велик ли или мал грешник по нашей оценке, - все здесь вполне безразлично. Все стоят на одном и том же уровне и носят одно общее название: грешника. "Ибо нет различия, потому что все согрешили и лишены славы Божией" (Рим.3:22,23); поэтому Бог и не знает другой платы за каждого из них, кроме той, которая **освобождает грешника**. Потому они и получают "оправдание даром, по благодати Его, **искуплением во Христе Иисусе**" (Рим.3:24). Что тот или другой человек есть сам по себе, это не принимается в соображение Богом: у Него нет лицепрятия. И хотя бы это нам и не понравилось, все же дело от этого не меняется, потому что Бог измениться не может. Да, да, дорогой мой благочестивый согрешник, ты, который постоянно думаешь, что ты не так худ, как некоторые из твоих знакомых, ты, муж с добрыми намерениями, и ты, жена с нежным и мягким сердцем, что ты, может быть, ставишь себе в заслугу, ты так же нуждаешься в крови Христа, как цене выкупа, как вор и убийца, желающие получить спасение, точно так же, как та жалкая женщина с наглым выражением нарумяненного лица, как та личность, мимо которой ты недавно прошла, говоря: "Бедное, погибшее создание!" Одна и та же цена нужна как тебе, так и той; здесь нет различия, никакого различия, никакого лицепрятия!

Думаете ли вы иначе, дорогие слушатели? Думаете ли вы все-таки, что должно же быть какое-нибудь различие? В таком случае я могу допустить, что оно могло бы возникнуть, но такое, которого вы вовсе не ожидаете. Выслушайте здесь различие, которое выставляет Господь пред первосвященниками и старейшинами народа Израильского, когда Он говорит им: " Мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие" (Матф.21:31). Почему так? спрашиваете вы. Потому что они скорее поймут свое погибельное положение и из-за того скорее ухватятся за единственно действительную цену, кровь Христову. По разбойнику на кресте и по богатому юноше вы легко можете судить об этой разнице, если хотите. Тот - подонок человечества, вытолкнутый и отверженный, но который в своей великой нужде ухватывается за Спасителя и спасается; этот уважаемый и чтимый человек, имевший за собою беспорочную, незапятнанную

молодость, так что Иисус, взглянув на него, полюбил его, но который тем не менее остается вдали от Царствия Божия и отходить с печалию от Спасителя. О, да не будет участь последнего участью какой-либо души среди нас!

Научимся, наконец, еще кое-чему из названия, которое Господь дал этой цене выкупа. Бог назвал ее "приношением Господу" или - по другому переводу - "жертвой возношения". Он сказал Моисею: "полсикля - приношение", т.е. жертва возношения Господу. Слово "возношение" на еврейском языке обозначало то, что поднималось, возносилось от земли. Все, приносившееся для скинии, определялось этим названием. Это было нечто определенное для Бога, и как бы внесенное в Его вышнюю сокровищницу для выкупа за душу. Какая чудная мысль, для каждого Израильянина, знать, что цена его примирения уже в сокровищнице Божией.

Воистину, во Христе мы видим совершенное исполнение этого прообраза. Он был и есть истинная жертва возношения; Он также был поднят и вознесен от земли, сперва, правда, на крест, чтобы пролить кровь Свою для "искупления многих", но, затем, Он был поднят и вознесен в "большую и совершеннейшую нерукотворенную скинию", в самое небо, чтобы предстать и остаться пред Богом. Как должно осчастливить и радовать нас блаженное сознание того, что и наша цена выкупа находится уже там, пред Богом: Он вполне удовлетворена и мы спасены.

Посмотрим, однако, на что именно употреблялось это серебро в скинии собрания.

Прежде всего мы находим, что оно было лучшим украшением столбов двора, которые поддерживали белые завесы. "Возьми серебро выкупа от сынов Израилевых и употребляй его на служение скинии собрания; и будет это для сынов Израилевых в память пред Господом" (Исх.30:16). Таково было общее повеление, а о ближайшем назначении было сказано: "Крючки у столбов и связи на них из серебра" (Исх.27:10). Под этим, собственно, подразумевались серебряные крючки и серебряные же прутья, которые были протянуты от одного столба до другого. Блестящие, белые, красивые, они достойным образом соответствовали белым виссонным завесам, носителями которых они, собственно, и были. Входящий в ворота Израильянин, поднимая глаза свои, видел свое серебро выкупа на верху столбов, он видел, как тесно оно было связано с его праведностью, прообразом которой были завесы из белого виссона; он видел, что одно сделалось носителем другого.

Не то же ли случается и с каждым чадом Божиим? Не видит ли и оно, прежде всего, свое примирение, которое оно имеет во Христе, как одну из лучших драгоценностей, украшающих его, и не бросается ли это сокровище ему в глаза первым? В какой тесной связи стоит перед ним примирительная смерть Господня и праведность, облакающая его, которая одна имеет цену пред Богом! Чадо Божие знает, что не существует такой праведности, в которой оно могло бы устоять пред Иеговой, еслиб Господь не "отдал души Своей для искупления многих". Но лишь только оно верою поднимает свой взор ко кресту и слышит из уст своего Икупителя возглас: "Совершилось"! оно знает, что все счета сведены, долговое обязательство разорвано, долга уже более нет. Тогда пред ним начинает раскрываться загадка, глубокая тайна, каким образом, несмотря на Свое правосудие, Бог может счесть оправданным нечестивого, уверовавшего во Христа. Как отрадно у него на душе, оно имеет полный покой, истинный мир, потому что знает, что **Бог** удовлетворен, **Он** сполна получил цену выкупа. Для того, чтоб Израиль всегда видел это серебро, всегда имел его перед глазами, Господь повелел поместить его на самом видном месте. Без сомнения это - дивный намек для тебя и для меня. Итак, да покоится непрестанно наш взор на драгоценной действительности нашего примирения с Богом, дабы мы могли пребывать в безмятежном мире!

Другое употребление серебра выкупа было таково, что из него вылили подножия для

брусев святилища. Так мы читаем в Исх.38:27: "Сто талантов серебра употреблено на вылитие подножий святилища и подножий у завесы; сто подножий из ста талантов, по таланту на подножие". Если вошедший во двор Израильтянин шел дальше, внимательно вглядываясь, то он скоро делал открытие, что вся скиния собрания покоилась на серебре; это серебро выкупа, выплаченное ими, составляло ее основание, или ее фундамент.

Какая чудная, драгоценная мысль, если мы примем во внимание, что святилище, как мы и дальше еще увидим, являлось прообразом не только Христа, но и Его Церкви, о которой многократно говорится в Писании, что она **составляет одно с Ним**; она - "Его тело, полнота Наполняющего все во всем". Здесь мы видим ее покоящуюся на удовлетворении Христовом, на Его великом искуплении. Здесь Он и все Его дело - тот избранный, испытанный и драгоценный краеугольный камень, на котором покоится все здание.

Вместе с тем, из всего этого вытекает, что только искупленные и спасенные могут принадлежать к церкви Его, - и никто более. Правда, здесь на земле к внешним рядам чад Божиих могут причислиться и такие, - которые еще не получили части в Его искуплении посредством крови Христовой; но знайте, они тогда все-таки не включены Богом в Его славное, вечное строение, им недостает серебряного подножия, которое каждый должен иметь **лично для себя**, точно так, как в скинии собрания всякий брус под всяким шипом имел фундаментом свой талант драгоценного серебра.

Затем, если мы вспомним, что вхождение и предстояние пред Господом во святилище, как брусья, которые, стоя в нем, его составляли, обозначали вступление в освящение и служение Господу, как мы это видели раньше, то мне кажется, что это драгоценное серебряное основание как бы взывает ко всякому, на нем покоящемуся: "Христос за всех умер, чтобы живущие **уже не для себя жили**, но для умершего за них и воскресшего" (2Кор.5:15); и они как бы говорят нам, чтобы нам "по избавлении от руки врагов наших, служить Ему в святости и правде пред Ним, во все дни жизни нашей" (Лук. 1:74,75).

Будем же и мы, братия мои, всякий раз, когда мы в духе вступаем пред Богом в Его святилище, искать глазами драгоценное серебро Его искупления; но нам следует не только искать его глазами и смотреть на него, - мы должны на нем покоиться, чтобы оно, во всякое, время, могло служить нам утешением, радостью и поощрением к новой, безусловной отдаче Господу. Вас же, не знающих еще, каково ваше положение пред Богом, вас я желал бы умолять: ухватитесь за Христа Распятого, да соделается Он вашей ценой выкупа; принесите Его в сокровищницу Божию за себя и будьте уверены, что ответ Его будет: "Да, чадо, Он достаточен; иди с миром"! Да совершит Он сие ради имени Своего! Аминь.

Глава 7

Святилище - его брусья

И сделай брусья для скинии из дерева ситтим, чтобы они стояли: длиною в десять локтей [сделай] брус, и полтора локтя каждому брусу ширина; у каждого бруса по два шипа [на концах], один против другого: так сделай у всех брусьев скинии. Так сделай брусья для скинии: двадцать брусьев для полуденной стороны к югу, и под двадцать брусьев сделай сорок серебряных подножий: два подножия под один брус для двух шипов его, и два подножия под другой брус для двух шипов его; и двадцать брусьев для другой стороны скинии к северу, и для них сорок подножий серебряных: два подножия [для двух шипов его] под один брус, и два подножия под другой брус [для двух шипов его]; для задней же стороны скинии к западу сделай шесть брусьев и два бруса сделай для углов скинии на заднюю сторону; они должны быть соединены внизу и соединены вверху к одному кольцу: так должно быть с ними обоими; для обоих углов пусть они будут; и так будет восемь брусьев, и для них серебряных подножий шестнадцать: два подножия под один брус, и два подножия под другой брус [для двух шипов его]. И сделай шесты из дерева ситтим, пять [шестов] для брусьев одной стороны скинии, и пять шестов для брусьев другой стороны скинии, и пять шестов для брусьев задней стороны сзади скинии, к западу; а внутренний шест будет проходить по середине брусьев от одного конца до другого; брусья же обложи золотом, и кольца, для вкладывания шестов, сделай из золота, и шесты обложи золотом. И поставь скинию по образцу, который показан тебе на горе.

(Исх. 26:15-30)

Мы только что рассматривали двор скинии и заключающиеся в нем предметы, получив в них некоторые драгоценные намеки на тени будущих благ, давно уже принадлежащих нам, по своему существу, во Христе Иисусе. Хорошо, если бы каждый из нас в отдельности продолжал сам исследовать эти предметы и не откладывал бы их в сторону, когда кончается наша беседа, потому что в только что початых золотых россыпях содержатся еще богатые сокровища, которые открываются тому, кто, подобно Даниилу, "расположил сердце свое, чтобы достигнуть разумения". Мы же, продолжая наше изучение, подходим сегодня к жилищу Божию, именно к самой скинии собрания.

Наружный вид скинии и все ее внешнее устройство не имели в себе ничего привлекательного. Это, во всяком случае, не была искусная постройка изящной архитектуры, могущая приковывать к себе глаз; нет, даже нельзя было сказать, чтобы что-либо в ней преследовало эту цель. В ней не было ничего, что не указывало бы исключительно на Господа и Его чудный план искупления; каждый отдельный предмет, точно так же как и все вместе, имело отношение только к этому.

Если смотрели на скинию снаружи, тогда видели только ящик необыкновенно больших размеров, именно в 30 локтей длиною, в 12 локтей шириною и 10 вышиною. Если мы измеряем локоть приблизительно в 1,5 фута, то мы очень скоро можем представить себе его настоящую величину. Снаружи этот ящик был совершенно покрыт различными распростертыми над ним покрывалами и внутри разделялся большой завесой на две части. Передняя часть заключала в

себе две трети всего пространства и называлась святилищем, между тем как остальная треть составляла Святое-святых. В следующих наших беседах мы будем рассматривать преимущественно первую часть, т.е. святилище. Сегодня же займемся прежде всего

брусьями святилища.

Остановимся, сначала, на материале, из которого они были изготовлены. Подобно всем остальным деревянным принадлежностям скинии собрания, они были сделаны из уже известного нам дерева ситтим. При рассмотрении медного жертвенника мы ближе познакомились с его качествами, указывавшими, как мы видели, на человеческую природу Христа. Мы не намерены здесь повторяться и снова приводить пред вами это объяснение, но хотим только напомнить, что дерево ситтим во всем здании скинии имело везде одинаковое значение.

Здесь, однако, мы встречаем эти брусья из дерева ситтим в связи с совершенно другим металлом, нежели в медном жертвеннике. Там все было покрыто медью, здесь же все, и внутри и снаружи, было обложено золотом; каждый брус во всем жилище Божиим был как бы в него одет. Конечно, золото должно иметь совершенно другое значение, чем медь: это ясно. Золото представляет собой самый чистый, самый благородный, прекраснейший, совершеннейший и драгоценнейший металл. Блеск его превосходит блеск всех металлов, оставляя их далеко позади. Поэтому оно не только - символ света и чистоты, но, прежде всего, величия и славы; это, так сказать, божественный, небесный металл, и здесь, как и во всей скинии, он обозначает **божескую природу Христа**. Христос, **Богочеловек**, виден нам здесь в каждом золотом или деревянном, отделанном золотом, предмете. Он здесь уже - не Христос страдающий, Которого мы встречали на дворе и в Котором очень мало были заметны признаки Его божественности. Там мы видели, что Он "уничжил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став, как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной" (Фил.2:7,8); здесь мы видим Его, как Того, Кого "Бог превознес и дал Ему имя выше всякого имени" (Фил.2:9). Он стоит здесь пред нами, прославленный Отцом славою, которую Он имел у Него прежде бытия мира, как божественно величественный Князь мира и Спаситель, каким мы узнали Его после Его воскресения, Который именно чрез это Свое "воскресенье из мертвых открылся Сыном Божиим в силе" (Рим.1:4).

Таково значение скинии собрания, или жилища Божия, когда мы рассматриваем ее как одно целое. Рассматривая же ее отдельные предметы, мы найдем, что все, применяемое здесь ко Христу, имеет применение и к принадлежащим Ему чадам, которые с Ним - одно в Его смерти, воскресении и прославлении. Все это относится и к Его Церкви, прообразом которой служили эти брусья. Об отдельных же членах этой Церкви Господней сказано то же, что могло бы быть сказано об отношении этих брусьев ко святилищу, что некогда они были "**далеко**", были вне, в мире и грехе, но "**стали близки кровию Христовою**" (Еф.2:13), так что теперь они "**уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, быв утверждены на основании апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем**" (Еф.2:19,20). Они соединены с Богом, подобно тому, как эти брусья были соединены с облакавшим их золотом; они, по словам Писания, "**соделались причастниками Божеского естества**" (2Пет.1:4). Сам Христос есть **превознесенная глава** Своей Церкви, которая представлена Богом, во многих местах Писания, как "**тело Его, полнота Наполняющего все во всем**" (Еф.1:22,23), каждый же в отдельности есть "**член тела Его, от плоти Его и от костей Его**" (Еф.5:30). Да, так близко и так тесно

соединены они с Ним, что **они в Нем**, и **Он в них** (Иоан.14:20) и даже **"один дух с Господом"** (1Кор.6:17). Во всем этом мы еще больше убедимся впоследствии, рассматривая в этом свете брусья скинии собрания.

Замечательно, что, хотя одиночных брусьев было много, они, соединенные вместе, составляли одно чудное здание Божие. В тексте мы читаем, что 20 брусьев должны были входить в состав стены, обращенной к северу, 20 брусьев - в состав стены, обращенной к югу, и 8 - в состав стены, обращенной к западу; таким образом, всего брусьев было 48. Каждый из этих брусьев, в отдельности, имел одинаковую с прочими брусьями длину, одинаковую ширину и одинаковое с ними достоинство; все же вместе они составляли одно нераздельное целое, а именно, жилище Иеговы. И не следует забывать, что не только брусья святилища, но и брусья Святого-святых составляли одно здание.

В этом, несомненно, скрыта особенно драгоценная мысль по отношению к Церкви Христовой. И она состоит из **многих отдельных душ**, как говорит слово Божие, **"великое множество людей**, которого никто не мог перечесть из всех племен и колен и народов и языков" (Откр.7:9); она состоит из миллионов, уже умерших во Христе, из миллионов, живущих на земле в настоящее время, и из тех миллионов, которые еще придут ко Христу. Хотя теперь разлученные временем и пространством, хотя исповедание или название разделяет их, они все составляют одно великое целое, а именно храм Бога, Господа нашего. Да наступит скорее время, когда они все признают эту неопровержимую, созданную Самим Господом, истину!

Что же касается положения и достоинства людей, то все они имеют одинаковое положение и то же самое достоинство в Господе. Тут один не больше и другой не меньше, один не выше и другой не ниже, так как одна и та же цена была заплачена Христом за каждого из них. Одна Глава, от которой зависят все они; один у них Учитель, руководящий ими всеми, Христос; и, по Его собственному распределению, они все между собою братья. Ни национальность, ни образование, ни положение в жизни не могут сделать разницы пред Богом, как написано: "Нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос" (Кол.3:11). Что же удивительного, если в глазах Божиих, а также и в глазах детской веры, принимающей слово Божие так, как дает его Бог, соединение всех этих, стоящих во Христе, детей Божиих - так тесно, что не существует разделения даже между Церковью Божией, находящейся здесь на земле, и Церковью, уже взятой на небеса, подобно тому, как святилище и Святое-святых составляли одно целое, разделяясь только одной тонкой завесой, но которая разодралась со смертью Господа. Да, дорогие мои братья, и нас отделяет лишь одно тонкое покрывало от небесного Святого-святых и наших братьев, находящихся там; чистое око веры и теперь уже может взирать туда и вкушать небесную радость вместе с душами, находящимися уже позади завесы, потому что оно принимает за действительность то, о чем свидетельствует Дух Святой, говоря: **"Вы приступили к горе Сиону** и ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и **Церкви первенцев, написанных на небесах**, и к Судии всех Богу, и **к духам праведников, достигших совершенства**" (Евр.12:22,23). Плотское око не может видеть этого, и наш разум не может понять, но это так: камни, находящиеся здесь внизу, и уже вполне готовые там вверху, образуют один великий и чудный храм Господень.

Другое еще обстоятельство также ясно свидетельствует, что брусья эти указывают на **Церковь Христову**, - именно их основание, на котором они были воздвигнуты. Мы видели уже из предыдущего исследования, что эти брусья стояли в скинии собрания не на **собственной, природной** почве; от своей природной почвы они были однажды отрублены топором и затем

поставлены на новое основание. Вам уже известно это основание: это было серебро выкупа, на котором крепко и безопасно покоились бруссы.

Нечто подобное произошло и с каждым отдельным истинным членом великой Церкви Божией. Некогда каждый из них был по природе грешник и стоял на почве смерти и гибели, это была опасная почва. Каждый из них представлял из себя ветвь **дикой** маслины, у корня которой уже лежала секира, так как ей надлежало быть срубленной и брошенной в огонь и - о ужас! - в огонь вечный. Но тогда Бог явил им Того, Кто однажды, вместо них, вошел в этот огонь и был им уничтожен. Они видели, как Он принял на Себя возмездие за их грех и вкусил за них смерть, чтобы они освободились. Живой верой ухватились они тогда за Него и Им совершенное дело, только в этом видя свое спасение; и Господь вменил им веру в праведность. Основываясь так на Его страданиях и смерти, на почве Его славных заслуг, они освободились от своего собственного греховного основания. Там стоять они теперь на серебряном фундаменте вечного искупления Христова, зачисленные в ряды тех, чья хвалебная песнь звучит: "Ты кровию Своею искупил нас Богу".

Дорогие друзья мои, все ли вы стоите на этой почве? Имеете ли вы под ногами основанием камень, о котором Давид мог сказать по отношению к Господу: Он **утвердил** стопы мои? То основание, которое стоит непоколебимо, если даже небо и земля прейдут? Я вовсе не спрашиваю: знаете ли вы что-либо об этом основании? Вы все без исключения знаете о дорогой цене выкупа Христова; но знать еще не значить иметь; это еще не опора и то упование, которые необходимы для вашего спасения. К сожалению, многие простое знание считают приобретением и потому воображают себе, что они уже стоят на непоколебимом серебряном основании примирения кровию Господа. О, дорогие души, не идите, обольщая себя, на встречу гибели, от которой нет возврата!

Новый свет проливает на этот предмет также и взаимное отношение этих брусев. Они стояли и сияли друг на друга тем блеском, который исходил из золота, покрывавшего их; это было чудно и прекрасно; но они должны были существовать друг для друга еще и в другом, гораздо более славном смысле. Они должны были укреплять и поддерживать друг друга. Упираясь обоими шипами своего нижнего конца в серебряное подножие, они с обеих сторон плотно и тесно прилегали своими краями один к другому. Снаружи каждый такой брус имел свои пять золотых колец, чрез которые с одного конца скинии до другого, было продето пять шестов, крепко связывавших их друг с другом; и именно этой тесной связью они поддерживали друг друга в **стоячем положении**. Без этой тесной связи между ними, без этой взаимной поддержки, и самое жилище Божие не могло бы быть выстроено.

Вот, возлюбленные, одна из причин, почему Господь составляет Свою Церковь здесь на земле: чтобы они, т.е. отдельные члены ее, поддерживали друг друга в божественном помышлении, направленном исключительно к горнему (Кол.3:1). Чтобы, как говорит апостол, **"святые совершались на дело служения, для созидания тела Христова, доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова"** (Еф.4:12,13). Это пребывание вместе, эта поддержка друг друга так же необходимы, как необходимо держаться Его, великой и превознесенной Главы, **"от которой все тело, составами и связями будучи соединяемо и скрепляемо, растет возрастом Божиим"** (Кол.2:19).

Таков ли и ваш взгляд, братия мои, что вы для того существуете в доме Господнем, чтобы каждый из вас носил бремена другого, поддерживал, ободрял и увещевал его, пока еще продолжается день? А если таков ваш взгляд, так ли между вами ежедневно на практике? Даете ли вы слову Христову вселяться в вас обильно? Научаете ли и вразумляете ли вы друг друга

псалмами, славословием и духовными песнями, встречаясь и сходясь вместе? Помощники ли вы друг другу на славном пути вечной жизни?

Должен ли я напомнить вам о драгоценных внутренних и внешних узах, соединяющих вас для такой славной цели? Дело, конечно, не в общем наименовании, под которым вы значите, не в общем месте, куда вы имеете обыкновение собираться, не в общей церковной книге, в которую вы, может быть, вписаны: нет, нет, это были бы жалкие узы; но те узы, которые вас связывают, можно выразить немногими словами: **"все и во всем Христос"**. Апостол перечисляет эти тесные узы так: "Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде нашего звания; один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, который над всеми и чрез всех и во всех нас" (Еф.4:4-6). Существуют ли узы теснее тех, которые созданы Самим Богом и которыми Он Сам хочет сделаться? О, если б теперь вы и любили друг друга так, как вас любит Пребывающий в вас, и никто не искал бы своего, но каждый пользы другого! Силой Его и любовью, данными Господом, вы это можете. Если эта сила вас наполняет, и вы живой верой почерпаете эту любовь, то, без сомнения, ваше общение друг с другом станет все теснее, все крепче и будет общением с Отцом и Сыном Его, Иисусом Христом, чрез Духа Святого.

Вернемся, однако, к скинии собрания и бросим еще один взгляд на общую цель, для которой служили здесь эти вызолоченные брусья из дерева ситтим. Цель эта была многообразна и в высшей степени поучительна.

В своей тесной связи между собою, они были хранителями тайн Божиих здесь, на земле. Эти вызолоченные брусья заключали в себе драгоценные и таинственные предметы, видеть которые приходилось не всякому, и еще гораздо меньшее число людей понимало их значение. Внутри стен, образованных ими, находился золотой жертвенник, с которого восходили к Господу благовонные курения; тут стоял золотой светильник, озарявший своим семикратным светом всю внутренность; здесь же находился и стол, с золотым венцом вокруг, со своими двенадцатью хлебами предложения, выложенными пред Господом и составлявшими пищу тех, которые выполняли здесь служение; даже святой ковчег завета, олицетворение святости, праведности, а также безграничной благодати Божией, помещался здесь. Это были, как говорил апостол Евреям, "образы небесного" (Евр.9:23), но все они приютились внутри этих стен и здесь ими охранялись.

Как живо все это указывает на Церковь Господню. Когда идет речь о тайне Христовой и Его неисследимом богатстве, которые не были возвещены в прежние времена сынам человеческим, ныне же открыты святым апостолам Его и пророкам, то Св. Писание ставит их всегда в тесную связь с Церковью Господней. Ей возвещена, открыта эта чудная тайна: пред ней раскрылось это неисследимое богатство, сделавшись ее достоянием, да, только чрез нее "соделалась известною начальствам и властям на небесах многообразная премудрость Божия" (См. Еф.3:4-10 и Кол.1:24-27). Но и для этого мира она является как бы хранительницей и стражем всех небесных благ во Христе Иисусе; только в ней одной можно найти их; она носит их в среде своей, как чудное сокровище, невидимое и непостигнутое миром. Потому то он часто недоумевает и не может понять, откуда тот огонь, та жизнь и сила, тот свет и то блаженство, которые, хотя и каплями, но все-таки время от времени доходят до него. Миру ведь неизвестно, что посреди Церкви горит жертвенник, никогда не угасающий, огонь которого непрерывно поддерживается великим Первосвященником, никогда не перестающим полагать на него Свои благовонные курения; так что ко всякому, принадлежащему к Его народу, можно отнести слова:

Хотя молчат уста,

Но молится душа,
И мысли непрестанно
Восходят в небеса.

Мир ничего не знает и о пище, дающей жизнь, и о хлебе, сшедшем с небес и непрестанно здесь вкушаемом; ничего не знает о ярко сияющем свете, освещающем всякую ночь, делающем всякое чадо Божие разумнее всех учителей его. И как много еще других благ, которыми владеет и пользуется Церковь Божия, но которые неведомы миру. О, да сохраняет их народ Божий и да пользуется ими так, чтобы из него исходили силы их, могущие победить мир и привести его к ногам Иисуса.

Другая цель этих позолоченных брусьев из дерева ситтим была: **образовать жилище Божие здесь на земле**. Это здание носило название скинии собрания, жилища Божия. Бог ясно сказал, что именно на этом месте Он будет присутствовать, отсюда будет свидетельствовать им и говорить с ними; и даже будет обитать во Святом-святых. И как Он сказал, так и случилось, потому что, лишь только скиния была воздвигнута, то, как мы читаем в конце книги Исхода, тотчас же "облако покрыло скинию собрания, и слава Господня наполнила скинию"; и с этой минуты Он обитал здесь, потому что с этих пор все последующие откровения Божии Моисею и его преемникам исходили из этого места, как это видно из первого стиха книги Левит, где сказано: "И воззвал Господь к Моисею и сказал ему из скинии собрания".

Но это водворение Бога все же было только тенью будущих благ, тем не менее указывавшею на нечто такое, что должно было осуществиться, сделаться воистину действительностью, потому что "Бог, сотворивший мир и все, что в нем, Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворенных храмах живет" (Деян.17:24). Но где же, спрашиваем мы, живет Он? Пусть же Он Сам скажет это, чтобы мы это наверно знали. Существует, возлюбленные, только два места, где Он обитает: "Ибо так говорит Высокий и Превознесенный, вечно Живущий, - Святый имя Его: Я живу **на высоте и во святилище** и также **с сокрушенными и смиренными духом**, чтобы оживлять дух смиренных и оживлять сердца сокрушенных" (Ис.57:15). Таким образом, жилище Его, с одной стороны, находится в той славе, где Он живет в неприступном свете и куда приблизиться никто не может, а, с другой стороны, в каждой отдельной душе, в которой Ему дан простор, и где все остальное, все, что не Он, разбито, сокрушено и уничтожено. И из этих отдельных душ состоит жилище Господне, Его чудный храм на земле, как Бог говорит: "**Вы храм Бога живого** (не "должны быть" храмом), как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом" (2Кор.6:16). И в другом месте: "Где двое или трое собраны во имя Мое, **там Я посреди их**" (Матф.18:20). В Еф.2:21,22 они называются зданием, "которое, слагаясь стройно, возрастает **в святой храм** в Господе и в **жилище Божие Духом**". Итак не трудно указать место пребывания Господа здесь на земле: там, где есть душа, омытая Им, искупленная Им, там, где их несколько или много или даже только две или три, нашедшие в Нем праведность и силу, там пребывает и Господь, там обитает Высокий и Превознесенный. Напрасно вы бы искали Его в другом месте, - как бы велико и прекрасно ни было помещение, какое бы великое множество людей ни собралось, с какой торжественностью и с каким великолепием ни совершалось богослужение, - если это люди, не очищенные кровью Христовой и не облагодатствованные в Возлюбленном, то относительно Господа можно сказать: "Его нет здесь, - что вы ищете живого между мертвыми"?

Наконец, те брусья из дерева ситтим были еще предназначены **быть носителями чудных покрывал, распростертых над ними**. Покрытые чистым блестящим золотом, они сами по себе

были прекрасны, но их назначение состояло не в том, чтобы выставлять себя на вид, но чтобы обнаруживать великолепие покрывал, которые вполне закрывали их. Распростерты на брусках, они поддерживались на такой высоте, что были видны через двор даже из самого стана. В этих же покрывалах мы видим многосторонние, чудные красоты Христа, Его великолепие и славу, высоту и величие Его, проявились ли они в Его унижении или открываются ли они в Его прославлении.

Так надлежит и Церкви Христовой быть носительницей чудных совершенств Христовых; на ней должно быть видно, каков Он. В ней должен изобразиться Христос (Гал.4:19). Но что же такое изображение? Это, конечно, нечто осязательное, нечто, имеющее действительное очертание, нечто видимое; так должно отражаться Христу во всех членах Его. Они для того и сделаны членами Его, чтобы "возвещать совершенства Призвавшего их из тьмы в чудный Свой свет" (1Пет.2:9). И как **каждый** брус скинии собрания выполнял **одну и ту же** цель, так надлежит и **каждому** чадю Божию являть Христа, высоко вознося Его.

Да, братья мои, не только для вас и для тесного круга, в котором вы находитесь, надо вам высоко вознести Иисуса, но и в стан, в окружающий вас мир вы должны нести Христа. Кто же другой сделает это, если не вы? Не знающие его не в состоянии этого сделать, они дали бы о Нем превратное понятие, и многие упали бы вместе с ними в яму. О вас же Он сказал: "Этот народ Я образовал для Себя, он будет возвещать славу Мою" (Ис.43:21). Каждый из вас есть памятник Его милости. Да светит же каждый из вас этому миру так, чтобы он под глубоким впечатлением являемого вами Христа воскликнул бы и засвидетельствовал: "Господь совершил над вами великое"! Аминь.

Глава 8

Священные цвета

Вот приношения, которые вы должны принимать от них: золото и серебро и медь, и шерсть голубую, пурпуровую и червленую, и виссон, и козью [шерсть]

(Исх. 25:3-4)

Скинию же сделай из десяти покрывал крученого виссона и из голубой, пурпуровой и червленной шерсти, и херувимов сделай на них искусною работою

(Исх. 26:1)

И сделают ефод из золота, из голубой, пурпуровой и червленной шерсти, и из крученого виссона, искусною работою

(Исх. 28:6)

После того, как нам в прошлой беседе открылось значение брусьев скинии, и мы видели, как их постановкой устроились стены ее, было бы очень удобно приступить к рассмотрению покрывал, которыми было покрыто жилище Иеговы, и которые, собственно, довершали его. Но там мы встретились снова с различными цветами святилища; и снова перед нами выступила необходимость сначала заняться ими, чтобы, затем, легче уяснить себе значение вышеуказанных тканей. При этом свете приобретают большую цену не только эти покрывала и завесы, но и все остальные предметы, в которых они нам встретятся.

Что эти цвета не случайно попали в священные предметы, но, скорее, имели особенно важное значение в глазах Божиих, этому будет верить, без всякого довода, каждый серьезный, верующий в Библию христианин, потому что он знает, что Св. Писание "изрекали (и так и писали) святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым", Который во всяком постановлении, во всяком слове открывает нам чудные планы и предначертания Божии. Но уже и то обстоятельство, что эти цвета нам встречаются всюду во святилище, должно показывать нам их важность и привлекать к себе наше внимание. Куда бы мы ни обратили наш взгляд, везде он упадет непременно на них. Мы видели их на воротах двора, на двери святилища, на завесе Святого-святых и снова их увидим на облегающих скинию покрывалах; не отсутствуют они даже и в священных одеждах Первосвященника; везде голубой, пурпуровый, червленый и белый цвет, искусно сотканые в миловидном сочетании, представляются внимательному взгляду наблюдателя. По точному вычислению, эти цвета повторяются в Пятикнижии Моисее в одном и том же порядке 24 раза. Да будет же Господу угодно показать нам их значение по благоволению Его. Впереди всех

святых цветов.

стоит, как мы видим, **голубой цвет**. За очень немногими исключениями, этот цвет всегда занимает первое место в перечислении вышеозначенных четырех цветов. Таким образом, он является первым по порядку; Бог дал ему первое место. Сам по себе он едва ли был бы в

состоянии бросаться в глаза наблюдателю, так как оба красные цвета далеко его превосходили в этом отношении; во всяком случае ткани эти казались скорее красными, нежели голубыми. Бог, однако, дал ему предпочтение, заставляя другие цвета обыкновенно следовать за ним. Цвет же этот - цвет неба и всего небесного. Ведь он простирается по всему небосклону в бесконечное пространство. С какой точки земли ни поднял бы человек глаза свои и не поглядел бы на небо, всюду встречается ему этот мягкий, милый голубой цвет.

И вот, мы находим этот голубой цвет во многих прообразах небесного, которые имеют осуществление во Христе Иисусе. Это очень живо указывает нам на **небесный характер Христа Иисуса**. Он был ниспосланный к нам с небес Искушитель. На земле не было для нас спасителя; Ему надлежало придти к нам из иного Царства: Он должен был для нас сойти с неба; вот первый важный урок, который Господь хотел нам дать и глубоко запечатлеть в поставлении голубого цвета впереди всех цветов. Мы знаем, что Он был человек, действительно человек, по виду ничем не отличавшийся от человека, и вошедший во все человеческие положения и обстоятельства, кроме греха; и при всем том Он был все-таки совершенно иным человеком, нежели мы, потому что Он не был, подобно нам, прахом из праха и землей из земли, но был, как назвал Его апостол Павел "Господь с неба" (1Кор.15:47). Он **только "посетил нас по благоутробному милосердию Бога нашего"**, и посетил нас, как **"Восток свыше"**, чтобы "просветить сидящих во тьме и тени смертной, направить ноги наши на путь мира" (Лук.1:78,79). Итак, Он был здесь на земле небесным пришельцем с небесной целью, пришельцем постоянно сознающим это свое положение и странствующим сообразно ему. Ни на мгновение не забывал Он, откуда Он исшел, где находился и куда шел. Самые серьезные и самые важные беседы, поглощавшие всю Его душу, не отстраняли никогда от Него этого сознания. Посмотрите на Него, как, в ту столь благословенную для Никодима ночь, Он свидетельствует ему, откуда Он исшел и где Он пребывает, говоря ему: "Никто не восходил на небо, как только **сшедший с небес Сын человеческий, суший на небесах**" (Иоан.3:13). И иудеем он открыто высказал это: "Вы от нижних, Я от вышних; вы от мира сего, Я не от сего мира" (Иоан.8:23). И как Сам Он не был от мира, то и все мысли, слова и дела Его были небесные, как свидетельствует о Нем Иоанн Креститель: **"Приходящий свыше и есть выше всех; а суший от земли земной и есть и говорит, как суший от земли; приходящий с небес есть выше всех. И что Он видел и слышал, о том и свидетельствует"** (Иоан.3:31,32). Во время своего пребывания здесь, на земле, Он приобретал для неба: Он пришел установить Царство небесное на земле, вернулся назад на небеса и, наконец, придет еще раз с неба, взять к Себе Своих, чтобы и они были там, где Он.

Этот небесный Его характер обнаруживался тот час же пред наблюдателем с искренним сердцем и открытым оком. Пока Нафанаил не узнал Иисуса ближе, он мог спросить: "Из Назарета может ли быть что доброе"? Но дайте ему подойти ближе, дайте ему взглянуть на Него настоящим взглядом, и он должен будет воскликнуть: "Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев!" И следующий опыт, который он отныне будет приобретать в общении с Ним, по словам Самого Господа, будет таков, что он увидит "отныне небо отверстым и Ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к Сыну человеческому" (Иоан.1:49,51).

Тот же опыт повторяется еще до сегодняшнего дня. Пока душа остается Ему чужой и далекой, она не видит в Нем ничего небесного. Иисус для нее все то, что делают из Него люди. Он для нее "Иоанн Креститель, Илия, Иеремия или один из пророков", или, при переводе на наш современный язык, великий, благочестивый муж, Которого надо почитать и перед Которым надо преклоняться - и больше ничего; но если душа действительно придет в соприкосновение с Ним,

Дух Божий открывает ей глаза и если она вступит в святое общение с Ним, как там Нафанаил, то с этого времени она не видит ничего, кроме славы, кроме самого неба. Ей приходится только удивляться, как могла она быть такой слепой и не видеть всего этого раньше.

Если голубой цвет, с одной стороны, показывает небесный характер Христа, то, по отношению к нам, он показывает Христову любовь, благодать и милосердие. Некто отозвался однажды об этом цвете так: "Он привлекает глаз, не ослепляя его, и прилагательное "милый" можно прибавить к нему с полным правом". Независимо от того, правильно ли и верно ли это суждение, - ясно, что сошествие с неба нашего Господа являет нам не что иное, как любовь Его и любовь Отца к нам. "Ибо", свидетельствуют уста Сшедшего к нам с небес, **"так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного**, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную" (Иоан.3:16). Да, Бог есть любовь, но мы не познали бы Его, как любовь, без отдачи Сына его, потому что Он в Своей Собственной личности пришел открыть и показать нам Отца. Мы никогда не узнали бы, как сердце Отца настроено относительно нас, если б Он не пришел к нам с неба; Его пришествие свидетельствовало о любви Его и о любви Отца, и, когда Он был у нас, Он доказал нам ее, выставляя ее во всех Своих действиях. "Бога не видел никто никогда", так свидетельствует Он Сам, "Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил" (Иоан. 1:18). И в другом месте: "Видевший Меня видел Отца" (Иоан.14:9). И можем ли мы сказать, что что-либо другое, кроме любви, самой чистой, божественной любви, можно было видеть в чудных поступках Сына? Она была нераздельно связана с Ним, что была, собственно, Его природой, и, если Отца называют любовью, то только чрез Него, Кто дал неопровержимые доказательства этой любви.

И теперь, когда вы видите где-либо в скинии собрания этот милый цвет, вспоминайте о синеве небесной во всей ее беспредельности и неизмеримом пространстве, говорящей нам о широте, и долготе, и высоте, и глубине сшедшей с небес любви, любви, превосходящей всякое разумение.

Перейдем теперь к следующему цвету - **багряному, или пурпуровому**. Как голубой цвет составляет особенный цвет неба, так багряный, или пурпуровый является характерным цветом земного великолетия. Почти все царства мира сего искали в нем выражения своей славы и величия. Таков был обычай в старину и отчасти он удержался и до нашего времени. Даже слово Божие употребляет его, как символ человеческой царственной власти. Например, в Откровении Иоанна в этот цвет облечен зверь с десятью рогами, о котором нам ясно сказано, что это будет господствующая на земле власть до второго пришествия Христа; точно так же сатана, великий похититель власти, который и зверю даст власть, назван на священном языке "красным драконом" не потому, чтобы в этом цвете было что-либо злое, но потому, что зло здесь присвоило себе **величие и господство**. Сатана, дух злобы, похитил то, что должно принадлежать Христу; вот, что показывает нам здесь Бог. Далее, мы читаем, что, желая в насмешку представить Господа нашего, как земного царя, Его облекли в багряницу, вложив Ему в руку трость, вместо скипетра, и этим издеваясь над Его царским достоинством. Этих примеров, думаю, вполне достаточно, чтобы убедить нас, что багряный, или пурпуровый цвет обозначает царское величие.

Пурпуровый цвет, где бы он ни встречался в богослужении левитов, возвещает нам Христа, как **Царя земли**. И, без сомнения, если Бог Своим искуплением, посланным в мир во Христе, создал новое творение, то никто, **кроме Него**, не может быть его главой и царем. Человек, венец творения, получил, как царь его, широкое, божественное полномочие: **"Наполняйте** землю и **обладайте ею и владычествуйте** над рыбами морскими и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле" (Быт.1:28). Сотворенный по образу и подобию

Божию и вооруженный этим полномочием, он был представитель Иеговы здесь на земле; но как скоро он потерял чрез грех свой царский престол и свое царственное достоинство, как скоро он, **повелитель**, попал в узы и подданство сатаны и, вместо того, чтобы господствовать, сам был подчинен господству, стал жалким рабом сатаны и всех его похотей. Освободиться самому было для него навеки невозможно, его престол был для него безвозвратно потерян. Но, благодарение Богу, тогда пришел второй Адам, "Господь с неба", "Наследник всего" (Евр.1:2), "Сильнейший", и, напав на дом сильного, т.е. диавола, отнял у него имущество, им противозаконно присвоенное, потому что, как говорит Писание, Он пришел, чтобы стереть главу змею и "разрушить дела диавола". Сатана знал и с ужасом чувствовал, что дело шло об уничтожении его владычества; отсюда этот трепет и этот вопль страха бесноватых, говоривших его языком: "Пришел Ты сюда прежде времени мучить нас" (Матф.8:29), они знали, что Он был Сын, Наследник. И потому что сатана знал, что, в конце концов в руку Иисуса отдана будет всякая власть на небе и на земле и что все царства мира сего должны будут принадлежать Богу и Христу, т.е. помазаннику Его, он и сделал в пустыне отчаянную попытку, хитростью покорить Его себе, показывая Ему в одно мгновение ока все царства мира сего и делая Ему богохульное предложение: "Все это дам Тебе, если, падши, поклонись мне". Но; - слава Ему! - всякое искушение разбивалось этим вторым Адамом; Он преодолел, Он остался победителем.

Будучи заранее предназначенным царем земли, таковым был Он и по своему рождению, потому что, как Он был Сыном Давида, так был и Господом его. Он был рожденный царь Израиля, и для того, чтобы быть им, Он пришел в этот мир, и даже в самый страшный час Своей жизни и Своих страданий, когда человеческий глаз не мог открыть никаких следов Его царского достоинства, Он не побоялся засвидетельствовать перед Понтием Пилатом, что Он Царь. Первосвященникам же и старейшинам Своего народа Он сказал: "Вы узрите Сына человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных" (Марк. 14:62). Бог не преминул возвестить эту чудную действительность всему миру, когда, в минуту Его самого глубокого унижения, Он, сопричисленный к злодеям, висел между двумя разбойниками на кресте, дав надписать над Его головой на трех языках того времени, религиозном, научном и государственном, т.е. еврейском, греческом и латинском: Иисус Назорей, Царь Иудейский (Иоан.19:19). Никакие протесты Его враждебного народа против этой надписи тут не помогли; они, которые легко могли достигнуть всякой неправды у трусливого судьи Господня, должны были в отношении этой надписи, казавшейся им почти невыносимым позором, принять непреклонный, решительный ответ: "Что я написал, то написал".

Итак, эта земля не признала в Нем избранного Богом Царя, она оттолкнула Его от себя: люди "не хотели, чтоб Он царствовал над ними", как они этого не хотят еще и теперь, потому что и до сих пор Он отвержен большинством; но определение Божие остается непоколебимо: Как ни мнутя народы и ни замышляют тщетное племена, как бы ни восставали цари, и сколько бы ни совещались князья земли вместе против Господа и против помазанника Его, как бы ни силились они расторгнуть их узы и свергнуть с себя их оковы, - Живущий на небесах посмеется, Господь поругается им; Его определение таково: "Я помазал Царя **Моего** над Сионом, святою горою Моею" (Пс.2:1-6). Да, этому Царю Его все-таки дана всякая власть на небе и на земле, и только согласно Его плану должны действовать все владыки и цари земные, как бы враждебно они ни относились к Нему, "потому что Бог положил им на сердце исполнить волю Его, исполнить одну волю" (Откр.17:17).

В то время, как одни служат Ему, против своей воли выполняя Его план, мы видим в наши дни малочисленный народ, который добровольно подчинился Ему, и добровольно приносит Ему

жертвы в святом благолепии; рассеянный по всей земле, среди всех народов, племен и языков, он ежедневно возрастает числом; пока не сделается великим множеством, которого никто не может перечесть. Они смотрят на Него с наслаждением, как на своего Царя. И скоро придет время, когда "преклонится всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык будет исповедывать, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца" (Фил.2:10,11). И мне кажется, будто я уже вижу Его в духе, грядущего на облаках небесных, и **много** диадим на челе Его, потому что **все** царства мира принадлежат Ему; мне кажется, что я читаю написанные на одежде и бедре Его слова: "Царь царей и Господь господствующих" (Откр.19:16), потому что "Он сокрушил голову в земле обширной" (Пс.109:6); я вижу, как Он занимает "престол Давида, что владычество Его умножается и нет предела миру Его". Блаженное время, заставляющее нас воскликнуть: "Аминь: Ей, гряди, Господи Иисусе!"

Но, дорогие друзья, раньше, чем продолжать нашу беседу, позвольте вас спросить: все ли вы Его подданные, Его ли вы подданные в настоящую минуту? Действительно ли вы принадлежите к народу Его? Стоите ли вы душой и телом на Его стороне? Здесь нет никакой нейтральной почвы. Не будем обманывать себя: или мы Христовы или принадлежим врагу; подданные Одного или другого, потому что решающее слово Христа в этом отношении таково: "Кто не **со мною**, тот **против Меня**".

О присягните же Ему пред знаменем креста,
Как подданные, воины Христа!

Но перейдем теперь к третьему цвету, т.е. червленому. Этот цвет цвет крови и имеет отношение ко Христу, "пострадавшему за нас во плоти" (1Пет.4:1). Без смерти "Господа с неба", "второго Адама", Царя земли, не оказалось бы никого, принадлежащая к семени Его, никого, могущего войти в славу; теперь же через смерть Его принадлежащее Ему **освободились** от **вечной смерти**; только смертью Своею явил **Он жизнь и нетление**, потому что, "как в Адаме все умирают, **так во Христе** все оживут" (1Кор.15:22). Наследство, оставленное нам первым Адамом, - смерть, достигшая всех людей; наследство же, даруемое нам Христом, заключается в вечной жизни, приобретенной смертью Его.

Когда Он ходил некогда на земле, Он был единственным пшеничным зерном совершенно нового, небесного семени, полным небесной, вечной жизни, тогда как окружавшие Его плевелы были полны смерти; если б это пшеничное зерно не упало в землю и не умерло, то оно осталось бы **навекки одно**, как это Он Сам сказал нам. Но, благодарение Богу, оно умерло и принесло много плода! - Неправда ли, вы знаете эту чудную притчу, которая, как никакая другая, указывает путь, которым через Его смерть жизнь вечная, Его собственная жизнь, сделалась нашим достоянием. Известно, что пшеничное зерно, как и всякое другое семя, если оно хочет передать жизнь своему, происходящему от него, семени, т.е. другим пшеничным зернам, должно вперед умереть и отдать свою жизнь, чтобы она, как бы через воскресение, перешла в эти его семена; другого пути не существует. Таким образом оно умножается и не остается одно; то же было и со Христом, пришедшим к нам с небес, как сказано: "Когда душа Его принесет жертву умиловления, Он узрит потомство долговечное" (Ис.53:10). Почти девятнадцать столетий протекло с того потрясшего весь мир события, когда Сын Божий пошел на смерть, и наши очи видят до сегодняшнего дня, как появляются все новые пшеничные зерна; плоды не прекращаются, и снопами собирается великая жатва. О, если бы мы все вошли в состав этих снопов!

Да, возлюбленные, этот червлёный цвет в чудной ткани искупительного плана Божия сияет не меньшим блеском, нежели голубой и пурпуровый. Без смерти Господа и все прочее ведь было бы напрасно для нас. Может быть наш взгляд с удивлением смотрел бы на **чудный голубой цвет** Его небесной природы и Его бесконечной любви, сведшей Его к нам; со страхом и почтением смотрели бы мы **на пурпуровый цвет** Его прославленного величия, если бы мы видели, как все Ему покорено, даже и сами мы, хотя, быть может, с трепетом и вынужденно, склонили бы пред Ним наши колена, и уста наши засвидетельствовали бы, что Он Господь во славу Бога Отца; но **во всем этом** не было бы для нас ни спасения, ни освобождения, потому что лишь Своєю "смертию лишил Он силы имеющего державу смерти, то есть диавола, и **избавил тех**, которые от страха смерти чрез всю жизнь были **подвержены рабству"** (Евр.2:14,15). Только чрез отдачу жизни Его было совершено "**искупление многих**" (Мат.20:28), и только Его смертью **мы могли быть привлечены**: "И когда Я вознесен буду от земли", говорил Он Сам, "всех привлеку к Себе. Сие говорил Он, давая разуметь, какую смертью Он умрет" (Иоан.12:32,33). Да, как ни величественно, как ни превосходно, славно и чудно все, что в Нем есть, что могут открыть наши очи и очи всех людей, все таки средоточием нашего спасения и того, что влечет и приковывает наши сердца к Нему и навеки связывает с Ним, это есть и всегда будет смерть Его, вершина Его любви. Стихотворец сказал правду, воспевая:

Не славные царства Твои привлекают,
Великое сердце, к Тебе все сердца,-
Но здесь, в свое время, явленье святое
И путь Твой земной, полный скорби, труда.

И прав этот же песнопевец, говоря далее:

Когда пред нами Тот, Кто нас спасает
И, умирая, Свою кровь Он льет,
Когда прообраз нам Его являет,
То наше сердце счастливо, душа живет.

Нам остается только остановиться еще у последнего белого цвета. Он уже встречался в завесах двора и тогда мы узнали его, как невинность и праведность Господа. Мы видим в нем также и нашу праведность, которую, как говорит апостол, мы получаем "даром по благодати Его", облекшись во Христа. Вот этот белый цвет обыкновенно ставится последним, как это сделали и мы, остановившись на нем после только что нами рассмотренного червлёного цвета крови. Что касается нашего отношения к нему, то мы находим, что это самое верное место для него, потому что наша праведность может быть только плодом смерти Господа. Сперва "Бог не знавшего греха сделал для нас жертвою за грех", потом только "мы в Нем сделали праведными пред Богом" (2Кор.5:21). Что же касается его отношения ко Христу, то мы должны сознаться, что он, по своему значению, составляет **основание и заключение**, альфу и омегу красоты и славы нашего Господа. Уже в самых тканях лежит этот намек, потому что мы не должны забывать, что все эти разноцветные, чудные материи из виссона первоначально были совершенно белые и только впоследствии им были приданы эти многозначительные цвета. Также и белый цвет праведности, святости и непорочности Христа есть то основание, на котором все другие красоты и совершенства Его получили свое полное достоинство. Он ведь не мог бы сделаться "Сшедшим с небес", каким Его изображает голубой цвет, если б Он не был

неповинным и праведным; не мог бы Он получить и престол владычества Своего, как свидетельствует багряный, или пурпуровый цвет, если б в Нем был хоть один недостаток: и кровь Его не могла бы быть ценой выкупа для меня и тебя, как это явствует из червленого цвета, если б Ему пришлось искупать Свой собственный грех. Итак, мы видим, что белый цвет Его праведности представляет основной тон чудного сочетания всех Его совершенных качеств и всего Его существа.

Взглянем, наконец, на чудную тесную связь, соединяющую все эти цвета вместе, и, замечая, как они были сотканы в одно в покрывалах, завесах, ефоде и поясе, мы видим в них **Христа**, "**Чудного**", как назван Он еще в Ветхом Завете. И не должна ли Его прославленная личность возбуждать в нас изумление, когда мы взираем на Него во свете этих цветов, и видим соединенными в Нем небо и землю, Бога и человека, высшую славу и глубочайшее унижение, даже время и вечность: когда мы видим в Нем единственного Праведника и как Он есть и остается праведным, оправдывая грешника и нечестивого; как Он, "**будучи сияние славы и образ ипостаси Бога** и держа все словом силы Своей, совершил в то же время **очищение грехов наших Самим Собою**"?! Да, в изумлении и благоговении повергаемся мы к Его ногам, присоединяясь к славословию праведников, достигших совершенства: "Достоин Агнец закланный принять силу, и богатство, и премудрость, и крепость, я честь, и славу, и державу во веки веков. Аминь" (Откр. 5:12,13).

Глава 9

Покрышки из синих (барсучьих) и бараньих кож

"И сделай покрывашку для покрова из кож бараньих красных, и еще покров верхний из кож синих"

(Исх. 26:14)

Наверно мы еще не забыли нашей предпоследней беседы, где мы рассматривали роскошную постройку из дерева ситтим, а также привлекательный блестящий ее вид, который она должна была иметь, покрытая снаружи и внутри чистым золотом. Но эти вызолоченные стены не стояли видимые каждому взгляду, как, может быть, многие думают, и как мы представили их в нашей беседе. Нет, напротив, вся скиния была так закрыта покрывалами и покрывками, что наружу не пробивался ни один луч ее внутреннего блеска. Благодаря четырем покровам, она скрывала свою красу от всякого, стоящего вне. Два покрывала и две покрывки окутывали ее со всех сторон. Покрывала состояли - одно из искусно вытканной виссонной ткани, а другое - из белой козьей шерсти; покрывки же были сделаны из кож животных.

Рассмотрим немного поближе все эти четыре покрова. Прежде всего и непосредственно на позолоченных стенах из брусьев дерева ситтим было распростерто покрывало с изображениями херувимов, искусные вышивки которого были видны внутри святилища. Составленное из десяти отдельных широких полотнищ, оно закрывало обе длинные боковые стены, заднюю стену и, само собою разумеется, образовывало потолок. Затем следовало второе покрывало, именно покрывало из козьей шерсти, бывшее длиннее и шире первого, и потому вполне закрывавшее лежавшее под ним покрывало с херувимами, так что снаружи от него ничего не было видно. На этих двух покрывалах лежали две покрывки из кож. В приведенном нами месте Св. Писания подразумеваются именно эти две последние, которые мы думаем рассмотреть поближе; это были

покрывки из синих (барсучьих) и бараньих кож.

При некотором серьезном размышлении, всякому освященному уму, я думаю, станет ясно, что два вышеупомянутые покрывала, с одной стороны, и две рассматриваемые нами покрывки, с другой, изображают две различные стороны одного и того же Христа. В то время, как первые указывают на Его возвышение, последние говорят об унижении Его, и так как оба рода этих покровов покоились на тех вызолоченных брусьях, представлявших, как мы видели, Церковь Господню, - ясно, что истины, которые они возвещают о Христе, имеют применение и к последней.

Остановимся, прежде всего, на грубой покрывке из барсучьих кож. (В русском переводе они названы просто "синими"). Она была самым верхним и, следовательно, снаружи видимым покровом; в ней Христос является нам в Своем **внешнем виде, в образе раба.** Представим себе,

что какой-нибудь совершенно непосвященный человек невзначай увидел бы скинию, одетую этим грубым и невзрачным синим покровом: мог ли он предположить, хотя бы только приблизительно, какое высокое значение имеет эта серовато-синяя хижина? Мог ли он подозревать, какое великолепие, какая красота и какие глубокие тайны скрываются внутри ее, - что **это жилище Всевышнего**? Нет! Именно эта грубая покрывка из барсучьей кожи, казалось, должна была удалять подобные мысли, и даже не позволять им возникнуть. Совершенно иначе и гораздо славнее представил бы он себе дом, жилище Иеговы! Только ознакомление поближе, проникновение вглубь в этот невзрачный ящик, а не голая поверхность его, дали бы желаемый свет непосвященному.

И если мы смотрим на Христа в Его унижении и в образе раба непросвещенным оком, какое мы имеем от природы, то не приходим ли и мы к такому же заключению? Не приходит ли миллионы к такому результату еще и в наши дни? Возлюбленные, необращенный и по сей час не находит ничего особенного в Нем; он только может удивляться, что другие видят в Нем так много и так Им заняты; он, со своей стороны, проходит мимо Него холодно и равнодушно, не испытывая к Нему ни малейшего влечения; и слово пророка о Христе остается в полной силе, как для **единичного лица**, так и для **толпы**, как для **всех** времен, так и для **всех** стран света и всех царств земных, - для непосвященных Он всегда тот же "не имеющий ни вида, ни величия"; "мы видели Его", говорят они единогласно, "и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему". Итак, в их глазах Он человек, который не может приобрести ни милости, ни благоволения у людей. Но еще одной ступенью ниже изображает Его пророк, говоря, что в их глазах "был обезображен паче всякого человека лик Его, и вид Его паче сынов человеческих". Тут они уже сделали сравнение, положили Его вместе с другими на весы, и какой же получился результат? Сравнение это было не в Его пользу; Он оказался легче. Эта действительность, возлюбленные, часто глубоко возмущала мое сердце, потому что ежедневно можно слышать и видеть, как многие люди привлекаются гораздо сильнее сынами человеческими, составившими себе хотя немного известное имя в этом мире, чем Христом. Всякое слово, вышедшее из-под пера Шиллера или Гете, все, что пишут об Александре Великом и Наполеоне, что повествует история о Платоне и Пифагоре, о древних и современных государственных мужах и героях, все это с жадностью читается, поглощается, повторяется тысячи раз, и все эти мужи стоят пред ними в превосходном изображении, в золотых лаврах, они возвели их на пьедесталы и в благоговении склоняют пред ними свои колена; но Христос, да, Христос, Он стоит под кожаным покровом. И когда пророк вынужден (чтобы более ясно изобразить отношение некоторых к Нему) еще сильнее сгустить краски этой картины, влагая им в уста: "Мы отвращали от Него лицо свое; Он был презираем, и мы **ни во что** ставили Его" (Ис.53), то и это слово вполне соответствует истине. У тысячей презрение - часть Его и только потому, что другие Его презирают; не хватает мужества сказать одно слово в Его пользу: Он этого не стоит! И право, нам не приходится идти далеко, чтоб своими собственными глазами убедиться в этом, потому что нет города, где не нашлось бы большого числа людей, **ставящих Его ни во что**. Да, Его вид человека, и в нем образ раба, и унижение, на которые указывает та серовато-синяя покрывка, мешали тогда природному оку необращенного человека, мешают и теперь видеть в Нем Того, о Котором писали Моисей и Пророки, - помазанника Божия. Он есть и остается для них "Иисусом, сыном плотника Иосифа", и их бедное ослепленное око узнает Его не раньше, чем Он явится в облаках небесных с силою и славою великою; разве только Отец в милости благоволит открыть им блаженную тайну, озарив их ослепленные очи; тогда Он сделается и для них Избранным среди многих тысяч. Дай Бог, чтобы это последнее было участью всех нас!

Если синяя (барсучья) покрывка являет Христа в образе раба, то красная показывает Его во всей красе Его глубоких страданий. Он является в ней Тем, Чье "одеяние красно" и Чьи ризы, "как у топтавшего в точиле" (Ис.63:2); но это не кровь других, а Его собственная, которая так Его обагрила. Если мы идем за Ним по пути Его глубочайшего унижения и по пути его страданий, то мы ежеминутно, шаг за шагом, встречаем Его в этой красной покрывке. Лишь только мы приближаемся к Гефсимании, как из глубины этого, навсегда памятного нам сада, доносится до нашего слуха жалобный стон, который, как никакой другой, трогает наше сердце. Мы подвигаемся вперед, чтобы узнать, в чем дело, и вот Некто лежит пред нами на земле; Он упал на лицо Свое, все покрытое потом; и каким потом? Тяжелыми красными каплями крови струится он по челу Его, стекая на холодную землю, прямо к нашим ногам. Встав отсюда, Он спешит навстречу ищущим Его, простирая к ним Свои руки, чтобы этим сохранить Своих. "Если Меня ищите, оставьте их, пусть идут" (Иоан.18:8), - вот Его отражающий возглас ради учеников, которым Он выдает Себя, как овца стригущим ее. Те связывают Ему руки, - и вот Он уже стоит пред верховным судилищем и на Гаввафе, и здесь, да, здесь, два раза срывают с Него одежду и терзают Его святое тело римским бичом, так что Он весь обливается кровью, и одежда Его обагрится ею. Хочешь ли ты видеть Его в красном покрове из бараньих кож? Вот здесь верная картина!

Но, дорогие друзья, это еще не все; прообраз указывает еще на более жестокие страдания, он указывает на **последовавшую насильственную смерть**. Те красные кожи, как обыкновенно предполагают, принадлежали овнам, принесенным во всеожжение Господу; итак, их жребием была смерть. Так и со Христом. Он должен был сделаться жертвою за нас и, как мы все знаем, Он сделался ею, умирая самой постыдной смертью. Вы знаете смерть Его, - как он сделался за нас клятвою, чтобы искупить нас от клятвы закона, как написано: "Проклят всяк, висящий на древе" (Гал.3:13). Да, там на древе, куда Он вознес Сам телом Своим грехи наши (1Пет.2:24), там сделался Он истинным "**мужем скорбей**" и "изведал болезни"; там был Он "**изъязвлен за грехи наши и мучим за беззакония наши**", там **было на Нем "наказание мира** нашего, и **ранами** Его мы **исцелились**". И чрез какое страшное истязание прошел Он там! Никакая картина не может точнее представить Его, как та красная покрывка из кож овнов. Я не удивляюсь, что в этом образе Христос еще менее привлекателен для мира, чем в синей покрывке из барсучьих кож. Здесь именно Он для него камень преткновения и соблазна, потому что мир не знает ни Его, ни любви, которая открывается сердцам нашим в таком виде. Что же касается меня и всех знающих Его, наше святое решение высказал покойный раб Божий, воспевая Возлюбленного:

Радостно сердце Тебя величает,
С любовью мысль в Тебе отдыхает,
На древе распятый, святой Муж скорбей!
Для меня на земле Ты жизни дороже,
На небе же, в вечности, верю я, Боже,
Пребуду с Тобой в славе чудной Твоей.

Рассматривая точнее, мы очень скоро найдем, что эта **грубая покрывка из синей барсучьей кожи и красная покрывка из бараньих кож** были так же **необходимы, как и роскошные ковровые украшения под ними**. Уничтожение Господа нашего было столь же важно для Его славного дела искупления, для славы Божией и для спасения всех нас, как и Его прославление. Как мог бы Он сделаться Спасителем нашим без этого уничтожения? Как мог бы Он сделаться

наследником, будучи Сам Богом, Иеговой, Который все сотворил и **через** Которого было сотворено все на небе и на земле? Ведь Ему же **принадлежало** все само по себе. Чтобы сделаться наследником и иметь Себе сонаследников, Он должен был снизойти со Своего положения, встать в зависимое отношение к Отцу, совлечься, т. е. выступить из Своей божественности и Своего величия, потому что то, что Ему принадлежало **по природному праву**, могло быть предложено Ему в уничиженном положении только **в виде подарка или дара**. Об этом говорит Господь, обращаясь к Нему: "Проси у Меня, и дам народы **в наследие** Тебе и пределы земли во владение Тебе" (Пс.2:8). На это состояние Господь прямо указывает после того, как говорил о Его послушании до смерти и даже до смерти крестной, продолжая: "**Посему** и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца" (Фил. 2:9-11).

И как посредством этого уничижения достиг Он Своего совершенства, как Искупителя, так из него истекает и наше спасение и участие в наследии Его, как это сказано в Послании к Евреям 5:8,9 : "Хотя Он и Сын, однако страданиями навыв послушанию и, совершившись, сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного". К этому нашему спасению сводилось все; сделать нас наследниками и сонаследниками, было целью Его и, чтобы достичь этого, не было другой возможности, как сойти Ему в "преисподние места земли", "уподобившись во всем братьям" (Евр.2:17), дабы "Ему, по благодати Божией, вкусить смерть **за всех**" (Евр.2:9). Только так удалил Он все препятствия, находившиеся между нами и Богом, разрушил стоявшую посреди преграду и примирил нас с Ним; да, Он же вознес нас и в славу, которую Он имел у Отца прежде создания мира. Послушайте, как чудные слова "**со Христом**", "**со Христом**" возносят Его искупленных со ступени на ступень все выше и выше, пока мы не видим их с Ним там, где Он: "И нас, мертвых по преступлениям, **оживотворил со Христом** (благодатию вы спасены), и **воскресил с Ним и посадил на небесах** во Христе Иисусе" (Еф.2:5,6). И во 2 Кор. 8:9 мы читаем: "Ибо вы знаете благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою". Здесь Он показывает нам чудную мену, как Он, будучи богатым, вошел в нашу нищету, дабы мы, нищие, могли войти в Его богатство. Да будет слава Ему за эту неизреченную милость! Потому что не было другого пути к нашему спасению. Неправда ли, таким образом то, что миру кажется соблазном и камнем преткновения во Христе, что для него безумие, есть "**сила Божия**" и "**Божия премудрость**" для всех верующих. И они одинаково в благоговении повергаются пред Ним во прах, стоит ли Он пред ними облеченный синей покрывшей из барсучьих или красной из бараньих кож или же в одежде из драгоценных и славных покрывал - ковров, находившихся под ними. Он для них одинаково велик. Он для них "весь любезность" (П.П.5:16).

Обращаясь снова к скинии, нам невольно приходит мысль, **что эти кожаные покрывки предназначены были, главным образом, для ее защиты**. Читая 4-ю гл. Чисел, мы находим, что все сосуды святилища и Святого-святых, когда укладывались в путь, после того, как были завернуты в синее покрывало, закрывались еще сверху покрывалом из барсучьих кож. Последнее, благодаря своей плотности и прочности, могло противостоять всякому внешнему разрушительному влиянию. Во время всего путешествия через пустыню, скинии приходилось выносить ветер и дождь, росу и солнечное сияние, бурю и непогоду; ясно, что при таких условиях вся чудная постройка должна бы была вскоре сильно пострадать; но обе прочные кожаные покрывки предохраняли красивые покрывала, вызолоченные брусья и все другие священные принадлежности от всякого рода порчи и осквернения.

И кто, возлюбленные, был столь выставлен, как Он, всем нападкам и искушениям, которыми так изобилует мир? Мог бы Он устоять, если б Он не избрал отвергнуться Себя, идти по пути смирения, пути стыда и презрения? Да, Он избрал даже путь страдания и, наконец, смерти, чтобы пребыть непоколебимо в послушании и пройти мимо греха. Как тяжело должно было быть Ему, ходить в покрывше из синей барсучьей кожи и как ужасен был Ему покров из красных бараньих кож, поведать нам это мог бы лишь Он Сам; но Он носил их добровольно, Он носил их охотно, потому что в них Он оставался отделенным от грешников и превознесенным выше небес.

Не соединилось ли все для того, чтобы довести Его до падения? Сатана со своим ополчением приступил к Нему со всей хитростью и злобой, какую только можно выдумать; его сообщники и их помощники среди сынов человеческих ежедневно подстерегали Его; мир приближался к Нему со своими требованиями и угрозами, и даже тех, которые были ближайшие Его, и пользовались Его любовью, Он должен был устранять от Себя с их предложениями. Вспомните только Петра, как он раз за разом хочет отклонить Его от крестного пути, и Господь только теснее прижимается к красному кожаному покрову и скрывается в нем, говоря Петру: "Отойди от Меня, сатана, ты Мне соблазн, потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое" (Матф.16:23). И в другой раз: "Вложи меч в ножны; неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец"? (Иоан.18:11). Так устремлялись на Него стрелы одна за другою, но никогда ни одна не могла проникнуть в невозмутимое внутреннее святилище Его сердца. Он остался неуязвленным на всем пути Своего странствования; все дошло до Него, но ничто не вошло в Него. Ему пришлось перенести все бремя, весь гнет разразившихся над Ним бурь и испытать сильный удар раскаленных стрел, но их яд не коснулся Его. Сильные удары сделались так жестоки, что, как мы уже видели, смерть объяла Его. Он мог умереть, Он мог отдать жизнь Свою, но не мог отступить ни на волос от пути Отца Своего. Да, Он преодолел и победил, отдав **Себя Самого** и пожертвовав **всем, что Он был и что имел**.

Существует, однако, еще другое направление, на которое мы можем обратить наше внимание относительно этих истин - Божиих: именно к **Церкви Божией здесь на земле. Подобно Христу, мы находим ее, составляющую одно с Ним, в таком же образе раба во время странствования ее по пустыне этого мира.** Ту же синюю покрывше уничижения из барсучьих кож и образ раба, и ту же красную покрывше страданий из бараньих кож носит она, вместе со Христом, до сегодняшнего дня. Конечно, до глубины Его страданий и унижения она никогда не дошла и дойти не может, но речь ее звучит и должна так звучать: "Дщери Иерусалимские! Черна я, но красива, как шатры Кидарские, как завесы Соломоновы" (П.П.1:4). Черна она, черна снаружи для взора природных, еще никогда не открывшихся очей; презираема, как и Он, Возлюбленный ее сердца, попираема и отвержена так же, как и Святой Божий. Это не чернота греха, о которой она говорит здесь; нет, напротив, насмешки, презрение и жар преследований преобразили ее так в глазах этого мира: потому что, послушайте, как она выражается об этом: "Не смотрите на меня, что я смугла; ибо солнце опалило меня" (П.П.1:5). "Сама по себе", хочет она сказать, "я совсем не такова, как вы меня видите; нет, это внешнее влияние, независимое от меня самой, дало мне этот мрачный отпечаток". Она осмелилась, она выступила открыто, и солнечный зной поражал ее. Если бы она была подобна семени, упавшему на места каменистый, она наверно "увяла и засохла бы" (Матф.13:6,21); но, теперь, солнце только было в состоянии сделать ее смуглой. И до какой же степени загорела она! По ее словам, "как шатры Кидарские". Вероятно, - картина, очень похожая на покрывше из барсучьих кож. Шатры Кидарские были палатки Арабов, живших в пустыне того же имени; они были сделаны из шкур, по всей

вероятности, верблюжьих, но ветер, дождь и нанесенный на них песок пустыни обращали их в какой то неопределенный материал, так что нельзя было узнать их первоначального, настоящего происхождения. Это, возлюбленные, поистине образ, данный народу Божию миром, и так он и смотрит на него. Да не тяготится же народ Его этим видом и да не стремится он скорее облечься в ризы света: ему надлежит, до конца своего странствования в пустыне этого мира, носить, подобно превознесенной Главе своей, одежду из барсучьей и бараньей кожи; потому что, благодарение Богу, он знает о себе, что ему присущ другой облик, который и есть настоящий. Невеста в Песни Песней описывает его так: "Но **красива... как завесы Соломоновы**". Это представляет неправда ли, совершенно другую сторону народа Божия, так чудно соответствующую нашим коврам-покрывалам скинии, находившимся под кожаными покрывалами. Завесы Соломоновы принадлежали к роскошнейшему украшению этого царя Израильского; они были тончайшая, искусно сработанная ткань самых прелестных цветов и приятного вида. Они украшали внутренние покои царя и служили, таким образом, его славе. И это, говорит Невеста - ее настоящий вид. Но чье око видит ее таковою? Конечно, уж не око человека мирского, нет, у него нет его для этого, пока Господь не даст ему зрения. И, кроме того, мы читаем в Псалме 44-м, что она выглядит так "внутри", так что не призванный, стоящий вне, тот, чье око не может проникнуть глубже, чем поверхность, никогда не узрит Невесту Господню в этом убранстве, он постоянно будет видеть ее облеченною в синюю покрывку из барсучьих или красную из бараньих кож. До сих пор остается в силе изречение ученика, которого любил Господь: "Еще не открылось, что будем. Знаем только, что когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть" (Иоан.3:2). До тех же пор мы идем неузнанными в синей кожаной покрывке через этот мир.

Но что истинно относительно Христа и Его народа вообще, должно находить применение и к каждому в отдельности. Если я, если ты, если мы все идем за Христом во все время нашего странствования на земле, покровом нашим должна служить также одежда из синей барсучьей кожи, одежда **смирения и унижения**, а если надо, так и красная кожа овна, т.е. образ страдания. Каждому из нас надлежит идти путем унижения, радостно избрать его и, отвергнув себя, научиться от Того, Кто сказал о Себе: "Я кроток и смирен сердцем" (Матф.11:29). Ах, нет, это не то, что так называемое христианство поняло под этим, одев своих святых в монашеские одежды и вретиса, не принимая при этом в соображение, что под этим жалким рубищем бились совершенно несокрушенные и необращенные сердца, которые, исполненные гордости, хвалились своим смирением. Подобный же вид принимали на себя и ложные ветхозаветные пророки, старавшиеся подражать пророкам Божиим: в сущности же, будучи волками в овечьей шкуре, они приходили с целью совратить народ. Нет, здесь должен быть пред Богом сокровенный сердца человек, из которого должно истекать смирение и хождение в унижении; оно должно истекать из новой твари, из жизни, сокрытой со Христом в Боге, где не ищут того, что на земле, но по-мышляют о горнем. Несомненно, что подобное хождение вскоре сделает тебя и меня и каждого отдельно странниками и пришельцами в этом мире; вскоре также ты или я сделаемся подобными голубям среди воронов, всюду осмеиваемым, презираемым и также гонимым; не обойдется и без насмешливого прозвища Галилеянина и Назарянина, как это было у нашего Учителя. Но что нам до этого? Приходит час, - и радоваться этому мы можем уже заранее, час, когда кожаные синие и красные одежды будут сброшены, и сброшены навек, и взамен их нам даны будут вечно пребывающие одежды священников и царей Господа во славе Его. И тогда все получит соответствующую награду. Относительно самих себя мы знаем, что **"кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную"**

славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое; ибо видимое временно, а невидимое вечно" (2Кор.4:17,18). Да будут очи наши закрыты для временного и видимого, и да принадлежать наше время, наша жизнь и наше хождение уже теперь вечности, во славу нашего чудного Господа! Аминь.

Глава 10

Покрывало из козьей шерсти и покрывало с изображением херувимов

Скинию же сделай из десяти покрывал крученого виссона и из голубой, пурпуровой и червленой шерсти, и херувимов сделай на них искусною работою; длина каждого покрывала двадцать восемь локтей, а ширина каждого покрывала четыре локтя: мера одна всем покрывалам. Пять покрывал пусть будут соединены одно с другим, и другие пять покрывал соединены одно с другим. Сделай [к ним] петли голубого цвета на краю первого покрывала, в конце соединяющего обе половины; так сделай и на краю последнего покрывала, соединяющего обе половины; пятьдесят петель сделай у одного покрывала и пятьдесят петель сделай на краю покрывала, которое соединяется с другим; петли должны соответствовать одна другой; и сделай пятьдесят крючков золотых и крючками соедини покрывала одно с другим, и будет скиния одно целое. И сделай покрывала на козьей шерсти, чтобы покрывать скинию; одиннадцать покрывал сделай таких; длина одного покрывала тридцать локтей, а ширина четыре локтя; это одно покрывало: одиннадцати покрывалам одна мера. И соедини пять покрывал особо и шесть покрывал особо; шестое покрывало сделай двойное с передней стороны скинии. Сделай пятьдесят петель на краю крайнего покрывала, для соединения его с другим, и пятьдесят петель [сделай] на краю другого покрывала, для соединения с ним; сделай пятьдесят крючков медных, и вложи крючки в петли, и соедини покров, чтобы он составлял одно. А излишек, остающийся от покрывал скиний, - половина излишнего покрывала пусть будет свешена на задней стороне скинии; а излишек от длины покрывал скинии, на локоть с одной и на локоть с другой стороны, пусть будет свешен по бокам скинии с той и с другой стороны, для покрытия ее.

(Исх. 26:1-13)

В последней беседе мы видели, как в обеих верхних покрывках скинии изображался образ раба и страдания Христова и народа Его; сегодня, проникая глубже к тканым покрывалам, лежавшим под теми покрывками, мы надеемся увидеть превознесенного и прославленного Господа, а вместе с Ним и возведенный Им в славу народ Его. Если в первых покровах мы видели дело, совершенное Им здесь, на земле, для искупления нашего, то теперь нам будет дано увидеть в тканых покрывалах плод этого дела, как для Самого Христа, так и для нас; потому что, как мы уже много раз это слышали, Господь, совлекшийся и переживший уничижение, был и вознесен; так же и мы, принадлежащие к народу Его, не только спасены были от клятвы закона и наказания ада, но и облагодатствованы в Нем, сделавшись участниками славы Его. В Его чудном плане искупления относительно нас присоединяется звено к звену, причем каждое последующее становится все великолепнее предыдущего, пока конец этой цепи из драгоценностей не достигает самой славы небесной. Апостол так описывает ее: "Кого Он **предопределил**, тех и

призвал; а кого призвал, тех и **оправдал**; а кого оправдал, тех и **прославил**" (Рим.8:30). И Он Сам объявил некогда, я сказал бы, почти в самый торжественный час здесь на земле, потому что это было сказано среди Его первосвященнической молитвы: "Славу, которую Ты дал Мне, Я дал им" (Иоан.17:22). Да послужат нам эти, **уже данные** во Христе милости практическим благословением в этой жизни и да осуществляются они все более и более для веры нашей и тогда, когда мы увидим их при рассматривании обеих покрывал -

покрывала из козьей шерсти и покрывала с изображением херувимов.

Переходя в исследовании нашем от внешних покровов к внутренним, мы теперь встречаем покрывало из козьей шерсти. **Заметьте, что оно преимущественно напоминает нам своим происхождением.** Изучая подробно ветхозаветные богослужения, мы скоро найдем, что козы и козлы приносились **во время главнейших праздников в жертву Богу, главным образом, за грех народа.** Не рассматривая всех праздников, выберем только один из них, быть может наибольшей для Израиля, праздник Очищения. В книге Левит, 16 гл., вы найдете его описание. Весь Израиль был тогда собран пред Господом для того, чтобы примириться с Ним, очистившись от грехов своих. Их счета с Богом должны быть сведены. Будучи должниками, они приносили Иегове жертву за грех в виде двух козлов, так как одного не было достаточно для представления прообраза. О них бросался жребий, и один из козлов доставался Господу. Он тотчас же предавался смерти, тогда как другого оставляли живым. Кровь первого вносилась во двор, во святилище, даже во Святое-святых для примирения с Богом; над головой другого первосвященник исповедывал грех всего народа, а затем назначенный для этого человек отводил его в пустыню и оставлял его там. Это были удивительные происшествя, ясно показывавшие народу Израильскому, с одной стороны, каким путем Господь получал удовлетворение и наказывался грех, - с другой стороны, каким образом они могли совершенно успокоиться, потому что грех их был уже отстранен от очей их и Божиих, и ничто уже не стояло более между ними и Богом. Они были теперь освобождены от своей вины.

Покрывало из козьей шерсти, во всяком случае, не свидетельствовало более о той **кровавой** жертве, преданной на смерть за грех; но мы не можем отрицать, что оно очень живо напоминало ее своей светлой белой наружностью; оно тем живее говорило о **плоде** той жертвы, принесшей с собой непорочность и чистоту, потому что было верным символом их. В нем не видно больше "багряного" грехов наших и багряного Его страданий, оно исчезло; но тем ярче является нам в нем снежная белизна, белое "как волна" очищение и славный блеск Его возвышения и прославления. Он, Господь, стоит в этом белом покрывале из козьей шерсти перед нами, как Тот, Который вышел оправданным из страданий и смерти за грех и грешников, как воскресший, Которого узы смерти не могли удержать, потому что князь мира сего не нашел "в Нем ничего". Обремененный виною, сошел Он в пасть смерти; это была чужая вина, наш грех; но освобожденный от него, вернулся Он в утро воскресения: никакого греха не осталось на Нем, и никакой вовеки не мог быть возложен на Него. Красная кожаная крышка навсегда уступила место белому покрывалу из козьей шерсти. "Пострадал за грехи наши" - вот что возвещает нам жертва за грех, при которой козел терял свою жизнь и затем сжигался на жертвеннике, но "воскрес для оправдания нашего" - твердит белое покрывало из козьей шерсти. И смотрите, оно должно было постоянно напоминать об этом Израильянину; он должен был иметь его пред глазами каждый раз при входе во двор скинии, потому что преимущественно для этого покрывало это и было сделано на четыре локтя шире всех других, и этот излишек должен был

свешиваться перед дверью во святилище. Израильтянин, входивший во двор и поднимавший свой взгляд на скинию, видел из всех покрывок и покрывал только одно это покрывало, светящееся ему навстречу. Правда, оно скрывало лежавшее под ним покрывало с изображением херувимов, закрывало роскошные золотые столбы и, казалось, препятствовало, таким образом, видеть другие драгоценности; но оно давало Израильтянину зрелище, которое должно было быть для него самым великим и самым значительным, зрелище, напомилавшее ему, что он мог с полным правом являться сюда и смел стоять пред Богом, потому что между ним и Иеговой все приведено в порядок, и что он посредством своей жертвы за грех освобожден от него и сделан в глазах Божиих "белее снега". Да, без сомнения, это должно было дать драгоценный мир сердцу бедного, слабого, нуждающегося в утешении посетителя двора скинии.

Это покрывало из козьей шерсти должно было не только напоминать о совершившейся, прошедшей действительности, **но оно должно было также показывать, что Христос постоянно есть для нас**. Об этом покрывале сказано, что оно должно было "покрывать скинию", потому что в 7 ст. нашего описания мы читаем: "И сделай покрывала из козьей шерсти, **чтобы покрывать скинию**; одиннадцать покрывал сделай таких". Итак, жилище Божие было готово, когда позолоченные брусья были поставлены на их серебряные основания и **одно покрывало с изображением херувимов** было распростерто над ними; из этих слов вытекает, что белоснежное покрывало из козьей шерсти было шатром, заключавшим, или вмещавшим в себя жилище. Если я вам еще раз напомню, что, как Христос, так и соединенная с Ним Церковь есть жилище Божие, как мы видели ее в прообразе вызолоченных брусьев, то здесь она является всецело и со всех сторон облеченной Господом, Который есть "праведность ее". Она как бы утонула в Нем, исчезла и скрылась совершенно. Читая о Нем, что в Нем "обитала вся полнота Божества телесно", мы читаем вслед за этим - и об искупленных Его: **"И вы имеете полноту в Нем"** (Кол.2:9,10). Может ли быть полнота обильнее полноты Его и оставляет ли она желать еще чего-либо? Если Тот покрывает нас, в Ком обитает вся полнота Божества телесно, тогда глаз Божий наверно не может открыть в нас никакого недостатка, а покоится на нас с благоволением. Он Сам, все Ангелы и люди, даже сам враг Божий и народа Его, смотря на тех, которые принадлежат Христу, и видя их сокрытыми в Нем, воскликнуть, подобно тому, как Господь заставил Валаама сделать это: "Как прекрасны шатры твои, Иаков, жилища твои, Израиль!" (Чис.24:5) - потому что Христос, праведность их, Сам сделался шатром их, распростертым над ними; Он - жилище, в котором им живет, как в родном отцовском доме. Теперь мы пойдем апостола, когда он, опираясь на эту драгоценную действительность, вполне определенно, без всяких "если" и "но" говорит нам: "Итак нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе" (Рим.8:1), и когда, вскоре после того, торжествуя, спрашивает: "Кто будет обвинять избранных Божиих? Бог оправдывает их. Кто осуждает? Христос Иисус умер, но и воскрес: Он и одесную Бога, Он и ходатайствует за нас" (Рим.8:33,34). Посмотрите еще раз на этот удивительный прообраз и заметьте, как с востока и запада, с юга и севера, даже сверху, со стороны неба, эти одиннадцать частей блестящего белого покрывала закрывали и скрывали это жилище и все, что к нему принадлежало; и, скажите сами, зная, что Христос также совершенно и всецело скрывает вас, можете ли вы найти еще лучшее убежище? О, я вполне уверен, что оно может удовлетворить вас совершенно.

Но дело идет не о том, мои дорогие братья, что вы все это знаете о Христе, знаете, что все это касается вас, - но о том, что гораздо важнее, а именно, живете ли вы **в постоянном, живом сознании**, что Христос окружает вас, окружает вас именно теперь? Тысячи людей говорят нам о прошедшем времени, когда грехи их были прощены и беззакония покрыты, желая вернуть эти

прежние дни, сознавая, подобно Галатам, что они были тогда "так блаженны". Что же случилось, что теперь это уже не так? Разве Христос перестал быть их ярко-блестящим, вечно покрывающим их шатром? Конечно нет! Он все тот же, Он не изменяется, не может от Себя отречься. И сегодня, брат мой, именно теперь, Христос во всей Своей красоте покров твой, убежище и жилище, и все, все, в чем ты нуждаешься, чтобы быть благоугодным Богу, обласканным в Нем; тебе только недостает ока, способного постоянно все это видеть, и драгоценного сознания, непрестанно жить в этом. Поистине, это действительно блаженное положение сознавать себя всегда в Нем, облеченным в красоту Его. Тогда только познается, что значит с дерзновением входить во святилище пред Бога, только тогда воззовешь ты: "Авва, Отче"! не как провинившееся и ожидающее наказания, но как радостное и блаженное дитя; только тогда бываем мы защищены от обвинений клеветника, старающегося всегда ввести нас в заблуждение относительно нашего положения пред Богом; и только тогда мы знаем, что молитвы наши будут услышаны. Да научит же Господь и вас, всегда видеть себя так облеченными в 'Него, праведность вашу, как ветхозаветное жилище Божие всецело было облечено блестящим белым покровом.

Но еще большие драгоценности открываем мы, обращаясь к покрывалу с изображением херувимов.

Дайте мне, прежде всего, заметить, **что в этом покрывале мы имеем дело с личностью Самого Христа**. Оглядываясь назад, мы находим, что в других покрывалах речь шла больше о деле, состоянии или плодах Его дел; это были лишь единичные черты Его существа и сана. Здесь же, в покрывале с изображением херувимов, все сосредоточено в Его чудной и прославленной личности. Здесь вы снова встречаете те четыре священные цвета, значение которых мы только недавно разбирали, и воспоминание о которых еще так свежо в нашей памяти. Но заметим, что эти цвета здесь не случайно соединены, как у ворот двора и у двери святилища; они здесь искусно сотканы, подобраны один к другому в изображения херувимов и приняли, таким образом, определенный образ. **Христос, совершенный Господь и Искупитель, стоит в них Прославленный** перед нами. И это, возлюбленные, дает нам указание, которое мне от души хочется не только вложить, но даже вырезать в вашем сердце; и это указание звучит: "Прежде всего и постоянно имейте дело с Его **личностью**". Может быть многие из вас убедились на самих себе и на других, как испытал, к сожалению, я лично и многие мои дорогие братья, что мы легко приходим к тому, чтобы выбирать **единичные Его дары, единичные плоды его дела искупления и единичные обетования Божии, относящиеся к Нему**, усваиваем их и удовлетворяемся ими. Его прощение грехов, Его оправдание, Его мир, Его обетования часто удовлетворяют нас; а все же Он, Возлюбленный, Податель, должен быть для нас выше Своих даров, Он, Обещающий, - выше, хотя бы и самых драгоценных, обетований. Ничто из всех этих драгоценностей и сокровищ не должно бы удовлетворить нас, и, если б мы всегда были в угодном Ему состоянии, оно так бы и было. Бог, в неизреченной любви Своей, дал нам бесконечно больше, нежели мы, при нашей ограниченности, ищем получить от Него; Он не только дал нам прощение, мир, усыновление, радость и все другие дары, - но **Он дал нам Сына** Своего Единородного. Усвоение детской верой Сына Божия во всей полноте Его личности должно заполнить в нас всякую пустоту и помочь во всякой нужде, как бы велика она ни была и к чему бы она не относилась; единичный же, дар, который, по нашему мнению, нам нужен для восполнения нашей пустоты и который мы вымаливаем у Господа, хотя бы он и был нам дарован Богом, оставит нас все-таки нищими и нуждающимися в других отношениях. Вот причина, по которой Господь часто оставляет без ответа тысячи подобных прошений; желание Его сердца

заключается в том, чтобы мы приняли богатейшее сокровище в мире, сокровища из сокровищ, дабы мы "в Нем обогатились всем" (1Кор.1:5). Взгляните только на ветхозаветного мужа Господня, для которого Господь был всем во всем, и посмотрите, как он всецело был удовлетворен Им. Он обнаружил пред нами свой личный опыт, записав чудный возглас своего сердца, обращенный к Богу, в словах: "Кто мне на небе? и с Тобою ничего не хочу на земле. Изнемогает плоть моя и сердце мое: Бог твердыня сердца моего и часть моя вовек" (Пс.72:25,26). И как могло бы быть иначе, ведь Он - богатейшая замена всего, что мы могли бы потерять на земле, Он - небо нашего сердца; и можно ли думать об изнеможении, если мы имеем Того, Который сказал о Себе: "Приходящий ко Мне **не будет алкать**, и верующий в Меня **не будет жаждать никогда**"? Не забудем при этом, что вместе с Ним и дары Его и все плоды дела Его - наши, и все обетования Его - "да" и "аминь"; все наше, коль скоро наша вера объемлет и удерживает Его Самого. О, если б мы, наконец, поняли это! Поняли бы, что общение наше должно быть с Отцом и Сыном Его Иисусом Христом чрез Духа Святого; что мы имеем дело непосредственно с живым, воскресшим, всегда пребывающим с нами и лично нашим Господом, могущим удовлетворить нас во всех отношениях и Которого отнять от нас никто не может.

И, наконец, в каком виде предстает Он пред нами, когда мы ближе рассматриваем это роскошное покрывало? Мы видишь Его в нем Прославленным вечной славой. Не чудо ли из чудес представляет собой это покрывало? Все десять полотнищ его, с одного конца до другого, покрывают те величественные изображения высших существ творческой силы Божией, представителей славы Его, которые были и могли быть изображены искусной рукой по собственным предначертаниям Божиим, потому что начертать или изобразить Самого Иисуса Христа не была в состоянии никакая человеческая рука. Еще раз мы видим этих представителей Его славы в драгоценной завесе Святого-святых, которая, как говорит ап. Евреям, означает **плоть Его**; но там они, подобно телу Его, разорвались, когда Он умер, надвое. "Меч поднялся на Пастыря Его и на Ближнего Его (Зах.13:7), потому что "Господу угодно было поразить его" (Ис.53:10). И еще раз встречаем мы эти высшие существа во Святом-святых, сделанные из чистого золота, на ковчеге завета, распростирающие над ним свои крылья, и именно на том месте, где Бог в милосердии и милости открывался Израилю и которое называлось престолом благодати (крышкой). Если мы припомним, что Бог только чрез Христа говорит с нами в милосердии и что Христос предложен нам Богом в жертву умилоствления (как "престол благодати" - по другому переводу Рим.3:25), то, далее, не нужно никаких доказательств в том, что мы имеем здесь дело с Его личностью, как вошедшего во славу. Если завесе во Святое-святых надлежало разорваться надвое, чтобы святилище и Святое-святых были впредь одно целое, то ничто не должно было коснуться этого покрывала с изображением херувимов, потому что уже сначала оно соединяло оба эти помещения в одно, и только после того, как завеса разорвалась, оно могло быть видимым изнутри на всем своем протяжении и во всем великолепии.

Так и Христос. Только кое-где во время Его земной жизни слышится, почти можно сказать робкое, свидетельство из уст Его учеников: "Ты Христос, Сын Бога живого"; и какие понятия они часто связывали с этим познанием, какую славу они видели в Нем, - все это было, как мы видим, также очень мелко и полно человеческих представлений; но лишь только разорвалась завеса плоти Его, вот они поднимаются в своем познании, как орлы, и видят Его, открывшегося во всей Его красоте. Для апостола Петра с этой минуты Он делается "Господом и Христом Иисусом, прославленным Богом", "Святым и Праведным", "Начальником жизни", "Начальником и Спасителем, дабы дать Израилю покаяние и прощение грехов"; и все это открылось ему с

такой неудержимой силой, что он не мог удержать это откровение лично для себя одного или возвестить его лишь в среде других учеников Иисуса, но вынужден был проповедывать громко и открыто среди врагов Господа. И как чудно представляют Христа также и другие апостолы в своих Посланиях: для всех их Он "Господь славы".

Однако, что пользы нам, если б мы могли только видеть эту славу Его, но должны были бы оставаться чуждыми ей, или если она даже страшила бы нас? Но, да будет вечная хвала Господу, что это не так, но, подобно тому, как это покрывало непосредственно закрывало и одевало те золотые брусья из дерева ситтим, так и слава Его уже теперь облакает Его народ. Он распростер ее над Церковью Своею, она покрыта ею и прославлена в Нем. Позволю себе снова напомнить вам слово Его: "Славу, которую Ты дал Мне. Я дал им" (Иоан.17:22); правда, что слава эта внутри, сокрыта и не видна для посторонних, как и слава этого покрывала не существовала для человека, стоявшего вне скинии. Но недалек тот день, когда Господь вполне откроется, тогда и Церковь Его станет явной вместе с Ним во славе (Кол.3:4).

Далее, Христос является перед нами в этих чудных символах еще как Тот, Которому дана всякая власть на небе и на земле. Эти красующиеся в четырех, нам хорошо знакомых, цветах херувимы представляют собою не только прообразы Его величия и славы, но также и **власти и всемогущества** Его, через которые Он приведет в исполнение как Свои намерения милости, так и суды Свои и суд над всей вселенной. Одержав победу над смертью и над "имевшим державу смерти, т.е. дьяволом", "пленив плен", Он мог сказать: "Дана Мне всякая власть на небе и на земле" (Мат.28:18); и рукою Его, Превознесенного, должна "будет благоуспешно исполняться воля Господня" (Ис.53:10). Теперь "все покорено под ноги Его, и Ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои" (1Кор.15:25,27; Евр.10:13). И все это будет в недалеком будущем: покорится все Ему или могуществом Его любви, или же железным жезлом Его владычества.

Какая это блаженная мысль, когда мы вспоминаем, что это всемогущество Его существует для блага нашего, для нас, вошедших в состав Его святого строения. Взгляните только наверх, на это покрывало с распростертыми крыльями его херувимов; не показывает ли оно нам Христа, как Он обнимает все жилище Божие Своими крыльями всемогущества? Заключение, и навеки заключение в Его объятия, покоится Церковь Его и каждая отдельная душа. Могут ли врата ада одолеть ее? Не вошло ли над нею в лице Христа "Солнце правды и исцеление в лучах Его" (Мат.4:2)? Какое удивительное зрелище! Исполнилось здесь Его любвеобильное намерение, собрать ее под крыльями Своими, как птица собирает птенцов своих под крылья. Адский орел, алча крови их, может в ярости кружиться над ними, но он не может и не смеет прикоснуться к ним, "ибо касающийся их, касается зеницы ока Его" (Зах.2:8).

Что вы скажите, братия мои, о таком положении во Христе Иисусе? Присвоили ли вы себе его в той мере, в которой оно предложено вам Богом во Христе Иисусе? **Все** ли вы усвоили его себе, а те, которые это сделали, пользуетесь ли вы им, как должно? Постоянная ли Он для вас крепость и убежище против **всякого искушения**, приближающегося к вам? Сделался ли Он постоянным жилищем вашим, из которого вы никогда не выходите? Если да, то какое прочное - положение ваше, потому что под тенью крыл Его всякая опасность перестает быть опасностью, нужда уже - не нужда; потому что ни один клеветник не имеет туда доступа, и губитель не смеет ступить на эту святую почву: там царствует вечный мир и покой и им сопутствуют радость и счастье. О, займите же, займите скорее это место и **укройтесь** под этим кровом Всевышнего; укрывшись же под ним, **пребудьте** под этой сенью Всемогущего; сделайте из этого практическое применение в вашей повседневной жизни, и во всех обстоятельствах говорите Господу: "Прибежище мое и

защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю", и тогда, что бы с вами ни случилось, Он "перьями Своими осенит вас, и под крыльями Его будете безопасны", так что вы "**не убоитесь** ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке, и заразы, опустошающей в полдень", потому что вам принадлежит тогда ненарушимое обетование Его: "Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизится" (Пс.90:1-7). Тогда, встречаясь тысячам, охраняющим самих себя и жалующимся на немощь и слабость свою, детям Божиим, вы скажете, более чем с торжеством, вместе с поэтом, вопрос и ответ:

Ту крепость знаешь ли, где я нашел защиту,
Блаженный край, где не страшусь врага,
Где молнии, гром покой мой не нарушать.
Где исцелит скорбная душа?
Не знаешь ты? Я назову тогда:
То крылья мощи моего Христа.

Прежде, чем мы закончим этот разбор, не забудем обратить внимание на то, **что созерцать и внушать всю эту славу могли только одни священники Божии**. Мы не хотим этим сказать, что блаженное положение, пользоваться присутствием Божиим, Его всемогущей защитой и **постоянной победой в Нем**, есть участь только немногих избранных из среды детей Его, как представляли себе некоторые. Нет, напротив, Он принадлежит всем и всецело, и все, без исключения, искуплены Им, чтобы быть царями и священниками Божиими. Но что мы хотели сказать, это то, что как там, при скинии, необходимо было войти, проникнуть в глубину, что могли сделать только священники, так и мы, каждый из нас в отдельности, пользуясь посвященнически данным нам преимуществом, должны входить в жилище славы и им завладеть. Во дворе скинии видны были только жертвы, кровь агнцев, - виден был Христос в барсучьем и бараньем покрове, т.е. в образе раба и в страданиях; для того же, чтобы видеть славу Его и **нашу в Нем**, нужно было идти дальше, именно во святилище. О, как многие дети Божии остаются и сегодня еще во дворе, они доходят до барсучьего и бараньего покровов Его страданий, они почерпают здесь утешение в прощении грехов своих и в мире с Богом: и это все, вместо того, чтобы идти дальше до белоснежного покрывала из козьей шерсти, т.е. - до сознания, что они постоянно облечены в Него, как свою праведность, в которой они могут всегда предстать в Его присутствии, и до покрывала с изображением херувимов, т.е., чтобы видеть себя объатыми, защищенными и прославленными в Нем. О, если б мы возражали в познании Господа нашего и Спасителя, Иисуса Христа! Воистину, тогда нам не пришлось бы выслушивать столько жалоб на бедность, немощь, нужду и духовную нищету; не страшно было бы нам тогда при виде сатаны, плоти и мира, или когда мы взглянули бы вокруг себя, пред собою и в самих себя, но, взирая на все это, мы восклицали бы: "Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе" (Фил.4:13) и: "Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим, Иисусом Христом"! (1Кор.15:57). Аминь, да, да совершится это так! Аминь.

Глава 11

Золотой жертвенник для курения

И сделай жертвенник для приношения курений, из дерева ситтим сделай его: длина ему локоть, и ширина ему локоть; он должен быть четырехугольный; а высота ему два локтя; из него должны выходить роги его; обложи его чистым золотом, верх его и бока его кругом, и роги его; и сделай к нему золотой венец вокруг; под венцом его на двух углах его сделай два кольца из [чистого] золота; сделай их с двух сторон его; и будут они влагалищем для шестов, чтобы носить его на них; шесты сделай из дерева ситтим и обложи их золотом. И поставь его пред завесою, которая пред ковчегом откровения, против крышки, которая на ковчеге откровения, где Я буду открываться тебе. На нем Аарон будет курить благовонным курением; каждое утро, когда он приготовляет лампы, будет курить им; и когда Аарон зажигает лампы вечером, он будет курить им: это - всегдашнее курение пред Господом в роды ваши. Не приносите на нем никакого иного курения, ни всеожжения, ни приношения хлебного, и возлияния не возливайте на него. И будет совершать Аарон очищение над рогами его однажды в год; кровью очистительной жертвы за грех он будет очищать его однажды в год в роды ваши. Это святыня великая у Господа.

(Исх. 30:1-10)

Внешность скинии, а также и принадлежности ее двора, только что прошли пред нашими глазами, и, вот, мы готовы вступить во внутренность святилища. Многие драгоценные прообразы небесного ожидают нас там; каждый из них говорит своим собственным языком и являет особую сторону нашего славного Господа. Первый предмет, встречающийся нашим глазам при вступлении в дверь святилища, это - золотой жертвенник. Он стоял в прямом направлении от входной двери, близко у завесы Святого-святых, и его можно было видеть, как только завеса входной двери немного отодвигалась.

По строению своему он был совсем похож на медный жертвенник, только был в пять раз меньше его, что ясно указывало на то, что он имел совершенно иное назначение. Так оно и было, потому что ни одно из тех жертвенных животных, приносившихся в жертву на медном жертвеннике, не привязывалось к рогам его, ни одно из них никогда не сжигалось на нем, и ни разу ни одна из бескровных жертв благодарения, или хлебного приношения не возносились здесь; только однажды в год, в великий день Очищения, после того, как первосвященник был во Святом-святых и семикратно окроплял там кровью жертвы за грех крышку ковчега завета, он возвращался во святилище, окроплял его кровью также и этот золотой жертвенник; и затем с этого дня до следующего дня Очищения кровь больше сюда не вносилась, но благовонные курения сжигались ежедневно Господу в благоухание приятное. Крайне важно глубже проникнуть в духовное значение

золотого жертвенника.

и в богослужения, с ним связанные. Да даст нам Господь мудрость свыше, чтобы уразуметь

истинный смысл этого прообраза.

Сначала нам хотелось бы указать, **что здесь мы имеем пред собой Христа, Господа превознесенного**. Все в золотом жертвеннике ясно указывает на это. В двояком материале, из которого он был построен - дереве ситтим и золоте - мы видим Богочеловека Христа Иисуса; но это не Богочеловек во дворе скинии, но во святилище, т.е. не в своем долготерпящем, униженном и страдающем образе, но в сиянии божественной славы. Правда, и здесь, в своем золотом убранстве, Он носит еще на Себе следы Его прежних страданий: это - та кровь, которой окроплялся этот жертвенник, но она не проливалась здесь, где он находится, но вносилась сюда извне, как мы это только что видели. Всякое жертвоприношение на этом жертвеннике, как видно из текста, было раз навсегда запрещено.

Так и Христос во славе; Он больше не будет и не может страдать, ни приносить Себя в жертву; и в этом даже нет надобности после того, как **"Он одним приношением навсегда сделал совершенными освящаемых"** (Евр.10:14). Да и что можно бы прибавить тем, которые уже совершенны или сделаны совершенными навек? Решительно ничего. Итак, страдать во славе наш Господь не может, но следы Своих страданий Он взял с Собой и туда, как говорит Писание, что **"Он с Своею кровию однажды вошел во святилище"**, чтобы **"предстать ныне за нас пред лицо Божие"** (Евр. 9:24). И апостол Иоанн, которому Господь позволил взглянуть в славу, видел, что **"посреди престола и четырех животных, и посреди старцев стоял Агнец, как бы закланный"** (Откр.5:6), а в другой раз Иоанн видел, что Господь, идущий сразиться с антихристом и воинством его, **"был облечен в одежду, обгавленную кровию"** (Откр.19:13). Так мы многократно встречаем Господа во славе носящим следы Своих страданий.

Что золотой жертвенник стоит во святилище, а не во Святом-святых, но только в непосредственной близости к нему, не мешает видеть в нем прообраз Господа в небесах, потому что мы все знаем, что в скинии было два отделения только до тех пор, пока она указывала на нечто будущее: но в то мгновение, когда истинный Агнец Божий принес Свою жизнь в жертву, и истинный великий Первосвященник вошел во Святое-святых, когда Христос предстал со Своею собственною кровию пред Богом, - исчезла преграда, разорвалась надвое завеса, и святилище и Святое-святых слились в **единое жилище Божие**.

Еще другое обстоятельство ясно указывает на прославленную личность Христа: это именно тот золотой венец, который носит жертвенник для приношения курений и которого мы до сих пор не видели ни на одной из раньше рассмотренных принадлежностей святилища, так как во дворе, т.е. на том месте, где Он изображается в виде раба или страдающего, нигде не является увенчанным ни один предмет. Здесь, напротив, во святилище, мы находим каждый предмет украшенным этим символом возвышения и власти. Увенчан здесь и жертвенник, и стол для хлебов предложения, и золотой светильник, и увенчаны они совершенно таким же образом, как и ковчег завета за завесой Святого-святых. Некогда Он, наш возлюбленный Господь, также носил короткое время венец здесь на земле: то был венец поругания, насмешки и позора, колючий терновый венец; теперь он давно уже снят и диадима почести божественного величия и вечной славы украшает Его чело. Это, возлюбленные, окажется особенно драгоценным для нас, как только мы узнаем, какая именно сторона нашего прославленного Спасителя нам открывается здесь.

Но если это - Христос и снова Христос. Которого мы встречаем в каждом из этих различных предметов, то не станет ли вам этого слишком много? Не кажется ли вам, что, как будто, сам навязывается вопрос: **"К чему такое множество прообразов, зачем такое умножение их"**? Ответ не труден, его не придется долго искать. Очевидно, что каждый отдельный предмет, сколько бы

сторон в нем ни было, может представить нашей душе только одну главную сторону личности нашего Господа, рядом с несколькими, может быть, второстепенными; и вот, чтобы нам дать возможность охватить Христа в наибольшей мере, насколько мы можем вместить Его, Господу пришлось начертать пред нами целый ряд прообразов о Нем. К тому же намерение Господа было - явить Его нам, как Могущего вполне удовлетворить нас; открыть нам в Нем сокровищницу неисчерпаемых богатств, чтобы мы во всех нуждах наших, когда бы мы ни почувствовали или ни наткнулись на них, нашли бы в Нем полное удовлетворение. Какими неблагодарными оказались бы мы пред этой любвеобильной благостью Его, идущей нам навстречу, и как недостойны были бы мы обретенного в Нем спасения, если бы не захотели приложить все свои старания, чтобы разобрать таинственный язык, которым говорят эти прообразы, но просто отложили бы их в сторону. Напротив, какое благословение должно принести изучение этих образов каждому чаду Божию, потому что они могут укрепить нашу веру в Него, увеличить к Нему нашу любовь и оживить нашу надежду, открыть во Христе еще несравненно больше. Что касается меня, то они с каждым днем все больше и больше открывают мне источник благодати, который есть Он Сам, чтобы мне, черпая, через расширенное познание Иисуса Христа, иметь жизнь вечную все в большем избытке. О, да будет это так и с каждым из моих дорогих слушателей!

Пойдем, однако, дальше и **посмотрим, какую именно сторону прославленного Христа выдвигает нам этот золотой жертвенник**. Возлюбленные, Христос, наш Ходатай, Христос, Посредник наш, восстает перед нами в этом драгоценном предмете святилища. Слово Божие во многих местах показывает, что сжигание благовонных курений пред Господом было символом молитвы, благоговения. Выслушаем несколько относящихся к этому мест Писания. В Пс. 140:1,2, Давид молится, говоря: "Господи! к Тебе взываю; поспеши ко мне, внимли голосу моления моего, когда взываю к Тебе. Да направится молитва моя, как **фимиам**, пред лицо Твое, воздеяние рук моих, как **жертва вечерняя**". Какой ясный намек делает здесь этот "муж по сердцу Божию" относительно своей молитвы и относительно того, что совершалось на этом жертвеннике. Он смотрел на жертву благовонного курения, как на нечто, говорившее перед Богом языком, которому внимал Господь, и как на нечто, имевшее большую цену, и сам он желал только одного, чтоб и его молитва считалась наравне с этим курением пред Господом. Затем в Откр. 5:8 упоминается о "золотых чашах, полных фимиама, которые суть молитвы святых", а в главе 8:3,4 говорится: "И пришел иной Ангел и стал пред **жертвенником**, держа золотую кадильницу; и дано было ему множество фимиама, чтобы **он с молитвами всех святых возложил его на золотой жертвенник**, который пред престолом. И вознесся дым фимиама с молитвами святых от руки Ангела пред Бога". Во всех этих местах обнаруживается тождественность значения фимиама, т.е. жертвы благовонного курения и молитвы.

Подойдя же ко Христу во славе, мы читаем о Нем, что в Нем мы имеем "**ходатая** пред Отцом (1Иоан.2:1); что "Он и одесную Бога, Он и **ходатайствует за нас**" (Рим.8:34)"; что Он "всегда жив, чтобы **ходатайствовать за нас**" (Евр.7:25). Это одно из наиболее ясной определенно засвидетельствованных служений нашего Господа пред престолом Божиим, - что Он ходатайствует там за Своих; оно связано с Его первосвященством самым тесным образом, так как и здесь, во святилище скинии, один только первосвященник мог возлагать драгоценные курения на золотой жертвенник и совершать при нем служение. Какое сладкое утешение содержит этот факт для каждого отдельного чада Божия, когда оно знает, что там, пред лицом Иеговы, предстоит Некто, возносящий за него могущественные моления; Некто, Который продолжает и довершает начатое в нем дело славного искупления не только здесь, в сердце его, но и там до полного совершенства и конца и не перестает ходатайствовать за Своих, пока

каждый спасенный, даже слабейший и ничтожнейший, не будет Им поставлен без пятна и порока пред Богом!

Приблизимся же к чудному, сияющему жертвеннику во святилище и рассмотрим в нем благодать Господа, ходатайствующего за нас. Моисей должен был поставить его совсем близко к завесе, так что между всеми другими предметами стоит он ближе всех к ковчегу завета и находящейся на нем крышке, или престолу благодати. Таким образом, жертвенник и престол благодати расположены здесь, относительно друг друга, совершенно так же, как золотой жертвенник и престол на небе, с тою лишь разницею, что завесы на небе не существует (см. Откр.8:3). Мы видим первосвященника Аарона, входящего с золотой кадильницей, наполненной горящими углями: он только что взял их из двора скинии **с медного жертвенника**, потому что другой огонь был бы чуждым огнем; здесь он высыпает их, приносит уже заранее приготовленные, мелко истолченные благовонные масти и возлагает их на горящие угли, которые, сжигая их, распространяют заключенное в них благовоние. Каждое утро и каждый вечер насыпаются сюда свежие угли и свежие благовония, так что день и ночь непрерывно поднимается сладкое благоухание. И так как здесь нет для него никакого выхода, оно проникает мало-помалу чрез щель, оставленную завесой во Святое-святых, и облекает его облаком, скрывающим крышку ковчега, престол благодати. Мы нигде не читаем, чтобы здесь произносилось хотя бы одно слово или молитва священниками или первосвященником, ни за них самих, ни за народ, находившийся во дворе скинии или в стане, но этот жертвенник говорил как бы могучую речь за всех. Во дворе говорила непрестанно льющаяся кровь, указывая на кровь, говорящую лучше, нежели Авелева, она говорила за грешников, повинных смерти; здесь, во святилище, говорил этот жертвенник со своими благовониями и указывал на вошедшего в вышнее святилище Ходатая за Свой народ, ходатайствующего за него вовеки. Этот увенчанный золотой жертвенник представляет Христа в Его личности, благовонные же масти - Его свойства и совершенства. Но как эти благовония должны были быть сначала истолчены и сожжены на огне, чтобы издавать свое приятное благоухание, так и Христу надлежало пройти чрез искушения, страдания и смерть, перенести самые тяжелые внешние условия жизни, чтобы сделаться приятным благоуханием за нас пред Богом. И слава Ему, что Он сделался им Навеки! Никогда не умолкнет Его заступничество, никогда не потеряется благоухание Его. Да и нужно ли еще здесь произносить слова, раз Он Сам навеки благоугоден Отцу, а в Нем также и мы? Нет, Он Сам - Слово, и всеми Своими совершенствами вечно за нас говорящее Слово. Как блаженно, братия мои, покоиться на такой драгоценной действительности, покойно взирать на будущее и радостно приближаться к Отцу, так как между нами и Им, и как бы на нашей стороне, (как этот жертвенник по эту сторону завесы) стоит Тот, Кто отдал Отцу все Свои превосходства за нас!

Думали ли мы когда-нибудь, как следовало, **о нецененных последствиях этого ходатайства нашего Господа?** Нашли ли мы, что оно низводит на нас никогда не иссякающие потоки благовоний? Если нет, то взгляните на скинию и посмотрите, что было частью Израиля, лишь только сладкое благоухание поднималось от золотого жертвенника. Посмотрите, там во дворе стоит народ, он только что видел, как первосвященник с кадильницей, наполненной горящими углями, исчез за дверью святилища, и знает, что в настоящую минуту он стоит у этого жертвенника, возлагая на него мелко истолченные благовонные масти. Он возносит руки свои и воссылает молитвы вместе с поднимающимися там облаками к Иегове и ожидает их принятия. Тогда вдруг отодвигается завеса двери, за которой недавно только исчез первосвященник, и, с сияющим лицом и поднятыми руками, он снова появляется пред народом, чтобы благословить его благословением, заповеданным Самим Иеговой. В то время, когда за ним несутся через

отверстые двери целые потоки благоухания, доносясь и до них, он громким и внятным голосом восклицает: "Да благословит тебя Господь и сохранит тебя! Да призрит на тебя Господь светлым лицом Своим и помилует тебя! Да обратит Господь лицо Свое на тебя и даст тебе мир" (Чис. 6:24-26). Что же это было, как не ответ на вознесенный фимиам, который Иегова выслал из святилища чрез первосвященника Своему народу?

И, возлюбленные, какие еще благословения льются на нас; как много таких благодатных ответов ниспосылаются нам сюда ради Того, Кто говорит за нас там, во святилище. Они неисчислимы, потому что это - потоки "всякого духовного благословения в небесах" (Еф.1:3). Ради Него милостиво встречает нас любовь Отца, и любовь эта не изменится никогда и измениться не может: ради Него "не видно бедствия в Иакове, и не заметно несчастья в Израиле"; ради Него нет границ долготерпению Божию; ради Него открыты для нас все сокровищницы благодати и даров, и ради Него же предоставлена в наше пользование сила Иеговы, носящая и хранящая нас до блаженного совершенства, да, и ради Него нет границы и меры в желаниях Его великого отцовского сердца непрестанно благословлять нас. Да и конца не видно благословениям, которыми мы здесь пользуемся вследствие Его чудного ходатайства за нас. И как важно, чтоб душа наша всегда это памятовала, чтобы мы, как дети, могли радостно доверяться Ему!

Но это, возлюбленные, только одна сторона картины. Сам Христос и Его совершенства говорят за нас пред Богом, но посмотрите, **чрез Него и мы сами поставлены в возможность лично быть поклонниками пред Богом**. Священники, сыны Аарона, не только знали о золотом жертвеннике во святилище, но они входили сюда для того, чтобы поклоняться перед жертвенником. Там, где поднималось приятное благоухание, возносились, примешиваясь к нему, их благоговение, их сердечные излияния и их искреннее, молитвенное прославление Иеговы. Они смели, предпочтительно пред сотнями тысяч Израильтян, принести на этом святом месте собственное существо свое к ногам Божиим.

Положение священников в Ветхом Завете, во времена теней будущих благ, есть верный прообраз детей Божиих в Новом Завете, во времена сущности; они настоящие священники, истинные поклонники и они таковы чрез Христа, истинного Ходатая и Первосвященника. Вся задача их заключается теперь в том, чтобы приносить Господу жертвы, Ему благоугодные, жертвы в приятное благоухание. Св. Писание всюду указывает им это чудное положение и эту блаженную задачу. Открыв 1Пет.2:9, мы читаем: "Но вы род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет". Посмотрев на Израиля по плоти, мы видим, что он в действительности разделялся на три перечисленные здесь класса: народ, избранное из народа колено Левия, и, затем, священники Божии. Петр показывает между тем в только что приведенных словах, что все эти три категории выступают теперь снова в одних и тех же личностях, т.е. в детях Божиих Нового Завета. Каждое из них принадлежит к святому народу, уделу Божию, каждое из них - избранный левит, каждое - царь и священник Богу. Особенно многократно подчеркивает он это последнее положение. В пятом стихе вышеуказанной главы он настойчиво напоминает им их положение так же, как и связанную с ним чудную задачу: "И сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, **священство святое**, чтобы приносить духовные жертвы, **благоприятные Богу, Иисусом Христом**". И Римл.12:1 сказано: "Итак, умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши **в жертву живую, святую, благоугодную Богу**, для разумного служения вашего". В Евр.13:15,16, снова говорится: "Итак будем **чрез Него непрестанно приносить Богу жертву хвалы**, т.е. плод уст, прославляющих имя Его. Не забывайте также благотворения и

общительности, ибо **таковые жертвы благоугодны Богу**". В другом месте апостол Павел пишет: "Я доволен, получив от Епафродита посланное вами, как **благовонное курение, жертву приятную, благоугодную Богу**" (Фил. 4:18). Рассмотрев эти и подобные места, мы увидим наше священство доказанным ими, как день, потому что оно все снова приводится, как побудительная причина к священническим действиям. Мы должны приносить жертвы, потому что мы священники, и мы должны делать это **через Христа**; Он - золотой жертвенник наш, и **только через Него** наши жертвы благоугодны Богу; таков истинный смысл этих слов Божиих.

Остановимся немного на трех родах жертвоприношений, которые мы должны приносить Господу и которые по своему характеру свойственны не медному, а золотому жертвеннику. **Во-первых, это-жертва хвалы уст наших, прославляющих имя Его**. Эта жертва может состоять из нашей благодарности, нашей хвалы и нашего благоговения, громко нами выражаемых среди народа Его в этом духовном доме Господа, потому что это **исповедующие уста**, из которых исходит эта жертва. Древним были известнее эти угодные Богу излияния сердец, нежели нам в настоящее время. Снова и снова мы читаем о них в Псалмах, снова и снова слышим в них решения, подобные следующим: "Буду возвещать имя Твое братьям моим, **посреди собрания** восхвалять Тебя", или: "О Тебе хвала моя **в собрании великом**: воздам обеты мои пред боящимися Его". И опять: "Обеты мои воздам Господу **пред всем народом Его**"; "Тебе принесу жертву хвалы, и имя Господне призову" (Пс.21:23,26; 115:5,8). И какое великое множество лиц нашлось бы в Библии, которые могли бы служить нам примером подобных жертвоприношений, если бы мы вздумали их перечислить. Назовем только немногих из подобных жертвоприносителей Ветхого и Нового Заветов. Вспомним Моисея у Чермного моря и Мариам, сестру его; Девору и Вараха после поражения Хананеев; Анну, мать Самуила; Иосафата после победы над Аммонитянами и Моавитянами в долине благословения; и в Новом Завете уже в самом начале выступают Дева Мария, Елисавета, Захгрия и престарелый Симеон; далее, в Деяниях Апостолов мы видим целую церковь, приносящую Богу жертву хвалы: на небе же, судя по Откровению Иоанна, принесение этой жертвы составляет единственное и непрерывное занятие искупленных Божиих. Я боюсь, братия и сестры мои в Господе, что мы слишком редко подходим к золотому жертвеннику и слишком мало рассыпаем на нем фимиам благодарения, благоговения, хвалы и прославления. Не должно ли густое облако благоухания этого рода подниматься к Богу из среды детей Его всякий раз, когда они собираются во имя Его? О, да исчезнет, наконец, из всякой общины детей Божиих та изгоняющая и угашающая Духа Божия привычка, предоставлять громкую молитву, хвалу и благодарение одному, много двум, трем лицам. Наверно, через ряды всего народа Божия скоро прошло бы новое дуновение жизни, если бы Духу Божию была дана подобающая свобода, и каждая душа с радостью дала бы Ему место. Вскоре упали бы оковы с сердец и уст, и собрания здесь, на земле, носили бы на себе глубокий отпечаток собраний, происходящих на небе, пред престолом Божиим.

Другая жертва, относящаяся сюда же, состоит в том, чтобы мы отдали всецело Богу себя самих и все, что мы есть и что имеем. Одних слов и порывов сердца еще не достаточно, если и тело и душа не отданы Господу. Если на медном жертвеннике - место отдачи Господа за нас, то на золотом должно быть место нашей отдачи Ему и для Него. В то время, как Он выкупает нас там, здесь Он осуществляет Свое право на владение. Но не забудьте, что это осуществление вовсе не принуждение с Его стороны, но оно делается действительностью добровольно, через жертвоприношение, отдачу с нашей стороны. Отсюда та увещающая просьба апостола к уже искупленным Божиим: "Умоляю вас, братия, милосердием Божиим, **представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего**" (Рим.12:1). И еще:

"Не предавайте членов ваших греху в орудия неправды, но **представьте себя Богу**, как оживших из мертвых, и **члены ваши Богу**, в орудия праведности" (Рим.6:13). Итак, наше тело, наши члены, глаза, уши, руки и ноги и все наши телесные и душевные силы, все наше имущество, наше время и наша жизнь принадлежат жертвеннику Божию. Только с действительной их отдачей Ему, мы можем быть истинными поклонниками Божиими.

Наконец, мы находим еще один род жертв, представляющих собою благоухание Господу, - это благотворение, оказываемое нами детям Его и другим людям. "Не забывайте также благотворения и общительности, ибо таковые жертвы благоугодны Богу", напоминает нам апостол. И эти жертвы также необыкновенно редки в наши дни, несмотря на то, что в разных странах нет недостатка во всевозможных благотворительных заведениях для блага наших собратий. Правда, пожертвования даются туда, но без того, чтобы наше сердце было в состоянии, через личное соприкосновение с теми, кто получает, сделать дар благотворением, драгоценной жертвой. Да научимся мы сверх этих даров принимать личное участие в страданиях и нуждах братьев наших и окружающих нас людей!

Но, главное, будем следить за тем, чтобы эти жертвы приносились Господу достойным образом. И как можем мы это сделать? Мы должны совершенно отстранить от них наши собственный камины, наши собственные жертвенники и наш собственный огонь. Они все должны быть возложены на золотой жертвенник. "**Чрез Него**", говорится в Евр.13:15, должны мы приносить жертвы, только чрез Христа они благоугодны Богу, потому что дар освящается только жертвенником. Если Христос - жертвенник, на котором мы приносим все Богу, то и все, посвящаемое Ему нами, делается благоуханием Ему.

Братия мои, наши молитвы, наша хвала и прославление Бога, все хвалебные песни уст наших не имеют значения, если приносятся Богу не "**чрез Него**"; они должны занять свое место на этом жертвеннике. Они также не имеют значения, если не содержат в себе фимиамы Его совершенств, они не имеют значения, если наш огонь собственного энтузиазма зажег их, а не огонь той любви, которая некогда сокрушила Его за нас на кресте. Нет, не наша личность имеет какой-либо вес, не наше горячее рвение, не наши заслуги, но только Он, и Он один.

То, что мы сказали о нашем поклонении и прославлении, относится также и к нашей отдаче себя и всего, что мы из себя представляем и что имеем. Если мы не возложим **сперва** себя со всем имуществом нашим на **этот** жертвенник, не принесем тело наше и жизнь нашу **чрез Христа** Богу и братьям нашим, то мы можем отдать тело наше на сожжение и раздать нищим имение наше, и не будет нам от этого никакой пользы. Если бы мы отреклись от себя до последней крайности, если бы деньги наши тысячами шли на нужды народа Божия и наших ближних, если бы даже мы претерпели мученическую смерть, - это все же не было бы благоуханием Богу, если б оно не вознеслось к Нему посредством этого золотого жертвенника. Мы сами сделались благоугодными Богу в **Возлюбленном**, также и все, приносимое нами Богу, должно **чрез Него** сделаться благоугодным Господу. И как мы должны прославить Его за Его неизреченную любовь, сделавшую Его готовым быть Посредником нашим, нашим жертвенником, - чрез который мы свободно можем приближаться к Богу, да и приближаться всегда и везде, где бы сердце наше ни пожелало вознестись к Нему! Теперь уже не на той горе или в Иерусалиме место, где должно поклоняться, как некогда, потому что только в Иерусалиме находился Христос прообразно в скинии или храме; нет, теперь Он пребывает повсюду, всюду находится этот драгоценный золотой жертвенник, чрез который мы можем с дерзновением приступать к Богу и приносить Ему жертвы. О, только бы нам быть поклонниками, поклоняющимися Ему здесь в Духе и истине, поклонниками, которых Отец ищет Себе, поклонниками, священный огонь которых

горит непрестанно и никогда не угасает! Аминь.

Глава 12

Золотой светильник

И сделай светильник из золота чистого; чеканный должен быть сей светильник; стебель его, ветви его, чашечки его, яблоки его и цветы его должны выходить из него; шесть ветвей должны выходить из боков его: три ветви светильника из одного бока его и три ветви светильника из другого бока его; три чашечки наподобие миндального цветка, с яблоком и цветами, должны быть на одной ветви, и три чашечки наподобие миндального цветка на другой ветви, с яблоком и цветами: так на всех шести ветвях, выходящих из светильника; а на стебле светильника должны быть четыре чашечки наподобие миндального цветка с яблоками и цветами; у шести ветвей, выходящих из стебля светильника, яблоко под двумя ветвями его, и яблоко под другими двумя ветвями, и яблоко под третьими двумя ветвями его [и на светильнике четыре чашечки, наподобие миндального цветка]; яблоки и ветви их из него должны выходить: он весь должен быть чеканный, цельный, из чистого золота. И сделай к нему семь лампад и поставь на него лампы его, чтобы светили на переднюю сторону его; и щипцы к нему и лотки к нему [сделай] из чистого золота; из таланта золота чистого пусть сделают его со всеми сими принадлежностями. Смотри, сделай их по тому образцу, какой показан тебе на горе.

(Исх. 25:31-40)

Одним из главных предметов во святилище был золотой светильник со своими принадлежностями. Из только что прочитанных слов текста мы уже, вероятно, заметили, что он должен был представлять собой выдающееся произведение искусства, так как был сделан весь из одного куска чистейшего золота высшего качества, весом в тогдашний талант, что соответствовало, приблизительно, ста нашим нынешним фунтам. Его устройство, массивное подножие, шесть выходящих из него на две стороны ветвей, равно как и украшавшие его чашечки на подобие миндального цветка, яблоки и цветы, все было вычеканено с применением большой силы из одного и того же куска. Сам Бог не только дал Моисею описание этого светильника, но, как мы видим из заключительных слов повеления Божия, показал ему на горе Синае даже точную картину, или образец его; это ясно указывает, что он занимал очень важное место среди прообразов будущих благ. Это же вытекает и из положения, которое он занял во святилище. Он был в нем прямо необходим, потому что без него внутри святилища господствовал бы полный мрак, и богослужение пришлось бы там совершать ощупью или оно сделалось бы даже совершенно невозможным, Внешний свет, освещавший весь двор, не проникал в эти священные покои. Ни солнце днем не сияло здесь, ни луна и звезды не мерцали там ночью, потому что в скинии не было окон, и дверь ее оставалась всегда закрытой. Кроме того, это было тоже намерением Божиим, чтобы не обыкновенный, естественный, но святой, божественный свет, носителем которого должен был быть золотой светильник, освещал небесные прообразы и совершавшееся здесь богослужение. Итак, мы уже видим из этих различных обстоятельств важное значение этого великолепного предмета. Да осветит и нас истинный, божественный свет, чтобы в нем видеть настоящее значение

ЗОЛОТОГО СВЕТИЛЬНИКА.

Это снова Христос, возлюбленные, **Которого мы имеем пред собою в этом прообразе**. Он стоит здесь в таком образе, и мы видим Его с такой стороны, как еще до сих пор Его не видали, именно, как **"свет миру"**. Первое, что мы замечаем, при взгляде на этот светильник, это, что в нем не видно ничего из известного нам дерева ситтим; он сделан весь, целиком, из одного металла, золота, означающего, как мы знаем, божественную природу Христа. Таким образом, светильник научает нас искать источник всякого света только в Боге одном. Вне его нет ничего, кроме мрака и ночи. И так как Господь Иисус - истинный Бог и жизнь вечная, то Он и истинный свет и носитель Его. Он был, как говорит нам Иоанн в начале своего славного Евангелия, "светом человеков" еще **раньше, чем стал человеком**, "Он светил во тьме, и тьма не объяла Его". Он "был в мире, и мир чрез Него начал быть", продолжает апостол дальше и, затем, сетуя, прибавляет: "И мир Его не познал" (Иоан.1:4,5,10). Из приведенных здесь слов апостола ясно вытекает, что Господь наш сделался светом миру не только со дня Своего воплощения на земле, но, что, будучи всегда Богом, Он всегда был и светом, соответствуя вполне этому ветхозаветному прообразу, сделанному из чистого золота. Он **сделался человеком**, чтобы принести нам **именно этот самый, а не какой-либо другой свет**, чтобы мы, бывшие тьмою, могли бы постичь Его и приблизиться к Нему. Но ни один луч этого чудного света, ни одна искра божественного познания и ни одно слово из всех удивительных откровений, которые Он принес нам, не были **из человеческого источника** или даже из **Его человеческой природы**, в которой Ему Самому приходилось "преуспевать в премудрости и возрасте, и в любви у Бога и человеков" (Лук.2:52); все в Нем было, в этом отношении, божественно, без малейшей человеческой примеси; только эти блаженные откровения, этот божественный свет пришли к нам в наших человеческих, нам понятных словах в наши человеческие опыты, которые Он пережил пред глазами нашими, и они светили нам чрез завесу плоти Его, или, в лице Его, были перенесены в ежедневную земную жизнь, и, в таком уже виде, нам предложены. Именно поэтому Он, "сияние славы и образ ипостаси" Бога, Обитавший в неприступном свете, сделался для нас таким **привлекательным светом**; светом, к которому, как бы испорчены и достойны осуждения мы ни были, мы все же **можем приблизиться и имеем право смотреть на Него**, не боясь и не будучи ослеплены и осуждены им; светом, настолько **нежным и приятным**, что сидящие во тьме и тени смертной не только могут выносить его, но и радостно приветствовать его. Затем, как он **прост и чист!** Он открывается детям и младенцам, и они в состоянии вместить его; как **утешительно**, что те которые в страхе взывают из глубины нужды, встречают его, как зарю лучшей надежды. И, наконец, как **совершен он!** Подобно этому семилампному светильнику, который, своими семью огнями, олицетворяет совершенное освещение и озаряет своим сиянием святые символы святилища, равно как и совершающееся здесь богослужение, так озаряет и Христос Своим светом вечный, Им Самим исполненный, совет Божий, в который желают проникнуть Ангелы. О, если б и мы стремились вперед! Чем более познается свет Его, тем сильнее жаждешь Его Самого, так что, наконец, стремишься только к тому дню, когда мы познаем Его, подобно как мы познаны.

Но пойдёмте, возлюбленные, дальше. **Не один Христос, но Христос и Церковь Его показаны нам здесь**. Золотой светильник со своими семью ветвями показывает нам Его не только, как **Источник света**; но и представляет нам **Его в Его развитии** на земле в течение веков. Он, единственный в роде Своем, корень, родословное дерево нового поколения, пустил от Себя много сучьев и ветвей, составляющих с Ним одно, которые Он носит, и которые делают Его

совершенным как эти семь ветвей, вышедшие из одного стебля и образовавшие один светильник. Апостол Иоанн, показывающий нам Христа в Его Откровении, или развитии в течении веков, в первом своем видении видит опять этот семичленный золотой светильник, несомненно похожий на светильник скинии, и значение этого светильника было истолковано Иоанну Сыном Божиим так: "Семь светильников, которые ты видел, суть семь Церквей". Под "семью Церквами", где число семь опять обозначает полноту и совершенство, мы подразумеваем всю воинствующую церковь Божию всех времен и всех стран на земле. В ней Он развивается, в ней является миру еще и в наши дни.

Но какая чудная картина: Христос и Христовы в продолжение тысячи и тысячи лет пребывающие во святилище! Христос и искупленные Его так тесно соединены между собою, что они, вообще, составляют одно с Ним, а также и одно друг с другом, потому что, хотя здесь выступают семь ветвей, они все же составляют не семь отдельных предметов, но один. И далее: Христос и Его искупленные причастны одного и того же естества, именно естества **Божеского** (2Пет.1:4); так что здесь наглядно то, что апостол Павел говорит Евреям, выставляя нам эту истину: "Ибо и Освящающий и освящаемые все от Единого" (2:11).

Подходя ближе к этому золотому светильнику, **мы даже в том, как он произошел, увидим Христа и Церковь Его**. Благородный металл, чистое, высшего сорта золото, употребленное на него, только под многими тяжелыми ударами молотов, обратилось в чудо искусства, красовавшееся во святилище. Те семь ветвей должны были быть буквально выбиты из ствола, и чашечки, на подобие миндального цветка, яблоки и цветы, так чудно украшавшие его, обязаны своим происхождением тем же ударам, на него падавшим.

Глядя на Христа, мы видим то же самое; совершенно подобным же образом совершалось на наших глазах и Его развитие здесь на земле, как самой личности Его, так и Его членов. Разве мы не читаем о Нем, что Он был "изъявлен и мучим"? Не сказано ли: "Господу было угодно поразить Его"? Какова же должна была быть сила ударов, нанесенных Ему, чистому золоту, простертой над Ним рукой Божией! И какова была цель всего этого? Слушайте, дорогие мои, и внимайте: чтобы - позвольте мне выразиться картинно, сообразуясь с нашим символом, - чтобы семь золотых ветвей вышли от Него. Потому что мы читаем о Нем далее: "Когда душа Его (под ударами этими) принесет жертву умиловления, **Он узрит потомство** долговечное, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его". (Ис.53:10). Да, народ Господень есть потомство, семя Его, рожденное Его страданиями; без этих страданий, без Его смерти, Он, по собственным Своим словам, остался бы один (См. Иоан.12:24). Но Он сделался истинной лозой виноградной со многими ветвями, стволом, от которого исходят дети Его, как побеги, истинным небесным светильником с ветвями, Его украшающими и, как мы уже говорили, дополняющими совершенство Его; потому что о Церкви Его сказано, что она есть полнота Наполняющего все во всем.

Но как окончательный вид светильника образовался под ударами молотов, так и ветви его, и каждая из них в отдельности, нуждались в подобных же ударах, чтобы развиться во всей своей миловидности и красоте. Другими словами, как Христос Сам страданиями достиг совершенства (Евр.2:10), так надлежит и искупленным Его "многими скорбями" войти в Царствие Божие. Если они золото, подобно Ему, то они, как и Он, пойдут под молот, как Он, войдут в горнило и, подобно Ему, в огонь; но они ничего не потеряют от этого, только сделаются испытанными и драгоценными.

При внимательном рассматривании золотого светильника с его ветвями, вероятно можно было видеть на нем следы его изготовившего орудия, так как на предметах, вычеканенных из золота,

всегда можно различить почти каждый отдельный удар. Так и мы "всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса", но только единственно с той целью, "чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертном теле нашем" (2Кор.4:10). В какой мере действует в нас смерть Его, в такой же мере изображается в нас и образ Его и всякий удар, поражающий нас, обращается, действием Божиим, в средство сделать нас подобными нашему возвышенному образцу. Посмотрите внимательно на эти цветочные венчики и цветы, на эти яблоки и чашечки на стебле светильника: они произошли от ударов, направленных искусной рукой, так что вышли чудным украшением; но и на ветвях стебля вы находите совершенно подобные же украшения, и они произошли совершенно таким же путем; итак, одинаковая краса и одинаковая слава на обоих, потому что они были подвержены одинаковой обработке. И потому нам не следовало бы удивляться или чуждаться огненного искушения, для испытания нам посылаемого, но мы должны бы знать, раз навсегда, что "любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу; ибо, кого Он предугадал (заметьте хорошенько, что здесь указывается причина, почему все содействует ко благу), тем и предопределил **быть подобным образу Сына Своего**, дабы Он был первородным между многими братьями" (Рим.8:28,29). Поэтому непоколебимо верно то, что "наше кратковременное легкое страдание производит в безмерном избытке вечную славу" (2Кор.4:17).

Мы рассмотрели происхождение золотого светильника и развитие его великолепия, и видели в нем Христа и искупленных Его; **обратим же теперь внимание на его назначение**. Другого назначения, как светить, он, конечно, иметь не мог, Он существовал не только для того, чтобы являть свой собственный блеск, но, прежде всего, чтобы распространять свет во мраке и озарять им предметы, высокое достоинство которых не могло бы быть видимо без света. Там, во святилище, находились славные богатства, которые в окутывавшем их мраке были бы совершенно бесполезны, так как никто не мог бы пользоваться их благословениями без того ясного света семи лампад золотого светильника. Там, как мы уже видели, стоял золотой, жертвенник благоговейного поклонения Богу, накрытый стол с хлебами предложения, драгоценная трапеза священников Божиих; там находилось искусно вытканное покрывало с изображением херувимов, являвшее славу Божию; затем завеса у входа во Святое-святых и весь блеск во всем святилище - все предметы, не имевшие цены без света золотого светильника, с ним же - предметы, составляющее наше блаженство.

Да, лишь во Христе Одном и чрез Него, Который воистину есть наш золотой светильник, получаем мы божественный свет, отверстые очи, познание, которое есть жизнь вечная, возможность вкушать Его благодать и искупление, нам уготованные; только во свете Его мы видим свет. Хотя все тени будущих благ существовали и до явления Христа на землю, но какую пользу могли они принести? Могли ли они нас приблизить к Богу, напитать голодную душу или открыть истинный вход в вечную скинию? Нет, без Него они были бы совершенно бессильны, мы не могли бы даже понять смысла их; полный мрак лежал на них, и мы сами были тоже во мраке. Но Он, Восток свыше, Он, Солнце правды, не только принес с Собой свет и озарил этот мрак, но принес еще и действительное исцеление в лучах Своих.

И что Он делал Сам, то заповедал делать и Церкви Своей: она должна, подобно Ему, нести свет во тьму, точно так, как те ветви светильника имели ту же цель, которую выполнял стебель его. "Потому что Бог, повелевший (в первый день сотворения мира) из тьмы воссиять свету, **озарил** (это каждый член народа Божия может засвидетельствовать как лично о себе, так и о братьях своих) наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа" (2Кор.4:6). Мы подобны фонарям; внутри сердца горит яркий свет, но он должен изливаться

наружу и озарять окружающих нас. Иисус сказал некогда ученикам Своим простую, нам всем хорошо известную, но тем не менее очень важную истину: "Никто, зажегши свечу, не покрывает ее сосудом, или не ставит под кровать а ставит на подсвечник, чтобы входящие видели свет" (Лук.8:16), и Он сказал это о тех, которые подобны семени, упавшему на добрую землю; они были, следовательно, все зажженными свечами и все поставлены на подсвечнике, могу ли я прибавить, на золотом? Конечно на Нем, на золотом светильнике; потому что если, как Он говорит, **никто**, зажегши свечу, не покрывает ее сосудом или не ставит под кровать, покроет ли **Он зажженные Им Самим светочи** и не поставит ли скорее их на светильник, чтобы светили? О, дети Божии, знайте, что ваше место на Нем, золотом светильнике, и ваша цель одинакова с целью Его: светить. Он, Кто о Себе сказал: "Я - свет миру". сказал то же самое слово о вас. Он теперь вошел к Отцу, не оставил этого мира во тьме; он оставил здесь Своих искупленных, чтобы "среди строптивного и развращенного рода они сияли как светила в мире" (Фил.2:15). Сами некогда бывшие тьмою, они сделались "теперь светом в Господе" (Еф.5:8). **В Господе** - это я желал бы особенно подчеркнуть, потому что без Него и вне Его даже самое лучшее из детей Божиих, несмотря на всю свою мудрость, свое познание и благочестие, не что иное, как дымящаяся головня.

И что же нам раньше всего приходится освещать? Он, Сын Божий, отражал здесь, на земле, Отца: видевший, Его, видел Отца; нам же, возлюбленные, следует отражать Христа; Он должен быть виден в нас, и чрез нас мир должен Его познать. Подобно тому, как тот семичленный светильник освещал своими огнями **тени** будущих благ, так народом Божиим должна быть освещена истинным светом самая **сущность** благ пред всем миром. О нем можно справедливо сказать то, что некогда Господь сказал Самарянке, что он не знает, "чему кланяется", но мы должны осветить ему путь к золотому жертвеннику и показать ему, что значит поклоняться Богу в Духе и истине. Он погибает от душевного голода; нам же надлежит подвести его к столу с хлебами предложения, дающему хлеб жизни и составляющему великую трапезу Агнца. Бедный мир не знает пути мира; он не знает, как проникнуть из стана во двор, а затем во святилище и во Святое-святых; мы же должны направлять наши лучи света на этот путь, чтобы он вошел настоящей дверью к Богу и к благодати, в которой стоим мы. К сожалению, в течение многих прошлых веков лишь тусклый, едва мерцавший и временами как бы замиравший свет исходил от Церкви Божией, и потому целые сотни миллионов язычников и других народов ходили во тьме своего сердца и в помрачении своего разума. Только к вечеру, т.е. в это последнее время, начинает делаться немного светлее.

Но вопрос, как светил и светит еще народ Божий вообще, для нас, братия мои, не главный вопрос. Гораздо существеннее вопрос: как свечу я, как светишь ты, как светим все мы теперь, в наши дни? **Видит ли** мир в нас действительно Христа? **Привлекателен** и, в то же время, **обличителен ли** свет наш? Влечет ли он с неудержимой силой к Нему? Распространяется ли нами познание о славе Божией в лице Иисуса Христа на всяком месте? И если бы каждый из нас мог ответить на все эти вопросы непринужденным, радостным "да", тогда мы были бы украшением золотого светильника, как бы мы ни были, вообще, мало видны во всех других отношениях; тогда мы принадлежали бы к тем, которые обратили многих к правде!

Но возвратимся еще раз к золотому светильнику и посмотрим, какими заботами он был окружен. С повелением, сделать его, Господь заповедал приготовить также всевозможные сосуды, необходимые для ухода за ним. Мы читаем о кружках, щипцах, лотках, а в другом месте и о золотой чаше для елея. Эта последняя, постоянно наполненная чистым елеем, только ожидала руки первосвященника, который один выполнял здесь славное служение, снова доливать

выгоревший елей, чтобы огонь имел необходимую пищу и чтобы свет мог сиять во всей своей силе. Каждое утро и каждый вечер мы видим первосвященника, приходящего сюда, чтобы предотвратить всякий недостаток от лампад.

Неправда ли, братья мои, мы знаем, как наш великий Первосвященник был помазан елеем радости Духа Святого более соучастников Своих, и как безмерно обширно было это помазание; но, хвала и поклонение Ему, чрез Него и мы сделались участниками того же самого Духа Святого, и чем больше изливаются от нас лучи Его, тем более будем мы наполнены Им. В этом случае расход не оскудение, но средство к расширению места для большей полноты. Он Сам, великий Первосвященник, ходит опоясанный между Своими золотыми светильниками; таким образом, Он готов заботиться о них. О, если бы мы были так готовы принимать, как Его рука готова наделять!

Если, с одной стороны, первосвященник ревностно старался постоянно доставлять пищу огню, **то, с другой стороны, он старался устранять и уничтожать все препятствия, чтобы пламя давало ясный свет.** Приходилось ему, в свое время, прибегать и к помощи щипцов, и чистить надлежащим образом светильню, и это последнее было одинаково нужно, как и первое.

Мы, вероятно, тоже все знаем о веществе, которое всегда способно угасить горящее в нас пламя; мы знаем, что огорчает в нас Его, благого Духа Святого, и не приходится ли подчас и нам внутренне содрогаться пред щипцами, которые наш великий Первосвященник должен иногда применять к нам. О, эти щипцы скорби и страданий, этот нож виноградаря, как часто они заставляют нас содрогаться, и все же, пока Его рука управляет ими, они не могут повредить нам, но только очищают, чтобы огонь мог сильнее разгореться. А потому не сетуй, дорогая душа, если тебе приходится теперь именно испытывать действие Его острых щипцов; они то и доказывают, что Он около тебя и в разгаре работы над тобой! И благодарение Ему, Он не утомляется от Своего служения, но подобно тому, как Аарон там, во святилище, совершал каждый день то же самое, так и Он доведет Свое драгоценное дело до того великого дня, когда народ Его явится с Ним во славе и будет сиять, как солнце, во всей силе своей.

И заметим при этом еще, **как Господь заботился о том, чтобы свет этого светильника непрерывно горел во все времена.** В Исх. 27:21, где речь идет об уходе за светильником, о наполнении утром и вечером лампад его елеем, Господь торжественно прибавляет: "Это устав вечный для поколений их от сынов Израилевых". Всегда наполненный, он всегда должен был гореть. Поэтому то мы и читаем о щипцах и лотках, об очищении и уходе за ним, но нигде нет ни слова об его **угашении**, потому что он именно никогда не должен был быть погашен. Свет светильника горел, были ли тут священники Божии, пользовавшиеся его приятным сиянием, или нет; он горел, был ли вне скинии ясный день или покоилась темная ночь над всем станом Израильским; он горел летом и зимой, днем и ночью, семью неослабевшими, никогда не угасавшими огнями.

Так и Христос, Господь наш. С неослабевающею силою непрестанно сияет Он светом жизни, близки ли мы к Нему и пользуемся ли светом Его, или же ходим в пламени своего собственного огня, принимает ли это к сердцу мир, сидящий в тени смертной или гибнет он, продолжая идти путем мрака и ужаса. О, этого совсем не было бы нужно, только бы он позволил открыть себе глаза, лишь бы взглянул на Него, приблизился к Нему, перестал бы любить тьму более, нежели свет. Но как бы он ни относился к этому свету, ему никак не удастся заставить Господа отнять от него Свое яркое сияние; потому что, как солнце неизбежно должно светить и согревать, так и Он будет всегда изливаться светом Своим, пока самый последний грешник в мире не озарится Им и не найдет пути к Нему в отчизну, где Он, Агнец, делается, самым совершенным образом, его

вечным светом.

Но как светит Он, так непрестанно светить должен и народ Его, Его Церковь. Радостно ли приветствует мир свет этот, или ненавидит его, молчит ли диавол при этом или посылает на него свои потоки вод - все равно. Господь желает, чтобы ты светил, народ Господень, потому Он и ходит посреди тебя, как среди Своих золотых светильников, потому Он и восполняет все нужды твои и заранее предотвращает всякий недостаток. И заметил ли ты когда-либо, "чтобы Он приходил к тебе с целью потушить свет твой? Нет, как бы ничтожен временами ни был свет этот, как бы слабо он ни мерцал, Господь всегда оправдывал Свое обетование: "Трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит" (Мат. 12:20); потому что, как бы мало ни являл Его этот свет, он все же свет Его.

Итак иди, свети, брать мой, иди, свети, сестра моя в Господе, и сегодня и завтра, изо дня в день, все светлее и ярче, куда Господь тебя ни поставит и доколе Он Сам не придет. "Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи; и вы будьте подобны людям, ожидающим возвращения господина своего" (Лук. 12:35,36), чтоб, когда бы Он ни пришел, вы могли выйти навстречу Ему с наполненными, украшенными светильниками и войти с Ним в радость Его. "Бог же всякой благости, призвавший вас в вечную славу Свою во Христе Иисусе, да совершит, да утвердит, да укрепит, да соделает непоколебимыми" (1Пет.5:10). Аминь.

Глава 13

Стол для хлебов предложения и хлебы предложения

И сделай стол из дерева ситтим, длиною в два локтя, шириною в локоть, и вышиною в полтора локтя, и обложи его золотом чистым, и сделай вокруг него золотой венец [витый]; и сделай вокруг него стенки в ладонь и у стенок его сделай золотой венец вокруг; и сделай для него четыре кольца золотых и утверди кольца на четырех углах у четырех ножек его; при стенках должны быть кольца, чтобы вложить шесты, для ношения на них стола; а шесты сделай из дерева ситтим и обложи их [чистым] золотом, и будут носить на них сей стол; сделай также для него блюдо, кадьницы, чаши и кружки, чтобы возливать ими: из золота чистого сделай их; и полагай на стол хлебы предложения пред лицом Моим постоянно.

(Исх. 25:23-30)

И возьми пшеничной муки и испеки из нее двенадцать хлебов; в каждом хлебе должны быть две десятых ефы; и положи их в два ряда, по шести в ряд, на чистом столе пред Господом; и положи на [каждый] ряд чистого ливана [и соли], и будет это при хлебе, в память, в жертву Господу; в каждый день субботы постоянно должно полагать их пред Господом от сынов Израилевых: это завет вечный; они будут принадлежать Аарону и сынам его, которые будут есть их на святом месте, ибо это великая святыня для них из жертв Господних: это постановление вечное.

(Лев. 24:5-9)

Последний предмет во святилище, который нам остается еще рассмотреть, это - стол для хлебов предложения. В то время, как золотой жертвенник, как уже было замечено, стоял прямо посреди святилища, непосредственно пред завесой, стол для хлебов предложения занимал место к северу, направо от жертвенника, а к югу, налево от последнего, - семилампадный золотой светильник, который мы рассматривали в нашей прошлой беседе. Сделанный из знакомого уже нам дерева ситтим и обложенный золотом, этот стол, или, как Господь его называет, этот "чистый" стол был небольшого размера; - он имел, как мы только что читали, два локтя в длину, один локоть в ширину и полтора локтя в высоту. Удивительно, что, при сравнении с другими предметами во святилище, он был увенчан вдвойне: вокруг него шел золотой венец, но кроме того к нему были еще приделаны кругом стенки в ладонь шириной, представлявшие собой как бы ограду, или охрану для лежавших на нем хлебов, чтобы они не могли упасть на землю. Таким образом, это был стол царской трапезы с царской охраной, о которой напоминает Давид, говоря в 22-м Псалме: "Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих". В вышеописанной ограде полагались двенадцать хлебов в два ряда, по числу двенадцати колен Израилевых, с которыми Господь вступил в завет. Таким образом, это были хлебы завета для народа завета и они должны были напоминать Господу и народу Его о союзе, заключенном между ними, почему Он и называет их также хлебами "памяти". Каждую субботу они снимались с этого стола, и тотчас же замещались новыми, так что стол никогда не оставался пустым, без хлеба. Объяснение

этого драгоценного прообраза не должно показаться трудным никому из нас, так как и Ветхий и Новый Заветы изливают на него достаточно света. В виду того, что материал, из которого сделан был стол, уже рассматривался нами в других предметах, нам хочется, во избежание повторения, обратить ваше внимание особенно на

хлебы предложения.

Вам, конечно, не может не быть очевидными что в этом вызолоченном столе для хлебов предложения с его хлебами нам должно видеть Христа Иисуса, Богочеловека, как хлеб жизни, потому что другое объяснение прямо невозможно. Несколько времени тому назад мы видели во святилище золотой жертвенник, а затем и золотой светильник, оба - предметы, которые почти совершенно естественно могли бы принадлежать к дому Божию; но когда мы видим здесь присущий всякому человеческому хозяйству накрытый стол с хлебом, главным питательным веществом, то не спросим ли мы: зачем это здесь находится и чему Господь хотел этим научить нас? Конечно, ответ один: Господу угодно этим прообразом указать на истинную пищу, на истинный хлеб души нашей, который мы должны вкушать в домостроительстве уже не тени будущих благ, а самой сущности их; а так как Писание говорит, что тело во Христе, то прообраз этот и указывает прямо на Него.

Благодарение Богу, в этом отношении ошибиться мы не можем, потому что это были Его собственные слова, которые Он несколько раз повторил пред одними и теми же слушателями, когда Он, в противоположность земному хлебу, розданному Им народу, и в противоположность манне, полученной отцами их чрез Моисея, объявлял им о Себе: "Я есть хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда" (Иоан.6:35). О, эти бедняки, которые удовлетворились бы, если бы Он продолжал умножать им земной хлеб, и придавшие такое важное значение полученной в пустыне манне, не знали, что при всем том душа их должна была алкать и жаждать, и не знали об истинном хлебе, который давал им Отец и который дает жизнь миру, хотя он в лице Христа стоял перед ними, Сам предлагая Себя им. Да, Иисус дает жизнь; не только влачимое нами жалкое существование, но жизнь вечную, божественную, ту, которую жизнью называл Сам **Господь**. Он не только хлеб, питающий и поддерживающий жизнь, уже существующую, но дающий **потерянную, утраченную** и еще **не существующую** жизнь, потому что такие люди, люди, находившиеся в смерти и бывшие без жизни божественной, стояли перед Ним. Он и с небес сошел на эту жалкую землю для того, чтобы вернуть и принести в Самом Себе потерянную жизнь человеку, изгнанному из рая и терпящему нужду и бедствие в изгнании, так как доступ к дереву жизни был ему прегражден.

Какое счастье, что мир, хотя и обретший себе смерть ядом греха, однако, не должен вечно погибнуть, если он только этого сам не захочет, потому что **в доме Отца "все избыточествуют хлебом"** (Лук.15:17). В Его домостроительстве предложен хлеб миру, если он только, подобно блудному сыну, захотел бы вернуться к Отцу, чтобы занять место за накрытым столом и питаться. Но как несравненно блаженнее народ Божий, уже вернувшийся к Отцу и вкушивший, как благ Господь, и имеющий теперь право постоянно пребывать во святилище у богатой трапезы, вполне насыщаясь ею. В то время, как те должны еще только получить жизнь в Нем, хлеб жизни, **эти** питают уже полученную жизнь и живут в полной сытости верою в единство с Ним. Для них-то прежде всего и предназначен прообраз там, во святилище, что мы, я надеюсь, увидим впоследствии совершенно ясно.

О хлебах предложения, полагавшихся на стол, мы читаем, **что они были испечены из лучшей пшеничной муки и не содержали в себе закваски.** Пшеничная мука есть символ Сына

человеческого, назвавшего Себя Самым пшеничным зерном, которому надлежало умереть, чтобы не остаться одному. Пшеничное зерно является в виде муки, как приготовленное для пищи. Закваска же, напротив, почти везде в Св.Писании есть прообраз лукавого, греха и порока, и потому она должна была быть удалена от хлебов предложения и от святилища. Она есть образ скрыто действующего зла, не видного снаружи, но тем успешнее развивающего мало-помалу свое разлагающее действие. Иногда она обозначает ложное учение, проникшее в Царствие Божие здесь на земле посредством ложной церкви, втеснившейся на место чистой Невесты Христовой (Матф.13:33); иногда представляет собою собственное благочестие и лицемерие, подобные фарисейскому и саддукейскому, о чем, увещевая, говорил Иисус: "Берегитесь закваски фарисейской и саддукейской, которая есть лицемерие" (Матф.16:6; Лук.12:1). Также разумел Господь под закваской и религию, необходимую только ради политики, остерегая в другом месте не только от фарисейской, но и от **закваски Иродовой** (Матф.8:15). Этот хитрый, коварный властитель, будучи неверующим саддукеем, мог придать себе вид почитателя Бога Израилева; он даже охотно слушал Иоанна, и все-таки позорно его обезглавил; он примыкал то к саддукеям, то к фарисеям, а иногда сразу и к тем и другим, так, как этого требовала его государственная политика. Наконец, закваска обозначает еще и грех, терпимый нами как в нас самих, так и в Церкви Божией, в каком бы виде он ни обнаруживался. В церкви Коринфской это было так, и апостол, через Духа Святого, со всею строгостью обличает их такими словами: "Нечем вам хвалиться. Разве не знаете, что малая закваска квасит все тесто? Итак очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом, так как вы бесквасны, ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас. Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины" (1Кор. 5:6-8). Высказываясь так решительно и беспощадно о закваске, он подразумевает того грешника, который, несмотря на открытый грех его, сохранил свое место в Церкви Божией, которая, как говорит апостол, была бесквасна, т.е. свята. Пресное тесто и испеченный из него хлеб был прообразом чистоты, истины и святости, и тот стол со своими пресными хлебами указывал на чистого, непорочного Сына человеческого, в Котором невозможно было найти и тени какого-либо зла.

Вглядываясь в жизнь, хождение, речи, действия и мысли Его, открытые перед всеми, потому что Ему никогда не было нужно скрывать что-либо, мы не видим в Нем ничего, кроме светлого, правдивого характера как отвне, так и внутри Его. Он - истинный хлеб предложения, в котором, как бы глубоко мы ни вглядывались в Него, и как глубоко ни испытывало Его око Божие, ни Он ни мы не могли бы открыть никакого греха и даже вида греха. Мы видим Его в затруднительных обстоятельствах, в тяжелых испытаниях, среди ожесточенных нападков, преследуемого людьми, искушенного сатаною и, наконец, пораженного и отданного на смерть, и все это для того, чтобы сделать Его причастным греху; но все было напрасно, - Он остался чужд ему. И Он остался не только чужд ему, но, в то же время, был исполнен благодати, сострадания, любви, кротости, исполнен всех плодов Духа Святого, так что Отец раз за разом выражал Ему Свое благоволение, громко засвидетельствовав его словами: "Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение" (Матф.3:17; 17:5).

Но если мы возвратимся к хлебам предложения, то нам является чудная мысль, что они были приятны для глаз не только потому, что были символом чистоты и правды, но также и тем, **что служили для действительного питания**. Правда, в течение семи дней они были выставлены на вид во святилище пред Богом и в сущности носили название "хлебов лица Божия"; но по истечении этого времени Сам Бог отдавал их в пищу священникам; так что бывшее пищей благоволения Его делалось пищей Его служителей.

Так и Христос, Господь наш, Который, после того как прошел открыто перед лицом Божиим всю Свою земную жизнь и в Котором даже самое строгое исследование не могло найти никакой закваски греха, был нам дан, как хлеб жизни. В вышеуказанной 6 гл. Евангелия Иоанна, где Он Сам Себя предлагает как хлеб жизни, Он связывает свою отдачу нам со Своею смертью за нас. Чтобы дать жизнь, хлеб должен быть вкушен, но, чтобы вкусить, надо предварительно разломить его; так и Он был нам дан по окончании Его земного поприща. И что мы должны вкушать Его, Он Сам показал Своим ученикам еще перед Своим концом во время той святой вечери воспоминания, которая должна впредь совершаться до Его личного возвращения. "Я - пища ваша, Я - ваше питье", сказал Он нам, преломив хлеб и подав полную чашу, и затем прибавил: "Приимите, **ядите**" и "**пейте** из нее все".

Вкушение хлебов предложения во святилище должно было быть совершенно особенным указанием именно на эту вечерю. Какое торжественное событие совершалось, когда в определенный час каждого субботнего дня первосвященник и сыновья его, священники, открыв дверь во святилище, подходили к столу хлебов предложения, чтобы быть при нем гостями Господа! Они приходили сюда не исповедывать свои грехи или принести трудную жертву, но являлись сюда для совершения праздника в присутствии Иеговы. Бог был как бы Хозяином дома, предлагавшим даровое угощение служителям, Своим. У Него был для них накрытый стол, к которому они могли подойти и совершенно безвозмездно насыщаться. Нам не сказано, предлагалось ли им при этом и питье, но это можно почти заключить по блюдам, чашам и кружкам, принадлежащим к столу и сделанным из чистого золота, "чтобы возливать ими". Как бы то ни было, священники Господни праздновали субботу, вкушая богатые дары дома Его.

Таков чудный жребий, всех детей Божиих, которые верою вошли в покой, в субботу Господне; как истинные священники Божии, они имеют блаженное преимущество вкушать Христа не только при совершении Вечери Господней или по воскресным дням, но постоянно, что они и делают, дабы войти в полноту жизни. Их сердца, всегда жаждущие Его, непрестанно зывают:

Ты нужен, ты мне нужен
Иль близка смерть моя,
Ибо сей мир ни крошки
Хлеба не даст душе.

Да будет Ему искреннее благодарение за то, что мы всегда можем иметь Его, что, подобно насущному хлебу, поддерживающему наше смертное тело и почти не сходящему с наших столов, Он непрестанно предлагается нам Богом. Что бы стало с нашей новой жизнью, если б, получив ее, мы не давали бы ей должного питания. Как скоро она бы угасла! И у тысячи детей Божиих немощь, болезни и постепенное угасание есть следствие того, что они пренебрегают постоянно вкушать Христа. Не суждено ли ветви, не наполненной силой лозы, остаться без плода и, наконец, засохнуть?

О, братия мои, мы должны не только возродиться через Христа к новой жизни, но и возрастать чрез Него от одной ступени к другой, из младенцев в юношей, из юношей в совершенный возраст мужа, мы должны усвоить Его себе не только, как наше оправдание, но также и как наше освящение; только этим путем мы можем сделаться чем-нибудь во славу благодати Его. Посмотрите, как идет дело с нашим ростом в нашей обыденной жизни: мы вкушаем пищу без всякого принуждения, насущная потребность влечет нас к ней, и принятый нами хлеб настолько

тесно соединяется с нами, что уже никем не может быть отделен от нас; благодаря этому соединению, он может развивать в нас свои силы, сообщая их нам, и следствием этого является наш рост без всякого содействия с нашей стороны. Примите так Христа, усвойте себе верой таким же образом силу Его; действуйте, думайте, поступайте и живите чрез Него и для Него Одного, не заботясь о росте вашем; он не преминет прийти, Ему в благословение.

Как Он должен быть пищей для нашей жизни вообще, так должен Он быть пищей нашей и для каждого отдельного дара благодати. Если вы имеете нужду в одном из них, если заметите, что в одном отношении отстали более, чем в других, возьмите Христа как вашу силу, отдайте Ему ваше слабое место и поверьте Ему, как дети, что Он, именно в этом, сила ваша; и вам будет по вере вашей.

Христос должен быть пищей **веры** моей, иначе моя деятельная, во всех случаях жизни побеждающая вера вскоре оскудеет. Не будет ни победы над миром, ни торжества над врагом, ни покорения своей собственной плоти, ни смерти своего собственного "я"-там, где Он не лично скала моего покоя, на которой я твердо занял место. Ученики стремились к истинному источнику, который должен был питать их веру, когда они доверчиво обратились к Нему с просьбой: "Господи! умножь в нас веру"!

Христос должен быть пищей моей **любви**, или она скоро исчезнет из моего сердца. Правда, она излилась Духом Святым, данным мне, но Он - ее жизнь, Он - ее пульс, Он - ее удовлетворение. Чем меньше Христа, тем меньше любви; чем больше Христа, тем больше того огня, которого не могут потушить и большие воды.

Христос должен быть пищей **надежды** моей, потому что Он великий предмет ее. К Нему возвожу я очи мои, Его ожидаю в терпении и, исчезни Он от моего взора, скажите, что осталось бы еще привлекательного для меня в будущем? Он Один дает мне возможность взирать на нее с блаженной радостью, тогда как одна мысль о ней приводит в трепет других людей. И чем более я вкушаю Его, тем пламеннее делается мое желание осуществить надежду мою, т.е. увидеть Его, как Он есть.

Так, возлюбленные, мы могли бы еще продолжать показывать вам, что Он, и Он один есть жизнь наша, пища наша и источник всякого блаженства нашего; но лучше узнать это лично, практическим опытом, лучше за этим, всегда накрытым столом постоянно вкушать, как Он благ.

Но пойдем дальше. **Для того, чтобы вкушать эти хлебы предложения, святилище должно быть нашим жилищем.** Там, вне святилища, в стане, была, конечно, манна, были даже в течение целого месяца перепела, но хлебов предложения не было, и ни разу даже кусочка его не было вынесено в стан. Люди там не имели никакого представления о вкусе и питательности его, и именно из-за этого они не могли даже иметь потребности в нем. Так случается и с бедным миром; он и до сего дня умирает, не вкушая Христа, и, в большинстве случаев, даже и не желает этого. Он, конечно, слышит кое-что о привлекательности Его, но одно слышание не насыщает голодного. В словах нет питательных веществ: только хлеб содержит их. О, еслиб мир пришел и вкусил Его! Но он знает, что вкушать Его должно только во святилище, а пред этим он с ужасом отступает.

Скажу еще более, дорогие друзья: эти хлебы не существовали даже и для посетителей двора. Обыкновенный Израильянин, может быть, мог увидеть, как священник вкушал эту драгоценную пищу, но сам не имел права есть ее. Он, посетитель двора, имел все свое наслаждение во дворе скинии, и только. Это показывает, в каком отношении должны мы стоять к Богу, чтобы быть способными постоянно иметь участие во Христе, так, чтобы Он был нашей пищей, наслаждением, силой и жизнью. Он есть **твердая пища**, уготованная для всех, но вкушаемая

лишь немногими, потому что, как апостол говорил Коринфянам, так можно сказать о многих: "Вы были еще не в силах, да и теперь не в силах, потому что вы еще плотские" (1Кор.3:2,3). Они должны довольствоваться молоком, детской пищей, искать себе наслаждения во дворе.

Да, братия мои, мы не можем вкушать Христа в полноте, когда между нами и Господом существуют такие пространства, как между станом и Святым-святых. Домочадцы, т.е. люди, жившие в тесном общении, в непосредственной близости, так сказать, на глазах высокого Хозяина святилища, занимали места за трапезой Его. **Мы не можем** вкушать Его, если наше наслаждение частью во святилище, частью же вне его, так как сказанное Коринфянам сказано и нам: "**Не можете** пить чашу Господню и чашу бесовскую; **не можете** быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской" (1Кор.10:21) Итак, порвите всякие узы, связывающая вас с тем, что могло бы разделить вас с Ним; священный разрыв, божественная разлука должны состояться между чадом Божиим и тем, что в мире; тогда только Христос делается вашим повседневным, непрерывным наслаждением. Поставьте впредь ноги ваши на святую почву, и вы увидите, что пред вами приготовлена трапеза в виду врагов ваших, и что чаша ваша всегда будет преисполнена.

Далее, мне хотелось бы еще заметить, что хлеб предложения был хлебом святилища, который священники вкушали даром. Единственное условие, делавшее их способными вкушать его, было их звание. Если они сознавали, что они священники, то ни их бедность, ни молодость или слабость, или сознание своей немощи - ничто не могло воспрепятствовать им подходить к трапезе и ее вкушать. Ни полушки не требовалось от них, никакого подарка не должны были они принести, чтобы быть участниками этого дара.

Это, именно, хотелось бы мне особенно выдвинуть ради робких душ в доме Божиим. Если ты - чадо Божие, ты- и священник Всевышнего, брат мой, и это положение дает тебе полное право вкушать Христа, как Его вкушал апостол Павел, Иоанн или всякий другой из выдающихся святых Его. Христос есть неизреченный дар "для каждого из детей Своих и, заметь, дар, который тебе не надо постоянно снова вымаливать и каждый раз вновь получать, но дар, который, ты уже имеешь, в **пользование** которого ты должен **входить** ежедневно **глубже**. Это подобно только что начавшемуся пиру, на котором ты уже успел вкусить нечто из предложенного. Ты не соображаешь и не считаешь, сидя за столом, сколько тебе придется заплатить за следующую перемену кушаний или за второе блюдо, но просто следуешь приглашению хозяина и вкушаешь предложенное тебе, потому что все пиршество было заранее придумано и приготовлено для тебя. Итак, ты, я и всякий верующий имеет спокойный и радостный доступ, который ему никем не будет возбранен. Не только не будет возбранен, нет, напротив, постоянно слышится приглашение Божие: "Приимите и ядите; насыщайтесь от тука дома Моего". - "Желающий пусть берет воду жизни даром". - " Жаждающий пусть приходит и пьет". Господь даже громко сетует на то, что мы не приходим и направляемся куда-нибудь в другое место: "Меня" восклицает Он, "источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды" (Иер.2:13). Он жалеет старания наши, труд наш в поисках наслаждения там, где его нет, и желал бы исправить наш извращенный вкус: "Для чего вам", говорит Он, "отвешивать серебро за то, что не хлеб, и трудовое свое за то, что не насыщает? Послушайте внимательно и **вкушайте благо** и душа ваша да насладится туком" (Ис.55:2). О, еслиб в конце концов Он мог перестать приглашать нас к этой щедрой и доступной трапезе, чтобы мы пользовались дарованным нам преимуществом без приглашения?

Еще одно: посмотрите на всех участников в трапезе хлебов предложения и заметьте это чудное дружественное отношение между ними, которое здесь проявлялось. Тут перед нами

различные священники, сыны Аарона, сам Аарон, а также и Господь. Правда, Господь не вкушал преломлявшихся здесь хлебов, но Ему принадлежал ливан, лежавший на хлебах сверху. Прежде всего получал Господь Свою часть - общее благоухание всей трапезы. Чудное отношение к Богу проявлялось при этом святом пире общения: Он, Господь, приготовивший стол этот, являлся здесь, как общий Отец Своих соучастников трапезы, имеющий в нежной заботе о них богатый запас для удовлетворения их потребностей, и они были пред Ним как домочадцы, дети, которые в детской простоте, в силу сыновнего права участвовали во всем, как в своей собственности. Это было блаженное отношение.

Затем, обратим внимание и на отношения друг к другу между участниками трапезы. Раз они были детьми одного Отца, то они были и братьями между собою; ни один из них не был выше, ни один ничтожнее другого; каждый имел то же право на наследство, кроме одного первосвященника, благодаря которому они, собственно, и могли все приблизиться. Я хочу этим сказать, что из всех преимуществ, сопровождавших это собрание священников, ни одна черта так резко не выступала, как их полное равенство пред этим столом, на которое ни различие возраста, ни различие дарований или характера не оказывало ни малейшего влияния. И это никогда не должно было бы быть иначе, потому что все они ведь были очищены одинаковой жертвой, омыты в одном и том же умывальнике, облечены в одинаковые одежды "славы и величия", призваны к одинаковому служению и стояли пред одним великим Господом; все это было действительностью, нашедшей себе здесь прекраснейшее выражение.

О, если бы во всей Церкви Христовой скоро дошло до того, чтобы **Он**, хлеб жизни, Он, питающий ее **всю** и каждое **отдельное** из Его детей, сделался единственной точкой соединения всех их! Апостол Павел видел именно в этой духовной трапезе народ Божий соединенным в одно тело; он узнал в превознесенном Господе тот единый хлеб, так соединивший их, когда он сказал: "Один - хлеб, и мы, многие, - одно тело; **ибо все причащаемся от одного хлеба**" (1Кор.10:17). Вкушая хлеб, сшедший с небес, мы делаемся причастниками Христу и причастниками телу Его; общение с Ним в небесах и общение друг с другом на земле - все это достигается только чрез Него! Да видят это наши очи с каждым днем все яснее и яснее и да осуществится оно затем главным образом в нашей жизни! Аминь.

Глава 14

СВЯТОЕ-СВЯТЫХ - КОВЧЕГ ЗАВЕТА

Сделайте ковчег из дерева ситтим: длина ему два локтя с половиною, и ширина ему полтора локтя, и высота ему полтора локтя; и обложи его чистым золотом, изнутри и снаружи покрой его; и сделай наверху вокруг его золотой венец [витый]; и вылей для него четыре кольца золотых и утверди на четырех нижних углах его: два кольца на одной стороне его, два кольца на другой стороне его. Сделай из дерева ситтим шесть и обложи их [чистым] золотом; и вложи шесть в кольца, по сторонам ковчега, чтобы посредством их носить ковчег; в кольцах ковчега должны быть шесть и не должны отниматься от него. И положи в ковчег откровение, которое Я дам тебе. Сделай также крышку из чистого золота: длина ее два локтя с половиною, а ширина ее полтора локтя; и сделай из золота двух херувимов: чеканной работы сделай их на обоих концах крышки; сделай одного херувима с одного края, а другого херувима с другого края; выдавшимися из крышки сделайте херувимов на обоих краях ее; и будут херувимы с распростертыми вверх крыльями, покрывая крыльями своими крышку, а лицами своими будут друг к другу: к крышке будут лица херувимов. И положи крышку на ковчег сверху, в ковчег же положи откровение, которое Я дам тебе; там Я буду открываться тебе и говорить с тобою над крышкою, посреди двух херувимов, которые над ковчезом откровения, о всем, что ни буду заповедовать чрез тебя сынам Израилевым.

(Исх. 25:10-22)

Отодвигая великолепную завесу за золотым жертвенником, мы покидаем сегодня святилище и вступаем во Святое-святых. Оно представляет собой заднее помещение скинии, ровно в половину меньшее святилища. Доступ сюда имел только первосвященник Израильский, и то однажды в год. Это было вполне темное, ничем не освещенное место, потому что здесь обитал Непостижимый Бог; и хотя все откровения Израилю исходили отсюда, тем не менее это место и Тот, Который жил здесь, оставались сокрытыми. Итак, Святое-святых было прообразом неба, того места славы и присутствия Божия, о котором мы получим совершенный свет лишь тогда, когда мы сами туда войдем; теперь же, как сказано в Послании к Евреям, туда "предтечею за нас вошел великий Первосвященник наш, Иисус Христос" (Евр.6:20); теперь, собственно, когда завеса уничтожена, разорвана надвое, и в этом помещении уже не так темно, потому что лучи семилампдного светильника проникают теперь и туда; взор и доступ туда свободны, и мы смеем безнаказанно и радостно рассматривать и наслаждаться всем, здесь находящимся. В действительности и небо сделалось нам известным чрез Христа и, особенно, как место, которое Бог приготовил для нас. Возьмите Ветхий Завет и читайте, не видя никогда Нового Завета: как темно там относительно славной отчизны всех избранных и, напротив, как ясно все со времени Христа.

Во Святом-святых скинии находилось очень немного, точнее, всего только один предмет-ковчег

завета. Это был снаружи и внутри обложенный золотом ящик, называемый во многих местах Писания просто "ковчегом", который имел несколько более четырех футов длины, два с половиной фута ширины и такую же высоту. На нем помещалась крышка, в некоторых переводах Библии на другие языки (также и в русском переводе в Послании Евр. 4:16) названная "престолом благодати", по обе стороны которой помещены были херувимы, сделанные из массивного золота. Это был престол Божий, место, с которого Он говорил с Израилем и где открывался ему. Остановимся же у этого единственного священного предмета святилища, т.е. у

ковчега завета.

Прежде всего мы обращаем внимание на то, **что ковчег завета или откровения был главнейшим предметом всей скинии.** Он был самой священной и славной принадлежностью всего святилища Божия, и мы, конечно, не ошибемся, говоря, что для него, собственно, все святилище и было воздвигнуто. Он как бы сообщал своим присутствием освящение и святость всем другим прообразами. Он был, как показывает нам история, раньше всего изображен и описан Богом Моисею и, таким образом, сделался исходной точкой откровения Божия. И после он оставался местом, с которого Бог объявлял Свою волю.

Мы также не можем не усмотреть превосходства его и в том, что он, отделенный от всех других священных предметов, занимал особое помещение в скинии, куда не входил ни народ, ни даже священники, но где обитал один Бог, Иегова, и где только один первосвященник, с кровью жертвы за грех и золотой кадильницей, имел право встречаться с Ним один раз в год. И это место называется с особенной силой, в отличие от святилища и двора, Святое-святых.

Далее, ковчег завета имел преимущество и при странствованиях Израильян по пустыне; несомый священниками, он шел впереди большого стана в то время, как облачный столп стоял над ним. При переходе через быстро текущий Иордан, по повелению Иисуса Навина, священники спокойно вошли в воду, потому что были уверены, что воды его отступят пред ковчегом Господним; и, действительно, пока они стояли среди этого русла, был такой открытый путь для Израиля, что он прошел через Иордан, как сказано, по суше, потому что вода его, текущая сверху, остановилась и стала высокою стеною. Затем, во время войн Израильских, ковчег завета открывал шествие, и другие народы даже принимали его за Бога Израилева (См. Иис.Нав.6:5; 1Цар.4:3-7). Наконец, нельзя умолчать о том, что он был единственным предметом, перешедшим из скинии собрания в последующий храм Соломонов. Все остальные принадлежности были отстранены и другие, большие и славнейшие, заняли их место; но этот ковчег был и остался тот же до тех пор, пока, вообще, таковой существовал. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Евреи и до наших дней все еще убеждены, что он не уничтожен, но где-нибудь скрыт и снова появится, когда наступит день посещения их и им позволено будет возвратиться в их страну.

Откуда, возлюбленные, такое высокое достоинство и что оно обозначает? Это не что иное, как то, что ковчег изображал Христа более совершенным образом, нежели все другие священные предметы. Все остальные представляли Его односторонне, он же - со многих сторон; все другие - отчасти, он же - вполне. К сожалению, в одной беседе мы можем дать лишь намеки на отдельные части, тогда как каждой из них стоило бы посвятить целую беседу, но и это имеет свою хорошую сторону, потому что, таким образом, остается возможность каждому глубже копать для себя самого в этом бесценном руднике.

Перейдем же от высокого достоинства этого ковчега завета **к значению его.** Ящик

используется почти всегда для того, чтобы положить в него что-нибудь драгоценное, чтобы оно осталось в сохранности, и ковчег завета был таковым. Поэтому, как же драгоценно должно было быть то, что Богу было угодно положить в эту шкатулку для драгоценностей, если мы смеем назвать его так. И если Бог называет его ковчегом свидетельства и ковчегом завета, то нам не приходится долго искать и догадываться о сокровище, нашедшем себе здесь верное место: это - свидетельство Бога нам, Его завет с нами.

Еще в раю Бог заключил завет с первым человеком, по благи Своей благословив его и поставив его владыкою над всей вселенной; единственным условием, вмененным этим заветом в обязанность человеку, было детское послушание Создателю его. Как скоро разрушился тот завет, известно нам всем. Через короткий промежуток времени Господь вынужден был погубить в потоке потомков первого человека вследствие их развращенности. Вскоре после этого, в милости Своей, Он обратил взгляд любви Своей на Авраама, чтобы вступить с ним в завет обетования; в нем все обетования Божии относились к будущему семени Авраама, в котором должны были благословиться все народы земли; так что собственно семя Авраамово сделалось носителем этого завета. Авраам же был только получателем и хранителем его обетований. Потомки отца веры переселяются в Египет и здесь подпадают рабству, пока Иегова, в сострадании Своем, не призрел на их жалкое положение и, взяв их за руку, не освободил их рукою крепкою и мышцею простертою. Привыкшие к рабскому послушанию, они готовы здесь, у подошвы горы Синайской, исполнять все, что ни повелит им Иегова. Они готовы войти с Ним в завет закона, но как они опозорились, потому что, прежде чем постановления завета были вручены им, он уже был нарушен ими. Бог и Израиль были бы впредь навеки разделены друг с другом, если бы завет закона должен был быть основанием между Богом и Израилем, на котором пришлось бы им соединиться; но Иегова держался завета обетования, ссылаясь на него всякий раз, когда поступал с Израилем не по правосудию Своему, но по милости Своей; об этом свидетельствуют многие места Писания, где говорится, что Он вспоминал завет Свой с Авраамом, Исааком и Иаковом (Лев.26:42; 4Цар.13:23). Он взирал на будущее семя Авраамово, на Христа, Единородного Сына Своего, прообразом Которого для Израиля служил этот ковчег завета. Он должен был быть носителем и хранителем **вечного завета**. Если завет Иеговы не был сохранен ни Адамом ни Израилем, то он должен был сохраниться вторым Адамом, Господом с неба. Слава и хвала Господу, что Его славный завет относительно людей заключен не с подобным нам; Он заключил его с Сыном Своим, заступившим нашу сторону, сделавшимся представителем наших интересов; поэтому он не может уже нарушиться, так как не зависит уже ни от силы или слабости нашей, ни от способностей и достоинства нашего, но от Того, Кто вполне и навеки удовлетворил всем требованиям Иеговы. Я, ты, все мы выключены из числа союзников, заключавших завет с Богом, но приняты Им, семенем Авраамовым, носителем и хранителем вечного завета, т.е. Христом, в участники Его наследия, чтобы быть сонаследниками с Ним во веки. О, на какое бесконечно славное основание опирается теперь спасение наше, находясь всецело в Его руке! "Горы сдвинутся, и холмы поколеблются, а милость Моя не отступит от тебя, и завет мира Моего не поколеблется, **говорит милующий тебя Господь**" (Ис.54:10). "Вот", прибавляет все Тот же Господь, "Я дал Его **свидетелем** для народов, вождем и начальником народам" (Ис.55:4). И в другом месте Господь говорит о Нем: "Я, Господь, призвал Тебя в правду, и буду держать Тебя за руку, и хранить Тебя, и поставлю **Тебя в завет** для народа, во свет для язычников" (Ис.42:6). Он был истинным ковчегом свидетельства, истинным ковчегом завета Божия.

Обратим теперь взгляд наш на то, что находилось в ковчеге завета. Рассматривая

подробнее, мы находим здесь основание и свидетельство славного завета, т.е. две скрижали закона Божия. Не то, чтобы это был для нас опять завет закона, нет, для нас там все благодать, исключительная благодать; но тем не менее, он покоится все-таки на полном исполнении правосудия и закона Божия со стороны нашего Посредника и Поручителя Христос взял на Себя наши обязанности, Он удовлетворил требованиям Божиим; Он исполнил волю Его; потому мы всюду находим праведность, как основание характера Его, как мы это видели в завесах двора, у ворот скинии, на двери святилища, завесе Святого-святых и, далее, в покровах святилища, так и здесь: на дне этого ковчега покоятся те две скрижали божеского закона. Не упустим также из виду того, что это были не те первые, разбитые скрижали, которые, после того как человек разбил их, уже никогда не могли быть снова восстановлены или сложены вместе; нет, эти скрижали были новое, второе издание, которые были положены тут целыми, и такими и сохранились.

Да, возлюбленные, во Христе Бог создал не улучшение, не пособие, но Он сотворил в Нем нечто новое. Бог начал здесь все опять сначала, а потому Его завет есть **новый** завет (Иер.31:31); Его завещание поэтому названо также **новым** заветом (Матф.26:28); наследники Божии сделались **новой** тварью (2Кор.5:17), **новыми** людьми, рожденными от Бога и в Нем созданными (Иоан.3:3; Еф.2:15); путь же, ведущий ко всему этому, назван путем **новым** и **живым** (Евр.10:20), который есть Христос. Наконец, за Его искуплением следует **новое** небо и **новая** земля, на которых обитает правда (2Пет.3:13); да, Он творит все **новое** (Откр.21:5). Но все это относится к концу, мы же стоим теперь пред основанием, с которого начал второй Адам: пред исполнением Им воли Отца. Поэтому первый Его обет, при вступлении в мир, был: "Вот иду; в свитке книжном написано о Мне: Я желаю исполнить волю Твою, Боже Мой, и **закон** Твой у **Меня в сердце**" (Пс.39: 8,9; Евр.10:5-7). Он как бы хотел этим сказать: "Все они не исполнили воли Твоей, все они нарушили закон Твой, тем не менее воля Твоя должна быть вся, вполне, совершиться, и закон Твой должен быть исполнен в точности; и для этого то Я вступаю в этот мир". И, возлюбленные, как эти неповрежденные скрижали лежали в святом, посвященном ящике ковчега завета, так неприкосновенна была всегда воля Отца Его в Его святом сердце; и "**желая**" исполнить ее, Он вылился наружу в мыслях Своих, воле, речах и поступках, исходя из этого средоточия Своей жизни. С торжественной твердостью мог Он сказать пред Отцом Своим: "**Я всегда** делаю то, что Ему угодно" (Иоан.8:29) и "**Я сошел с небес** не для того, чтобы творить волю Мою, **но** волю **пославшего Меня** Отца" (Иоан.6:38).

Как он охотно исполнял волю Отца, говорить Он нам в другой раз, утверждая: "**Моя пища есть** творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его" (Иоан.4:34). Что вы на это скажете? Не дает ли это моей вере покой, мир, дерзновение и радостное приближение к Богу? Ведь чрез Него в совершенстве исполнена за меня воля Отца; ведь Он для меня конец закона. Он лишил закон силы, не устраняя его, но удовлетворяя его требованиям совершеннейшим исполнением. Закон не может открыть уста свои, чтобы осудить меня, если я могу так выразиться, потому что "нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе" (Рим.8:1).

Но не только это, не только знаки Его безгрешной, совершенной жизни, но и следы Его смерти находятся на этом ковчеге, которые дают основанию нового завета полную твердость для каждого грешника. Если б Он и исполнил закон, но не искупил наших совершенных грехов, то нам могла бы быть предложена ничем незапятнанная праведность; но что бы мы могли сделать с ней, если бы грехи не были с нас сняты? Могла бы она вмениться нам одновременно с нашим грехом? Никак! Но придите и посмотрите: не видите ли вы там, как раз на крышке ковчега, на престоле благодати, многочисленные капли крови, покропленные по всем направлениям? Как

они бросаются в глаза и как резко выделяются на блестящем золоте! Они как бы даже привлекают к себе взгляд херувимов, приводя их в изумление, потому что к ним именно обращены их лица. Это - кровь, пролитая за беззаконие, кровь жертвы за грех, пострадавшей вне стана, доказательство наказанного греха, свидетельство о последовавшей смерти, и о возмездии греха. Он сделался жертвой за грех, - вот что возвещают нам здесь капли крови. Я вижу Его Самому входящим "со Своею кровию, чтобы предстать ныне за нас пред лицо Божие" (Евр.9:24). Это-кровь, о которой сказано, что она "очищает нас от всякого греха" (Иоан.1:7), так что мы сделались белее снега (Пс.50:9). О, драгоценное основание, о котором может ликовать душа наша!

В силу этого основания **Господь является на этом ковчеге завета, как мы увидим дальше, Богом всякого милосердия.** Подойдя к этому ковчегу, мы находим на нем блестящее сидение из чистого золота, окруженное золотым венцом. Это и называется престолом благодати. Где существует престол, там должен существовать и властелин; и если престол этот - престол благодати, то он может иметь свой характер только от Того, Кто управляет, сидя на нем. Так оно и здесь. Тут уже не та сторона Божия, которую Нам показывает Его осуждающее и наказывающее правосудие, но мы видим здесь открывающегося нам Бога всякой благодати. По обеим сторонам стоят представители славы и величия Его, золотые херувимы, не с пламенным мечем, как это было после грехопадения, но готовые исполнить все предписания милосердия Иегова. Правда, святой закон находится в непосредственной близости, но он не на престоле: он покрыт престолом благодати, заключен им, лежит внутри ковчега, покрыт его крышкой. Он основание самого престола благодати. Как наглядно, неправда ли, представлено здесь, что "благодать воцарилась чрез праведность к жизни вечной Иисусом Христом, Господом нашим" (Рим.5:21). Закон не может более противоречить благодати, когда она осыпает своими благословениями грешника, повинного смерти, но уповающего на Христа; нет, закон, после того, как он совершенно исполнен, даже требует этого благословения для грешника. О, блаженное правление! Кто еще устрашится приблизиться сюда?

Вот причина, почему именно это место было местом, где Бог желал открываться человеку и встречаться с ним. "Там Я буду открываться тебе и говорить с тобою над крышкою, посреди двух херувимов, которые над ковчегом откровения" (Ст.22); таково было обетование Божие. Существовала и другая встреча, встреча вне престола благодати, но она была ужасна. Она лучше всего изображается словами апостола, когда он говорит: "Страшно впасть в руки Бога живого" (Евр.10:31), потому что это - встреча Бога-ревнителя, Который есть огонь поядущий, истребляющий всех, противящихся Ему. Так встречался Господь иногда с Израилем, когда народ впадал в грех и гнев Божий возгорался на него; тогда Он тоже говорил, но не с престола благодати; Он говорил с ними в гневе Своем, и они ужасались. Он тоже явился и говорил с сообщниками Корея, Дафана и Авирона, но конец был тот, что они "сошли со всем, что принадлежало им, живые в преисподнюю, и покрыла их земля, и погибли они из среды общества" (Чис.16:33). Какая, напротив, была разница, когда Моисей входил в это благословенное место; там было откровение с любовью, беседа как друга с другом Своим, разговор лицом к лицу. Что же делало эту разницу? Мы это знаем и вы также: здесь сношение происходило чрез Христа, Которого, как сказано в Римл.3:25, Бог предложил в "жертву умиловления" ("престол благодати" - по другому переводу). При всякой другой встрече грешник стоит во всей своей наготе пред Святым и Праведным, и тогда он не в силах устоять: он может приближаться к Богу только через престол благодати. О, заметьте себе это, вы, старающиеся приблизиться к Богу помимо Христа, и вы, строящие на своей праведности и

ссылающиеся на свою благочестивую жизнь, а также и вы, продолжающие наугад ваш жизненный путь! До вас не достигнет Божий голос милосердия и сострадания, если вы не придете через Сына к Отцу; только через Сына может Он благословить вас. Есть и останется вечной истиной то, что "нет **ни в ком ином спасения**" и "нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись" (Деян.4:11,12). "Я", сказал Он Сам, "Я есть путь, и истина, и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня" (Иоан.14:6). Он один может спасти, и спасать всегда, но только тех, которые приходят к Богу **чрез Него** (Евр.7:25). Блажен был Израиль, имевший свой престол благодати, знавший его и могший приближаться к нему! Насколько же бесконечно счастливее и блаженнее должны быть мы, имеющие дело уже не с тенью, а с действительностью, с Самим Христом Иисусом! Но знаем ли мы **все** этот престол благодати и, главное, встречались ли мы здесь с нашим Богом? Слышали ли мы голос, обращенный к нам с этого престола? Если да, то, несомненно, мы облагодатствованы Им в Возлюбленном.

И вы, братия мои, которые уверены, что Он уже говорил с душою вашею чрез Него, пребудьте на этом месте, охотно оставайтесь там; Господь говорит не только один раз чрез Иисуса, но, если Он начал, тогда Он говорит, как с Моисеем, так часто, как только имеет что-либо на сердце для нас. О, только бы мы были готовы всегда слушать Его, только бы мы слушали Его с радостью, подобно Самуилу, который, убедившись, что это Господь, Который зовет его, с радостью воскликнул: "Говори, Господи, ибо слышит раб Твой"! Поистине, мы получили бы откровения, которые наполнили бы наши уста веселием и язык наш пением, потому что, это было бы то, чего не видел глаз, не слышало ухо и не приходило на сердце человеку, но что Бог открыл бы нам Духом Своим. Неправда ли, вы охотно присоединитесь к моей молитве: "Сотвори мне Боже, ухо чуткое и всегда внимательно прислушивающееся"!

Но, прежде чем кончить, мы не можем не упомянуть о двух важных предметах, вложенных впоследствии в ковчег Божий, но тем не менее составляющих его существенную составную часть. То были расцветший жезл Ааронов и сосуд, заключавший в себе гомор манны (Чис.17; Исх.16:33). В Посл. Евреям 9:3,4 нам ясно сказано, что оба эти предмета хранились в ковчеге завета: "За вторую же завесою была скиния, называемая Святое-святых, имевшая золотую кадильницу и обложенный со всех сторон золотом, ковчег завета, **где были золотой сосуд с манною, жезл Ааронов расцветший** и скрижали завета".

Посмотрите, **прежде всего, на жезл Ааронов**, нашедший себе место в ковчеге Божиим. Он служил неопровержимым доказательством того, что Аарон был избранный Богом первосвященник. История его вам известна. После того, как Корей с сообщниками своими задумал оспаривать у Аарона первосвященническое достоинство и был истреблен, Господу было угодно дать народу Израильскому неоспоримое доказательство перво-священнического сана Аарона; поэтому Он повелел положить пред лицом Своим двенадцать жезлов начальников колен Израилевых, и тот, чей жезл позеленеет, расцветет и даст плод, и будет избранным Божиим. И что за чудо совершилось тут! Отрезанный некогда от ствола, сухой жезл Ааронов, в котором не было никакого признака жизни, вдруг проявил в себе, после этой решающей ночи, чудную новую жизнь, так как, когда утром жезлы были вынесены из святилища, жезл Ааронов нашли зеленеющим, расцветшим и полным сладких миндалин. Это была печать Божия на первосвященничество Аарона, посягать на которое с этого дня больше никто уже не мог.

Не указывает ли это неопровержимое доказательство на Христа, дело Его и плоды этого дела? Он был отрасль корня Иессеева, взошедшая из сухой земли и затем отрезанная рукой смерти. Казалось, все кончилось с Ним, когда, подобно другим умершим, Он лежал в гробу. Но мы все

знаем то утро воскресения, которое настало после той ужаснейшей из ночей, и каким избытком жизни видим мы Его наполненным с тех пор. Он принес с Собой из гроба новую жизнь, жизнь воскресения, исполняющую не только Его, но и всех потомков Его. Плоды за плодами произошли от Него, и так продолжается, согласно предреченному пророчеству: "Когда душа Его принесет жертву умилоствления, **Он узрит потомство долговечное**, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его" (Ис.53:10). "Посему Я дам Ему часть между великими, и с сильными будет делить добычу, потомство будет служить Ему. Придут и будут возвещать правду Его людям, которые родятся, что сотворил Господь" (Ис.53:12; Пс.21:31,32). И не дал ли Господь именно Его смерть и за ней последовавшее воскресение для всех людей, как знак и доказательство чудного искупительного служения Христова?

Чрез Свое воскресение из мертвых Он "открылся Сыном Божиим в силе" (Рим.1:4).

Остановим теперь наше внимание **еще на золотом сосуде с манною**. И он имел свое место между тенями будущих благ, что должно побудить нас взглянуть на самое благо, которое он изображал. Мы только что видели Христа, как хлеб жизни, во святилище. Здесь, во Святом-святых, где в одном ковчеге завета представлена вся личность Его, является Он в этой манне снова, как пища Своих искупленных. Но при этом очень важно заметить - в каком различном виде. Здесь, в этой манне, Он является пищей в несравненно более обширном смысле.

Хлебы предложения были исключительно пищей священников, **хранившаяся же здесь манна служила пищей каждому**. Старый и молодой, большой и малый, левит, священник, первосвященник, Израильтянин и пришлец у Израиля, сам народ или следовавшие за ним наемники - все, все без исключения, имели часть в манне во все время странствования по пустыне. Она была пищей пустыни для всех находившихся там душ. Это указывает на одну сторону личности Христа, которую мы еще не видели: указывает на славную будущность, когда Христос будет принадлежать, как хлеб жизни, всем народам земли, и всякий, странствующий по пустыне мира сего, будет иметь в Нем участие. Благодарение Богу, мы живем именно в это благословенное время. Только бы вкушали Его все те, кто это может!

Далее, те хлебы предложения можно было найти и вкушать только во внутреннем святилище; **эту же манну, напротив, Бог рассыпал по земле всюду, вокруг всего стана**, так что, для того чтобы получить ее, не требовалось никакого приготовления, никакого звания или особого положения. Нечистый, так же как и чистый, безнравственный, как и праведный, все без исключения могли вкушать манну. Не напоминает ли нам это о предложении спасения Христова всему миру? Христос предлагается всякому, кто бы он ни был, как бы ни выглядел в глазах Бога и людей. Он вынесен в стан этого мира с тех пор, как Он сказал: "Идите по всему миру, и проповедуйте Евангелие всей твари". Он предложен всем "на улицах и в переулках города", даже "на дорогах и около изгородей", и еще предстоит время, когда этой манной или "познанием славы Господа наполнится вся земля, как воды наполняют море" (Авв.2:14). Благодарение Ему, что и мы вкушаем уже эту манну, хотя и не принадлежим к тогдашнему святилищу!

И, наконец, посмотрите, что сохранялся ровно один гомор, та мера, которую ежедневно собирал себе каждый Израильтянин. Сказано: "И меряли гомором, и у того, кто собрал много, не было лишнего, и у того, кто мало, не было недостатка. Каждый собрал, сколько ему съесть" (Исх.16:18). Полная мера, удовлетворяющая каждого в отдельности, жаждущаго вкушать Христа, и полная мера, достаточная на каждый день, - вот что возвещает нам этот гомор манны в ковчеге. Нет, не только один раз в неделю, как те священники вкушали хлебы предложения, не только часть для отведывания, но Христос, -ежедневный хлеб наш в избытке, - вот наша славная участь!

Какая неисчерпаемая полнота Христова, возлюбленные, представлена, таким образом, в ковчеге завета! Мы сказали правду, утверждая, что он являет собой Христа не только частью, но Его всего. В этом ковчеге, сделанном из дерева ситтим, вы видите человека Христа Иисуса, в золоте - божественную природу Его; как Богочеловек, Он - носитель, хранитель и исполнитель вечного завета Божия; закон Иеговы, исполненный и сохраненный в неприкосновенности в сердце Его, есть основание этого завета; так вот Он стоит перед нами, как Искупитель, готовый совершить Свое чудное дело искупления. Самое дело искупления со всеми его последствиями вы видите в жезле Аароновом и манне. Здесь вы находите и смерть, и воскресение Его и рожденных через них искупленных Его, имеющих в Нем навеки жизнь, пищу и полноту. Но пусть Господь Сам раскроет пред вами все это дальше, чтоб вы могли увидеть все в Его свете.

Между тем мы охотно и открыто признаемся, что мы бедны, очень бедны способностью раскрывать значение тех теней, предшествовавших некогда Ему, в Котором заключается вся сущность; и мы чувствуем, насколько мы еще беднее, чтобы познавать Его Самого. Мне все кажется, что я еще только начинаю, что я приступаю лишь к первым начальным буквам. Но и азбука познания бесконечно сладка для меня; что же будет, когда то, что отчасти, прекратится, когда мы познаем "глубины Божии" и познаем их, как познаны мы. Это время приближается; с каждым днем мы все ближе и ближе подходим к нему; скоро мы будем подобны Ему и увидим Его, как Он есть. Между тем Он не перестает свидетельствовать нам: "Ей, гряди скоро! Аминь". Да не перестанем и мы, подобным же образом, отвечать Ему, восклицая: "Ей, гряди, Господи Иисусе"! Аминь.

Часть II.

Жертвы

Глава 15

Жертва за грех

И сказал Господь Моисею, говоря: скажи сынам Израилевым: если какая душа согрешит по ошибке против каких-либо заповедей Господних и сделает что-нибудь, чего не должно делать; если священник помазанный согрешит и сделает виновным народ, - то за грех свой, которым согрешил, пусть представит из крупного скота тельца, без порока, Господу в жертву о грехе, и приведет тельца к дверям скинии собрания пред Господа, и возложит руки свои на голову тельца, и заколет тельца пред Господом; и возьмет священник помазанный, [посвященный совершенным посвящением,] крови тельца и внесет ее в скинию собрания, и омочит священник перст свой в кровь и покропит кровью семь раз пред Господом пред завесою святилища; и возложит священник крови [тельца] пред Господом на роги жертвенника благовонных курений, который в скинии собрания, а остальную кровь тельца выльет к подножию жертвенника всесожжений, который у входа скинии собрания; и вынет из тельца за грех весь тук его, тук, покрывающий внутренности, и весь тук, который на внутренностях, и обе почки и тук, который на них, который на стегнах, и сальник на печени; с почками отделит он это, как отделяется из тельца жертвы мирной; и сожжет их священник на жертвеннике всесожжения; а кожу тельца и все мясо его с головою и с ногами его, и внутренности его и нечистоту его, всего тельца пусть вынесет вне стана на чистое место, где высыпается пепел, и сожжет его огнем на дровах; где высыпается пепел, там пусть сожжен будет.

(Лев. 4:1-12)

(Далее 4:13-35 и 5:1-13)

В нашей сегодняшней беседе мы подходим ко второй части ветхозаветных прообразов в левитском богослужении. Но мы хотели бы сначала заметить, что Св. Писание не знает подобного разделения, и мы допускаем его только, чтобы облегчить понимание этих прообразов и ближе ознакомиться с каждой частью.

При милостивом содействии Господа мы могли остановиться некоторое время на скинии и ее устройстве, причем мы стояли, размышляя над каждым предметом святилища и рассматривая каждый в отдельности, пока не достигли последнего из священных предметов - ковчега завета. Мы видели все предметы, которые содержали чудные тайны относительно одной великой тайны: "Бога, явившегося во плоти". Это был Христос, и опять снова Христос, открывавшийся в различных образах пред нашими очами. Но в одном образе, в котором, по словам графа Цинцендорфа, Он для нас **"всего прекраснее"**, Он выступил еще в очень недостаточной мере пред нашей душой. Лишь несколькими общими штрихами изобразился Он в красоте Его мученичества - при медном жертвеннике и в образе синих барсучьих и красных бараньих кожаных покровов. Смерть же Его между тем составляет центральную точку всего дела искупления Его, верх послушания Его и любви Его к Отцу, так же, как и любви Его к нам. Только в смерти Его покоится душа наша в полном, безмятежном мире, потому что видит в ней совершенное удовлетворение за ее грех и испорченность. Не должен ли этот, столь превосходный предмет быть представлен Богом в прообразе более глубоко, обширно и подробно? Так оно, конечно, и случилось. Бог позаботился о том, чтобы Израиль "в своем богослужении постоянно возвещал смерть Господню", доколе Он не пришел. Она была описана с мельчайшими подробностями в ряде жертв, очерченных Моисеем в восьми первых главах книги Левита, которые мы собираемся теперь рассмотреть поближе. По милости Господа душа наша найдет здесь новую пищу и богатое наслаждение.

С первого же взгляда мы тотчас увидим, что в богослужении левитов существовало большое число **различных** жертв. Каждая из них, как и не могло быть иначе, имела свое особенное значение, и всякая посвященная душа хорошо сделает, если остановится над ними дольше, чем мы это можем, в тихом благоговении и размышлении, руководимом Духом Божиим, так как мы здесь можем дать не более, как только некоторые намеки.

Существовало шесть главных жертв, названных в порядке их описания в книге Лев. 1-8: жертва всесожжения, хлебное приношение, жертва благодарности, или мирная жертва, затем жертва за грех, жертва повинности и жертва посвящения; как седьмую можно сюда причислить курение, или жертву курения. Сам Господь разделил их на две категории, а именно на такие, о которых постоянно говорится, что они служат "приятным благоуханием Господу", и такие, о которых этого не сказано. К последней категории относятся жертва за грех и жертва повинности, к первой - все остальные. Жертвы "приятного благоухания" ..соответствуют требованиям и наклонностям Господа, тогда как другие идут навстречу вопиющим потребностям нашего греховного состояния. И здесь также начал Господь с описания жертв, представлявших для Него "приятное благоухание", начав с Себя, как это было при скинии; мы же, следуя с самого начала проложенному нами пути, начнем с того, с чего нам должно начать, чтобы придти к Богу. Согласно с этим, нашим предметом сегодня должна быть

жертва за грех.

Остановимся, прежде всего, на названы этой жертвы. На нем уже отражается ее значение, потому что Бог всегда называет вещи своими именами. Она называется жертвой за грех или

просто "грехом", и это имя уже выражает нам ее особенные свойства. Израилитянин, принесшей ее, совершенно безразлично от того, какое положение он занимал, был ли он рабом, начальником или священником, стоял ли он на высоком или на более низком нравственном уровне, являлся в ней просто грешником. Его жертва за грех свидетельствовала более о его **состоянии**, чем о **поступках**, более о том, что он в самом себе был, чем о том, что он **делал**, хотя часто только из действий своих он узнавал, в каком именно состоянии он находился, подобно тому, как у Адама открылись глаза на наготу его только по совершении греха. Потому то здесь все снова и снова повторяется: "Когда узнан будет грех им" (Лев.4:14; 23:28). **Когда**, это значит после какой-либо вины или ошибки.

Эта жертва, вполне соответствовавшая нашему положению пред Богом, была первая, которую человек мог принести за себя; никакая другая не могла ей предшествовать, потому что в ней он являлся на том уровне, на котором **находился в действительности**: именно он представал в ней пред Господом, как **грешник**. Всякая другая жертва, которую он принес бы раньше, была бы доказательством, что он посягал занять пред Богом место, которое ему вовсе не подобало; он явился бы в ложном свете и не мог бы быть принят Богом. Все другие жертвы могли всегда следовать только тогда, когда греховное состояние было устранено посредством жертвы за грех. Так мы видим, например, в великий день Очищения, когда пред Богом не примирялся какой-нибудь особенный или **определенный** грех народа, что жертва за грех предшествовала **всем остальным**; она приносилась за первосвященника так же, как и за народ, и даже за святилище (Лев.16:3,5,15,16); также и при посвящении первосвященника и священников она стояла на первом месте, хотя и не было совершено какого-либо прегрешения (Исх.29:10-14).

Это ясно указывает, что здесь дело шло не о **поступках** или **действиях** этих лиц, но о том, чем они были сами по себе, о состоянии их пред Богом. И состояние это, как только они появлялись пред Богом, требовало их смерти, их гибели. Жертва же, которую Бог повелел им приносить за себя, заменяла их в этом состоянии и, как при этом не могло быть иначе, также и в последствиях его.

Это, возлюбленные, показывает нам нашего Господа, в прообразе, как Того, Который, хотя и не знал греха, но тем не менее "сделался **за нас** жертвой за грех". В этом положении Он стоял на нашей почве, на уровне нашего состояния пред Богом и, таким образом, на самой низкой ступени, ниже которой Он не мог спуститься ни пред Богом ни пред всякою тварью. Сойдя с неба, Он сделался человеком; это была неизмеримо низшая ступень против прежнего Его положения; но Он всю Свою жизнь был непорочным, святым человеком; когда же Он сделался жертвой за грех, или, по выражению апостола Павла, "грехом", то при этом Он занял место **падшего** человека, встав на самую низкую из существующих в мире ступеней. Но, усвоив Себе всецело состояние человека, Он должен был понести и последствия этого состояния. И как ужасны они были, мы скоро увидим из нашего прообраза жертвы за грех.

Если наш Господь вошел в наше греховное, падшее состояние (в котором пребывает всякая живущая душа, начиная с новорожденного младенца и кончая старейшим в мире человеком), то кто может тогда сказать, какой глубокий покой, какой бесконечный мир дает душе нашей это сознание, что наша погибель смертью Христа понесена и уничтожена в самом корне и основании, даже в первоначальной и глубочайшей своей причине. И если бы это не было так, то никогда не существовало бы для нас обеспеченного мира; теперь же **Он - мир наш**.

Перейдем, однако, к свойствам жертвы за грех. Очень важно заметить, что та жертва, с которой поступали, как с грехом (этой мерзостью в очах Божиих), сама по себе, подобно всем остальным жертвам, должна была быть без всякого недостатка и порока. Не допустили бы мы,

чтобы, по крайней мере при этой жертве, можно бы снисходительнее относиться к качествам ее? А между тем, мы постоянно читаем, что, приносился ли здесь в жертву телец, козел или коза, каждый из них должен был быть **"без малейшего порока"**. Один какой-нибудь самый ничтожный недостаток в жертвенном животном делал его негодным для жертвы за грех, оно никак не было бы допущено. Ему приходилось страдать и претерпеть смерть за зло, присущее не ему, а другому, но само не должно было иметь никакого недостатка, чтобы быть годным для жертвоприношения.

Что может яснее свидетельствовать о славной истине заместительства Христова, единого **"Праведника за неправедных"**, чем это обстоятельство в этом прообразе? Он, не сделавший никакого греха, и в устах Которого не было лести (1Пет.2:22), да, Он, не знавший греха, сделался именно грехом, действительно сделался клятвою; но, не забудем этого **никогда, никогда**, Он сделался этим **для нас**. О, повторяйте с особым ударением **"за нас"**, пока это не сделается мощью в сердце вашем, непрестанно побуждая вас бесконечно славить имя Его.

Но могло ли быть иначе, чем то, чтобы **Праведный** пострадал **за неправедных**? Как мог бы человек, сам обремененный долгами, уплатить долги другого; и как мог бы грешник взять на себя за других возмездие греха, т.е. смерть, если он сам повинен смерти за грех свой? Ему самому пришлось бы услышать свой смертный приговор и претерпеть казнь. Так только Он один, Господь наш, **"непричастный злу, непорочный, отделенный от грешников и превознесенный выше небес"**, мог сделаться нашей жертвой за грех, которая соответствовала бы нужде нашей и удовлетворила бы Бога.

Но возвратимся к нашему прообразу и **посмотрим внимательно, как совершалось жертвоприношение**. Здесь обращают на себя внимание четыре обстоятельства, а именно: представление жертвы пред Господа, возложение на нее рук, заклатие и вынесение ее за стан для сожжения. Все черты глубокого священного значения.

Прежде всего, мы читаем, что жертва была представляема пред Господа приносившим ее. Оба, грешник и носитель его греха, появлялись пред лицом Божиим, согласно повелению: **"И приведет тельца к дверям скинии собрания пред Господа"** (ст.4). Живое животное, как оно было, приводилось во двор скинии в присутствии Иеговы. В совершенной непорочности, в полноте жизни своей, оно должно было предстать пред глазами Божиими, чтобы они могли тут же, на святом месте, испытать его. Здесь, пред очами Его, должно было совершиться великое дело перенесения греха на жертву, и тут же произносился и исполнялся приговор. Все это могло бы совершаться и вне стана, куда немедленно после этого выносилось тело жертвенного животного; но тогда был бы уничтожен момент бесконечной важности в этом прообразе Христа Распятого.

Подумай, дорогая душа, что все это случилось в присутствии Иеговы и со Христом, твоей жертвой за грех. За тебя Он предстал пред Богом непорочный и полный жизни, которую Он имел в Себе Самом. Бог испытал Его и не нашел в Нем ничего, кроме святости и непорочности, и вот, пред лицом Его, на Него был перенесен грех всего мира; Сам Господь совершил это, как поучает нас чрез пророка Исаию Дух Святой: **"Господь возложил на Него грехи всех нас"** (Ис.53:6). Но и ты был также при этом, т.е. в очах Божиих, когда все это совершалось со Христом, подобно Израильтянину, явившемуся с жертвой своей. Каким сладким утешением должно быть это для каждой алчущей благодати души, что некогда, на кресте, совершилась эта передача грехов, которая навеки спасла ее от проклятия и власти греха. Итак, эта передача не должна совершиться еще в будущем, но должна быть просто усвоена каждым грешником в отдельности. Теперь придите вы, все здесь находящиеся грешники, вы, еще не знающие, что ваше примирение с Богом уже совершено, выступите **теперь** с этой вашей жертвой за грех пред

Ним; и, хотя бы "грехи ваши были, как багряное, они убелятся, как снег, и если они красны, как пурпур, они сделаются белыми, как волна" (Ис.1:18).

После представления жертвы пред Господа, следовало **возложение рук со стороны грешника**. Израильтянин подходил к ней и возлагал руку свою на голову жертвенного животного. Это было действие, которым он переносил свой грех или свое греховное состояние на свою жертву. В великий день Очищения это делал один за всех; то был - Аарон, совершавший за весь народ это действие, громко исповедуя злодеяния, преступления и грехи народа и возлагая их на голову жертвенного козла. Прочтем относящееся сюда место: "И возложит Аарон обе руки свои на голову живого козла, и исповедает над ним все беззакония сынов Израилевых и все преступления их и все грехи их, и возложит их на голову козла, и отошлет с нарочным человеком в пустыню" (Лев.16:21). Все это очень ясно и понятно.

Мы уже видели, как **Бог** возложил грехи наши на Христа, перенес их на Него; но здесь, в прообразе, представлена другая черта: это - действие самого грешника, переносящего верою свой грех на Христа и оставляющего его на Нем, как нам это показано. Это действие сердца должно совершаться и сегодня так же действительно, как оно совершалось некогда грешным Израильтянином при жертвоприношении за грех, если мы хотим освободиться от нашего собственного греховного бремени, и если оно состоит в детской вере, которую каждый должен иметь лично для себя, - что и его грехи, именно все грехи, узнанные и исповеданные, а также тайные, понесены Иисусом и не будут более носимы нами. Если Израильтянин, возлагая руки на голову жертвенного животного, взирал на Христа **вперед** и получал прощение, то сегодня грешнику приходится взирать на Христа **назад**, чтобы вкусить теперь примирение.

В прообразе, за возложением рук, следовало умерщвление. Как только состояние грешника было перенесено на жертву его, наносился роковой удар, но не на голову жертвовавшего, а на ту голову, которая еще так недавно не знала никакого греха, в эту же минуту приняла на себя грех другого. Грех требовал смерти, а так как здесь, в прообразе, представлялась не кажущаяся, а действительная передача греха другому, то за нею следовала также не кажущаяся, а настоящая смертная казнь. И как удивительно, что при всем происходившем кроме возложения рук, грешник, приносивший жертву, оставался вполне безучастным; другой сводил счеты с его жертвой; другой приводил над ней в исполнение смертный приговор.

Бог, Иегова Сам, на кресте сводит счеты с нашей жертвой за грех, Иисусом Христом, Он дает Ему, Единородному, полное возмездие, которое платит грех служителю своему, и Иисус принимает его вполне, не выговаривая Себе ни малейшей уступки. Как агнец, веденный на заклание, не отверзает уст своих, так Он принимает возложенное на Него беззаконие всех людей, вместе с приговором и последствиями его, без одного слова оправдания, не проронив ни одного звука в свою защиту. Если мы находились под проклятием Божиим, то Он сделался за нас клятвою, потому что написано: "Проклят всяк, висящий на древе" (Гал.3:13); а что Он висел на древе, известно всему миру. Если мы дошли до того, чтобы быть отверженными от лица Божия, то Он сделался участником в этом, когда воскликнул: "Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил"? Если мы заслужили смерть, то Он вкусил ее за всех нас. Возлюбленные, это верные и всякого принятия достойные слова. Но имеет ли каждый из вас в них участие? Знает ли каждый из вас, что счет за его грехи уже покрыт; и имеете ли вы полный мир в этом сознании? Ах, ведь здесь речь идет уже не о том, что это дело еще должно случиться, или что вы должны совершить его. Некто другой давно уже исполнил все это; вам приходится только стоять, возложив руку веры на голову Агнца: это - все.

Но не следует забыть при этом еще одно обстоятельство: **удаление закланной жертвы из**

стана от лица Божия. Это было, как могло показаться, очень странным постановлением, потому что, когда все другие жертвы сжигались на медном жертвеннике, одна эта жертва не могла быть сожжена здесь. Все совершалось, как мы только что видели, пред лицом Божиим: представление жертвы пред Господа, возложение на нее рук и смерть ее; но лишь только совершалось последнее, она немедленно выносилась вон из святилища. На этом жертвеннике сжигались только жертвы приятного благоухания Господу; для греха же на нем не было места, он не должен был находиться и в стане: он должен был быть выброшенным вон из стана. И мы не должны забывать при этом, что грех был воплощен в этой жертве.

О, приди и научись, дорогая душа, как ужасен грех в очах Божиих. Твой Господь не только мог некогда стоять пред очами Его, но был благоволением Отца. "Сей есть Сын Мой возлюбленный", - слышим мы Его неоднократно глас, - "в Котором Мое благоволение"; но когда твое и мое беззаконие легло на Него, Он должен был выйти не только из святилища, но и вон из города, на место Лобное; там скрыл Бог от Него лицо Свое, так что, в скорби души Своей, Он громко воскликнул: "Или, Или! лама савахфани"? то есть "Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил"? Но чудный и дивный жребий выпал на нашу долю; потому что подобно тому, как Израильтянин, настоящий грешник, перед лицом Божиим, во святилище, мог безбоязненно и радостно занять место своей жертвы и, как чистый, оставаться там, в то время как жертва его сгорала вне стана, так и мы имеем право стоять теперь "на святом месте" (Пс.23:3). Место Иисуса пред лицом Божиим сделалось местом нашим. Неправда ли, мы теперь понимаем, что Дух Святой хотел сказать, напоминая нам слова Посл. Евр.13:12: "И Иисус, **дабы освятить** людей кровию Своею, пострадал вне врат". Он удалил от нас и от лица Божия наш позор и поругание, так что мы в Его святости можем стоять пред Богом, и раз это так, братья мои, то "выйдем к Нему за стан, нося Его поругание" (Евр.13:13).

Рассмотрим же ближе применение жертвы за грех в нашем прообразе. Посмотрите сначала, что случилось с ее кровию. Еще теплая, только что вытекшая из жертвенного животного, раньше, чем тело его было вынесено вон, она вносилась во святилище. Это точно говорило, что весть о выполнении приговора должна была быть принесена, как можно скорее, во святилище. Там ею кропили семь раз пред Господом непосредственно пред завесою, часть ее возлагалась на рога жертвенника благовонных курений, остальная же выливалась к подножию медного жертвенника. Кровь есть жизнь, принесенная в жертву; и эта жизнь, принесенная за грешника, повинного смерти, производила для него примирение во всех этих местах, даже до самого Святого-святых, так что ему открывалась дорога прямо в присутствие Божие, как мы только что видели. На медном жертвеннике, где господствовало правосудие Божие во всей своей строгости, там свидетельствовала она о том, что правосудию дано совершенное удовлетворение, потому что оно требовало жизни, и жизнь была отдана; на золотом жертвеннике кровь свидетельствовала об освящении грешника, так как его непорочная жертва сняла с него всякое пятно, и теперь он мог здесь спокойно поклоняться; и пред завесою она свидетельствовала о вновь восстановленном общении с Богом, потому что отделенный от Бога грешник, потерявший всякое право на общение с Ним, умер, собственно говоря, в лице своей жертвы, тот же, который жил, жил теперь уже жизнью жертвы и занял ее место пред Богом.

Это все дивные истины, и нуждаются ли они еще в каком-нибудь объяснении? Не думаю; мы все понимаем их и понимаем именно так, как они есть. Одного только мне хочется пригласить всех и каждого принять в них участие; только бы я сумел это сделать! Итак, о приди же, грешник, приди! Приди на основании невинной жертвенной крови твоего Господа, и приди прямо в самое присутствие Божие; ты найдешь ее всюду, на всем твоём пути к Нему, она и

проложила его тебе, потому что Христос дошел не только до завесы, но вошел и за нее в самое небо, чтобы предстать за тебя пред Богом.

Таково было применение крови жертвы. Остановимся, однако, еще на остальных ее частях.

Мы только что видели, как поступали с ее телом; оно сжигалось вне стана, сжигалось в пепел. Раз на него был возложен грех, и оно представляло собой его, то оно и не могло оставаться пред очами Божиими, - оно должно было быть вынесено вон и уничтожено. Благодарение Богу, что во Христе, Который есть самая сущность и этого блага, был действительно положен конец нашему греху; его уже более нет. Уничтожая Христа, смерть уничтожила грех; исчез он навеки, удален от лица Господня. Теперь мы можем понять существенную разницу между Новым и Ветхим Заветом: в Ветхом Завете "жертвами **каждогодно напоминалось о грехах**" (Евр.10:3), в противоположность чему в Новом Завете "**грехи и беззакония более не вспоминаются Господом**" (Евр.8:12), и мы, однажды очищенные, уже не имеем никакого сознания грехов (Евр.10:2).

Но что означали тук, почки и сальник на печени, предававшиеся огню на жертвеннике всесожжения? Это были, очевидно, самые нежные и благородные части жертвенного животного; и так как Бог повелел выделить их для жертвы возношения, чтобы святой огонь Его сжег их, то этим Он выразил свое благоволение к ним. Он поставил их на ряду с жертвой возношения, которая отделялась Ему от мирной жертвы, принимавшейся Им как приятное благоухание (Лев.4:9,10;3:5). Вот чудная черта; она показывает нам, как Бог относился к самой жертве: она была, по внутреннему своему содержанию, дорога и ценна в очах Его, составляла Его отраду, наслаждение. В то же время, как Он явил Свою ненависть ко греху в том, что не допустил сжечь тело жертвы на жертвеннике Своем и повелел удалить его из святилища, Он выразил и Свое благоволение к непорочности самой жертвы, повелев, чтобы благородные части ее в огне вознеслись к Нему во святилище. То и другое осуществил Он и во Христе.

Какой же плод был от всего этого для приносящего жертву? В Лев. 8:15 указаны нам три драгоценные истины о последствиях, происходивших от принесенной жертвы за грех. Там сказано: Моисей "взял крови и перстом своим возложил на роги жертвенника со всех сторон, и **очистил жертвенник**, а остальную кровь вылил к подножию жертвенника, и **освятил** его, чтобы **сделать его чистым**" (В других переводах слова: "сделать его чистым" заменены выражением "чтобы совершилось примирение"). Итак, очищение грехов, освящение и примирение следовали таким образом, за принесением жертвы за грех. Не чудные ли все это блага, не драгоценные ли дары для грешника?

Так и во Христе. Как по вере Он становится для нас тем, чем Его соделал Бог, так и эти блага делаются нашей собственностью. Подумаем о них хотя немного. Очищение грехов значит - сделаться без греха, так, как бы он никогда и не тяготил нас, как это понял стихотворец, когда воспевал:

"И святость Ангелов не так чиста

"Как я, имеющий Спасителем Христа".

Посвящение, т.е. изъятие из каждодневной жизни, есть отделение для Бога; примирение есть исключение всякого недоразумения, всякой вражды и приводит к непремennomу усыновлению. Так оно на самом деле и есть: Сын Отца стал на наше место и сделался тем, чем были мы, именно грешным, а мы на Его месте сделались сынами и дочерьми Божиими. Не неисследимые ли это богатства Христовы? Только бы все мы, видевшие сегодня осуществление этого чудного

прообраза во Христе, были бы причастниками всех этих благ!

Но, если бы между нами нашлись души, еще не причастные этим благам, позвольте мне сказать вам, что они уготованы и для вас. Вы видели путь, ведущий вас к ним: признайте себя пред Господом тем, что вы есть на самом деле, именно грешниками; придите пред лицо Божие со Христом, как невинным и непорочным Агнцем, и представьте Его за себя в жертву за грех. Не приходите ни с какой другой жертвой - это **первая**, подобающая вам, которая принесет вам полное спасение, если вы с детской простотой на нее уповаете. Господь да научит вас и этому, во славу Себе. Аминь.

Глава 16

Жертва повинности

И сказал Господь Моисею, говоря: если кто сделает преступление и по ошибке согрешит против посвященного Господу, пусть за вину свою принесет Господу из стада овец овна без порока, по твоей оценке, серебряными сиклями по сиклю священному, в жертву повинности; за ту святыню, против которой он согрешил, пусть воздаст и прибавит к тому пятую долю, и отдаст сие священнику, и священник очистит его овном жертвы повинности, и прощено будет ему. Если кто согрешит и сделает что-нибудь против заповедей Господних, чего не надлежало делать, и по неведению сделается виновным и понесет на себе грех, пусть принесет к священнику в жертву повинности овна без порока, по оценке твоей, и загладит священник проступок его, в чем он преступил по неведению, и прощено будет ему. Это жертва повинности, которою он провинился пред Господом.

(Лев. 5:14-19)

И сказал Господь Моисею, говоря: если кто согрешит и сделает преступление пред Господом и запретя пред ближним своим в том, что ему поручено, или у него положено, или им похищено, или обманет ближнего своего, или найдет потерянное и запретя в том, и поклянется ложно в чем-нибудь, что люди делают и тем грешат, - то, согрешив и сделавшись виновным, он должен возвратить похищенное, что похитил, или отнятое, что отнял, или порученное, что ему поручено, или потерянное, что он нашел; или если он в чем поклялся ложно, то должен отдать сполна, и приложить к тому пятую долю и отдать тому, кому принадлежит, в день приношения жертвы повинности; и за вину свою пусть принесет Господу к священнику в жертву повинности из стада овец овна без порока, по оценке твоей; и очистит его священник пред Господом, и прощено будет ему, что бы он ни сделал, все, в чем он сделался виновным.

(Лев. 6:1-7)

Следующая из жертв Ветхого Завета, подлежащая нашему рассмотрению, именно, жертва повинности, кажется на первый взгляд и при поверхностном отношении к ней очень мало отличающейся от предшествующей ей жертвы за грех. Названия "жертва за грех" и "жертва повинности" по крайней мере для большого числа людей представляют одно и то же понятие.

Даже некоторые выдающиеся богословы считали жертву повинности лишь дополнением жертвы за грех, что, однако, совершенно неверно. Вообще, мы слишком мало придаем значения разнице в определениях, которыми Бог обозначает наши грехи, как например: грех, беззаконие, злодеяние, преступление, вина и т.д. и все-таки Дух Святой не без намерения употребил в Св. Писании эти различные определения. Так и здесь как мы, надеюсь, увидим впоследствии. Что жертва повинности действительно предмет совершенно **новый**, вытекает уже из того, что, подобно другим различным жертвам, она была установлена **новым** повелением Божиим Моисею. После того, как были описаны во всех отношениях различные роды жертвы за грех, Моисей приступает к описанию жертвы повинности с обычными словами: "И сказал Господь Моисею, говоря". Это была как бы торжественная печать, которая прилагалась во главе, или в начале каждого из передававшихся чрез Моисея документов, а не так как мы делаем, прилагая печать в конце. Я предложил бы со вниманием прочитать, именно в этом отношении третью книгу Моисея, т.е. Левит.

Итак, мы снова стоим пред совершенно новым предметом; это не объяснение старой предыдущей жертвы за грех, не продолжение поучения о ней, но **новое** средство благодати, которое должно было отвечать потребностям народа Израильского, точно так, как и все другие жертвы, только в **новом** присущем ей, направлении. И это приносит душе неизреченное благо, потому что показывает нам, как Бог, в Своей безграничной любви, уже давно взвесил и обдумал все наши потребности и заранее уже предусмотрел для них все и постановил соответствующие им Свои средства. Погрузимся же в эту любовь и будем вкушать ее, что мы достигнем, главным образом, тем, что будем больше взвешивать и изучать святыя постановления Божии, истекающие из нее и записанные Им для нас в этой книге, потому что таким образом мы живее и яснее увидим все то, чем мы обладаем во Христе. Он, соединяющий все в Своей личности, Он, неисчерпаемая сокровищница наша, да укажет нам в Своем свете **новый** для нас драгоценный дар в

жертве повинности.

Остановимся и здесь, прежде всего, на названии этой жертвы. Бог назвал ее жертвой "повинности", или "жертвой за преступление". Вина или преступление указывает на **личное** участие в ошибке, которая произошла через **действие** или **упущение**. Нельзя же, например, обвинять того чахоточного в проступке или приписывать ему вину его преждевременной смерти, если он всосал свою болезнь уже с молоком матери; ему можно было уже предсказать скорую смерть еще прежде, нежели он успел совершить что-либо полезное или вредное для своего здоровья. Совершенно иначе, однако, приходится отнестись к человеку, погибающему от той же болезни, но которую он навлек на себя личным нарушением законов природы или развил ее упущением необходимого ухода за собою. Он виновник, нарушитель закона, пожинаящий в своей болезни плод собственных своих деяний. Такая же разница существует и между грешником и преступником, между жертвой за грех и жертвой повинности. Я был, к сожалению, грешником раньше, чем мог иметь понятие о существовании какой-либо заповеди Божией, которую я бы мог нарушить или преступить; я уже был им, когда вздохнул в первый раз в жизни; я им был по моему происхождению и рождению; но преступником я тогда еще не был, им я стал только впоследствии, когда лично принял участие в неправде пред Богом и людьми. Таким образом, я был грешником по рождению и грешником по делам; для первого состояния я нуждаюсь в жертве за грех, для следующего - в жертве повинности. Мне, тебе, всем нам нужно

иметь искупление, даже если мы не сознаем ни одного греховного деяния, даже если бы мы младенцами ушли из этого мира, тем несравненно более теперь, сделавшись виновниками, преступниками и злодеями.

Но жертва повинности касается не столько нашего состояния, сколько наших **поступков**; это не удовлетворение за то, что мы сами по себе **есть**, но за то, что мы **делаем** или **упускаем**. В то время, как жертва за грех относится к присущей нам испорченности, которой иногда и не приходится обнаруживаться (по крайней мере пред глазами людей), в то время, как она относится, так сказать, к самой сути, самому корню греха, жертва повинности относится к плодам, восставшим и созревшим из этого корня. Эти различия обеих жертв постоянно ставились на вид Израильтянину, чтобы, чем дальше, тем больше в нем утверждалось сознание необходимости в его искуплении.

Но как мы должны быть благодарны Богу и Отцу за такое ясное откровение нам, что во Христе есть спасение для каждой отдельной стороны нашего глубокого несчастья. Много раз приходилось нам слышать различных серьезных, но не вполне знающих славное искупление во Христе людей, как они ограничивали совершённое на Голгофе дело. Одни думали, что в Нем, втором Адаме, восстановлено лишь падение первого Адама и, как они говорили, искуплен наш природный, наследственный грех, но за личные наши грехи мы ответственны сами; другие, напротив, основываясь на сознании своей внутренней испорченности, считали необходимым принимать, что Христос действительно понес на Себе лично совершенные грехи наши, но, что касается первоначального нашего духовного состояния, оно должно оставаться все тем же, и помочь этому никак нельзя. Между тем эти две жертвы решают эти вопросы; они показывают нам во Христе вполне достаточное спасение для всякого направления нашей испорченности. Как ни глубоко падение в Адаме, как ни ужасна пропасть собственных преступлений, - Иисус как за одно, так и за другое - достаточная жертва за грех и жертва повинности. С убедительной ясностью показывает именно это апостол Павел в Рим. 5:12-21. Приводим здесь только один 16-й стих: "И дар не как суд за **одного** совершившего: **ибо суд за одно преступление к осуждению**; а дар благодати к оправданию **от многих преступлений**". Драгоценное, славное искупление, устранившее приговор, вызванный первым падением, и совершившее нечто, еще несравненно большее; оно навсегда уничтожило и наше собственное личное отпадение, повторявшееся несчетное число раз. Да, это дар неизреченный.

Но, да не думает никто, что выставление жертвы повинности на один уровень с жертвой за грех не имеет никакого практического значения для жизни по вере. Это может быть с человеком, никогда еще не придавшим серьезного значения своему греху пред лицом Божиим. Но каждый, кому Дух Святой однажды раскрыл глаза на его собственную испорченность, знает насколько больше страданий и горя причиняет ему именно его собственная вина, его преступления и ошибки, нежели его падшее наследственное состояние. И это понятно, потому что с нашими собственными делами мы стоим пред проклинающим и осуждающим законом, который нельзя обойти, и неумолимые требования которого "Ты должен" или "Ты не должен" мы лично презрели или выпустили из вида. Через этот нарушенный закон, наш грех делается для нас крайне грешным; он умножается, т.е. неизбежно навлекает на нас заслуженный им приговор, и не будь спасения от этого, отчаяние было бы концом всякого пробужденного грешника. Но каким блаженным делает его сознание, что Христос отдал **жизнь Свою в жертву повинности** и, таким образом, понес на Себе всякое действие, всякое слово, всякую нечистую нашу мысль против Бога и людей; как блаженно знать, что смерть Его устранила, как последствия греховного нашего состояния, так и последствия наших греховных дел.

Существовало два рода жертв повинности и обоих не должны мы выпускать из виду. Один род этой жертвы удовлетворял за преступления человека, совершенные против **требований Иеговы**, другой же встречал **прегрешения человека против человека**. В повелении было сказано: "Если кто сделает преступление и по ошибке **согрешит против посвященного Господу**, пусть за вину свою принесет Господу жертву повинности" (Лев.5:15). И далее: "Если кто согрешит и сделает преступление пред Господом и запрется **пред ближним своим**" и т.д. (Лев.6:2). Таковы были два предположения Божия о ней, обозначающие два направления: одно - в котором человек стоит по отношению к Богу и другое - по отношению к своему ближнему. В обоих этих направлениях человек согрешил и постоянно вновь грешит, и Бог должен ему это напоминать.

Падший человек порвал свои сношения с Богом, отошел от Бога и, вследствие этого, Св. Писание совершенно безразлично к тому, на какой ступени нравственности он стоит, справедливо называет его **безбожником**; таково его состояние, его внутреннее настроение; оно проявляется и в его действиях и в поступках: в них он чужд Богу, исключил Его из своей жизни. Бог же, в Котором не произошло и никогда не может произойти перемены относительно и этого творения Его, несмотря на то, что оно изменилось, все таки неизменно требует от него того же чистого, Богу подобающего поведения по отношению к Нему, Творцу его. Всякое непризнание этого своего положения пред Богом, всякое невнимание, всякая забывчивость по отношению к Богу есть новый действительный удар, направленный мятежником против своего законного Господина. Тысячи людей никогда не думают об этом и считают себя уже вне опасности и неповинными, если они не крали, не грабили, не прелюбодействовали и воздавали всякому должное; т.е. если они, хотя некоторым образом, удовлетворили требованиям человеческой нравственности, они думают, что и Господь должен быть ими доволен. Но посмотрите: здесь за каждую отдельную вину смерть была жребием виновного, и только отдача собственной жизни или жизни заместителя, т.е. жертвы его, могла искупить ошибку или упущение этого рода. О, если бы бедный, равнодушный к Богу мир, наконец, постиг бы это и узнал свою погибель.

Мы не должны также забыть особенно выдвинуть то, что так охотно упускается из виду необращенным человеком, но здесь особенно выдвигается Самим Господом: это то, что отношение к Нему **поставлено на первое место**, место, **предшествующее** отношению к ближнему. Что скажете вы об этом правиле Божиим, друзья мои, вы, которые до сих пор заботились только о том, как бы только быть правыми перед людьми? Не чувствуете ли вы в вашем собственном сердце, как вы несчетное число раз в этом одном случае ставили Бога на задний план, почитая Его ниже Его создания? Да покажет вам это ясно Дух Святой!

Но, с другой стороны, заметьте при нашей жертве повинности, как Господь вступает также и в права ближних наших. Святости и справедливости в слове, деле, помышлении и действиях во всех отношениях к ближнему желает Святой от меня, от тебя, от каждого из нас, не взирая ни на личность, ни на положение в жизни, ни на степень образования. Он называет "**преступлением**" против Него, если один человек причинил какую-либо несправедливость другому; это - вина, совершенная против Него. Итак, жертва повинности ставит человека пред обеими скрижалями закона Божия, предлагая ему прощение за преступления в обоих направлениях. Как должна душа наша славить Господа, видя в смерти Христовой полное спасение от всякого рода греховных дел наших.

Заметим также, как Бог определяет здесь **каждый род этих двояких прегрешений**. О преступлении против Господа, в тексте нашем, высказано предположение, что оно совершено **по ошибке** или **по неведению**. "Если кто сделает преступление и по ошибке согрешит", говорится

в одном месте; и в другом: "Если кто согрешит и сделает что-либо против заповедей Господних... и **по неведению** сделается виновным", тогда, - что же следовало тогда? Следовало ли оставить это без внимания? Нет, напротив, сказано, что душа "сделается виновной и понесет на себе грех". Да, как свят Господь! Человеком это было пропущено, он даже мог быть в неведении о случившемся, но не так у Господа; это тотчас же заносилось в то "рукописание, бывшее о нас и против нас" с неизгладимым обозначением "злодеяние". Да, возлюбленные, несправедливость есть несправедливость, беззаконие есть беззаконие пред Ним, и грех есть грех, черное пятно, которое Он не назовет белым, и которое обезображивает и осуждает нас, даже если совесть наша не подозревает о нем; это один из скрытых грехов, нуждающихся в очищении и истреблении посредством крови. Как глубоко сознавал эту истину апостол Павел, когда говорил: "Хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь" (1Кор. 4:4). Итак, наше хождение пред Ним неудовлетворительно, даже если мы ходим с чистою совестью; святости Своей, покрывающей нас, удовлетворяет только Он Сам, и Он один. Но, слава Ему, что Его драгоценная жертва повинности достигает до самых скрытых прегрешений, изглаживая их согласно с требованиями Всевидящего и Всеведущего Бога, а не по нашему пониманию и не по нашей совести. Каков может быть мир сердца нашего, когда мы видим, как глубоко идут принятые Богом меры в смерти Христа за нас.

Теперь мы подходим к прегрешениям против ближних наших. Здесь не сказано, что они могли совершиться по ошибке или по неведению, потому что они так близки нашим собственным чувствам, что всякое ограничение данных ближнему Богом прав должно быть тотчас замечено нами. Ведь человек, со своими собственными желаниями и требованиями к ближнему, сам себе является законом, он постоянно носит в себе самом и с собою масштаб, по которому он должен обращаться со своим ближним, по слову Господню: "Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки" (Матф.7:12). Здесь уже больше не может быть речи об ошибке или о грехе по неведению. И, однако, мы открыто должны сознаться, что у иных доходит и до этого. Без сомнения, надо глубоко опуститься, ниже обыкновенного положения падшего человека, чтобы бессознательно и по неведению совершать против ближнего своего грехи, перечисленные здесь, и другие, им подобные. Тем не менее, это, к сожалению, печальная действительность, что человек опустился и на эту ступень и пьет беззаконие, как воду. В начале он совершает их, может быть упрекая себя внутренне, затем совершает сознательно, даже обдуманно, и продолжает до тех пор, пока, наконец, у него совершенно не исчезает сознание совершения греха. Бедная совесть давно убита и не может заронить ни одного луча света в омраченное сердце. Наверно, если бы падшая душа не нашла бы жертвы повинности во Христе Иисусе, когда однажды Дух Святой открыл ей глаза на ее личное падение, она впала бы уже теперь в безнадежное отчаяние. Но как бы низко ни опустился кто-либо, до какой бы пропасти он ни дошел, здесь есть надежда для каждого. Христос, наша жертва повинности, как нам показывает Бог в этом драгоценном прообразе Своем, взял на Себя всякую вину, совершенную вольно или невольно, сознательно или бессознательно, и заплатил то, чего Он не похищал, за каждого, уповающего на Него. Принеси, о грешник, Богу эту, Им Самим предназначенную и избранную жертву повинности, и тогда о тебе будет сказано относительно всех твоих преступлений, как об обремененном грехами Израильянине после принесения им жертвы повинности: "**Прощено** будет ему, **что бы** он ни сделал, все, в чем он сделался виновным".

Подойдем поближе к жертве, или удовлетворению, предписанному здесь Господом.

Прежде всего, посмотрим, **в чем заключалось удовлетворение за грех, направленный**

против Самого Господа. Если что-либо "посвященное Господу" было осквернено, или несправедливо удержано, или нарушена заповедь, касающаяся Господа, Израильтянин должен был явиться с полным удовлетворением пред лицо Господне. Оно состояло из трех частей: одного овна без порока, по оценке Моисея серебряными сиклями, по сиклю священному, полной замены посвященного, против которого согрешено, и еще пятой части сверх того. Это было удивительное постановление Божие, но исполненное божественной мудрости. В принесенном в жертву овне мы видим неизменное, на веки установленное правило Божие: "Без пролития крови не бывает прощения" (Евр.9:22). Грех, сам по себе, как бы незначителен в глазах человеческих он ни был, мог быть искуплен единственно смертью: только таким путем могло быть дано удовлетворение правосудию Божию. И это должно было совершиться прежде всего, чтобы то, что стояло между Израильтянином и Богом, было устранено и чтобы первый мог приблизиться к Господу. Заметим это и для себя, братья мои, на случай, если и мы бессознательно прикоснемся к тому, что посвящено Ему, или присвоим это, или возьмем себе в распоряжение. Поспешим с подобным греховным делом, прежде всего, под силу жертвы повинности, предстанем немедленно пред лицо Божие, но ни в каком случае без этой жертвы: только она может вернуть нам наше благословенное положение, которое мы имели до согрешения.

Но когда приношение было сделано и пламя истребляло овна, не достаточно ли было этого? Никак. Бог требовал полного возмещения посвященного. Как же это? Очень просто: Господь понес бы урон, если б только **наказание** искупало грех, отнятое же не было Ему всецело и вполне возвращено, поэтому Он и требовал возмещения и сверх того еще прибавления пятой части, так что преступление против Господа служило Ему не в урон, но даже к выгоде.

О, чудная милость Божия, выражающаяся в искуплении Иисусом Христом; Он не только несет нашу вину и искупает все наши прегрешения, но возвращает нас, потерянных для Бога людей, Ему, так что Он получает Свою собственность обратно, и так совершенно и всецело, что своевольный и самолюбивый человек добровольно полагает себя снова на жертвенник Божий и посвящается Ему, Он, похитивший у Бога права. Его, и оскорбивший Его, отнимает теперь, искупленный Христом, свои руки от себя, своего тела, жизни и всего, что имеет, признавая впредь только Его, как единственного, имеющего над ним власть и право. Так, чрез искупление во Христе, Господу возвращается Его собственность, но - о драгоценная мысль! - Он получает более, нежели Он некогда потерял. Не только погибшее создание возвращается в Отцовский дом очищенным и освобожденным от грехов, но новая тварь, соединенная с Ним, дитя Его, наследник Его естества и славы.

С другой стороны, эта жертва повинности со своим возмещением дает чаду Божию, которое **посвящено Богу**, еще другой, очень драгоценный намек. "Я - Твой; Ты искупил меня Себе", - вот лозунг и действительность его с тех пор, как его спасение стало ему ясно. Он отдал себя и тело свое "в жертву живую, святую, благоугодную Богу", и с этого времени это его "разумное служение" (Рим.12:1). Но кто из возлюбленных Божиих не знает, сколько совершается ими ошибок по неведению и по упущению, которые выясняются сознанию уже тогда, когда они совершены? И сколько осквернения в этом постоянном разумном служении Богу, сколько посягательств на святыню и как часто берется нами назад то, что было положено Ему на жертвенник! Какая неизреченная милость Божия заключается в сознании, что сила крови Иисуса, нашей жертвы повинности, может быть применена и здесь! Но довольно ли тебе, брат мой, сестра моя, когда ты знаешь, что то или другое твое прегрешение истреблено и покрыто кровию Иисуса? Всегда ли имел ты в виду, что Господь не должен терпеть никакого урона при этом, но что посвящение твое Ему должно остаться на той же высоте и в той же силе и объеме

после преступления, как и до него? Это чрезвычайно важный пункт. Потому что именно это достойная сожаления действительность, на которую следовало бы обратить внимание, что часто нечаянные ошибки детей Божиих делаются началом их отступления назад. Господу не было возвращено похищенное ими в той мере, как оно было прежде, и это уже была новая ошибка; за ней последовали другие, и началось медленное отчуждение от Господа. Это не должно было быть так, нет, отдача Господу не должна терпеть никакого ущерба от какой-нибудь ошибки. Напротив, она должна была выразиться сильнее, идти глубже. Господь, согласно нашему прообразу, должен был получить на пятую долю больше прежнего.

Эта пятая доля, которую Израильтянин должен был посвятить Господу сверх возмещения святыни после согрешения, очевидно, не была посвящена до совершения преступления, так что Господь получал теперь еще и то, что раньше удерживалось от Него. Так каждая наша ошибка должна нас двинуть не назад, а вперед. Часто именно наши ошибки открывают нам, куда еще не простирается господство Господа в нас; еслиб мы предоставили Ему в таком случае тотчас же и безусловно это господство, тогда Он не потерпел бы ущерба, и мы извлекли бы из нашего несчастья большую пользу.

Обратимся теперь к удовлетворению, предписанному за прегрешения против нашего ближнего. И здесь мы находим того же овна, то же вознаграждение за понесенный ближним убыток с прибавлением к нему пятой доли. Вознаграждение и пятая его доля отдавались потерпевшему, овен же жертвы повинности возлагался на жертвенник Господень. Те же самые истины, которые выяснились при согрешении против Господа, находят свое применение и при согрешении против ближнего. Удовлетворение ближнего должно было быть таким совершенным, как и то, которое давалось Господу; это нам снова напоминает, что, по совершении нами какого-либо греха против ближнего, наше отношение к нему должно сделаться еще лучше и искреннее прежнего.

Но существует здесь и еще одно обстоятельство особенной важности. Удовлетворение начинается не, как мы это раньше видели, с кровавой жертвы, с принесения овна, но с воздаяния за отнятое и придачи к нему пятой доли. Здесь надо начать не у медного жертвенника и во святилище, но с потерпевшего ущерб и оскорбленного человека. Как неразумно и греховно поступает поэтому сердце, воображающее, что грех, совершенный против другого человека, против ближнего, можно вполне изгладить на коленях пред Господом. Нет, сначала дай полное удовлетворение брату твоему, восстанови вполне прежнее отношение, сделай это даже, если бы тебе самому пришлось терпеть убыток, если можно так выразиться, сделай свои отношения на пятую долю лучше, искреннее, сердечнее, и тогда возложи тяжесть и этого прегрешения на жертву повинности, принесенную за тебя твоим Господом, и мир твой сделается совершенным.

Не забудем также никогда, что, при прегрешении против ближнего, необходимы оба условия: вознаграждение и жертва повинности. Первого, вознаграждения, не было бы достаточно, еслиб Иисус не покрыл кровию Своею вины твоей; последняя, жертва повинности, не изгладила бы греха твоего, если бы тобою не было дано вознаграждение, потому что Бог не мог допустить ни тебя, ни жертвы твоей на жертвенник Свой, пока дела твои к брату твоему не приведены в порядок; и они должны быть исправлены прежде всего. Посмотри, как Иисус отсылает к оскорбленному брату человека, приносящего дар свой к жертвеннику: "Если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и **пойди, прежде** примиришься с братом твоим, и тогда прииди, и принеси дар твой" (Матф.5:23,24).

В этом прообразе жертвы Христа мы видим, как славно соединено оправдание и освящение.

Первое не оставлено без второго, да оно и не может быть иначе. Искупление и пребывание во грехе удалены во Христе друг от друга, как небо от земли, и должны так остаться. Где есть истинное искупление и очищение, там должно последовать и хождение во свете, или исповедание, - что имеешь часть во Христе, - неправда, потому что Он не служитель греха. Не забудем этого никогда; и да будем мы во всем украшением и этому учению Спасителя, нашего Бога, святым, соответствующим ему хождением пред Господом (Тим.2:10). Он же да совершит в нас это во Славу Свою. Аминь.

Глава 17

Жертва всесожжения

И воззвал Господь к Моисею и сказал ему из скинии собрания, говоря: объяви сынам Израилевым и скажи им: когда кто из вас хочет принести жертву Господу, то, если из скота, приносите жертву вашу из скота крупного и мелкого. Если жертва его есть всесожжение из крупного скота, пусть принесет ее мужеского пола, без порока; пусть приведет ее к дверям скинии собрания, чтобы приобрести ему благоволение пред Господом; и возложит руку свою на голову жертвы всесожжения - и приобретет он благоволение, во очищение грехов его; и заколет тельца пред Господом; сыны же Аароновы, священники, принесут кровь и покропят кровью со всех сторон на жертвенник, который у входа скинии собрания; и снимет кожу с жертвы всесожжения и рассечет ее на части; сыны же Аароновы, священники, положат на жертвенник огонь и на огне разложат дрова; и разложат сыны Аароновы, священники, части, голову и тук на дровах, которые на огне, на жертвеннике; а внутренности жертвы и ноги ее вымоет он водою, и сожжет священник все на жертвеннике: это всесожжение, жертва, благоухание, приятное Господу.

(Лев.1:1-9)

И сказал Господь Моисею, говоря: заповедай Аарону и сынам его: вот закон всесожжения: всесожжение пусть остается на месте сожигания на жертвеннике всю ночь до утра, и огонь жертвенника пусть горит на нем [и не угасает]; и пусть священник оденется в льняную одежду свою, и наденет на тело свое льняное нижнее платье, и снимет пепел от всесожжения, которое сжег огонь на жертвеннике, и положит его подле жертвенника; и пусть снимет с себя одежды свои, и наденет другие одежды, и вынесет пепел вне стана на чистое место; а огонь на жертвеннике пусть горит [и] не угасает; и пусть священник зажигает на нем дрова каждое утро, и раскладывает на нем всесожжение, и сожигает на нем тук мирной жертвы; огонь непрестанно пусть горит на жертвеннике и не угасает.

(Лев.6:8-13)

Жертва, на которой мы остановим сегодня наше внимание, была главной жертвой всего ветхозаветного богослужения. Не напрасно была она поставлена Господом во главе всех остальных жертв, так как в глазах Божиих она действительно занимала первое место. Хотя

человек не мог впервые явиться пред Богом с жертвой всесожжения, о которой мы говорим, а, смотря по своим потребностям, должен был начать или жертвой за грех, или жертвой повинности, но, тем не менее, эта жертва не могла быть упущена в последствии. Ни одно священнодействие не обходилось без нее, как справедливо замечает **Бер** в своей "Символике", и всякое принесение какой-либо другой жертвы сопровождалось жертвой всесожжения. Сама она могла приноситься и часто приносилась одна, без других жертв, как простым Израильтянином, так и князем, священником или целым обществом. Но, во всяком случае, она приносилась одна только тогда, когда дело не шло ни о грехе, ни о вине человека, ее приносившего.

По повелению Божию, она горела, как мы только что читали, непрестанно за Израиля на медном жертвеннике в приятное благоухание Богу, и самый жертвенник от нее получил название жертвенника всесожжения. Уже эти обстоятельства, казалось, указывали на то, что она, так сказать, включала в себя совокупность всех остальных жертв, хотя и все другие были необходимы, чтоб сильнее выдвигать отдельные выдающиеся черты совершенной жертвы Иисуса Христа, нежели их могла явить жертва всесожжения. Да руководит нами Сам Дух Святой по Своему изволению в рассмотрении нами всего великого значения

этой жертвы всесожжения.

И здесь мы начинаем с божественного определения, т.е. с названия жертвы. Вообще, как мы уже упомянули об этом, она называется жертвой всесожжения; по-еврейски же "Olah", по указанию многих авторитетов (ученых), имеет значение **поднятия, поднимания вверх**. В действительности, съедаемая силою огня, она поднималась в пламени его к небесам. В некоторых местах Св. Писания в немецком переводе она названа "всею" или "цельной" жертвой. Например, во Втор. 33:10 говорится: "Возлагают курение пред лицо Твое и всесожжения (в немецком переводе - "цельные жертвы") на жертвенник Твой". Также в Псалме 50:21 сказано: "Тогда благоугодны будут тебе жертвы правды, возношение и всесожжение ("цельные жертвы"); тогда возложат на алтарь Твой тельцов". Таким образом, как самое название этой жертвы, так и Богом предписанный способ приношения ее заключали в себе непременно понятие чего-то всеобъемлющего, совершенного. Ни одна из остальных жертв не поднималась к Господу всецело и без всякого ограничения, уничтожаемая огнем; там бывали только отдельные части, предназначенные Господу, тогда как остальное получали либо священники и приносивший жертву, либо она сжигалась вне стана, а не на жертвеннике Господнем или, как его иначе называли, на трапезе Господней. Но от жертвы всесожжения нельзя было отделить никакой частички, она вся принадлежала исключительно Господу.

Здесь мы видим Христа, отдавшего Себя **всецело** на страдания и смерть для Отца и только для Него **Одного**. В этом прообразе **мы** не принимаемся **пока** в соображение, но **Отец**, как Он Сам непрестанно повторяет в Евангелии от Иоанна, Пославший Его. В жертве за грех и в жертве повинности мы видели Его, идущего навстречу **нашим** вопиющим потребностям; здесь мы находим Его, отданного **Богу** в приятное благоухание, и в такой степени, что, далее идти невозможно; Он приносит Богу Себя всего, Свое тело, душу и Дух в несказанных страданиях и постыднейшей, мучительнейшей смерти. Он принадлежал Богу Отцу вполне в течение всей Своей земной жизни, во всех обстоятельствах и искушениях, потому что все Его силы, Его время и воля, любовь и вся жизнь Его были отданы на служение Отцу; но на кресте, среди невыразимых смертельных страданий, все это, вместе с самым существом Своим, в совершенстве предал Он добровольно и в безграничной любви Отцу Своему. И только Отец один

в состоянии вполне увидеть, постичь и оценить весь объем этой безграничной выдачи, этой отдачи до крайности; ни один Ангел или Архангел, ни одно смертное существо или все вместе не в силах понять этого. И как бы глубоко искупленные Его ни вкусили совершенную отдачу Христову, какую бы часть ни имели в ней, это составит всегда только маленькие капли. Поэтому жертва, которая представляет эту сторону полнейшей отдачи Христа Отцу через смерть его, и принадлежит Отцу всецело. Всеобъемлющему принадлежит Всенаполняющий. Совершенному - Совершенный, вся жертва целиком.

Рассмотрим, теперь, приведенное здесь побуждение для принесения жертвы всесожжения. У предыдущих жертв оно выражалось уже в названиях их, и, кроме того, мы находим очень определенные повеления Иеговы, требовавшие их. При жертве за грех и жертве повинности действовал непреложный закон, по которому или жертва должна была быть предана смерти пред Господом, или же грешник, нарушитель Божиих заповедей, истреблялся из народа Божия. Здесь, напротив, не было подобного повеления Божия для отдельного лица, но сказано: "Когда кто из вас **хочет принести** жертву Господу" ... "**если** жертва его **есть** всесожжение... пусть принесет" и т.д. Итак, это не была жертва по принуждению, по обязательному предписанию, но **по доброй воле** со стороны Израильянина. Но так как всякая жертва всегда занимала место приносящего ее, в каком бы положении он ни явился: был ли он грешником, или преступником, или, как это было здесь, добровольным приносителем, то и жертва всесожжения принимала характер последнего и являлась как жертва добровольной отдачи себя на смерть.

Во Христе Иисусе мы имеем полное осуществление прообраза в обоих вышеуказанных направлениях. Он и доныне верую делается нашей жертвой за грех и жертвой повинности, потому что мы другого выхода не имеем; наша нужда делает Его необходимым для нас. Дух Святой, слово Божие и наша собственная пробужденная совесть указывают нам нашу духовную нищету и вечную погибель без Него, и наше единственное спасение в Нем, так что нам не остается ничего другого, как броситься к Нему, Поручителю нашему. Это страшное ожидание вечного осуждения научает нас всеми силами ухватиться за Него. Но как только мы видим, что рукописание, "бывшее против нас, в Нем "истреблено, взято от среды и пригвождено ко кресту" (Кол. 2:14) и что мы обладаем в Нем Самом полным, совершенным спасением, нам уже не нужно никакого принуждения, чтобы непрестанно приносить Богу Христа, как наше всесожжение, как жертву приятного благоухания. С этого времени Он навсегда становится жертвой всесожжения за нас на жертвеннике Божиим, мы уже не появляемся пред Богом иначе, как в Нем и с Ним, и мы блаженны видеть эту совершенную, приятную, удовлетворяющую жертву, раз навсегда возложенную и навеки для нас там оставленную. Таким образом, Он - наша **добровольная** жертва всесожжения.

С другой стороны, как вполне добровольно отдал Он Себя целиком Отцу, как жертву всесожжения, возносящуюся на небеса! Другим путем Он не мог сделаться жертвой благоугодной, "жертвой приятного благоухания"; потому что могло ли сделаться приятным Богу какое-либо действие, вызванное **давлением, побуждением извне** или даже **принуждением**? Тем менее страдания и смерть Его. Но здесь не было принуждения ни с какой стороны. Собственные выражения Иисуса могут засвидетельствовать нам это. Послушайте, как Он в 10 гл. Евангелия от Иоанна постоянно повторяет: "Я есть пастырь добрый; пастырь добрый **полагает** жизнь свою за овец", - "Жизнь Мою **полагаю** за овец". - "Потому любит Меня Отец, что Я **отдаю** жизнь Мою, чтобы опять принять ее". - "**Никто** не отнимает ее от Меня, но Я Сам **отдаю** ее. Имею власть **отдать** ее, и власть имею опять принять ее. **Сию заповедь получил Я от Отца Моего**" (Ст. 12,15,17,18). Кто может читать эти изречения, не получив впечатления, что Господь,

как бы всеми силами, старается раз навсегда устранить всякую возможность возникновения мысли, что Он был каким-либо образом принужден к отдаче Своей жизни. "Никто не отнимает ее", исключает всякую власть на небе и на земле; но чтоб мы все-таки не могли подумать, что Отец, может быть, не включен в это слово "никто", Христос в заключение говорит нам, что эту заповедь, по которой Он имеет власть отдать жизнь и опять принять ее, получил Он от Самого Отца. Итак, Отец дал Ему полную свободу. Далее, в Евр. 9:14 мы читаем, что **"Он Сам Духом Святым принес Себя, непорочного, Богу"**. И все Его поведение в тот час полной отдачи до крайности также свидетельствует об этом. Не был ли Он в твердом сознании того, что, если бы Он попросил Отца, Он послал бы Ему двенадцать легионов Ангелов вместо двенадцати слабых учеников, из которых только один попробовал защищать Его? Достаточно было бы одного только Ангела, как для войска царя Сеннахерима, чтобы уничтожить всех врагов Его; но Он не просил об этом. Не отступили ли назад и не пали ли на землю те, которые вскоре после этого связали Ему руки, когда Он сказал им: "Это - Я" (Иоан.18:6)? Одно слово Того, пред **лицом** Которого некогда побегут небо и земля, и не найдется им места, могло бы их всех уничтожить; однако, Он не произнес этого слова, но добровольно пошел на смерть. Это - решающие истины.

Между тем, когда приблизилась минута, чтобы Ему сделаться жертвой, кажется, как бы Он умирал не вполне добровольно. Возглас: "Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя" (Мат.26:42), как бы подтверждает такую мысль. Однако, не смерть на Голгофе стояла такою ужасною перед Его душой в Гефсимании, но та смерть, с которой Он боролся здесь и к которой хотел привести Его сатана, прежде чем, Он был пригвожден ко кресту; предназначенной Ему крестной смертью хотел Он умереть без колебания. Ведь с этой целью оставил Он и небо, как написано: "Посему, Христос, **входя в мир**, говорит: жертвы и приношения Ты не восхотел, но тело уготовал Мне. Всесожжения и жертвы за грех не угодны Тебе. Тогда Я сказал: вот иду, как в начале книги написано **о Мне**, исполнить волю Твою, Боже" (Евр.10:5-7). На место жертв, о которых у нас теперь идет речь, и которых не восхотел Отец, но которые служили только прообразом Его, пришел **Он в теле Своем** на землю; этому телу должно было быть преданным, потому что Бог уготовал его на это; с таким сознанием вошел Он в этот мир. И всякий раз, когда Он впоследствии говорил о Своей смерти, не чувствовалось ни тени сопротивления с Его стороны; даже и в последний вечер Он решительно встал и направился к саду Гефсиманскому со словами: "Чтобы мир знал, что Я люблю Отца и, как заповедал Мне Отец, так и творю: встаньте, пойдем отсюда" (Иоан.14:31). Так пошел Он добровольно, без всякого принуждения.

Приступим теперь к собственному значению жертвы всесожжения. Главное значение лежит в многократно повторяемых в тексте выражениях: "Чтоб **приобрести благоволение пред Господом**" и "приобретет **он благоволение**", "это всесожжение, жертва, **благоухание приятное Господу**". Это не была, таким образом, жертва, изображавшая ту сторону смерти Христовой, по которой Он отдает за нас отчет пред требованиями осуждающего правосудия Божия и несет на Себе наказание и проклятие за грехи наши; нет, об этом здесь и речи нет; но эта жертва представляет нам ту сторону смерти Его, по которой Он был высшим благоволением Отца и отрадой сердца Его, потому что, в то время, как Он нес на Себе проклятие и заслуженный грехом приговор и, подобно отверженному, должен был отойти от лица Его, душа Самого Господа восхищалась Его безграничной отдачей, достигшей до этой пропасти; она восторгалась этим совершенным и чистым послушанием, которое, ради совершения воли Отца, добровольно подверглось всем адским мучениям. Это упоение, названное здесь **"благоуханием приятным"**, и выступает пред нами в жертве всесожжения.

Возлюбленные, мы привыкли видеть на кресте только то, что мы сами имеем в смерти Господа; мы ищем того, что случилось для нас, что соответствует **нашим** потребностям и приносит **нашей душе наслаждение и блаженство**; но как мало мы останавливаемся на том, что получил **Отец** чрез эту жертву Своего Сына, и этим лишаем самих себя бесконечного наслаждения, потому что, насколько Он благоугоден Отцу, настолько благоугодны Ему и мы; благоволение, **принадлежащее Ему**, принадлежит и нам, коль скоро мы "**во Христе**". Поэтому мы должны бы глубже проникать в эту сторону смерти Христовой. Ведь здесь проявились в крайней степени самые непостижимые нежные побуждения отдачи Единородного воле Отца; ведь здесь стало известно небу и земле, людям, Ангелам и всякой твари, что "ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь" не могли Его отлучить от любви Божией (Рим.8:38,39), Ведь здесь счел Он милость, волю и благоволение Отца за лучшее, нежели жизнь (Пс.62:4); здесь выполнил он "определенный совет Божий" (Деян.2:23), **совершил** дело, которое Бог Ему поручил и этим прославил и возвеличил Отца (Иоан.17:4). И как Его пищей и питьем было творить волю Пославшего Его, творить ее до смерти, и смерти крестной, так пищей и питьем Отца было принятие этого послушания, этого дела. Это была Ему "благоугодная жертва", "жертва приятного благоухания". Да, Он имел в смерти Возлюбленного Своего настолько бесконечно больше блаженства, насколько Он Сам превышает нас. Если мы в состоянии постигнуть высоту и глубину, широту и долготу величия Его, то мы постигнем также, как велико было наслаждение Его в смерти Единородного. Совершенно справедливо сказал один дорогой служитель Божий (Макинтош): "Крест, представленный в прообразе жертвой всесожжения, заключал в себе элемент, который в состоянии постичь только Дух Божий. В нем скрыты такие бесконечные глубины, что ни смертный, ни Ангел не в силах постичь их. Он говорил языком, предназначенным исключительно для уха Отца и направленным прямо к Нему. Между крестом на Голгофе и престолом Божиим установилась связь, далеко превосходящая самый высший разум всей существующей твари". И хотя слово Сына: "Никто не знает Сына кроме Отца" (Матф.11:27), справедливо во всех отношениях, в этом случае оно особенно применимо. Да будет Ему слава и вечная хвала за то, что в Нем заключены сокровища, непостижимые ни для нас, ни для кого-либо другого, но составляющие вечное благоволение Отца! В этом и наше блаженство.

Но возвратимся к прообразу и **остановимся несколько минут на самом жертвоприношении, или жертвовании**. Принесение жертвы совершалось неодинаково при различных жертвах, что мы хотели бы заметить, и одинаковые действия не всегда имели тождественное значение, что легко увидеть, сравнивая различного рода жертвы между собою.

Прежде всего, пусть душа наша насладится созерцанием **возложения на жертву руки**. Предназначенное для всесожжения жертвенное животное (в этом случае оно должно было быть мужского пола, без порока) приводилось из стада во двор и ставилось пред дверью скинии собрания, вместе с приносившим его. Затем происходило, как и при других жертвах, обычное возложение руки приносящего пред лицом Господа. Никакого исповедания греха не произносилось при этом устами жертвователя, не проливалось ни одной слезы раскаяния и сердечного сокрушения о накопившейся вине или грехе; не было заметно ни одного глубокого вздоха тоскливого ожидания: все это могло происходить при жертве за грех и жертве повинности. Нет, здесь видно было радостное лицо, черты которого выдавали жажду, радостное ожидание, потому что этот избранный, добровольный и совершенный дар был принесен сюда, "**чтобы приобрести благоволение пред Господом**", и в надежде на это, рука жертвовавшего покоилась на голове его жертвы. Он знал, что эта благоугодная, приятная жертва, это приятное

благоухание Иеговы принесет ему благоволение Господне, сделает его самого приятным благоуханием Ему, только при одном условии: чтобы он возложил руки на голову жертвы и этим выразил **свое единство с ней**. Если она была без пятна и порока, если она составляла отраду Божию, то таковым был в ней и принесший ее. Какова была жертва, таковым становился впредь и он в глазах Божиих. Вся цена и все достоинство его жертвы всесожжения переходили через возложение руки пред лицом Божиим на него самого. При жертве за грех и жертве повинности он переносил свое состояние и свое преступление на жертвенное животное; здесь же, наоборот, он вменял себе достоинство своей жертвы. Авель, принесший некогда жертву всесожжения, приобрел, именно этим путем, благоволение Божие. Сказано: "Бог засвидетельствовал о дарах его" (Евр.11:4). Он никогда не свидетельствует о человеке, но всегда о даре его; каков его дар, его жертва, таков и он сам в глазах Божиих.

Итак, если руки наши покоятся на нашей жертве, благоугодной Иегове, на Иисусе Христе, то мы благоугодны Ему, как Сын Его. Насколько мы должны быть бесконечно блаженнее Израиля, приходившего к Богу с кровью тельцов и козлов или с пеплом телицы, не могшими по свидетельству Духа Божия "никогда истребить грехов" (Евр.10:4,11); насколько наша жертва всесожжения благоугоднее Господу, сравнительно с всесожжением Израиля, настолько благоугоднее Богу и мы. Он есть благоволение Отца, отрада Его, как мы только что слышали; и мы то же самое в Нем. Радостно и доверчиво покоится рука наша на Нем в то время, как мы восклицаем: "Итак нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе" (Рим.8:1) и: "Кто будет обвинять избранных Божиих? Бог оправдывает их. Кто осуждает? Христос Иисус умер, но и воскрес: Он и одесную Бога, Он и ходатайствует за нас" (Рим.8:33,34). Впредь "мы имеем полноту в Нем" (Кол.2:10), "облагодатствованы Им в Возлюбленном" (Ефес.1:6) и "Христово благоухание Богу" (2Кор.2:15). Блаженное положение, достигнуть которого мы никогда не были бы в состоянии помимо этого пути. Пред Богом мы являемся тем, что мы есть, единственно и исключительно через нашу жертву всесожжения; если я не **во Христе**, если ты не в Нем, брат мой, что мы такое тогда? Ничего, и даже хуже того; мы, как сказал покойный **Вольгерсдорф**, "бездна греховного яда". Если же мы **во Христе**, чего нам недостает тогда? Опять-таки ничего! Вся слава, вся святость, все, что угодно Отцу, облакает нас в Нем навеки. Совершенно верно выражается это словами духовной песни:

Былинку, прах вознес Ты, Бог мой,
Превыше чистых Ангелов небес:
И славлю я, спасенный раб Твой,
Тебя за это чудо из чудес.

За возложением руки на жертву всесожжения **следовало заклатие и рассечение ее на части**. Тотчас по возложении руки жертвовавшего на его жертву, эта последняя должна была отдать жизнь свою; затем, с нее снималась кожа, она рассекалась на части, внутренности ее вымывались, чтобы в пламени жертвенного огня вознестись к небу. Какие драгоценные мысли скрываются в этом рассечении на части жертвы пред лицом Господа, предписанном именно при принесении Богу этой жертвы всесожжения. Это была жертва в благоволение Богу. Снаружи каждый мог исследовать ее красоту и совершенство, но мог ли каждый видеть внутренность ее? Никакой человеческий глаз не мог прозреть в совершенство и непорочность ее внутренней жизни, пока жертва не предавалась смерти, и тогда Господь как бы говорил: "Покажи же теперь, что именно принес ты Мне? Снаружи нет никакого недостатка; око Мое с благоволением

покоится на твоей жертве; но дай Мне взглянуть на внутреннее"; и кожа снималась, и, как бы обнаженное, животное лежало пред Господом. "Видь ее прекрасен"! казалось, продолжал раздаваться голос Божий, "очам Моим угодно **глубже** испытать дар твой", и как бы в ответ на это, голова, грудь, ноги отделялись от жертвы пред очами Божиими; Его око обозревало все. "Хорошо, и очень хорошо, но еще глубже, еще **глубже**", продолжал Он: тогда вынимались тук, почки и внутренности, так что не оставалось ничего скрытого, ничего, что не видело бы око Его, что не лежало бы пред Ним, обнаженное и открытое.

Но зачем было это нам так подробно описано и сообщено? О, конечно, для того, чтоб мы узнали, как Его пламенное око исследует нашу вечную жертву всежжения и с каким вечным благоволением взирает Господь на всю полноту телесных и духовных сил Христа, на все, полные любви, побуждения внутренней Его жизни. Мы знаем, что Иегова усмотрел в Нем Свое удовлетворение, Его взор покоится еще на Нем, и чрез Него смотрит Он и на нас. Можем ли мы себе представить, какое это благоволение?

Приблизимся, наконец, к жертвеннику. Здесь уже горел огонь, зажженный сынами Аарона еще раньше, нежели жертва была рассечена на части. Уже заранее жертвенник был окроплен кровию со всех сторон, и вот отдельные части возлагались на дрова, чтобы в медленно пожирающем пламени быть поднятыми вверх, к небу; и, раз будучи зажжены, они должны были продолжать гореть непрестанно. Так исполнялось повеление: "Всежжение пусть остается на месте сожигания на жертвеннике всю ночь, до утра" - "Огонь на жертвеннике пусть горит, не угасает", "огонь непрестанно пусть горит на жертвеннике и не угасает" (Лев.6:9,12,13).

Блаженный Израиль, как спокойно и безопасно мог он жить вокруг этого пламени: был ли день или ночь, светло или темно вокруг них - это благоухание пред Иеговой охраняло их; даже больше: это было их ходатайством, склонявшим к ним все благоволение Божие.

Горящее всежжение был драгоценный маяк, обеспечивавший им вечную безопасность, потому что оно непрестанно свидетельствовало о том, что они благоугодны Тому, Кто обитал среди них в святости и праведности. Но насколько бесконечно безопаснее и лучше покоимся мы теперь, когда наш покой уже не зависит больше от того, исполняют ли священники неуклонно свою обязанность, возлагая каждое утро и каждый вечер новое всежжение пред Господом; но Он Сам вечно предстоит пред лицом Отца. Наш великий Первосвященник навек принес благоухание смерти Своей пред лицо Отца а потому **теперь** - время благоприятное, **теперь** - день спасения, **теперь** - лето Господне благоприятное. Да не потеряется из нашего взора это светлое пламя нашей жертвы всежжения, освещающее свыше ночь этого мира, доколе не настанет великое утро, и мы не достигнем родины, пройдя пустыню.

Но что же скажем мы, взирая на всю эту полноту благословений, изливаемых во Христе на народ Его? Не должны ли и мы воскликнуть, как воскликнул Моисей пред концом своей жизни, в последний раз обозревши народ свой: "Блажен ты, Израиль! кто подобен тебе народ, хранимый Господом, Который есть щит, охраняющий тебя и меч славы твоей"! (Втор.33:29). О, только бы мы во всей полноте и с каждым днем все больше и больше вкушали эти благословения, чтобы нам иметь силу ходить на высоте нашего блаженного положения и отдать жизнь нашу в жертву Ему, как Он отдал Себя в жертву за нас Господу в благоухание приятное. Аминь.

Глава 18

Жертва благодарности, или мирная жертва

Если жертва его жертва мирная, и если он приносит из крупного скота, мужеского или женского пола, пусть принесет ее Господу, не имеющую порока, и возложит руку свою на голову жертвы своей, и заколет ее у дверей скинии собрания; сыны же Аароновы, священники, покропят кровью на жертвенник со всех сторон; и принесет он из мирной жертвы в жертву Господу тук, покрывающий внутренности, и весь тук, который на внутренностях, и обе почки и тук, который на них, который на стегнах, и сальник, который на печени; с почками он отделит это; и сыны Аароновы сожгут это на жертвеннике вместе со всесожжением, которое на дровах, на огне: это жертва, благоухание, приятное Господу.

(Лев. 3:1-5)

Вот закон о жертве мирной, которую приносят Господу: если кто в благодарность приносит ее, то при жертве благодарности он должен принести пресные хлебы, смешанные с елеем, и пресные лепешки, помазанные елеем, и пшеничную муку, напитанную елеем, хлебы, смешанные с елеем; кроме лепешек пусть он приносит в приношение свое квасный хлеб, при мирной жертве благодарной; одно что-нибудь из всего приношения своего пусть принесет он в возношение Господу: это принадлежит священнику, кропящему кровью мирной жертвы; мясо мирной жертвы благодарности должно съесть в день приношения ее, не должно оставлять от него до утра. Если же кто приносит жертву по обету, или от усердия, то жертву его должно есть в день приношения, и на другой день оставшееся от нее есть можно.

(Гл.7:11-16)

Скажи сынам Израилевым: кто представляет мирную жертву свою Господу, тот из мирной жертвы часть должен принести в приношение Господу; своими руками должен он принести в жертву Господу: тук с грудью должен он принести [и сальник на печени], потрясая грудь пред лицом Господним; тук сожжет священник на жертвеннике, а грудь принадлежит Аарону и сынам его; и правое плечо, как возношение, из мирных жертв ваших отдавайте священнику: кто из сынов Аароновых приносит кровь из мирной жертвы и тук, тому и правое плечо на долю; ибо Я беру от сынов Израилевых из мирных жертв их грудь потрясения и плечо возношения, и отдаю их Аарону священнику и сынам его в вечный участок от сынов Израилевых.

Когда душа знает, что прощены ей грехи и преступления ее, так что она теперь оправдана чрез веру во Христа Иисуса; когда она уверена, что "Господь не вспомнит более грехов и беззаконий" ее, потому что в ее жертве за грех и в жертве повинности они все сожжены в пепел и этим навсегда сняты с нее, и она с тех пор даже видит себя благоугодной Господу чрез свою жертву всесожжения, - тогда с силою проявляется глубокая внутренняя потребность, требующая себе какого-нибудь выхода; эта потребность заключается в горячей жажде вознести Господу благодарение в полной мере за Его богатую, переливающуюся через край, милость. Будучи сама переполнена, эта полнота стремится вылиться обратно к Тому, от Кого она изошла, и как псалмопевец дает волю этому чувству и потребности сердца, так и из нее вырывается вопрос: "Что воздам Господу за все благодеяния Его ко мне"? (Пс.115:3).

Душа готова возложить что-либо на жертвенник Господень "в благоухание приятное", что-либо, способное выразить глубокую признательность за полученное ею и преодолевающее ее блаженство. Но что бы, это могло быть? Что могло бы действительно служить Ему в благоволение и воистину быть приятно Ему? Господь считался и с этой потребностью сердца и с этим порывом освобожденной души Израильянина, и повелел Моисею совершенно точно написать, какая жертва должна была быть возложена на жертвенник Его в подобном случае. Это была

жертва мирная или жертва благодарности,

описание которой мы только что прочли и к изучению которой мы приступаем.

Начнем и здесь с ее названия. Большинство новейших переводчиков вместо "жертва благодарности" называют ее "жертва мирная", что, во всяком случае, ближе всего к истине. Между тем, та же самая мирная жертва, только с прибавлением к ней помазанного елеем хлеба, приносилась Господу из благодарности и называлась тогда жертвой "благодарной" или "мирной жертвой благодарности" (Лев.7:12-15). Если б названия ее были в зависимости от побудительной причины, вызывавшей ее приношение, то в различных случаях она носила бы и различные названия. Кроме вышеприведенных имен, она называлась бы еще "жертвой обета" и "жертвой по усердию", так как часто обет или усердие были причиною ее принесения, как это видно в Лев. 7:16. Еврейское слово, означавшее эту жертву, указывает, по толкованиям **Бера**, на возмещение недостатка, усовершенствование, дополнение, причем предмет возвращается в положение, совершенно тождественное с первоначальным его состоянием. Это по истине драгоценный намек. И так как при приношении жертвы речь никогда не шла о каком-либо предмете, но всегда об отношении Бога к человеку и человека к Богу, то, считаясь с этим, жертва мирная выражала полнейшее восстановление тесного отношения между Богом и человеком, которое, согласно своему прежнему состоянию, непременно должно было заключать в себе дружбу, общение, мир, блаженство. Человек, Израильянин, приносивший ее с благодарным, довольным сердцем, возвещал свое, ничем не омраченное, искреннее общение с Богом и Творцом.

Так Христос Распятый служит выражением совершенного мира между нами и Богом, а не наши чувства или наш опыт, потому что "Он есть мир наш". Он восстановил это, ничем не омраченное блаженное общение с Богом, Он возвратил потерянное блаженство и, благодарение Господу, блаженство несравненно более чудное, чем то, которое знал первый человек, потому что в этом

новом блаженстве мы сделались причастны Христу, соединены с Ним на веки. Хорошо, братия мои, знать это и напоминать себе об этом, но еще несравненно драгоценнее постоянно покоиться на нем, поступая сообразно ему в ежедневной нашей жизни по отношению к Богу и людям. Конечно, сознание, что между нами и нашим Богом все так совершенно восстановлено, что прибавлять к этому больше нечего, что нет и тени какого-либо несогласия, непрестанно вызывает в сердце нашем благодарность, обет и добровольную отдачу. И каждый из нас должен будет согласиться, что именно эти движения сердца и осуществление их пред Богом и Отцом нашим принадлежат к совершенному восстановлению нашего блаженного отношения к Нему. Где нет благодарности, обета и радостной отдачи, там, несомненно, недостает и верного отношения к Богу, там не все так, как должно быть; я не говорю, что там недостает чего-нибудь в отношении Бога к нам: это отношение раз навсегда сделалось совершенным чрез Христа и таковым останется на веки; но, в таком случае, между человеком, чадом Божиим, по отношению к Богу его не все в порядке. Он еще не так занял свое блаженное, приобретенное Христом положение, что он "обогатился всем" (1Кор.1:5). Если мы даже и находим его, подобно Израильянину, пред лицом Божиим, то все-таки, не с песнью: "Благослови, душа моя, Господа", но с плачевным и жалобным: "Дай, дай и дай", относящимся к дарам, уже давно данным во Христе Он стоит во дворе со Христом, как со своей жертвой за грех и жертвой повинности, но не положил еще с радостью руки своей на Него, как на свою жертву всежжения, чрез которую он видит себя в благоволении Божиим, благоугодном Ему. Он уже получил во Христе нечто, даже многое имеет чрез Него и в Нем, но не полное довольство, не переполненную чашу; потому то так мало жертв благодарности. Возлюбленные, благодарность и обет - не что иное, как избыток нагнетенной, утрясенной, перелившейся через края меры, наполненной Богом, возвращающийся к Нему же. И несомненно, что это принадлежит к полному восстановлению нашего блаженного, благодатного отношения к Богу. Скорее бы настало время, когда хвала и благодарение так непрестанно будут возноситься к Господу от всего народа Его, как жертвы всежжения, пламя которых никогда не угасало на жертвеннике Израиля, но поднималось к Богу день и ночь.

При дальнейшем рассмотрении мирной жертвы, **посмотрим, прежде всего, из чего она состояла.** Если это была обыкновенная мирная жертва, то закалывалось одно из предписанных Господом животных и приносилось Ему в жертву (Лев.3:1); если же это была жертва благодарности, жертва по усердию или по обету, тогда к этому присоединялись еще пресные хлебы, смешанные с елеем и помазанные им и даже один квасной хлеб. В этом заключается глубокое и благословенное значение; оба рода жертвы указывают, в своих составных частях, на Христа. Одна часть показывает Христа Распятого; остальные, получающие свое истинное значение только по присоединении их к первому приношению, являют как Христа Распятого, так и Христа в течение всей Его земной жизни.

Мирная жертва, которая, как мы видели, означает, сама по себе, восстановление некогда попорченного и порванного отношения между Богом и человеком, должна быть обязательно жертвой **кровавой**, отдавшей жизнь свою на смерть. Она, во всяком случае, не имела здесь значения примирения, потому что Израильянину не приходилось искать его при подобном приношении, также не имела она значения удовлетворения за вину или преступления, которые должны были быть прощены уже раньше, но служила **указанием на основание**, на котором Израильянин имел свободный доступ к Богу, где он находил безмятежный мир и то, что приводило его в блаженное общение с Господом. Он ведь являлся здесь, как нам дальше покажет развитие этой жертвы, как дитя, домочадец, как участник радости Божией. Но эта кровавая жертва должна была здесь показать, что вовсе не заслуга, не достоинство человека приобрело

это и что он здесь не на основании того, что был способен сделать, что чувствовал или что приносил с собою, но все и во всем была здесь - умершая на его месте жертва. Поэтому, как смело мог он входить, на счет приятной и благоугодной Богу жертвы, во все благословения, выпавшие на его долю чрез нее, независимо от того, что он был лично сам по себе.

Действительность, что Христос и Его смерть есть основание и причина нашего блаженства в Боге, а не нечто, заключающееся в нас самих, что Его совершенная отдача была причиной того, что мы усыновлены, стали наследниками, домочадцами Отца Его и членами тела Его, а не то, что представляем мы сами по себе или чувствуем, - эта действительность должна бы постоянно стоять пред душою нашей или, вернее, только она одна и должна бы приниматься нами в расчет. Каким свободным сделало бы это тогда наше обращение с Отцом, с какой радостью появлялись бы мы тогда за завесой во Святом-святах, занимали бы там место и возвращались бы оттуда всегда с уверенностью, что принесенные нами там молитвы услышаны. Именно наше выкапывание и искание собственных достоинств мешает нам овладеть большими сокровищами уже перешедшего к нам наследства и жить в большей полноте благодати, тогда как, если бы мы видели в Агнце, принесенном за нас в жертву, наше совершенное восстановление и вполне доверяли ему, то не было бы границ благословениям, истекающим из него, на которые мы могли бы иметь притязания. И в каком обилии явились бы наши мирные жертвы благодарности на Его жертвенник!

Жертва благодарности, жертва по усердию или по обету, была совершенно другого состава. Здесь приносились "пресные хлебы, смешанные с елеем, и пресные лепешки, помазанные елеем, и пшеничная мука, налитая елеем, хлебы, смешанные с елеем", а также и один "квасной хлеб" (Лев.7:12,13). Итак, тут были все вещества, составляющая принадлежность всякого домашнего хозяйства Израильянина. Кадки с мукою и сосуды с елеем находились в каждом доме земли Ханаанской. Израильянину не приходилось далеко идти или входить в издержки, чтобы принести Богу жертву благодарности; ему надо было только поделиться с Господом своей самой ближайшей собственностью, и это была в действительности истинная благодарность, настоящее общение.

Но здесь лежал в основании еще более глубокий смысл, потому что и это были тени будущих благ, тени, указывавшие на Христа. Уже в муке хлебов предложения мы видели человека Христа Иисуса в Его земной жизни; здесь мы Его снова встречаем. Как в тех хлебах, так и здесь не должно было быть никакой закваски: таков был Христос без пятна и порока; вместо закваски здесь является другой элемент - елей, этот прообраз Духа Святого. Итак, Христос в земной Своей жизни, в Своем земном хождении, исполненный Духа Святого, без всякого порока и греха, - вот что изображала нам мирная жертва благодарности. Но еще одно кажущееся странным обстоятельство дополняло эту жертву: все это, как мы только что видели, должно было сопровождаться еще одним "**квасным хлебом**".

Возлюбленные, если пресные, бесквасные хлебы служат прообразом безгрешного человека, Христа, то хлеб квасной является символом нас самих. Хотя наш грех и наша вина сняты с нашей совести посредством жертвы за грех и жертвы повинности, однако Св. Писание и личный наш опыт свидетельствуют нам, что закваска старого зла есть еще в нас и может снова проявиться, если Христос не в нас и не действует в нас могущественно. Закваска не может быть в нас, не будучи в состоянии развивать в нас свою силу. И, когда живой Христос господствует над нами, подобно тому как здесь в прообразе один квасной хлеб покрывался многими хлебами пресными, ее действующая сила сокрушена и не может быть препятствием, чтобы нам возложить себя на жертвенник Иегове в благо-угодную жертву благодарности, в приятное благоухание. Итак, мы

являемся в этом квасном хлебе сами, но, как носители пресных хлебов, мы, так сказать, приносим в своей личности Христа, изобразившегося в нас. Христа, Которого мы представляем в Его чистоте, Его хождении и Его жизни. Это то, что говорит апостол Павел, говоря о себе: "И уже не я живу" ("я" еще существует, но, как он раньше сказал, сораспятое Христу), "но живет во мне Христос" (Гал.2:19,20). Всем ли нам, братья мои, знакомы жертвы благодарности этого рода? Неправда ли, они **должны** быть благоугодны Богу и они показывают восстановление в обоих направлениях. Они показывают восстановление, относящееся к стороне Божией **во Христе**, отдавшемся **за нас**, Который, посредством смерти Своей, привел нас к совершенному общению и блаженству и открыл нам доступ ко всем благам, без всякого ограничения: а также и восстановление, относящееся к нашей стороне **во Христе**, пребывающем **в нас**, Который преобразует нас в Свой собственный святой образ. Это - та жертва благодарности, благоугодная Богу, благодарность без слов, без хвалебных песен, но истинное, приятное благоухание, действительно восходящее к Богу.

Между тем, мы не можем продолжать, **не указав на способ приношения мирной жертвы и жертвы благодарности**. Он был совершенно другой, нежели у всех предыдущих жертв, особенно он отличался от жертвы всежжения. При последней все принадлежало жертвеннику Господню, приносивший ее не получал ничего, не получал ничего и священник, кроме кожи, поступавшей в его собственность. Здесь же, напротив, как приносивший, так и священник, получали богатые части от Господа обратно, после того, как Господь получал Свою часть. Это жертвоприношение принимало вид, - и именно это имеет глубокое значение, - великой общей трапезы, в которой Иегова, первосвященник, священники и даже приносивший жертву были участниками. Таким образом, последний был здесь уже не зрителем, как при предыдущих жертвах, но соучастником Божиим, в доме Его и за Его трапезой. Неправда ли, мы замечаем тот успех, который делает Израильтянин с **каждой дальнейшей жертвой**, как в возрасте в благодати, так и в наслаждении блаженством. И какую драгоценную картину о возвращении блаженного общения с Богом должно было представлять из себя это вкушение одной и той же жертвы!

Но, да будет вечное благодарение и хвала Господу за то, что все это не осталось только картиной, прообразом, но осуществилось во Христе, нашей мирной жертве благодарности, сделавшись истиной, бесконечно более глубокой, чем ее могли представить рассматриваемые нами тени. Он, благоволение и отрада Отца, Он, Который для Него приятное благоухание и пища любви Его, сделался также и моей частью. Не Отец только наслаждается, но вместе с Ним и я, и все тем же Христом; Он, питающий сердце Отца, питает и мое. Здесь накрыт стол, за которым вкушается вечная трапеза мира; восстановлено общение, какое не может ни узнать, ни вкусить никакая тварь даже в небесах небес, потому что даже Ангелы желают проникнуть в эту дивную тайну: человек в общении с Отцом в Его Сыне Иисусе Христе чрез Духа Святого. Не кажется ли, что это превосходит всякое наше разумение? Конечно, да! Но так должно было совершиться Тем, Кто может сделать несравненно больше всего, чего мы просим или о чем **помышляем** и Чья любовь превосходить **всякое разумение**. Да и могло ли что-либо менее значительное, нежели это совершенное спасение, восстановление невозмутимого блаженного общения, быть целью отеческого предначертания Божия и соответствовать неизреченному подвигу души Сына Божия в Его страданиях и смерти? Нет, никогда!

Но при этой жертве мы находим восстановленным еще общение другого рода. Не только Бог и человек, но и человек с человеком являются здесь соединенными. Отделенный от Бога, человек в своем самоискании и самолюбии отделен также и от своего ближнего; глубокая пропасть

существует между ним и братьями его даже тогда, когда он кажется соединенным с ними любовью, потому что узы, связывающие его с ними и их с ним, рассмотренные в истинном свете, оказываются самолюбием, в котором он все-таки ищет и любит только **себя**. Восстановление Божие, где оно осуществляется, должно внести перемену и в это отношение. Именно это мы и видим в этой жертве. Много раз мы читаем о сынах Аароновых, что они в тот самый день, когда приносилась мирная жертва благодарности, должны были принимать в ней участие. Сыны Аароновы, первосвященник и принеший жертву - все были причастны ей, все они справляли тот же праздник над заколотою мирной жертвой благодарности: она соединяла их всех.

Не Христос ли это, Который соединил народ Свой и именно Своей крестной смертью? Не здесь ли заключается центр его существования? Где можно найти хотя одно чадо Божие, жизнь которого не исходит отсюда? Такого не существует. Если же это так, что они **все** истекли из одного и того же источника, **все** иссечены из одной и той же скалы, **все** извлечены из одного и того же глубокого рва, то, по происхождению своему, они - одно. Они, воистину,- одно; произошли ли они от погибших овец дома Израилева, овцы ли они другого двора, двора язычников, лишь только Христос призвал их они соделались одно стадо с единым Пастырем; стоявшая посреди преграда разрушена, вражда упразднена плотию Его, Он создал из них "**в Себе Самом одного нового человека**" (Еф.2:14,15). Но что еще, кроме нашего спасения, было целью смерти Его, если не то, чтобы "рассеянных чад Божиих собрать воедино" (Иоан.11:52). Если бы только весь народ Божий захотел узнать это и увидел бы здесь свое восстановленное единство! Другого единства нет, а если б и нашли какое-либо другое, какое жалкое было бы оно перед делом, **совершенным во Христе Иисусе!** Что значит **единство** мнений, познания, взглядов и понятий и различных установлений, даже если бы они были совершенно согласны с Писаниями, **пред единством с триединым Богом и чрез Него друг с другом?** Первое может быть делом всякого выдающегося человека с выдающимися способностями, который может собрать вокруг себя тысячи, может быть даже миллионы людей и, благодаря своему влиянию, убедить и объединить их; но это было бы только согласием в учении; второе дело, в котором создано не согласие, но полное соединение, существовавшее прежде основания мира между Единородным и Отцом Его (Иоан.17:21), не мог совершить ни один человек, ни даже все люди вместе, это мог только Бог, и, о, какую ценою? Эта жертва показывает нам ее - это смерть Единородного. Может ли кто-либо жаждать иного единства, кроме этого единства во Христе, входившего в план Божий прежде веков, приобретенного Сыном жестокими смертельными муками и сообщенного нам посредством Духа Святого? Оценим же эту, народу Его данную, славу (Иоан.17:22) по истинному достоинству ее, перестав стремиться к достижению иной цели, кажущейся нам лучшей!

Возвращаясь к мирной жертве, **посмотрим, как происходило ее рассеечение**. Оно было заранее предусмотрено и точно определено Самим Господом. Вот сначала Его часть: "Тук, покрывающий внутренности, и весь тук, который на внутренностях, и обе почки, и тук, который на них, который на стегнах, и сальник, который на печени, - с почками он отделит это. И сожжет их священник на жертвеннике; это пища огня - приятное благоухание Господу; весь тук Господу. Это постановление вечное в роды ваши, во всех жилищах ваших; никакого тука и никакой крови не ешьте" (Лев.3:14-17). Итак, **весь тук, вся кровь** и обе почки составляли принадлежность стола Господня; никто не имел части в них. То были, очевидно, лучшие части, представлявшие собой самые глубокие внутренние духовные и душевные силы. Тук - символ изобилия, превосходства и совершенства творения, кровь - символ жизни и почки - прообраз

сокровеннейших наклонностей и движений души, все это, вместе взятое, представляло собою Христа, каким Он был, со всеми непостижимыми для нас, но открытыми одному Богу, свойствами.

Какая драгоценная и блаженная мысль заключается в том, что именно непостижимое для нас во Христе, по своей глубине и безграничности, служит пищей Отцу. В Его жизни, страданиях и смерти скрыты такая красота и привлекательность, высота и глубина, такие совершенства и слава, достигнуть которых нам никогда невозможно: их видит один только Иегова и вполне оценить и вкусить их может только Он. О, как это должно поднять души наши, когда мы знаем, что Он зрит все высшие преимущества, вкушает весь избыток Его привлекательности, наслаждается сердечными наклонностями Единородного Своего, которые не только удовлетворяют, но и составляют благоволение души Его. И как возносится наша душа, когда мы с полной уверенностью и детским доверием можем сказать: "Все это для меня во благо"! Прибавим к сказанному еще то; что так чудно показано нам здесь в прообразе, что Он берет Свою часть первым. Когда я, когда ты, брат мой, берем часть свою во Христе, когда мы начинаем входить в наше восстановленное положение, между Отцом и Сыном все, все в отношении к нам уже давно устроено; мы не можем предварить Его; поэтому мы должны бы с большой радостью наслаждаться предложенной нам полнотой нашего Господа.

Но в чем же состоит предложенная нам полнота? Мы видим это в том, что Господь уделил священникам и приносившему жертву. Из описания жертвы истекает, что священникам принадлежали грудь и плечо, приносившему же жертву - остальные ее части. Для каждого здесь была назначена заранее определенная и подходящая часть. После того, как Израильянин отдавал Господу тук, кровь и почки, еще отделялись грудь и плечо, и, после потрясения их пред лицом Господним (т.е. после приведения в движение во всех направлениях и этим посвящения Ему, части эти делались "великой святыней Господней"), остальное он мог взять себе. Священнику же доставалась в пищу только что посвященное Господу, оно получалось, таким образом, прямо от Господа и была трапеза со стола Его.

Драгоценные мысли Божии лежат в основании этого постановления. Все, приходящее к Богу чрез Сына, должны уже здесь иметь часть в Нем; они **сделались** причастными Христу. Но мера различная, питание Им не у всех одинаково. Мы будем питаться Им по мере познания Господа и по мере веры, чрез которую мы вступаем в блаженное, созданное Им для нас отношение. Он, конечно, по отношению к нам останется всегда Тем же; вся Его полнота будет для нас открыта; но от того, как мы отнесемся к этой полноте, будет зависеть наше богатство или наша бедность. О, если бы мы, подобно священникам, брали себе лучшее, потому что пред Ним мы все таковы и все без различия. Не было между нами разницы, когда мы были вне Христа: мы все были тогда грешниками; и теперь, во Христе, опять нет никакой разницы: "Нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного; но все и **во всем Христос**" (Рим.3:23; Кол.3:11). Но как немногие вступают в **свое полное** наследство и как немногие видят свое место во святилище; они стоят вдали, стоят во дворе; и они имеют часть и питание, но мало той твердой пищи, которую Он предлагает. Грудь и плечо великого Первосвященника и жертвенного Агнца конечно носят и их; но они так редко питаются любовью, непрестанно и неизменно исходящей из этой груди, и так мало укрепляются силой, которая скрыта для них в плече Его и перешла бы на них, если б, сообразно повелению Его, они открыли уста свои, чтобы Он наполнил их. Да, для немногих Христос то, чем Бог соделал Его для них, а именно "**Божия сила и Божия премудрость**" (1Кор.1:24).

Скажем еще несколько слов относительно порядка принесения мирной жертвы. Жертва

за грех и жертва повинности, как мы видели, вместе с жертвой всежжения, предшествовали этой жертве. Две первые соответствуют потребностям грешника, так как его наказание совершилось над ними; третья жертва отвечает требованиям Отца, отдавая себя на смерть, исполняя волю Отца до совершенного благоволения; итак, суд Божий уже совершился над нами, Его воля всецело исполнена, и чрез это Его благоволение сделалось частью нашей. Если мы верою осуществили это для нас, то блаженным последствием этого будет мир, совершенно так, как говорит апостол; "Итак, оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом, чрез Господа нашего Иисуса Христа" (Рим.5:1). Вот путь Божий, и другого нет. Но и мы и вы тысячи раз видели людей, желавших проложить себе другой путь, они искали мира, стремились к нему и жаждали им насладиться, прежде чем в покойном доверии возложили на Христа свои руки, как на свою жертву за грех и жертву повинности, и прежде чем увидели в Нем удовлетворение за себя Отцу и успокоились на Нем. Они хотели преждевременно овладеть тем, что дается только после. Они начали с мирной жертвы и не достигли мира, потому что не пошли путем Господним.

Других встретили мы, которые приближались с жертвой благодарности, прежде чем привели в порядок между ними и их Богом во Христе вопрос о своем грехе, наказании и оправдании, они думали, что имели мир, но это было лишь надменностью с их стороны, потому что он не был основан на смерти Христовой. К чему же послужила их благодарность? Конечно, Господь должен был отвергнуть ее. Быть может, дорогие друзья, и вы шли до сих пор этим путем? Остановитесь же тогда, придите, начните оттуда, откуда хочет Бог, чтобы вы начали. С той точки, где вы теперь стоите, с уровня грешника возложите руки ваши на голову Того, Который "не знал греха" и Которого, несмотря на это, Бог "сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы **в Нем** сделались праведными пред Богом" (2Кор.5:21).

В ту минуту, когда вы сокроетесь **в Нем**, возложив на Него все упование ваше, не ища ничего другого, вечный мир, полное восстановление, чувство любви Христовой и Его Самого делается вашей вечной частью. О, да делается это теперь же опытом вашим! Аминь.

Глава 19

Жертва хлебного приношения

Если какая душа хочет принести Господу жертву приношения хлебного, пусть принесет пшеничной муки, и вольет на нее елея, и положит на нее ливана, и принесет ее к сынам Аароновым, священникам, и возьмет полную горсть муки с елеем и со всем ливаном, и сожжет сие священник в память на жертвеннике; это жертва, благоухание, приятное Господу; а остатки от приношения хлебного Аарону и сынам его: это великая святыня из жертв Господних. Если же приносишь жертву приношения хлебного из печеного в печи, то приноси пшеничные хлебы пресные, смешанные с елеем, и лепешки пресные, помазанные елеем. Если жертва твоя приношение хлебное со сковороды, то это должна быть пшеничная мука, смешанная с елеем, пресная; разломи ее на куски и влей на нее елея: это приношение хлебное [Господу]. Если жертва твоя приношение хлебное из горшка, то должно сделать оное из пшеничной муки с елеем, и принеси приношение, которое из сего составлено, Господу; представь оное священнику, а он принесет его к жертвеннику; и возьмет священник из сей жертвы часть в память и сожжет на жертвеннике: это жертва, благоухание, приятное Господу; а остатки приношения хлебного Аарону и сынам его: это великая святыня из жертв Господних. Никакого приношения хлебного, которое приносите Господу, не делайте квасного, ибо ни квасного, ни меду не должны вы сожигать в жертву Господу; как приношение начатков приносите их Господу, а на жертвенник не должно возносить их в приятное благоухание. Всякое приношение твое хлебное соли солью,

и не оставляй жертвы твоей без соли завета Бога твоего: при всяком приношении твоём приноси [Господу Богу твоему] соль.

(Лев. 2:1-13)

Удивительно привлекательную картину рисует нам Господь о возвратившемся домой блудном сыне когда Он изображает его, после встречи с отцом, подходящим вместе с ним к богатой трапезе, где его ожидал откормленный теленок, чтобы положить конец долгому, долгому времени голода и начать благословенное время изобилия. Это была действительно поразительная перемена; она привела его от скупого жителя дальней страны к щедрому, любящему, примиренному отцу; вместо недостающих рожков - "обилие хлеба", и вместо грызущей, безнадежной заботы - полный покой и мир для будущего, совершенное восстановление его прежнего, блаженного состояния. Господь начертал это новое положение возвратившегося одним штрихом пера, говоря: "И начали веселиться". Именно эту действительность видели мы в прообразе последней, рассмотренной нами жертвы: Отец, в общении со Своим вернувшимся к Нему сыном, празднует около закланного Агнца радостную встречу, восстановление блаженного общения и вечное их воссоединение. Но все ли это? Кончается ли здесь вновь созданное отношение? О нет, слава Господу. Это только начало, имеющее бесконечно блаженное продолжение.

К сожалению, существуют многие души, которые почти так же смотрят на это, будто первое изливание радости составляет все, что им возможно получить от Господа, потому что, вскоре после чудного начала блаженства, они опять начали нуждаться, или питались только прошедшим, чудным воспоминанием о возвращении в дом Отца, и, к сожалению, некоторые годами питались этим. Так ли оно должно быть, такова ли была воля Господня? Никогда! Ведь Сам Иисус сказал: "Я есть хлеб жизни. Приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня **не будет жаждать никогда**" (Иоан.6:35). Неправда ли, что "никогда не алкать" и "никогда не жаждать" исключают раз навсегда и навеки возможность иметь в чем-либо нужду? Так оно и есть, возлюбленные: мы должны не только начать быть радостными, но должны и продолжать и оставаться в радости; мы должны насытиться не только один раз у Его благословенной трапезы, но хлеб Его никогда не должен переводиться на столе Его, сделавшемся теперь и нашим; мы должны непрестанно и в обилии вкушать его. Именно этому и хочет нас научить рассматриваемая нами сегодня

жертва хлебного приношения.

Как при других жертвах, так и при этой, мы начнем с ее названия. Названия "жертва хлебного приношения" или "хлебное приношение" ясно показывают нам характер самой жертвы. Она должна была быть божественным питательным веществом, предназначенным служить пищей как Иегове, так и народу Его. Народ имел право приносить эту жертву так же, как и священники и первосвященник. Последним было даже вменено в обязанность приносить Господу каждый день подобную жертву хлебного приношения, половина которой сжигалась на медном жертвеннике утром, а другая половина - вечером. Они сами не смели вкушать ничего от своей жертвы хлебного приношения, каждая частица ее принадлежала Господу, все съедалось огнем Его. Иначе обстояло с жертвой, приносившейся простым Израильянином. Так как ему не определялась мера муки, ни число хлебов, то он мог приносить, сколько хотел. Господь получал в память от этого дара определенную горсть муки, или один хлеб, или же одну лепешку вместе с принадлежащими сюда составными частями, как то: елеем, ливаном и солью, тогда как

оставшимся могли питаться священники.

Это хлебное приношение проповедует нам Христа, как постоянную пищу Отца, и Христа, как ежедневное питание детей Его. Если бы мы захотели спросить о потребностях Божиих или, если можно так выразиться, о голоде, испытываемом Богом, не имеющим нужды ни в чем, то мы, конечно, приписываем эти картинные ощущения Богу только относительно создания Его, что делает и Св. Писание. По отношению к творению Его, человеку, горячее, пламенное желание наполняет Его сердце с того дня, как Он призвал его к существованию: он должен сделаться чем-нибудь к похвале славы Его, сделаться отрадой Его и восхищением, почему Он и сотворил его по образу и подобию Своему. Но человек пошел своим путем, путем погибели, оставив Того, Кто пламенно желал быть его радостью, его славой и блаженством.

Хотя человек изменился и отвернулся от Бога, но Бог не изменился, Он не отвратился от человека; Его намерение, сделать человека похвалой благодати и славы Своей, осталось твердым. Поэтому мы находим Его настойчиво ищущим человека еще в день его отпадения и слышим Его возвещающим ему Свое блаженство и спасение даже прежде, чем было объявлено ему наказание. Далее, мы во всем Св. Писании видим Его, ищущего с горячей жадью в человеке того, что составляло бы пищу и питье души Его, Его отраду. Вот мы слышим Его громкую жалобу: "Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит: Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня" (Ис.1:2). Не глас ли это разбитого Отцовского сердца, для Которого не открыто ухо тех, которых Он носит "на сердце, так что Он должен призывать небо и землю, чтобы **они** Его **слушали**? Следовательно, как стремится сердце Его, чтобы люди слышали, как оно жаждет возвращения вероломных и отпадших детей! В другом месте Он восклицает: "Горе Мне! ибо со Мною теперь, как по собрании летних плодов, как по уборке винограда: ни одной спелой ягоды для еды, ни спелого плода, которого желает душа Моя" (Мих.7:1): Он ищет здесь, в Своем винограднике, плодов, чтобы утолить голод, но напрасно. Он ищет год за годом плодов на Своей смоковнице, но напрасно. Он ищет плодов совершенной любви, полной отдачи, никогда, ни при каких обстоятельствах, не ослабевающего послушания. Трогательно читать обетования и обещания, которые Он дает тем, кто принес бы эти плоды; и опять раздирается сердце слышать угрозы, которые Он изливает на тех, у кого Он напрасно ищет этих плодов. Но все напрасно: ни угрозами ни обетованиями не вызван ни единый плод у человека. Итак, это пламенное желание осталось неудовлетворенным; эта пустота осталась незаполненной человеком, доколе не стал **человеком Тот**, Кто изображается здесь жертвой хлебного приношения. Он, рожденный прежде всякой твари, Человек с неба, представитель и глава Своего нового поколения, утолил во всех направлениях и отношениях эту жажду, восполнил эту пустоту сердца Отца. Опять и опять раздался с неба глас Отца: "Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение". Как совершенно и всецело удовлетворил Он Отца, выражается в собственных словах Сына, когда Он говорит нам, что он здесь не для Себя, что Он постоянно слушает и видит только Отца, что Он пришел с небес не для того, чтобы творить Свою волю, но волю пославшего Его Отца и творить только то, что творит Отец (Иоан.5:19,20,30; 6:38; 8:28; 4:34). Это было приятное благоухание Господу, пища Его сердца, истинная жертва хлебного приношения.

Но как Он был и есть желанная пища Отца, то тоже самое Он и для искупленных Своих. Он - жизнь, средство к жизни, питание для Своих. Как насущный хлеб, никогда не сходящий со стола нашего, поддерживает жизнь тленного тела нашего, так должны и мы непрерывно питаться Им. "Я хлеб жизни", вот слово, которое Он снова и снова повторяет нам в 6 гл. Ев. Иоанна, чем Он желал бы привлечь внимание наше к Себе, чтобы мы узнали, как необходимо непрестанно

вкушать Его. "Ядущий **Меня**, ядущий **Мою** плоть и пьющий **Мою** кровь имеет жизнь вечную", многократно повторяет Он. О, бедные люди, которые, не углубившись в это слово, применили речь Его к Вечере Господней, отстранив, таким образом, от себя величайшее благословение, доступное здесь, на земле, чаду Зожию, именно возможность **питаться каждую минуту Им Самим Его жизнью, Его силой и всей полнотой Его благодати и богатством Божиим**. Это то именно выражают эти слова. Прислушаемся только внимательно и заметим, что наше действие Здесь представлено Им в настоящем времени: "**Ядущий Меня, пьющий Меня**"; не евший раньше или кто будет есть, имеет жизнь вечную, но кто **теперь**, именно **теперь** это делает. Судя по этому, это должно совершаться ежеминутно; Он даже говорит нам, что это должно происходить совершенно так же, как Он непрестанно, в течение всей Своей жизни, питался Отцом. "Как послал Меня живой Отец", вот Его правило, которое Он дает относительно нашего питания, "и Я живу Отцом, **так и ядущий Меня, жить будет Мною**" (Иоан.6:57). **Так, именно так**, как Его непрерывное питание Отцом поддерживало в Нем жизнь Отца, так, именно так, и постоянное питание Им поддержит в нас жизнь Его. Да будет же наша вера непрестанно действительна по этому драгоценному правилу, чтобы жизнь Его в нас пребывала, возрастала, умножалась и в избытке истекала из нас, как она исходила от Него, и чтобы слова "**не алкать**" и "**никогда не жаждать**" сделались буквальной истиной. Тогда, поистине, достигли бы мы в Нем, нашей жертве хлебного приношения, действительно цели всех желаний наших.

Но посмотрим дальше, какую сторону нашего Господа показывает нам жертва хлебного приношения. Мы найдем это из сравнения ее с предыдущими жертвами. Глядя на них, мы встречаем там всюду животных, предаваемых смерти; здесь же и речи нет ни о смерти, ни о заклании; там были все жертвы кровавые, тогда как здесь не должна была пролиться ни одна капля крови. Итак, здесь не представляется жизнь, отдаваемая на смерть, но является Христос в Своей земной жизни, как мы уже заметили при жертве благодарности. Правда, и здесь мы читаем о муке, которая, для того чтобы сделаться таковою, должна была быть измолота между жерновами; но мы должны вспомнить, что перемалывание пшеничного зерна никоим образом не есть символ смерти но, по словам Господним, смерть изображается падением зерна в землю (Иоан.12:24). Также печение и жарение, встречаемые здесь при приготовлении хлебов и лепешек, не есть картина смерти, потому что мука при этом никогда не пожиралась огнем, но обращалась чрез него в съедобный, вкусный хлеб. **Христос в Своей земной жизни**, таким образом, есть питание и пища души нашей.

Особенно отрадно нам видеть из этого прообраза, как Дух Святой старается показать нам все стороны нашего Возлюбленного, чтобы мы познали всего Христа, наслаждались бы Им во всей полноте Его. И неправда ли, как радостна для нас мысль, лежащая в основе этой жертвы, что жизнь нашего Господа и все время земного странствования Его имели в глазах Божиих значение жертвы, принесенной Ему в благоухание приятное, точно так же, как впоследствии и смерть Его. Это была жертва хлебного приношения Господу, услаждавшая душу Его. Один взгляд на земную жизнь Христа должен с полной ясностью подтвердить это. Не было ли Его воплощение отречением от Его божественного величия? Апостол говорит об этом, выставляя на вид, что "Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу", но что же Он сделал? - "Он уничижил Себя Самого, приняв образ раба" (Фил.2:6,7). Это была одна часть божественной хлебной жертвы. Далее: не была ли Его подчиненность закону отречением от Своей царской единоподдержавной власти? Не были ли Его искушения лишением Его неприступности и всемогущества? И Его скудость и бедность - отречением от Его славы? Мы могли бы так продолжать и скоро нашли бы, как вся Его жизнь обратилась в беспрестанное

жертвоприношение. Может быть, мы никогда еще не рассматривали жизнь Его в этом свете: Бог же, задолго еще до появления Его на земле, представлял ее именно такой, и нам крайне драгоценно знать, что Отец так смотрел на жизнь Сына, что душа Его наслаждалась и еще наслаждается ею. Будем же и мы так смотреть на жизнь Его, глубже проникать в нее в этом свете, и тогда мы найдем в ней более, чем когда-либо, пищи для души нашей.

Обратимся теперь к различным составным частям этой жертвы. Четыре вещества входили в состав ее: мука, елей, соль и ливан. Остановимся по очереди на каждом из них.

Итак, первой составной ее частью была лучшая пшеничная **мука**. Она была главной частью хлебного приношения. Происходя из пшеничных зерен, выросших из земли, она указывала на человеческую природу Господа, называвшего Себя Самым пшеничным зерном. Здесь оно являлось истертым до самых мельчайших частей, так что лежало открытым и обнаженным пред глазами зрителя, открывая его белизну, чистоту и нежность. Истинный прообраз Христа, Человека без всякого недостатка, порока или чего-либо подобного, Человека, совершенного во всех отношениях. Как бы ни трогали, ни осматривали, пересыпали или как бы ни употребляли муку, она оставалась все той же, и, как лучшая пшеничная мука, не была ни жестка ни неровна; также не менялась она ни по качеству, ни по цвету своему, была ли она под мельничными жерновами или лежала на мягкой руке священника, находилась ли в обычном домашнем хозяйстве Израильянина или же на жертвеннике Иеговы. Совершенно, таким находим мы и Христа в Его жизни; Он всегда оставался Тем же, на каком бы месте и в каких бы обстоятельствах, среди какой бы обстановки и под каким бы влиянием вы ни нашли Его, Он всегда любезный, несравненно благой, всегда Себе Самому верный Сын человеческий, Которого невозможно обличить ни в каком грехе. Нам приходится постоянно сетовать на ошибки, раскаиваться во грехах и просить прощения; но Он? Ни по отношению к Богу, ни к человеку невозможно было уличить Его в какой-либо ошибке, погрешности, или в каком-либо грехе; Он был совершен во всех отношениях и соответствовал вполне этому прообразу Своему, чистой пшеничной муке.

Следующей составной частью хлебного приношения был **елей**. Приносилась ли жертва в виде муки, либо в виде испеченного или жареного, он применялся здесь во всяком случае. Если хлебное приношение состояло из печеного в печи, то сначала тесто смешивалось с елеем, а затем и выпеченный из него хлеб помазывался еще сверху елеем, так что он всецело был напитан и залит им.

Как известно, елей есть символ Духа Святого. И здесь, в хлебном приношении, выражены с поразительной ясностью две чудные истины относительно Христа и Духа Святого. **Это - рождение Господа от Духа Святого** и, затем, **помазание чрез Него**. Христос, Господь наш, был человеком, истинным человеком; но, хотя Он и родился здесь на земле, Он все-таки не был, подобно нам, от земли, даже и телом Своим. Он и в этом бесконечно отличался от людей и не имел ничего общего с ними. Правда, Он явился **в подобии** плоти греховной (Рим.8:3), но Он не принял ничего от этой плоти; Он поистине был прямой противоположностью первому человеку, Адаму, который был от земли и перстный: Он был второй человек, Господь с неба (1Кор.15:47). Даже будучи человеком, Он был небесного происхождения, потому что Сам Отец уготовал **тело** Ему (Евр.10:5) силою Духа Святого, как это возвестил Ангел Деве Марии, сказав: "Дух Святой найдет на тебя, и сила Всевышнего осенит тебя; потому и рождаемое **Святое** наречется Сыном Божиим" (Лук. 1:35). В другом же месте Иосифу дается такое пояснение относительно Девы Марии: "**Родившееся в ней есть от Духа Святого**" (Матф.1:20). Это вполне согласуется с прообразной жертвой хлебного приношения, тесто которой с самого начала насыщалось елеем.

Вторая истина, являемая нам елеем хлебного приношения, это сошествие Духа Святого на Христа, или помазание Его Духом Святым. Подобно тому, как уже напитанный елеем хлеб помазывался затем сверху еще раз елеем, прежде чем возлагался на жертвенник Господень, так и Он "помазан был елеем радости более соучастников Своих" (Пс.44: 8). Иоанн Креститель свидетельствует об этом, говоря: "Я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем; я не знал Его, но Пославший меня крестить в воде, сказал мне: на кого увидишь Духа, сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым" (Иоан.1:32,33). И вот Его собственное свидетельство, данное Им в синагоге Назаретской по прочтении Им следующего замечательного места пророчества Исаии: "Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня благовествовать нищим, послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедывать пленным освобождение и узникам открытие темницы, проповедывать лето Господне благоприятное" (Ис.61:1,2; Лук.4:18,19). Послушайте, что Он имел сказать об этом. "И Он начал говорить им: Ныне исполнилось Писание сие, слышанное вами" (Лук.4:21). И оно в действительности исполнилось, потому что Он Духом Святым проповедывал, Им перевязывал сокрушенные сердца, Им творил великое множество чудес и изгонял бесов (Мат.12:28), Им побеждал все искушения, Им был водим и управляем (Лук.4:1,14) и Им же принес Самого Себя в жертву Богу (Евр.9:14). Так был Он рожденный от Духа Божия и Им исполненный Сын человеческий, жертва приятного благоухания Богу в течение всей Своей жизни, и Он и теперь еще в этом чудном виде является пищей и питьем души нашей.

Следующею частью хлебного приношения была **соль**. Без нее не могла обойтись ни одна жертва, потому что было сказано: "При всяком приношении твоём приноси соль"; но самое повеление прибавлять ее ко всем жертвам было дано при жертве хлебного приношения, и Господь назвал ее при этом "солью завета Бога твоего" (Лев.2:13). Соль представляет собой известную нам приправу, предохраняющую нашу пищу от гниения и порчи и сохраняющую ее вкус и свежесть; без нее ей постоянно угрожает порча. Называя завет Божий заветом соли, Он показывает нам, что этот союз, или завет никогда рушиться не может, что он невредимо и вечно стоит перед Ним. И так как Христос, наша совершенная жертва, есть Носитель нашего завета с Богом, то соль не должна была отсутствовать ни в какой жертве, представляла ли она Его в жизни или в смерти Его.

Пойдите и проследите всю Его жизнь и взгляните на Него в смерти Его: тут есть невидимая сила, не дававшая места никакому разрушению или гибели; в Нем какая-то мощь, являвшаяся действенной даже во всех тех, которые уже попали на путь гибели. Как соли свойственно сообщать свой собственный вкус другим веществам, в которых она растворяется, так и существо Господа нашего имело и имеет свойство делать нас подобными Себе, преображать в Свой образ, если мы непрестанно вкушаем Его, нашу жертву хлебного приношения, содержащую в себе эту соль. О, как многие избежали чрез Него вечной гибели, сделались подобными Ему и, в силу сообщенной им божественной природы, сами сделались солью земли. Да будет так со всеми детьми Божиими, чтобы окружающий нас мир увидел в нас Христа, осолится нашей солью и, таким образом, избежал вечной гибели.

Наконец, к жертве хлебного приношения принадлежал еще **ливан**. Он полагался сверху хлеба, являясь, таким образом, как существеннейшая часть жертвы, главная сладость ее приятного благоухания. Мы находим ливан, курящимся в важнейших местах скинии собрания; его благоухание во святилище возносилось к Богу от золотого жертвенника; он тлел на горящих углях кадила, когда Аарон кадил ею перед Богом у завесы; когда же один раз в год он входил во Святое-святых, то туда допускались лишь кровь и благовонный ливан. Здесь, мы видим, он

вместе с хлебным приношением попадал и на медный жертвенник. Следовательно, он везде находится в непосредственной связи с Богом; Он один наслаждался его благоуханием. Поэтому мы и не читаем здесь, чтобы хотя малейшая частица его уделялась человеку, но определенно выражено, что весь ливан должен был сжигаться на жертвеннике (Лев.2:2). Ливан есть символ поклонения, искреннейшей отдачи, истинного благоговения. И если бы мы захотели отыскать где-либо эти сердечные выражения и движения души во всей божественной их чистоте, то мы могли бы найти их единственно **во Христе**, и в Нем только для Отца **Одного**. Вся Его жизнь протекала в непрестанном поклонении, в непрерывном прославлении Отца и благоговении пред Ним. Ему воздавал Он всю честь, Ему приносил всю славу, принес, наконец, и Себя Самого, все Свое существо. Его неизменным стремлением до самого креста было: "Я не ищу славы Моей, но славы пославшего Меня Отца". Он мог, по окончании Своего земного поприща, торжественно сказать Отцу: "Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить" (Иоан.17:4). Ничто не принадлежало из всей Его жизни ни Ему, ни кому-либо иному, кроме одного Отца; вся внутренняя жизнь Его непрерывно возносилась к Нему, подобно фимиаму. Вот несравненная жертва хлебного приношения! И мы имеем право приносить ее Отцу!

Но мы не можем идти далее, не обратив внимания еще на два вещества, запрещенные при хлебном приношении. Это были закваска и мед. О закваске мы уже имели случай говорить. Она была картиной тайно действующего зла. Ему не могло быть места здесь. Израильтянину позволялось приносить квасной хлеб, как приношение начатков, потому что его личность всегда носила в себе кое-что от этого зла; но не так Он, Которого изображала жертва хлебного приношения и, вообще, все остальные жертвы. Он не имел ничего злого в Самом Себе и не мог Он также совершить его.

Мед, прообраз нашей природной приветливости и доброты, также должен был быть исключен из жертвы. Какими бы хорошими и прекрасными ни были эти качества в глазах наших, они все же не могут устоять пред очами Божиими, как сладкий мед не может вынести действия огня, не перейдя в брожение. Христос был тем, чем Он был, через Духа Святого; то, что Он творил, творил Он чрез Него; даже Его чистая, незапятнанная природа до такой степени подчинялась Ему, что Он ничего от Себя не делал, ничего от Себя не говорил; все, решительно все, было в Нем произведено действием Божиим, плодами Духа Святого. Запишем же и мы глубоко в душе нашей, что Господу не благоугоден мед нашей природной привлекательности и доброты, но только то, что совершено Им Самим, может быть употреблено для Него в жертву приятного благоухания.

Нам остается только бросить еще взгляд на самое приготовление хлебного приношения. Мы уже нашли, что, когда чистая пшеничная мука приносилась сама в жертву, то она не требовала никаких других приготовлений, кроме прибавления к ней елея, соли и Ливана, и вместе с последними возлагалась тогда на жертвенник. Там истреблял ее священный огонь. Если же она приносилась Господу в виде хлеба или лепешки, то мы находим, что в приготовлении ее принимали участие печь и сковорода. Другой огонь уже готовил ее для огня жертвенного. Совершенно так же видим мы и Христа среди двоякого огня: - один, подготовивший Его, другой Его поглотивший. О, какой уже огонь был огонь, готовивший Его в течение всей Его святой жизни! Там был жар искушений, пылающие стрелы испытаний и всякого рода страдания и преследования. Он страдал в печи человеческой ненависти и их страстей, сатанинских хитростей, тайной и открытой лжи, и всегда ради праведности; страдал, не облегчая и не уравнивая пути Своего. Самое пребывание Его среди нас было уже для Него страданием. Он, святой и чистый, носил тяжесть природы нашей, нашего образа мыслей, нашего

безумия, наших действий и поступков. Послушайте только, как однажды Он открывает Свое сердце и как при этом выступает наружу, как глубоко Он чувствовал все это: "О, род неверный! доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас"? (Марк.9:19), восклицает Он. Ему было страдание жить с нами, видеть наше безумие и носить его, и все-таки Он делал это охотно. Св. Писание же говорит, что "страданиями Он навыв послушанию" (Евр.5:8,9); т.е. среди самых тяжелых испытаний Он обнаружил совершеннейшее послушание, безграничную преданность Богу и безукоризненную чистоту. Так он приготавливался действием жгучего пламени в жертву хлебного приношения стола Господня, в вечное приятное благоухание.

Замечательно, что в то время, как Господь принимал на Свой жертвенник чистую пшеничную муку в неиспеченом виде, священники и приносивший жертву могли получать в пищу лишь печеное хлебное приношение (Лев.6:15-18). Как это ясно указывает на то, что один только Отец знал Его, питался Им, имел в Нем благоволение раньше, чем горнило страданий обнаружило все превосходства Его; мы же, напротив, узнаем Его только из Его действий и жизни, хождения и страданий, при всевозможных трудных обстоятельствах и тогда питаемся Им; они освещают нам всю Его привлекательность истинным светом. О, если бы и мы находили в Нем более вкуса и проникали бы все глубже и глубже в процесс Его приготовления; поистине, это сделалось бы для нас великой святыней Господней, драгоценнейшим наслаждением души нашей, подобно тому, как жертва хлебного приношения сделалась такой для Аарона и сынов его.

И как эта ежедневная, непрестанная пища обратилась бы в силу и жизнь в нас, как она сделала бы нас подобными Ему, как поддерживала бы наше непрестанное пребывание во святилище, чтобы мы, как истинные священники Его, постоянно питались Им; да, наконец, она обратила бы и нас самих в "приятное Христово благоухание Богу" для погибающих и для спасаемых! Он, Он Сам да соделает нас, по милости Своей, к этому способными! Аминь.

Глава 20

Жертва посвящения

И привел [Моисей] другого овна, овна посвящения, и возложили Аарон и сыны его руки свои на голову овна; и заколол его Моисей, и взял крови его, и возложил на край правого уха Ааронова и на большой палец правой руки его и на большой палец правой ноги его. И привел Моисей сынов Аароновых, и возложил крови на край правого уха их и на большой палец правой руки их и на большой палец правой ноги их, и покропил Моисей кровью на жертвенник со всех сторон. И взял [Моисей] тук и курдюк и весь тук, который на внутренностях, и сальник на печени, и обе почки и тук их и правое плечо; и из корзины с опресноками, которая пред Господом, взял один опреснок и один хлеб с елеем и одну лепешку, и возложил на тук и на правое плечо; и положил все это на руки Аарону и на руки сынам его, и принес это, потрясая пред лицом Господним; и взял это Моисей с рук их и сжег на жертвеннике со всесожжением: это жертва посвящения в приятное благоухание, это жертва Господу".

(Лев. 8:22-28)

Жертва посвящения, к которой мы сегодня приближаемся, последняя из различных жертв, приносившихся во дворе скинии собрания. Правда, кроме рассмотренных уже и этой рассматриваемой жертвы, в Св. Писании названы еще некоторые другие, как, например, жертвы возлияния, возношения и потрясения. В точности же, они были не что иное, как отдельные

части какой-либо другой жертвы, и поэтому не описываются подробно, а только упоминаются при случае. Например, **жертва возлияния**, как это видно из 28-й гл. Чисел, ежедневно сопровождала жертву всежжения и жертву хлебного приношения в виде четверти гина вина, которое, вероятнее всего, возливалось на приносимую жертву. **Ежедневная** жертва всежжения была, собственно, жертва сложная, которая могла бы состоять из всежжения, хлебного приношения и жертвы благодарности, и к ней еще присовокуплялось вино, служившее, таким образом, дополнением к трапезе Господней. **Жертва возношения и жертва потрясения** составляли или части нам уже известных жертв, или же добровольные дары из какой-либо собственности приносящего. Так, например, все приношения для построения скинии собрания, т.е. материалы, необходимые для ее сооружения и изготовления ее сосудов, были жертвой возношения Господу; точно так же и серебре выкупа, произведения полей, деньги и т.п. могли быть принесены в возношение Господу.

Что же касается этой **жертвы посвящения**, то она не была поставлена в ряду других, уже рассмотренных нами жертв, но описана нам при посвящении Аарона и сынов его. Причина для этого была, вероятно, та, что она была предназначена только для одного определенного класса лиц, и за них она приносилась только **один раз** в течение всей их жизни. Это была жертва за священников в день посвящения их. Тем не менее, она все же одна из главных жертв и причислена к ним Самим Господом, как мы читаем в Лев.7:37, 38, где сказано: "Вот закон о всежжении, о приношении хлебном, о жертве за грех, о жертве повинности, о жертве посвящения и о жертве мирной, который дал Господь Моисею на горе Синае, когда повелел сынам Израилевым, в пустыне Синайской, приносить Господу приношения их". Здесь мы находим ее поставленной даже рядом с другими жертвами и притом, как самостоятельную, отделенную от других в знак того, что она занимает равное с ними место, имеет ей одной присущий характер, отличный от других жертв. Да руководит нами Сам Господь в изучении его, дабы наша душа обрела новую пищу в Нем, нашей истинной

жертве посвящения.

Мы опять займемся сначала ее названием. Заметим при этом, что в немецком переводе жертва эта имеет двойное название - жертвы посвящения, или жертвы наполнения. Оба эти названия выражают два факта, совершившиеся при ее приношении над Аароном и сынами его. Они ею посвящались и, в то же время, наполнялись для их священнического служения.

Во-первых, они посвящались ею Богу, т.е. отделялись от своей прежней деятельности, своего положения и звания для другого дела и другого положения и звания. Если их деятельность состояла до сих пор в ежедневных, обычных и домашних занятиях, то впредь для них существовала исключительно священная работа; если они имели до сих пор одинаковое место с братьями своими в стане, то теперь они должны были приблизиться к Господу и найти свое место во святилище; если они были до сих пор простыми, обыкновенными Израильтянами, то теперь они должны были занять высшее и славнейшее положение, именно положение ближайших слуг и священников пред Богом. Но, посвящение не ограничивалось отделением человека от его прошлого и приобщением его к новому, вышеупомянутому порядку вещей, но оно заключалось в достижении нужной способности к новому призванию, которая в этом случае должна была заключаться в святости пред Богом. Эта святость сообщалась Аарону и сынам его чрез эту жертву. При всех остальных жертвах, они могли быть очень хорошими Израильтянами, но они не могли занять священнического положения; посвящение производилось исключительно этой жертвой.

Это открывает нам новую, не представленную до сих пор в отдельности, истину Божию, а именно, что Христос Распятый не только наша праведность, мир, пища и питье, но и **освящение и святость наша**. Своею смертью Он раз навсегда отделил нас от низменных, суетных и греховных дел, некогда занимавших нашу жизнь, и этим освободил нас для служения Богу в святости и праведности, благоугодных Ему (Лук.1:74,75). Он соделал нас способными предстать пред Господом, так что теперь мы "имеем дерзновение входить во святилище" (Евр.10:19); из занимаемого нами положения грешников вознес Он нас к Самому Себе, **великому** Первосвященнику, нас покрывающему святостью Своею. Таким образом, Христос есть посвящение наше; Он же и наша святость, освящающая нас для превосходного священнического нашего служения пред Богом. И всем этим сделался Он для нас чрез всеобъемлющую жертву смерти Своей. Потому, дорогие мои братья в Господе, нам недостаточно знать, что смерть эта принесла нам прощение грехов и спасение от ада; но да соделается она и посвящением всех нас в святых Божиих для святого служения Ему!

Второе обстоятельство, сопровождавшее посвящение Аарона и сынов его, заключалось в том, что руки их при этом наполнялись, вследствие чего жертва эта в немецком тексте и названа жертвой наполнения. Как священники Господа, они не могли явиться пред Ним с пустыми руками; потому что священническое положение включало в себя беспрестанное приношение Господу даров. Но что же были они в состоянии принести от себя в благоволение Божие? Ничего Ему благоугодного у них не было. Сам Господь должен был вложить в руку их нечто такое, что не только обретало милость в очах Его, но низводило Его благоволение и на них и на братьев их, за которых они ходатайствовали. Жертва посвящения совершала все это. Посвящаемые приходили во двор скинии с руками, **исполненными** греха; но Господь дал им повеление, как мы это читали в приведенном в начале этой главы тексте, возложить свои руки на жертву за грех, после чего грех снимался с них. Затем, освобожденные уже от греха, но еще пустые руки свои они возлагали на жертву всежжения, делавшую их **благоугодными** Богу; в заключение они возлагали руки свои на жертву посвящения, и становились **освященными**; после того они не возлагали уже рук своих ни на какую жертву, но жертва возлагалась на руки их; так являлись руки их **наполненными**. (Лев.8:14,18,22,26,27). Через жертву наполнения священники научались приносить Господу жертву, чтобы впредь с ней являться пред Богом, дабы она говорила пред Ним языком, Ему одному понятным и благоугодным.

И нам, как священникам Божиим, надлежит стоять пред Господом с наполненными руками. Всегда чем-нибудь да бывают они наполнены; но да не будут они никогда исполнены тленного служения суеты! Спасенные Им и посвященные в царей и священников, мы должны носить не только сосуды Господни, но и Господа Самого. Он, Он один должен быть нашим занятием, в каком бы положении и на каком бы месте в этой жизни мы ни находились и какое бы дело ни исполняли наши телесные руки, мы посвящены Ему и освящены Им, чтобы предстать пред Господом, неся руками веры нашей Христа, и быть Им поглощенными.

Что жертва эта имеет совершенно иной характер, нежели все остальные, это мы видели уже из ее названия; но разница эта становится еще очевиднее **при сравнении ее с другими жертвами**. Возьмем теперь две из них, непосредственно предшествовавшие ей, т.е. жертву за грех и жертву всежжения. В обеих из них первосвященник и сыны его принимали участие непосредственно пред жертвой посвящения. Мы знаем, что в жертве за грех дело шло о том, чтобы изгладить грех, в жертве же всежжения, напротив, о том, чтобы приобрести благоволение Божие, и то и другое достигалось этими двумя жертвами; вследствие этого, при жертве посвящения уже не мог возникнуть вопрос о прощении грехов и удовлетворении, точно так же, как и о благоволении

Божем, все это уже было приведено в полный порядок. Сюда присоединялось еще другое, крайне важное обстоятельство, а именно совершенно различное от других жертв применение крови. При жертве за грех и жертве всесожжения она тотчас же изливалась на жертвенник или около него, или даже вносилась во святилище и Святое-святых, она имела главное отношение к Самому Иегове. Совершенно иначе должно было поступить с кровью жертвы посвящения; она, прежде всего, возлагалась на посвящаемых лиц, и при том (мы опять хотим напомнить об этом) на лиц, **уже очищенных, прощенных и соделанных благоугодными** Господу. В тех жертвах кровь являлась как свидетельство совершившейся смерти всегда там, где приходилось встречаться с Богом; в этой же жертве, она является как свидетель смерти самого человека, который впредь должен встречать Бога и предстоять пред Ним. Человек являлся с печатью смерти, как умерший, как тот, чья жизнь уже завершилась; он носил с собою одновременно и знак умершего ветхого человека, как доказательство того, что ветхий человек не мог и не смел предстать пред Богом. Вот самые характерные черты этой жертвы.

Какое глубокое поучение для нас, братья мои, соделавшихся по дарованной нам милости Божией священниками Господними! Не видим ли мы здесь, что смерть Христова должна сделаться в нас силой, если мы хотим постоянно пребывать во святилище Божием? Пред Ним плоть не смеет явиться, потому что она "вражда против Бога". Смерть Христа должна сделаться в нас такой могущественной, чтоб мы поистине умерли **с Ним**, и наша ветхая жизнь в нас оставалась в смерти. Недостаточно, далеко недостаточно, всегда лишь напоминать себе, что Он **умер за грехи наши**; разве мы не видим здесь, что смерть Его имеет еще и другую сторону: Он **умер для греха**, и знак этой смерти Его должен быть видимым на нас. И не ясно ли поучает нас, по отношению этого, апостол, напоминая нам следующий факт: "Если мы соединены **с Ним подобием смерти Его**, то должны быть соединены и подобием воскресения, **зная** то, что ветхий наш человек **распят с Ним**, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греха" (Рим.6:5,6). Наша жизнь, наше хождение, вся наша личность впредь должна носить на себе печать единства со Христом в смерти Его, как священники носили на себе следы крови жертвы посвящения. Великие герои веры, предшествовавшие нам, свидетельствуют, что таково было хождение их в этом мире: "**Всегда носим**" - так говорят они своим братьям по вере - "в теле **мертвость** Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем" (2Кор.4:10).

Но вникнем глубже в применение крови жертвы посвящения. Священная История повествует: "Моисей... взял крови его, и возложил на край правого уха Ааронова, и на большой палец правой руки его, и на большой палец правой ноги его. И привел Моисей сынов Аароновых, и возложил крови на край правого уха их, и на большой палец правой руки их, и на большой палец правой ноги их, и покропил Моисей кровию на жертвенник со всех сторон" (Лев. 8:23,24). Славные божественные истины скрыты в этих простых словах. Чрез возложение рук на голову жертвы, посвящаемой смерти для того, чтобы **они** посвящены были Богу, они выражали единство с нею всей своей личности. Это было дело веры; но за ним следовало буквальное, **практическое** действие, заключавшееся в том, что отдельные члены их принимали **видимым** образом знак совершившейся смерти. Три главные члена всего тела избирались в представителей для остальных.

"**Вы воскресли со Христом**", "**вы умерли со Христом**", читаем мы в 3-ей главе Послания к Колоссянам. Такова почва каждого чада Божия, которое во Христе; благо ему, когда оно крепко держится за эту славную действительность и неуклонно стоит в ней. Но, затем, в той же самой главе немедленно следует то, что необходимо для ежедневной, практической жизни: "**Итак,**

умертвите земные члены ваши". Странная речь; сперва говорится: **вы умерли** и тут же дается приказание умерщвлять свои члены! Да, первое изречение представляет собой почву, на которой я твердо стою ногами веры, потому что верую я одно со Христом в смерти Его; второе изречение указывает на практическое применение этой смерти в каждом отдельном случае повседневной жизни, в каждом отдельном члене моего смертного тела, предназначенного действовать, доколе я пребываю здесь на земле, и могущего быть употребленным в орудие неправды. Примененная же здесь смерть Христова отражает и побеждает всякое направленное к тому движение.

Здесь в прообразе мы находим, как **кровь возлагалась сначала на правое ухо**. Ухо представляет собой тот орган человеческого тела, посредством которого легче всего поддерживается сообщение с внешними существами и чрез который передается затем влияние на остальные члены. Ухом мы внимаем голосу Божию, но и голос диавола может проникнуть в нас чрез него же, как и нашептывания и искушения его; и увы, какие опустошения оно может произвести во всех других членах, если оно не предано смерти. Подумаем только об Еве в раю. Она открыла змею ухо свое, и все члены ее были предоставлены в его распоряжение. Сколько времени понадобилось, чтобы увлечь глаза ее? Вслед за тем мы читаем: "И увидела жена," затем заговорил вкус, разыгралось воображение, потому что ей показалось, "что дерево **хорошо для пищи**, и что оно приятно для глаз и **вожделенно, потому что дает знание**", и наконец, и рука была готова к услугам и вся она сама, потому что "она **взяла плодов его и ела**". Это самое повторяется еще и сегодня при совершении почти всякого греха. Как совершенно иначе звучала бы эта печальная история, если бы ухо Евы оказалось мертвым и глухим для нашептываний змея и освященным для голоса Божия. Итак, ухо священников носило на себе знак смерти; ни один отзвук внешнего мира не должен был проникать в него, но только то, что не противоречило этой крови.

О, это одна из величайших милостей Божиих, быть таким образом отрезанным от сношений с существующим вне нас врагом, быть таким мертвым и глухим для его нашептываний. Наш превознесенный Господь, изображаемый нам здесь в лице первосвященника, ходил в таком положении по этому, изобилующему искушениями миру; Его ухо было мертво и глухо, и Его око слепо для него. Иегова призывает нас, чтобы мы наблюдали за Ним: "Слушайте, глухие, и смотрите, слепые, чтобы видеть. Кто так слеп, как раб Мой, и глух, как вестник Мой, Мною посланный"? (Ис.42:18,19). Да, у Него не было уха для мира и диавола, о чем бы они с Ним ни заговаривали. Посев сатаны не нашел места у Него, ни тогда, когда тот призывал Его помочь Самому Себе, или когда старался заставить Его искушать Бога, или когда рисовал пред Ним величие человеческое (Матф.13:31,32), или когда вызывал Его на самозащиту (Матф.27:40-42; 1Пет.2:23). Он предпочел умереть, нежели послушаться его. О, если бы все угрозы и льстивые призывы сатаны и мира разбивались о кровь Господа, возложенную на наше ухо! Посредством смерти Его, можем и мы, подобно Ему, быть мертвыми и глухими и побеждать, как побеждал Он.

Затем, кровь возлагалась **на большой палец правой руки** священников. Это был главный член того органа, посредством которого совершаются все дела. Смерть жертвы посвящения дала и ему свой характер, положив на него свою печать. Ни одно нечистое дело не должно было больше совершаться этими руками, они должны были быть мертвыми для него, чтобы быть способными наполняться святыми и божественными предметами и научиться обращаться с ними. Драгоценная картина для всякого верующего, которому сказано: "Ночь прошла, а день приблизился; итак, отвергнем дела тьмы" (Рим.13:12) и "не участвуйте в бесплодных делах тьмы, но и обличайте" (Еф.5:11), а также, что он должен "воздевать **чистые** руки без гнева и

сомнения" (1Тим.2:8). Да, все дело нашей жизни должно бы быть во всех предприятиях наших только служением Богу. Даже когда мы исполняем земные наши дела, каждая черта нашей деятельности должна бы носить надпись "святыня Господня", как увещевает апостол святых Божиих: "Итак, едите ли, пьете ли или иное что делаете, **все делайте** во славу Божию" (1Кор.10:31). И в другом месте он говорит: "**Все, что вы делаете**, словом или делом, **все делайте** во имя Господа Иисуса Христа" (Кол.3:17). Драгоценная кровь Христа, возложенная и на наши руки, отделила их этим от всех прежних занятий.

За возложением крови на палец руки следовало возложение ее **на большой палец правой ноги**. Нога, как орудие сношения и соприкосновения с миром, точно так же, как и символ хождения, была отдана у священников тоже во власть смерти. Для их хождения не существовало впредь греховных путей, ни своих собственных, ни пути, называющегося знаменитой золотой серединой, им надлежало ходить исключительно путями Господними. Святилище и двор Господень - вот места, где должны были впредь стоять и двигаться их ноги, эти священные покои были почва, в непрестанном соприкосновении с которой они должны были оставаться, и всякая тропинка, на которую они не могли ступить окропленной кровию ногой, была исключена для них.

О, дорогие братья, да отмечает эта драгоценная кровь все земное хождение наше; да будут следы ее на каждом движении нашей души, происходит ли оно внутри нас или выступает наружу; и если в сердце, постоянно готовом к заблуждениям, возникло бы малейшее поползновение к уклонению в каком бы то ни было нечистом направлении, тогда поставим сердце наше под силу крови Христовой и останемся в таком положении, чтобы это поползновение было отрезано тотчас же и навсегда. И если б мы нашли, что мы вышли из-под этой силы и что не все в нас и на нас носит на себе печать смерти Христовой, поспешим тотчас же с детским доверием снова вступить в раз навсегда воспринятое нами и никогда не прекращающееся посвящение, чтобы вновь пребывать в нем. Тогда снова пути наши будут путями приятными и все стези наши мирными (Пр.3:17), потому что наша окропленная нога будет ходить только путями Господа, избегая путей гибели силою этой крови. Было время, когда "ноги наши были быстры на пролитие крови" (Рим. 3:15), если не чужой, то своей собственной, потому что мы несли свою собственную душу в погибель; поэтому "разрушение и пагуба" были на путях наших, и мы не знали пути мира; теперь же нога наша окроплена кровию и умерла для тех путей, и наше жительство на небесах, подобно тому, как жизнь священников после посвящения протекала во святилище.

После такого возложения крови жертвы посвящения на всех священников, следовало **окропление ею жертвенника**. И он был предварительно **очищен** и **освящен**, как мы читаем в той же главе, в 15 стихе. Но теперь и на него возлагалась, как на священников, кровь жертвы посвящения. Ни что, неподобающее святилищу, не могло больше возлагаться на него или прикасаться к нему; мы даже читаем, что с этого времени он освящал жертву, на него возложенную (Матф.23:19). Он стоял всецело и совершенно на служении Иеговы, существовал только для Него, и впредь ни одна, не призванная к тому, рука не смела даже носить его.

И вот, именно из этого, мы видим, насколько посвящение священников и посвящение жертвенника были сходны между собою, и, зная, насколько ревниво оберегал Господь от осквернения все принадлежности скинии собрания, мы можем составить себе представление, как святы, славны и высоки были священники в очах Божиих. И, однако, все это была лишь тень. Как бесконечно выше посвящение, которое Христос сообщил кровью Своей искупленным Его; насколько более должен заботиться Иегова о том, чтобы в них не оказалось никакой скверны

плоти и духа, но наоборот, чтобы они освящали все, с чем бы ни соприкасались. О, пусть познание, что каждое чадо Божие есть храм Бога живого, созданный для Него и посвященный Ему одному, запечатлится в каждое сердце с такою всемогущею уверенностью, чтобы силы тьмы, если и решатся напасть на него, были бы объаты робостью.

В заключение бросим еще один взгляд на остальные части жертвы посвящения. Здесь мы имеем прежде всего то, что было принесено Господу: тук, сальник на печени, обе почки с туком их и правое плечо. Это благороднейшие части жертвенного животного снаружи и внутри; к ним присоединялись еще бесквасные хлебы и лепешка. Смысл всех этих частей нам уже известен из предыдущих жертв: это, как мы знаем, - Христос, весь Христос в жизни и смерти Его. Особенность этой жертвы заключается в том, что эти принадлежавшие Господу части, после их отделения от жертвенного животного, не возлагались тотчас же на жертвенник, как при всех других жертвах, но Моисей должен был положить их на доселе пустые руки Аарона и сынов его, которые, таким образом, наполнялись великой святыней жертвы Господней. Это было замечательное действие. Чрез него они с этих пор знали, что им вверялось и чем Господь наполнил руки их. Но еще и другое значение лежало в этом торжественном действии. Как они раньше возлагали свои руки на жертву признавая свое единство с ней, так теперь жертва ложилась на их руки, возвещая этим, с своей стороны, единство с ними. В знак того, что это в действительности было так, что они составляли вполне одно целое с жертвой, вместе с этими частями Господними потрясался и первосвященник и священники в жертву потрясения Господу. Затем жертва шла на священный огонь жертвенника, священники же! - в священное служение Иеговы. Жертва уничтожалась пламенем огня, священники же в непрестанном служении Господу. И это было приятным благоуханием Ему.

"За них я посвящаю Себя, чтобы они были освящены истиною" (Иоан.17:19), сказал Он, наша великая жертва посвящения, идя к Своему жертвеннику все소жжения. Незадолго перед этим Он сказал, что Отец Его освятил и послал в мир (Иоан.10:36); теперь посвящался Он за нас. Чтобы исполнить волю Отца, Он должен был быть освящен, и чтобы нам исполнять ее, мы тоже должны быть освящены, и Он посвящает Себя для нас в то время, когда идет на смерть. Итак, Его отдача в смерть не была, таким образом, только нашим примирением, но и освящением, и силой Его смерти мы освящаемся **"воистину"**. Но это будет с нами лишь тогда, когда мы признаем себя одно с Ним, как Он признал Себя одно с нами, и увидим себя соединенными с Ним в смерти Его. Тогда, да, тогда отдали мы тела наши в жертву, тогда уничтожаются они в служении Ему, тогда началось никогда не прекращающееся разумное служение наше, и, где бы мы ни находились, мы всюду будем в истинной священнической деятельности. Блаженна жизнь, пребывать так на жертвеннике Его и быть Ему приятным благоуханием!

Это - часть Господа, да не будет же она никогда от Него удержана! Но, слава и благодарение Ему, и для нас есть часть в этой жертве! Мы читаем, что Аарон и сыны его в течение семи дней должны были питаться во дворе Господнем остатками этой жертвы. Аарон и сыны его, - какая чудная картина о Христе и Его народе! И Он и они отданы в жертву; и Он и они питаются ею; благословенные последствия услаждают Его сердце и их сердца. Ведь сказано же о Нем: "На подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством" (Ис.53:11). Да, мы знаем, что Он смотрит на него и наслаждается им. Пред Ним предстояла радость, когда Он претерпевал крест (см. Евр.12:2 исправленный перевод) и эта радость, сделалась теперь частью Его. И какая радость, какое довольство должно наполнять Его сердце при виде, что в Нем искупленные Его посвящают себя в жертву, в благоухание приятное Господу! И радость Его не есть ли и наша радость, и довольство Его - довольство наше? Да, конечно, мы радуемся вместе с Ним. О, только

бы все дети Божии имели часть в наслаждении этой жертвой посвящения! Только бы многие захотели исцелиться от безумной мысли, как будто полная отдача себя в смерть с Ним не приносит с собой ничего, кроме скорби, боли и страданий; только бы они узнали блаженство, которое она приносит, именно блаженство, о котором весь мир не может иметь понятия и которого не знают и сами эти дети Божии, пока они не возложат себя всецело на жертвенник Его в благоухание приятное. Он да произведет это во всех и на всех, Себе на славу Аминь.

Глава 21

Курение, или жертва курения

И сказал Господь Моисею: возьми себе благовонных веществ: стакти, ониха, халвана душистого и чистого ливана, всего половину, и сделай из них искусством составляющего масти курительный состав, стертый, чистый, святой, и истолки его мелко, и полагай его пред ковчегом откровения в скинии собрания, где Я буду открываться тебе: это будет святыня великая для вас; курения, сделанного по сему составу, не делайте себе: святынею да будет оно у тебя для Господа; кто сделает подобное, чтобы курить им, [душа та] истребится из народа своего.

(Исх. 30:34-38)

Жертва, собственно дополнявшая число семи ветхозаветных жертв и подлежащая нашему сегодняшнему рассмотрению, ведет нас из двора во святилище, от медного жертвенника, у которого мы так долго пробыли, к жертвеннику золотому. Курение было единственной жертвой, возлагавшейся на золотой жертвенник и сжигавшейся во святилище. Прообразы об отдаче Единородного на страдания и смерть, об искуплении вины нашей на кресте и о совершившемся деле нашего спасения - все находили себе место во дворе, а не во святилище, бывшем отражением неба, как и Христос, Господь наш, пострадал и умер здесь, на земле, и не должен

был уже умирать там, во славе. Туда Он восшел после того, как принес жизнь Свою в "жертву умилоствления", чтобы с плодами этого совершенного спасения предстать пред Отцом. Золотой жертвенник, стоявший у завесы, в конце концов разорвавшейся и уничтоженной, был как бы носителем этих чудных плодов искупления, которые Он, наш великий Первосвященник, полагал на него пред Богом подобно благовонному курению, дабы они поднялись, как приятное благоухание Господу. Мы уже имели случай ознакомиться с золотым жертвенником, а потому сегодня нам предстоит заняться драгоценными пряностями, сжигавшимися на нем и известными в Св. Писании под названием

курения, или жертвы курения.

Да откроются нам драгоценности этой единственной в своем роде жертвы святилища во всей красоте своей, чтобы они побудили нас преклониться пред возлюбленным Отцом нашим с новым, горячим благоговением.

Прежде всего обратимся к составным частям курения. Оно составлялось из четырех изысканнейших и драгоценнейших пряностей Востока, в которых мы видим - скажем это уже заранее, - прообразно изображенными, превосходства и совершенства нашего преславного Господа; это - те удивительные качества, которые достигли в Его жизни, хождении, искушениях, страданиях и смерти славнейшего совершенства, открытые и посвященные одному Отцу. Они были и остаются постоянным благоуханием, наполняющим благоволением сердце Отца и - да будет Ему вечная слава, - наполняющим Его сердце к нашему неизреченному блаженству.

Первое, что мы находим здесь, **был оних**, называемый на еврейском языке просто каплями. Он добывался в виде душистой смолы из деревца приблизительно 12 футов вышиною, по-гречески называемого "сторакс". С этой целью в различных местах на дереве делались глубокие надрезы, из которых затем медленно выступал клейкий сок, собиравшийся в капли, мало-помалу стекавшие в приготовленные небольшие сосуды. Он представляет собой вожденную масть и развивает на углях приятный аромат.

О ком, возлюбленные, можем мы думать при этом, как не о Нем, древе жизни, явившем под острым ножом страданий и смерти благоухание Своих святых качеств до высшего совершенства? Глубокое поранение заставило истечь Его оних, благоуханный Богу. Чем глубже пронзали Его душу и тело ножи позора, презрения, отвержения, страданий и смерти, тем славнее истекали из Него совершенства Его. Посмотрите на Его безграничную любовь, Его неизменную отдачу, Его безмерное терпение, Его божеское милосердие и все Его чудные свойства: не под сильными ли ударами достигли они вершины и наивысшей точки своего развития, дальше которой им уже некуда было идти. Что более тяжелое и страшное, нежели смерть, могло коснуться их? Ничто иное! И, однако, ни одно из совершенств не было ею побеждено, но напротив, все они победили смерть, восторжествовав над нею. Чудный оних, несравненное благоухание, истекающее для Отца из этого древа жизни!

Подобное же значение имеет и **второе** вещество курения, **называемое здесь стакти**. Это была крышка, или скорлупа одной морской раковины, часто попадающейся в Красном море. Она придавала другим благовониям особую силу и продолжительность. Но прежде, чем войти в состав благовонного курения, вся раковина этого морского животного должна была быть разрушенной.

Так разрушен был храм тела Господа нашего, чтобы быть в состоянии подняться в сладком благоухании к Отцу. Истинно и то, что в этом разрушенном и истерзанном образе, в этой отдаче до крайности Он сообщил особую силу каждому из Своих славных свойств. И после того, как Он

прошел через смерть, для Него более не остается никакой другой смерти, но вечная жизнь и непреходящее бытие украшают Его навеки; поэтому и все совершенства Его бесконечно продолжительны. Не радуешься ли ты этому, чадо Божие? Там, во Святом-святых, на жертвеннике Божиим возносится за тебя вечная жертва курения.

Третье вещество, входившее в состав курения, был **халван**. Он описывается, как смола, происходящая из одного кустарника, растущего на Сирийских горах. Зажженный в отдельности, он издает сильный и неприятный запах, такой, что дымом его изгоняли змеи. Но примешанный к другим пряностям, он в значительной степени усиливал их благоухание.

Это было действительно странное дополнение к курению. Он как бы даже в противоречии с другими частями его и, вместо притягивающих, являет отталкивающие свойства. Но это только так кажется, потому что, в действительности, в нашем превознесенном Господе были совершенства, которые, казалось, противоречили другим, обнаруженным в Нем, качествам; на самом же деле, благодаря своему противоположному направлению, только дополняли и возвышали другие. Вспомним только Его беспристрастное святое правосудие относительно Себя, в силу которого Он предстал за нас пред Отцом и затем, подобно кроткому агнцу, не отверзающему уст своих, был поведен на заклание, приняв наказание за грех до самой крайности, даже до мук адских. В устах Его нет ни противоречия, ни оправдания, Он не требует к Себе ни сострадания, ни милосердия, дабы вполне удовлетворить Отца и Его совершенный закон. Не забудем при этом подумать и о Его **безграничном милосердии**, потому что в то время, когда суд совершался над Ним, Он был **исполнен милосердия** к заслужившим проклятие и подпавшим гибели. Оба эти проявления Его совершенства, сияя одновременно недостижимым блеском, чудно возвышали друг друга. Обратим наше внимание на еще большую противоположность в Нем. В Псалме 44:8 мы читаем о Нем: "Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие; посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более соучастников Твоих". Итак, мы находим здесь любовь и ненависть в одной личности. Они соединялись, как видно отсюда, одновременно в нашем дорогом Спасителе, достигая в Нем одинаковой славы и одинакового достоинства, потому что, как любовь к правде вменялась Ему здесь в свойство благоугодное Иегове, точно так же и ненависть к беззаконию. Поэтому обе они и были основанием и причиной, почему Он был помазан елеем радости более соучастников Своих. И не сильнее ли выдвигалась любовь Его к правде, благодаря Его ненависти к неправде и греху? И если б возгорелась одна его ненависть, кто устоял бы пред ней? Она была бы невыносимой. И, я думаю, именно это совершенство Его приводило в трепет сатану и духов злобы, лишь только они видели Его. Этот халван, находившийся в Нем, обращал в бегство древнего змея, заставив его воскликнуть: "Что Тебе до нас, Иисус, Сын Божий? Пришел Ты сюда прежде времени мучить нас"! Он понял, что в этом Агнце Божиим скрыт Лев, который победит его и сотрет главу его.

Наконец, к курению принадлежал еще **ливан**. Это была беловатая душистая смола, истекавшая из небольшого деревца, футов в 10 вышиною, растущего в Аравии и Индии, и преимущественно употреблявшаяся при богослужении всеми народами древности. Он как бы исключительно существовал в употребление для Бога.

В самом полном и исключительном смысле, слова эти можно сказать о Христе, Господе нашем. В жизни и смерти, в любви и страданиях, в Своих речах и поступках, даже здесь, на земле, или там, во славе, был Он непрестанно возносящийся к Богу ливан, посвященный навеки и всецело одному Своему Отцу. Каким чудным благоуханием должен Он был быть для Отца, Он, страдавший для Него, жизнь Которого представляла собою одно непрерывное, бесконечное

богослужение, в котором из каждого вздоха, каждого биения сердца истекало благоговение и прославление Бога. И Он возложил эту жизнь, как бы при заключении ее, пред небом и землею, на глазах всех, в жертву курения на золотой жертвенник, когда, в торжественной мольбе к Нему, воскликнул: "Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить" (Иоан.17:4). Таково значение составных частей жертвы курения.

Рассмотрим теперь божественное распоряжение относительно этого курения. Прежде всего Моисею было дано повеление взять каждого из них "поровну". Ни одно из этих веществ не должно было иметь предпочтения. Правда, мера и вес каждой составной части не были определены, но тем не менее, относительно друг к другу, вес их должен был быть всегда одинаковым.

Как это подходит к Нему, Который Сам - истинная жертва курения пред Богом, и особенно ко всем совершенствам Его. Кто был бы в состоянии оценить, измерить и взвесить все Его достоинства; здесь на земле не нашлось бы меры для них: только Один мог бы измерить их, к Которому они все стремились, Он, Который один только знает Сына. Но все же одно известно нам, что все они содержали одинаковую меру совершенства, и ни одно из качеств Его не выдвигалось на счет другого или должно было отступать в пользу другого. Во всех отношениях был "весь Он любезность" (П.П.5:16).

После того, как они были таким образом соединены, эти вещества должны были быть истолчены в ступе в порошок. Чем мельче они были истолчены, тем сильнее могло развиваться на горящих углях золотого жертвенника их благоухание, что собственно и было целью. Но именно для этого каждая пылинка этих пряностей должна была перенести тяжелые удары песта.

Да, братия мои, как можем мы составить себе представление о том, при каких изнурительных трудностях, под сколькими и внутренними и наружными искушениями и ударами с раннего детства до самой могилы славные совершенства Богочеловека достигали своей полной зрелости! Кто может себе представить, как у Него, Который тоже "преуспевал в премудрости, возрасте и любви у Бога и человеков", каждое движение души, каждое желание, чувство и хотение должны были бороться с препятствиями, - которые являлись как и у нас, даже, смеем сказать, бесконечно больше чем у нас, - чтобы привести их в исполнение, несмотря на самые тяжелые удары. И не забудем, что при этом Он никогда не вступал **ни в какие сделки**, как это часто делали мы, - **никогда не уравнивал Свой путь**, даже отвергал всякое предложение на этот счет. И мы знаем, что чем дальше, тем сильнее становились удары, до того, пока не кончилась жизнь Его. О, какой порошок благовонного курения вышел из-под этих ударов!

Наконец, заметим еще, как Господь заботился о том, чтобы все эти благовонные вещества действительно обратились бы в благоугодное Ему курение. Оно должно было быть приготовлено **искусством составляющего масти** и быть чистым и святым. Казалось бы, что раз все составные части были на лицо, то не требовалось много искусства, чтобы, взяв всех поровну, смешать их. Но Господь требовал здесь искусную руку, умело обходившуюся с этими благовониями, она должна была смешать их, наблюдая при этом, чтоб не попало туда ничто нечистое, никакая пылинка какого-либо постороннего вещества. Оно должно было быть святым, отделенным и удаленным от всего обыкновенного и повседневного.

Неправда, ли, возлюбленные, мы все знаем искусно составляющего масти, небесного божественного Духа Святого, Который произвел во Христе всю привлекательность и все превосходства и обнаружил их в должное время и должным образом, так что они вызвали благоволение Божие. Он удерживал всякую нечистую пылинку от прикосновения к Возлюбленному и славным совершенствам Его. О, как часто случается, что, даже когда Он

производит в нас Свои драгоценные плоды, мы вмешиваемся и не призванной рукой берем из руки Его распределение и проявление их в свое время, препятствуя, таким образом, усмотренному и благоугодному Богу равновесию. И как часто к нашей жертве курения примешивается еще что-нибудь наше собственное и то, что не смеет и не может возноситься Господу. Поэтому, как блаженно знать, что наш Господь - совершенная, святая жертва курения, вполне отвечающая всем требованиям Иеговы.

Но какое значение имело между тем это курение для Израиля? По всему, что мы читаем о нем, видно, что оно возносилось Иегове рукою первосвященника, как общая жертва их, и поднималась, как благоговейное моление к Богу, Царю их. Оно было, собственно, отражением молитвы или того, что еще выше молитвы, т.е. благоговейного поклонения. В то время, когда первосвященник полагал эти благовония на золотой жертвенник внутри святилища, и из кадиланицы поднималось облако фимиама, народ молился вне святилища, во дворе, примешивая, так сказать, горячие стремления сердца своего к благоуханию, возносившемуся за них к Господу. В Евангелии Луки 1:10 нам дано следующее описание этого тихого торжественного часа, в то время, когда сожигалась жертва курения: "Все множество народа молилось вне во время каждения".

Это показывает нам, в поучительном виде, что есть истинное благоговение, как оно благоугодно Отцу и в нас, и как мы, дети Нового Завета, смеем вступить ныне во святилище и даже в самое Святое-святых, прямо в присутствии Божие. Мы должны в наших прошениях, молитвах и благодарениях приносить привлекательность Христа в жертву Богу. Она открывает нам путь к Богу; она дает нам возможность радостно стоять в присутствии Трисвятого; и **ради нее**, а не ради нашего достоинства или наших качеств, мы бываем услышаны Господом. О, как безумны были часто наши начинания, когда мы дерзали приносить свои собственные благовония пред Бога и пробовали возносить к Нему наши превосходства, как жертву курения. Благодарение и славу Ему, что Он никогда не допустил их далее уст наших и отверг их от Себя. Будем же знать раз навсегда, что Господь не может ни видеть, ни слушать или услышать нас иначе, как чрез Возлюбленного. Если, подобно тому, как священники и первосвященник стояли во святилище, скрытые в облаке жертвы курения, стоим мы окруженные достоинствами и совершенствами Христа, которые при помощи простой детской веры составляют нашу полную собственность, тогда мы благоугодны Ему, тогда услышана молитва наша тогда мы можем радостно сказать вместе с апостолом: "Мы Христово благоухание Богу" (2Кор.2:15); и наша молитва направится "как фимиам пред лицо Его, воздеяние рук наших, как жертва вечерняя" (Пс.140:2).

Остановимся еще на месте приношения жертвы курения. Как мы видели, ее место было во святилище, и там, на золотом жертвеннике. Во дворе пред глазами всего народа день и ночь восходило благоухание жертвы всежжения: здесь, с золотого жертвенника, истекало точно так же благовоние от тлевших на огне пряностей, что не было видимо народу, потому что сила его развивалась в непосредственной близости Иеговы. Все святилище, не дававшее ему никакого выхода, мало-помалу наполнялось им; скрывая все священные предметы и чрез щели и отверстия, кое-где образуемые завесой, курение проникало во Святое-святых, поднималось к престолу благодати и, делаясь все гуще и гуще, покрывало его непроницаемым облаком благоухания. Из этого облака говорил голос Божий с Моисеем, когда говорил с ним в благодати и милости, как бы говорил кто с другом своим. И когда, единственный раз в году, в великий день Очищения, первосвященник вступал во Святое-святых, он имел право явиться туда только с двумя предметами; один - только что пролитая кровь жертвы за грех, другой - золотая кадиланица, полная горящих угольев и на них это курение, сжигавшееся здесь на огне; и в то

время, когда облако покрывало престол благодати, покрывала его и кровь. Оба вещества применялись во Святом-святых к одному и тому же месту.

Так и со Христом, с Его кровию и со всеми Его совершенствами. Он умер здесь, на земле, так сказать во дворе, на глазах всех нас, и кровь Его очистила нас от всякого греха; но, затем, Он вошел за завесу, куда не проникают наши взоры; но, какое блаженство! мы тем не менее знаем, что Он предстал пред Господом с своей Собственной кровию и теперь там пребывает, чтобы в бесконечном благовонном курении открыть пред Богом Свои совершенства. В то время, как драгоценная кровь Его говорит за грешников лучше нежели кровь Авелева, все совершенства Его облакают освященных Им. Да будет Ему хвала! Он теперь наполняет присутствием Своим небеса небес. Эта земля была слишком тесна, чтобы принять Его, она не была местом, где могло вполне развиться благоухание Его; для этого потребовалось святилище и Святое-святых.

Теперь, возлюбленные, нам становится ясно, почему Отец говорит со Своего престола благодати, как бы говорил кто с другом своим: мы облечены облаком чудной жертвы курения и стоим так перед Ним. Дух Святой, да запечатлит это глубоко в сердце нашем, чтобы никогда не исчезло из нашего сознания то, что наше жительство на небесах, в славном святилище, где мы ходим не в наших добродетелях, но облеченные в совершенство Его; что нет более никаких затруднений на пути нашего свободного и радостного поклонения во Святом-святых, потому что там навеки предстоят Его совершенства, истинное, угодное Богу благоухание нашего курения. Итак, вопрос: "Как могу, как дерзну я предстать пред Ним"? разрешен теперь навеки.

Но прежде, чем кончить, мы хотели **сделать еще несколько замечаний относительно порядка в приношении** этой чудной жертвы. Это очень важно относительно драгоценного плана Божия о нашем спасении и относительно нашего пути, которым мы можем достигнуть Господа. Жертва благовонного курения была последняя в целом ряде различных жертв. Жертва за грех и жертва повинности, жертва всесожжения, жертва хлебного приношения и жертва мирная, так же, как и жертва посвящения - все должны были предшествовать ей; и только после них первосвященник и сыновья его могли принести Господу жертву курения. Сначала должна была пролиться кровь примирения и последовать смерть жертвы повинности, замесившей Израильянина, за ней следовала отдача себя, со стороны последнего, на полное служение, затем шло торжественное посвящение себя Иегове, наконец только, после всего этого, последовал вход во святилище с жертвой курения.

Таков путь Божий и до сего дня. Как грустно поэтому, что многие, подобно Озии, царю Израильскому, начинают не с того конца, т.е. с жертвы курения, не будучи омыты и очищены; они вступают не призванные во святилище Божие и, подобно ему, гневаются при напоминании: "Не тебе кадить Господу; это дело священников, сынов Аароновых, посвященных для каждения; выйди из святилища, ибо ты поступил беззаконно" (2Пар. 26:18). О, пусть у этих бедных душ, которые никогда не были примирены и облагодатствованы в Возлюбленном, скоро выступит наружу их душевная проказа, как у того высокомерного царя, потому что только этим путем возможно помочь им.

Да, дорогие друзья, благоговейное поклонение никак не дело грешника. Грешник, конечно, может войти во двор и ждать, на основании жертвенного Агнца, примирения с Богом, но не может входить во святилище, как уже очищенный и освященный, желая принести благоговейные молитвы и поклонение Богу. Бог не может видеть его, потому что он приносит с собой то, что он имеет и есть в самом себе, и это - мерзость пред Богом. Грешник может стоять во дворе, ожидать благословений ради Христа и жертвы Его, но он не может воссылать Богу никаких благоуханий до тех пор, пока сам он не сокроется во Христе Иисусе.

Но ты, чадо Божие, ты, имеющий прощение грехов и мир, облагодатствованный Богом в Возлюбленном, смотри, чтобы тебе не оставаться во дворе и не удовольствоваться им: твоя обязанность входить во святилище, одетым в священническое убранство, и совершать дела и хождение твои пред лицом Божиим, чтобы "на всяком месте воздевать чистые руки без гнева и сомнения". Да горит курение Твое и да возносится оно непрестанно из сокровенного святилища твоего сердца во Святое-святых пред Господа, чтобы оттуда исшел, как ответ тебе, благословенный голос: "Ты возлюбленное чадо Мое, в котором Мое благоволение". Аминь.

Часть III

Священство

Глава 22

Первосвященник

И возьми к себе Аарона, брата твоего, и сынов его с ним, от среды сынов Израилевых, чтоб он был священником Мне, Аарона и Надава, Авиуда, Елеазара и Ифамара, сынов Аароновых.

(Исх. 28:1)

Вот и жертвы, с их описаниями, прошли по порядку своему пред нашими духовными глазами. Душа наша насладились их чудным благоуханием, исходившим отдельно из каждой из них не только для Господа, но и для нас. Мы оставляем их сегодня и переходим к новому виду прообразов, которые все-таки относятся к тому же превознесенному Господу Христу Иисусу.

Бог, в Своей премудрости, нашел необходимым, чтобы данные Им тени будущих благ во Христе, - изображая Его насколько возможно ясно и снова и снова приходя на память народу Его, - состояли не только из неодушевленных предметов, как мы видели их в скинии и ее принадлежностях, или из различных животных, как они еще недавно стояли пред нами в виде жертв, но чтобы и живые лица с их достоинством, дарованным Им, и со связанным с ним служением, изобразили мысль Его относительно Его великого предмета, т.е. Спасителя Христа. Эти лица как бы вносили собою жизнь в священные покои, где они должны были служить Богу, и давали истинный смысл всем предметам и должную ясность, дополняя их значение собою, своим достоинством и своими действиями и соединяя множество прообразов в одно большое целое. Уже из этого следует, что **священство**, состоявшее из этих лиц, занимало главное место среди прообразов.

Среди этого священства выдается одно лицо с такой силой перед всеми другими, что мы должны обратить наши взоры преимущественно на него. Оно является здесь великим центром, вокруг которого сосредоточивается все во святилище, ему подчинены все остальные лица, оно

покрывает их всех своим славным положением и своим высоким саном, и все другие прообразы находятся в тесной связи с ним. Лицо это

первосвященник,

который и составит предмет нашей сегодняшней беседы.

Как стоящий вне грешник, желающий приблизиться к Богу, нуждается в жертве, которая заменила бы его в его печальном положении и греховном состоянии перед Святым и Праведным, так и вступивший в общение с Богом верующий, в своем состоянии немощи и слабости, нуждается в первосвященнике, который покрыв бы его своей совершенной личностью во всех отношениях его к Богу и Отцу. Каждой душе наверно ясно, что этот первосвященник должен быть так бесконечно превознесен над человеком, чтобы своим достоинством и славой достигать Бога, и, с другой стороны, опять-таки так бесконечно снисходителен, чтобы человек со всеми своими нуждами и недостатками мог спокойно приблизиться к нему и излить свою немощь его сострадательному сердцу. Только во Христе Иисусе мы вновь находим эту чудную, совершенную личность, тем не менее будет для нас бесконечным благословением видеть ее, черту за чертой, еще в прообразе Аарона. Сегодня мы остановимся только на некоторых общих чертах.

Повеление Господа Моисею **напоминает нам, прежде всего, о происхождении первосвященника.** "Возьми к себе Аарона, брата твоего, и сынов его с ним, от среды сынов Израилевых, чтоб он был священником Мне", - так повелел Господь служителю Своему. **"Брата твоего... из среды сынов Израилевых"**, - как просто, как родственно звучали для Моисея и для всего народа эти определяющие слова Господни, когда дело шло о посреднике их перед Богом, и какое великое расстояние составляют они с определением: **"священником Мне"**. Это расстояние было такое же, как между внешним станом, где жил бедный, ничтожный, только что избавленный от рабства народ, и святилищем внутренней скинии, откуда говорил Иегова. Человек из среды равных ему людей, из одного с ними рода и состояния, Аарон призывался теперь к высокому положению, отныне стоять пред Богом за собратий своих и быть их представителем. Он сразу поднялся высоко над братьями своими, сделавшись их главою пред Богом, оставаясь в то же время все тем же человеком. Но, чтобы дать ему пред братьями его то преимущество, которое он должен был иметь, чтобы замещать их, грех его символически снимался с него полным омытием его чистою водою в медном умывальнике и облачением его в одежды "славы и благолепия", так что он, как безгрешный и, одновременно, прославленный человек, представал за братьев своих пред Богом.

Один из народа, взятый из среды человек за людей - вот, что снова и снова напоминает нам, к богатому утешению нашему, слово Господне, говоря о Христе, нашем великом Первосвященнике. Все Послание к Евреям, написанное для того, чтобы показать нам это превознесенное достоинство Его, непрестанно напоминает нам об этом. "Как дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные" (Евр.2:14), сказано нам там; говорится нам также, что это так должно было быть, "дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть, диавола". Когда же нам напоминает, что "не Ангелов восприимлет Он, но восприимлет семя Авраамово", то нам тотчас же свидетельствуется, что это и есть причина, почему **"Он и должен был во всем уподобиться братьям,** чтобы быть милостивым и верным первосвященником для умилоствления за грехи народа" (Евр.2:14,17). Таким образом, иначе быть не могло. И для Него существовало божественное "Должен": **во всем уподобиться братьям.** Он пришел "от отцов по плоти" (Рим.9:5), Он был "от семени Давидова" (2Тим.2:8), "от Девы рожденным Сыном"

(Ис.7:14), "отраслью от корня Иессеева и ветвью от корня его" (Ис.11:1), Израильтянин от Израильтян от семени Аврамова - вот свидетельство Писания. И, слава Ему, Он не стыдится называть и нас "братиями" Своими и признавать своими детьми; поэтому послушайте только, с какою радостью Он причисляет к Себе Своих искупленных, говоря: "Вот Я и дети, которых дал Мне Бог" (Евр.2:11-13). И еще да будет слава Ему: то, что Аарон получил посредством жертвы, омовения и облачения в священнические одежды, именно непорочность, чистоту, красоту и славу, есть личная природа, существо и действительность нашего великого Первосвященника, потому что **Он был без греха** (Евр.4:15).

О, мои братия какая это ободрительная мысль, быть в состоянии взирать на Первосвященника, жившего некогда среди нас, **во всем уподобившегося** нам, знающего наши немощи по личному опыту, Который теперь, воссев одесную величия Божия, остается человеком и может сострадать немощам нашим. Как доверчиво, как смело и спокойно, как откровенно и свободно можем мы, во всякое время, приближаться к Нему! Раз что это так, то "да приступаем с дерзновением к престолу благодати, чтоб получить милость и обрести благодать для благовременной помощи" (Евр.4:15,16).

Но, в то время, как по происхождению своему первосвященник был подобен братиям своим, **стоял он, с другой стороны, по дарованному ему от Бога положению, очень высоко над ними**. Он не только был их представителем пред Богом, но и представителем Бога у народа Его. Это было особенно заметно на Аароне, первом первосвященнике. Еще раньше, чем он получил свой первосвященнический сан, о нем было уже сказано: "И будет говорить он вместо тебя народу. Итак, он будет твоими устами, а ты будешь ему вместо Бога" (Исх.4:16). В то время, как Моисей был представителем Божиим, Аарон был устами его, он приносил вести Божии братьям своим и возвещал своему народу волю Иеговы. Итак, он был носителем слова Его для тех, которые были родственниками его по плоти.

Об Иисусе мы читаем, что задолго перед тем, как Он сделался нашим великим Первосвященником, Он добровольно дал следующий обет: "Буду возвещать имя Твое братиям Моим, среди собрания восхвалять Тебя" (Пс.21:23). И чтобы мы не сомневались, что это слово относится именно к Нему, апостол Павел применяет его в Послании к Евреям прямо к личности Христа (Евр.2:12). Он был Сам "Словом", и был Им в самом начале (Иоан.1:1). В Нем Отец высказал нам все Свое сердце, и мы можем читать чрез Христа все помышления сердца Отца. Можем ли мы удивляться тому, что апостол ставит эту речь Божию чрез Сына выше всех других откровений, которые когда-либо существовали? Именно это делает он, когда начинает свое Послание к Евреям следующими чудными словами: "Бог, **многokrатно и многообразно** говоривший издревле отцам в пророках, **в последние дни сии говорил нам в Сыне**, Которого поставил наследником всего" (Евр. 1:1,2). Итак, Он был носителем откровения Божия для нас, быв на земле, и остается им и до сего часа; торжественным залогом этого служат заключительные слова Его первосвященнической молитвы, когда пред отшествием Своим сказал Отцу: "**Я открыл** им имя Твое **и открою**" (Иоан.17:26). Да будут наши очи всегда обращены на великого Первосвященника нашего для откровений Божиих!

Ветхозаветный первосвященник не только передавал народу слова Господни, но он же был и посредником благословения Иеговы для народа Его. Когда первосвященник, вместо народа, входил во святилище, Израильтяне стояли вне, устремив взоры свои на двери скинии, и ожидали минуты, когда он снова появится, потому что они знали, что он вынесет им оттуда благословение Божие. И лишь только он появлялся из присутствия Божия пред народом, как, подняв руки свои над ними, он провозглашал: "Да благословит тебя Господь и сохранит тебя! Да

призрит на тебя Господь светлым лицом Своим и помилует тебя! Да обратит Господь лицо Свое на тебя и даст тебе мир"! (Чис.6:24-26). И он должен был делать это не по личному побуждению, но исполнял этим торжественное поручение. Господь благословения посылал его со Своим благословением к народу Своему, ибо Он сказал: "Так пусть призывают имя Мое на сынов Израилевых, и Я благословлю их" (ст.27). Итак, не от руки Аароновой шло благословение, но Сам Бог Израилев благословлял чрез него. И как чудно, что мы нигде не читаем, чтобы первосвященник вынес из святилища, хотя бы один раз, смертный приговор своему народу; он никогда не мог быть вестником его.

Как чудно свидетельствует в этом отношении Писание о нашем великом Первосвященнике Иисусе. "Бог", так говорит оно к сынам Израилевым, "воскресив Сына Своего Иисуса, **к вам первым послал Его благословить вас**" (Деян.3:26). Слава Ему! Послание Христа Богом имело единственной целью благословение. В Нем должны были "благословиться все племена земные" (Быт.28:14), чрез Него "благословение Авраамово (т.е. обещанное Аврааму) должно было распространиться на язычников" (Гал.3:14). Поэтому мы можем теперь радостно присоединиться к славословию апостола Павла: "Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословивший нас во Христе всяким духовным благословением в небесах" (Еф.1:3). Благословляя, ходил Он некогда здесь, на земле, благословляя, вознесся Он в истинное святилище Божие, и скоро придет тот час, когда Он оттуда снова появится, неся благословение народу Своему: "Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте царство, уготованное вам от создания мира" (Мат. 25:34), и, под Его поднятыми благословляющими руками, народ войдет в радость Господина своего. Радуйся этому, народ Господень; взирай на тот блаженный миг, когда кончится время ожидания твоего! Восклони главу твою, не содрогаясь как мир, видящий в Нем своего Судью со смертным приговором, но подобно томящейся тоской по родине ожидающей невесте, которая может вступить с Ним в Отчий дом!

Но возвратимся к первосвященнику первой скинии; он был, одним словом, исполнителем божественного завещания в Ветхом Завете, во всех частях его. Чрез него Израиль получал все обещанные ему Богом милости, какие только могли существовать в том домостроительстве Он ходатайствовал о примирении и прощении народа пред Богом, чрез него приходило оправдание от греха, он приносил им мир, покой и благословение, и только чрез него было возможно приближение к Богу, он один приносил Ему благоговейное моление их в виде восходящего курения. Но, при этом, мы должны тотчас же прибавить, что все это было с ними прообразно, потому что "священники, которые по заказу приносят дары, служат **образу и тени небесного**" (Евр.8:4,5). Только в том случае, когда Израильчанин видел в этих прообразах будущие блага, наперед усвоив их верой, мог он сделаться причастным их благословениям.

Но, напротив, как мы можем радоваться, что наш Первосвященник "сделался поручителем лучшего завета" (Евр.7:22), потому что закон никого не мог сделать совершенным (Евр.9:9; 10:1); Он же "может всегда спасать приходящих чрез Него к Богу, будучи всегда жив, чтобы ходатайствовать за них" (Евр.7:25). В Нем мы имеем действительно прощение грехов посредством крови Его (Еф.1:7); в Нем обрели мы оправдание и мир, да даже Сам "Он есть мир наш" (Рим.5:1; Еф.2:17). Не существует ни одной милости, ни одного обетования, ни одного блага, которое не было бы нам даровано в Нем и с Ним. "Все обетования Божии раз навсегда в Нем да, и в Нем аминь, в славу Божию, чрез нас" (2Кор. 1:20).

Из всего, что мы до сих пор слышали о первосвященнике, очень ясно вытекает, **что и его сан был выше всякого другого**. Господь возложил всю почесть и все достоинство одновременно как бы на одно это лицо. Правда, нам известно, что Моисей разделял с ним этот сан, но

положение Моисее было положение исключительное, окончившееся с его смертью. Первосвященство же продолжалось, пока не отошли все тени и не явилась действительность во Христе; это было не исключительное положение, но вечное право.

Это было наивысшее из всех земных званий, **потому что в нем отражались три отдельные стороны призвания грядущего Мессии**. Мессия не должен был быть одним из помазанников Божиих, как все остальные посланные и засвидетельствованные Богом лица, были ли они пророками, священниками или царями; но Он должен был быть Помазанником Божиим, единственным в Своем роде, Которого нельзя было бы поставить на один уровень ни с какой другой личностью, и поэтому Он соединял все запечатленные Богом звания тех лиц в Себе Одном. В этом отношении первосвященник был истинным прообразом Мессии. Когда мы видим его в день помазания, облеченным убранством от Бога, то он, поистине, единственный в своем роде среди всего народа и во все времена, даже не исключая Моисея, которого мы никогда не встречаем в таком великолепии и на которого никогда не изливался елей помазания. И, рассматривая пристально, мы открываем в этом столь облагодатствованном человеке прообраз именно этого тройкого звания Мессии. Его урим и туммим, или свет и право, вложенные в украшенный драгоценными камнями наперсник, покоящийся на сердце его, посредством которого он открывает тайны и предназначения Божии, делают его очевидно пророком Божиим. Священнический кидар с золотой дощечкой, во многих местах Св. Писания названный "диадимой святыни", украшавший таким чудным образом голову его и первый получавший священный елей помазания, представляет его нам, как царя, пред Богом своим; и наконец, его остальные "славные и благолепные одежды", равно как и различное служение, которое он должен был исполнять впредь от часа посвящения своего во святилище Божиим, являют его, как священника Всевышнего. В торжественный час перед всем Израилем и пред лицом Божиим на все эти дарованные ему Богом достоинства изливался елей помазания в полноте, как ни на кого другого; Псалмопевец говорит нам, что он стекал "на бороду, бороду Ааронову, на края одежды его" (Пс.132:2). Как живо указывают эти слабые тени на Того, Который получил от Господа единственное, совершенно особенное, нежели все другие, помазание, или, по выражению Господа, был помазан "елеем радости **более** соучастников Своих" (Пс.44:8). Они указывают на того Мужа, о Котором Моисей, перед кончиной, должен был выразить мысль Божию такими словами: "Я воздвигну им **Пророка** из среды братьев их, такого как ты, и вложу слова Мои в уста Его, и Он будет говорить им все то, что Я повелю Ему; а кто не послушает слов Моих, которые Пророк тот будет говорить Моим именем, с того Я взыщу" (Втор.18:18,19); - указывают на "**Пророка** сильного в деле и слове пред Богом и всем народом" (Лук.24:19), на "Сущего в недре Отчем", нам явившего Отца (Иоан.1:18), на "не от Себя говорившего" (Иоан.1:18), но "как научил Его Отец Его" (Иоан.8:28). Эти тени указывают также на Помазанника Божия, Которого они называют "**Царем, помазанным над Сионом, горою святою**", против Которого сначала, конечно, "восстанут цари земли и князья будут совещаться вместе (Пс.2:2-6), но Которому впоследствии "цари Фарсиса и островов поднесут дань, цари Аравии и Савы принесут дары" и Которому в конце концов "поклонятся **все цари** и будут служить все народы" (Пс.71:10,11). Но, прежде всего, они указывают на Того, Который не только Первосвященник, но Первосвященник навек по чину Мелхиседека, названного в Посл. к Евр. "Первосвященником **великим**", говорить о Котором апостол считал за главное (Евр.8:1), говорить о Котором все еще останется главным до того великого дня, когда почти двухтысячелетнее первосвященническое служение, стоявшее на первом плане, уступит первое место величию царственного Его достоинства.

Братия мои, не удивительно ли, поистине, как здесь, в прообразе, особенно выдвигается

именно это первосвященническое достоинство? Первосвященство имеет, так сказать, свое средоточие в избрании Аарона, почему Иегова и повторяет раз за разом: "Чтобы он был **священником Мне**" (Исх.28:1,3,4). Затем, посмотрите только вперед: с самой первой минуты избрания Аарона, не стоял ли первосвященнический сан в течение всех веков во главе всех других санов? Моисея сменил Иисус Навин, муж духа Моисеева; но ему уже предписывается руководиться указаниями и советами Елеазара, первосвященника (см. Чис.27:19-21); он подчинен ему. За Иисусом Навином идут судьи, многие из них выдающиеся мужи, но первосвященник стоит над ними, и только впоследствии появляющееся царское достоинство становится рядом с первосвященническим.

Точно так же и в Иисусе. Не принимая в расчет времени, в которое Он Духом Святым говорил чрез пророков и затем чрез всех Своих вестников, мы найдем, что пророческое Его призвание здесь, на земле, было очень кратковременно; Его царское достоинство почти совсем не выступает, оно под покрывалом, которое не снято еще до сего дня, ожидая славной будущности; но Его первосвященство началось здесь на земле, в Гефсимании, и продолжается еще до сих пор.

И далее. Не так ли и с нашим духовным опытом? Не стоит ли великий Первосвященник в начале его? Куда же направляются наши взоры прежде всего, когда мы, как жалкие грешники, хотим приблизиться к Богу? Конечно к Нему, Который в одном лице - жертвенник, жертва и первосвященник. И куда мы смотрим после того, как чрез жертву Его получили искупление и вошли во святилище, чтобы остальные дни нашей жизни предстоять пред Богом? Не опять ли на великого Первосвященника, Который "всегда жив, чтобы ходатайствовать за нас"? Конечно на Него, Который, хотя и "воссел уже одесную престола величия на небесах" (Евр.8:1), хотя теперь "Ему и дана всякая власть на небе и на земле" (Матф.28:18), все еще ожидает "доколе враги Его будут положены в подножие ног Его" (Евр.10:13), потому что Он поставил это первосвященническое достоинство впереди всего остального и поставил его на первый план, совершая служение со властью царского величия.

Как наивысшее служение, первосвященство должно было быть **единственным в своем роде во всех направлениях**. И это так и было. Оно было **единственное по числу**. Хотя и существовало много священников при одном первосвященнике, но никогда два священника не возводились одновременно в чудное первосвященническое звание. Правда, мы читаем, что во время земной жизни Господа нашего было несколько первосвященников, но пути и постановления Господни были в то время уже давно оставлены. Только потому, что смерть не оставляла их в живых, другой первосвященник должен был занимать место своего предшественника, чтобы представлять в прообразе вечность первосвященства; но, если бы нашелся хоть один, могущий устоять перед смертью, то он бесспорно навсегда сохранил бы это свое звание.

Слава Богу веки - подобный первосвященник нашелся и явил Себя: конечно, Он должен был придти по иному чину, и, как говорит о Нем Св. Писание, Он "Первосвященник навек по чину Мелхиседека" и в совершеннейшем смысле слова, "без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни" и потому, как "пребывающий вечно, имеет Он и священство **непреходящее**" (Евр.7:3,24). Он - "**единый** посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус, предавший Себя для искупления всех" (1Тим.2:5,6). По чину, по которому Он сделался Первосвященником и по божественной клятве, сопровождавшей Его вступление в это звание, нет у Него ни предшественников, ни преемников, потому что Он "всегда жив", и поставлен "совершенным навеки" (Евр.7:25,28). Какое блаженство, что в этом отношении веки невозможна никакая перемена; Он - единый Первосвященник и останется им

до скончания веков.

Первосвященническое звание было **единственным и по своему высокому положению**. Все, с начала до конца, было здесь Божие. От Иеговы исходило призвание, Он установил посвящение, деятельность, и Он утвердил это, наконец, чудным образом. Моисей мог избрать 70 мужей в помощники себе; он мог назначать глав колен, князей народа и поставлять тысяченачальников и сотников, но призвание Аарона должно было придти прямо от Бога; оттого это преимущественно и упоминается в Новом завете, когда сказано: "он не сам собою принял эту честь", но был призван Богом (Евр.5:4). И всякое действие, всякий шаг во святилище был определен и назначен Иеговой, от Него было и торжественное запечатление этого превознесенного звания. Мы уже имели случай, при рассмотрении ковчега завета, указать на миндальный жезл Ааронов, расцветший и принесший плод, и хотели бы сегодня только напомнить, как он сразу остановил ропот народа и убедил Израиля в верности избрания Аарона. К этому присоединился еще торжественный ответ Господа на первую жертву, принесенную этим служителем Его, о чем нам сообщается так: "И явилась слава Господня всему народу. И вышел огонь от Господа и сжег на жертвеннике всесожжения и тук; и видел весь народ, и воскликнул от радости, и пал на лицо свое" (Лев.9:23,24). С каким детским доверием мог теперь каждый Израильянин смотреть на человека, который был мужем избрания Божия и во всех отношениях носил на себе печать Его благоволения; он мог себе сказать: "Все мои дела пред Богом находятся в самых лучших руках".

Итак, насколько действительность стоит выше тени, насколько Христос превознесен над Аароном, настолько доверчивее можем мы возложить на Него упование наше. Мы знаем, как Он от века и до века засвидетельствован Отцом. Засвидетельствован в избрании Своем, потому что "и Христос не Сам Себе присвоил славу быть Первосвященником, но Тот, Кто сказал Ему: "Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя" (Евр.5:5); засвидетельствован в действиях Своих, потому что "на Нем положил печать Свою Отец Бог" (Иоан.6:27); засвидетельствован чудесами и знаменами во всей Его земной жизни; засвидетельствован в исходе Своем, потому что Бог, "Бог мира воздвиг из мертвых Пастыря овец великого" (Евр.13:20), и засвидетельствован всему народу Своему, потому что, "быв вознесен десницею Божию и приняв от Отца обетование Святого Духа" (Деян.2:33), излил Его на народ Свой. Каждое принадлежащее Ему сердце знает теперь своего великого, сострадательного Первосвященника и покоится навеки с детским доверием на Его совершенном деле в своем совершенном Ходатае. Покоитесь ли и вы на Нем, дорогие слушатели? О, смотрите, чтобы Он был единым основанием вашего спасения, потому что "нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись" (Деян.4:12). Если Он действительно, верное основание надежды вашей, скала спасения вашего, то вы блаженны! Вы можете теперь спокойно и без страха приближаться к Нему, потому что Он нам близок, Он нам родствен и предан; для Него нет ничего невозможного, каким бы великим, трудным и невозможным оно ни казалось, потому что Ему дана всякая власть на небе и на земле, на Него вы всегда можете опереться, Он никогда не сменится, никто другой не займет Его места: Он остается вовеки Тем же.

И мы преклоняем в благоговении и поклонении пред Ним сердца и колена наши! Аминь.

Глава 23

Священники

И возьми к себе Аарона, брата твоего, и сынов его с ним, от среды сынов Израилевых, чтоб он был священником Мне, Аарона и Надава, Авиуда, Елеазара и Ифамара, сынов Аароновых.

(Исх. 28:1)

В нашей прошлой беседе мы видели только некоторые общие, главные черты в личности первосвященника. Мы вникнем более в подробности, когда будем рассматривать в его облачении дарованное ему Богом снаряжение для святого звания. Но пробел был бы очень чувствительный, если бы мы тотчас же перешли к их рассмотрению, не упомянув сначала о тех лицах, о которых Бог, в Своем повелении помазать Аарона, упоминает так же, как и о самом Аароне. Правда, он был и оставался всегда главным лицом; правда, все шло по его распоряжению, и от него же как бы изливалась во все стороны жизнь, проявлявшаяся во всей скинии собрания; но как пусто было бы в тех священных покоях, если б все служение должно было производиться одною лишь личностью его и если б только одне его руки действовали, и совершали все, как во дворе и святилище, так и во Святом-святых. Таково и не было намерение Божие; нет, Бог именно хотел, чтоб рядом с ним, под руководством его и в то время, когда он служил во святилище и Святом-святых в том же святилище, или во дворе его, или же в стане, а в случае нужды и вне стана, пред Ним совершали служение еще иные святые руки. Для этого Он по милости Своей избрал

священников.

Им мы и посвятим нашу сегодняшнюю беседу.

Обратим наше внимание прежде всего, как мы делали и при рассмотрении первосвященника, на их происхождение. Они были, как написано в нашем тексте, "из среды сынов Израилевых"

и таким образом, из одного и того же народа с первосвященником, из одного и того же колена и могли в этом отношении называться с полным правом его братьями; в том же самом стихе они также, два раза подряд, названы "**сынами его**", каковыми они и были в действительности. Это было еще более тесное родство, они были рождены им, были от плоти его и от костей его. Для каждого священника, который должен был предстать пред лицом Божиим и служить во святилище, мысль, что он связан с первосвященником такими тесными узами, теснее которых уже нет, что он служил там не под глазами чужестранца, чужого или незнакомца, но в тесном общении и под ответственностью друга и родственника, стоявшего к нему ближе, чем кто-либо другой на земле, - должна была быть утешительной и драгоценной. Каждый Израильянин мог, с некоторым страхом, думать о служении священника во внутреннем святилище, где обитает Бог, Бог Ревнитель; сам же священник мог со спокойным сердцем и великой радостью направлять шаги свои к тому месту, где он знал, что брат его, сам отец его стоит на служении.

Два имени, дорогие братия, прекраснее и приятнее которых для чада Божия не может быть, вложены в уста великого Первосвященника в послании, особенно выдвигающем Его первосвященническое звание. Это имена "брата" и "отца", которые Он применяет к Себе Самому в отношении к искупленным Своим. Прочтите с особенным вниманием следующие слова: "Надлежало, чтобы Тот, для Которого все, и от Которого все, **Приводящего многих сынов в славу**, вождя спасения их, совершил чрез страдания. Ибо и Освящающий и освящаемые, все от Единого; поэтому Он не стыдится **называть их братьями**, говоря: "Возвещу имя Твое **братиям Моим**, среди церкви воспою Тебя"... И еще: "Вот **Я и дети, которых дал Мне Бог**" (Евр.2:10-13). Мы уже видели в предыдущей беседе, как Он в прообразе первосвященника родствен Своим по Своей человеческой природе; здесь же указывается на родство Его божественной природы, потому что, - заметьте особенно причину, почему Он называет их детьми и братьями, - "все от Единого" (т.е. от Бога), как "Освящающий" (и это Он), так и "освящаемые" (это искупленные Его). Как Он исходит от Отца, так исходят от Отца и они, потому что и они рождены от Отца; но жизнь, сообщенная им, есть жизнь великого Первосвященника. Так является Он одновременно и Братом и Отцом их. Неправда ли, дорогие дети Божии, какое счастье сознавать, что мы священники Божии, и что мы смеем ими быть, потому что, искупив нас, Он искупил нас для этого. В этом драгоценном сознании лежит еще то другое чудное сознание, что мы священники в **сообществе с нашим великим Первосвященником**, родственным и тесно связанным с нами, что дает нам неизреченную радость для вступления и непрестанного пребывания пред лицом Бога и Отца нашего. Кровь Его, говорит нам апостол Павел, доставила нам дерзновение для входа во святилище; первосвященство же Его над всем домом Божиим дает нам возможность приступать "с искренним сердцем, с полною верою, кроплением очистив сердца от порочной совести" (Евр.10:19-22).

Посмотрим, далее, **на избрание ветхозаветных священников**. "И возьми к себе Аарона и сынов его с ним, от среды сынов Израилевых, чтоб он был священником Мне", таково было повеление Божие. Из этого повеления прежде всего видно, что, как ни высоко стоял первосвященник Аарон над своими сослужителями, тем не менее избрание последних совпадало с избранием его. Не раньше и не позже были они назначены на свое славное служение и высокое положение, как в тот момент, когда был назначен и глава их семьи. Затем, в глаза бросается другое, достойное внимания обстоятельство, и это было то, что они собственно в нем избирались в священники. "Чтоб он был священником Мне"; повторяется многократно, как бы Бог видел и хотел видеть только одного первосвященника Аарона, и в нем, одном упомянутом, как бы само по себе, подразумевал сыновей его.

Какие чудные, драгоценные мысли должны возбуждать в нас эти истины, если мы обратимся от этой прообразной тени ко Христу, истинному Первосвященнику. Если мы можем себе представить в течение прошедшей вечности минуту, в которую Отец назначил и избрал Единородного в первосвященники народа Своего, то мы можем также знать, когда было наше избрание быть священниками Его, так как наше избрание совпадало с избранием Его. Апостол в кратких словах говорит нам, что это случилось **"прежде создания мира"** (Еф.1:4); он также говорит нам, что наше избрание заключалось в избрании Его, свидетельствуя, что Бог избрал нас **в Нем**, т.е. во Христе. Бог видел только Христа и видит только Его, и в Нем, превознесенной Главе, всех членов Его. Все, нам дарованное от века, и все, что будет еще принадлежать нам в вечности, получаем мы чрез Него. И, потому что Бог призвал нас, говорит нам в другом месте апостол Павел, "званием святым не по делам нашим", они не были основанием или побудительной причиной для этого, эта причина находилась в чем-то ином и относилась ко времени, когда не могло быть и речи о каких-либо делах наших; причина эта была именно **"Его изволение и благодать, данная нам во Христе Иисусе прежде вековых времен"** (2Тим.1:9). Чудная спасительная тайна божественной любви, не знающей начала для искупленных Его, как и не знающей начала для Единородного, имеющей одно основание и одну причину, которые никогда не могут поколебаться, потому что они находятся не в них, но в возлюбленном Сыне Божиим! Взирай всегда на эту тайну, чадо Божие, когда ты совершаешь твое священническое служение; помни: не ты призвал и избрал себя и ты стоишь перед Святым Богом не в своем собственном достоинстве, не в том, что ты есть или что имеешь, но ты **избран во Христе** и стоишь тоже сокрытый **в Нем** перед Иеговой. А потому "горы сдвинутся и холмы поколеблются, а милость Его не отступит от тебя, и завет мира Его не поколеблется, говорить милующий тебя Господь" (Ис.54:10).

Взглянув на избрание священников, **остановимся** немного и **на их достоинстве**. Что касается их достоинства, то очевидно, что они, как священники, были высоко подняты над народом, почему и были отделены от него. Со дня призвания их, место их не было уже более там с другими в стане, но при дворе "великаго Царя", во святилище Божиим и в близости Его. Преданный Господу царь Давид благословляет их высокое положение, возглашая: "Один день во дворах Твоих лучше тысячи. Желая лучше быть у порога в доме Божиим, нежели жить в шатрах нечестия" (Пс.83:11). Но священники могли пребывать не только во дворе или быть привратниками дома Божия; нет, Господь предназначил им высшее место, а именно среди святилища. Псалмопевец как бы завидует им в этом преимуществе, когда, указывая на них, восклицает из глубины сердца: "Блаженны **живущие** в доме Твоем; они непрестанно будут восхвалять Тебя" (ст.5). Итак, из происхождения и избрания священников мы знаем уже, что они пребывали здесь чрез первосвященника и ради него и, таким образом, все достоинство их заключалось в их великой главе, их брате и отце. В действительности вся слава, облакавшая его, принадлежала также и им и переходила, хотя только отчасти, и на них. Если он был главой их, то они были членами его, без которых он не мог бы быть главою; если он был для них все во всем, то и они, в свою очередь, дополняли его в деле и служении его. Поэтому, священникам была приобщена часть чудных качеств первосвященника, потому что, как одежды Аарона, указывавшие на его достоинства, так и одежды их частью должны были иметь сходство с теми одеждами **"славы и благолепия"**. Таким образом, они носили на себе видимые знаки своего положения.

Бесконечно важно для каждого чада Божия верно понять и затем радостно и спокойно занять свое высокое положение, которое оно имеет во Христе пред Богом. Опасность, сделаться чрез

это высокомерным, здесь совершенно исключена; напротив, ничто не может так уничтожить и смирить нас, как **действительное вкушение** избытка благодати Божией. Надменно присвоенная благодать и воображаемое высокое положение, правда, могут сделать нас высокомерными, но никогда не сделает этого действительное обладание ими, потому что действительное обладание всегда связано с глубоким и непреодолимым сознанием: "Все, что я имею и что я есть, все это имею я только единственно **в Тебе**, моя великая, превознесенная Глава". К сожалению, существует значительное число детей Божиих, не осмеливающихся занять свое священническое положение пред Богом; они почти всегда стоят перед Ним в положении жалких грешников или, как те из Израильтян там во стане, вне скинии, которые восклицают, говоря: "Пусть не говорит с нами Бог, дабы нам не умереть" (Исх.20:19), вместо того, чтобы радостно идти вперед, они со страхом отступают назад. И все-таки, Господь, когда возлюбил и омыл их Своею кровию, соделал их "царями и священниками **Богу и Отцу Своему**" (Откр.1:6), Он вполне определенно и решительно объявляет им: "**Вы** - (не должны сделаться таковыми, а теперь уже) "род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел" (1Пет.2:9); если Он, великий Первосвященник, избран, то и вы, если Он - Царь и Священник, то и вы с Ним; если Бог называет Его "Сын **Мой** возлюбленный", то и вы сделались чрез Него Его собственностью. О, если бы вы только верно поняли и использовали это! Поистине, вам бы открылись еще более глубокие тайны и более тесные узы, если бы вы узнали, что вы названы членами тела Его, от плоти Его и от костей Его (Еф.5:30) и даже "полнотой Наполняющего все во всем" (Еф.1:23). Братия мои, будем остерегаться, чтобы нам не отречься, как склоняет нас к этому наше жалкое чувство, от положения, которое Христос приобрел для нас кровию Своею, но **осуществлять его** верою, присваивать себе и стоять в нем, служа Ему, потому что только тогда мы будем с дерзновением приближаться к Нему.

Нам должно быть ясно, что вместе с высоким достоинством, **связывались и священнические права**. Как много славных преимуществ имели они пред всеми братьями своими из народа! Как служители Божии, они никогда не могли спуститься до положения служителей и рабов человеческих, они также не должны были платить никаких повинностей и податей, кроме добровольных даров Господу. С священническим званием наступал для них и вечный юбилейный год. Далее, тогда как их братья из народа проводили дни свои во дворе скинии, пред ними, раз навсегда, была открыта дверь во святилище Божие, где они могли поклоняться у золотого жертвенника, питаться хлебами предложения, ходить в священном свете золотого светильника и созерцать величие славы Иеговы в покрывале с херувимами и завесе. Что бы ни предложил Израильтянин за все это, оно было недоступно ему, тогда как высоко облагодатствованный священник, в силу дарованного ему права, имел все это даром и безвозмездно.

И вот, мы хотели бы спросить: какое царственное право подобно тому, которое новозаветный священник разделяет со своей превознесенной Главой? Он живет в "лето Господне благоприятное" (Лук.4:19), в которое все пленные освобождаются и все измученные отпускаются на свободу (Лук.4:18,21), потому что это обетование исполнилось пред его глазами. Он сам освобожден Сыном и потому истинно свободен и вечно пребывает с Сыном в доме (Иоан.8:35,36). Он стоит теперь в свободе, дарованной ему Христом, не подвергаясь опять игу рабства (Гал.5:1). Он знал, после того как он куплен дорогою ценою, что его неоспоримое право уже не делаться "рабом человеков" (1Кор.7:23). И как в высшей степени драгоценно его общение со своим великим Первосвященником, в сообществе с Которым, где бы он ни находился, он всегда пребывает во святилище и ходить во свете Его; потому, хотя и среди мира, и окруженный

опасностями, он живет, как введенный из царства тьмы в царство возлюбленного Сына (Кол.1:13). Он Сам вечеряет с ним, Он - хлеб жизни его, который остается ежедневной и непрестанной пищей и наслаждением его; чрез Него он имеет свободный доступ ко всякой благодати "и хвалится надеждою славы Божией" (Рим.5:2); да, он вступает теперь уже в присутствие Бога и Отца своего, чтобы с очищенным сердцем и с детской верой взирать на Него и, наконец, когда наступит день его, он войдет во внутреннейшее, за завесу, куда предтечею за него вошел Иисус, Первосвященник навек по чину Мелхиседека (Евр.6:19,20).

О, мои возлюбленные братья, это все факты, уготованные для каждого из народа Божия. Скажите, согласны ли они с вашим ежедневным опытом? Пользуетесь ли вы в достаточной мере вашими столь **щедро** дарованными вам правами? Неправда ли, какими богатыми, радостными, сильными и блаженными были бы вы непрестанно, если бы делали это? Тогда, поистине, как говорит апостол, не было бы "**недостатка ни в каком даровании**", и оставалось бы только **одно** - ожидать явления Господа нашего Иисуса Христа, дабы узреть Его лицом к лицу (1Кор.1:7). Да, только когда мы верою вступаем в эти блаженные права, мы можем ходить и служить, как священники, потому что тогда все священнические дары благодати практически усвоены нами. И почему не сделать этого сегодня, почему не именно **теперь**? Потому что, **если** мы дети, **то и наследники**; итак, значит, уже сегодня, уже теперь,- наследники, именно наследники Божии, сонаследники же Христу (Рим.8:17); завещание нашего Завещателя уже вступило в силу, потому что Его смерть уже последовала и с Его стороны больше ничего выполнить не осталось. Теперь дело в нас, чтобы мы не откладывали это наследство, как мы часто делали, по ту сторону гроба, в вечность, - там, без сомнения, будут неизреченные, славные дары для нас, - мы должны теперь же осуществлять милости, приобретенные и дарованные нам для этой жизни. Да покажет нам во свете Своем Дух Святой, единый, дивный Толкователь этого божественного завещания, все, что уже теперь принадлежит нам, и да научит Он нас присвоить это себе!

Упомянем еще о служении священников. Как они имели свое достоинство и свои права, так каждый из них имел и свое особенное служение, как оно назначалось им в свое время и назначалось первосвященником, с которым они и в служении были в общении. Потому мы находим их с ним или, по его распоряжению, как у медного, так и у золотого жертвенника, мы видим их приносящими Господу кровавые жертвы и также воскуряющими фимиам во святилище; они то зажигают священный огонь, то поддерживают уже зажженный; им приходится иметь дело как с чистыми, так и с прокаженными Израильтянами; во святилище, во дворе, в стане и даже вне стана - всюду мы находим их деятельными по указанию первосвященника, во исполнение воли Господней.

Не то ли именно, что мы имеем святое служение, часто, очень часто упускается нами из виду? Сколько раз стремились мы к наслаждению, как часто настаивали на наших правах, не думая, что они настолько даются нам, насколько мы употребляем их в служении Его. Правда, мы знаем, что все обетования Божии, служащие для нас залогом милостей Его, "в Нем да и в Нем аминь", но всегда ли мы думали, что они "**во славу Божию, чрез нас**" (2Кор.1:20)? Если наша цель - прославление Бога, если мы желаем их исполнения, чтобы быть в состоянии вернее и лучше служить Ему, то они будут для нас всегда наличными деньгами.

Если б мы хотели всецело покориться Ему и смотрели бы на служение наше, как на совершаемое для Него, то каким обширным и разнообразным сделал бы Он его вскоре! Мы "вышли бы к Нему за стан, нося Его поругание" (Евр.13:13). мы стояли бы среди стана "между мертвыми и живыми", чтобы прекратилась язва (Числ.16:47,48), "ходящая во мраке и опустошающая в полдень" (Пс.90:6). Мы поступали бы подобно Ему, великому

Первосвященнику, и, как Он во дни плоти Своей с сильным воплем и со слезами приносил молитвы и моления Богу о спасении нашем, так и мы приносили бы таковые Богу и Отцу нашему за погибший мир, чтобы он был спасен. Благословенные в Нем, мы горели и пылали бы желанием, чтобы и мир получил благословение. И как бы мы отреклись от самих себя, видя пред собой чудный пример Его, который Он нам оставил, дабы мы шли по стопам Его. Глядя на Его отдачу Самого Себя в жертву, благоухание приятное Господу, не отдали бы и мы тела наши в жертву живую, святую и благоугодную Богу? Как бы скоро мы поняли, что только это может быть единственным разумным служением Богу, которому, хотя существовало бы начало, но, как и должно быть, никогда конца не будет. О, если бы все дети Божии совершили эту полную отдачу Господу! О, если бы каждая наша мысль истекала из священнического сердца, каждое наше слово исходило из священнических уст, каждое дело наше совершалось посвященными руками и наше внутреннее и внешнее направление жизни свидетельствовало об образе мысли нашего великого Первосвященника: чтобы Он, как Глава, несущая на Себе ответственность за членов Своих перед Богом, не должен был бы, при взгляде на наше хождение, сказать: "Я не нахожу, чтобы дела твои были совершенны пред Богом Моим" (Откр.3:2).

Еще одно; нам не хотелось бы расстаться со священниками, не бросив взгляда **на их взаимное отношение друг к другу**, Оно, казалось бы, должно было быть самое лучшее. Не были ли они все дети одного отца и, таким образом, одинакового происхождения? Не одинаково ли было их призвание и, именно, к одинаковому достоинству, одинаковым правам, одинаковому служению и одинаковой славе? И все это давалось им единственно из милости, даром. И не служили ли они одному превознесенному Господу под руководством одной, общей главы, первосвященника? Воистину, здесь не было ничего, чем бы можно было друг друга упрекать, чему завидовать и чем бы превозноситься друг пред другом; между ними могло существовать только братское отношение, отношение полного единства.

Но оставим эту картину и перейдем к иной; идите и посмотрите на великого Первосвященника, смотрите, как Он стоит там, на пороге святилища и Святого-святых, готовый войти за завесу, и как Он еще раз обращает Свой взор на остающееся великое множество священников. Он молится и просит за них, и что же побуждает Его к тому, чего жаждет Его горячо любящее сердце? Подойдите и послушайте: "**Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе**, так и **они да будут в Нас едино**; да уверует мир, что Ты послал Меня" (Иоан.17:21). "**Едино в Нас**" - с этим желанием вышел Он из этого мира. И что же? Услышаны ли эти сердечные воздыхания нашего несравненного Ходатая одновременно и с той и с другой стороны завесы? Ах, почти кажется, что они нашли мало отголоска со стороны тех, за кого они вырывались из Его сердца. А между тем, разве они менее облагодатствованы, нежели те священники Ветхого Завета? Не дано ли им все, что навеки объединяет их? Послушайте только, с какой уверенностью говорит Он Отцу: "Славу, которую Ты дал Мне, **Я дал им: да будут едино, как Мы едино**" (Иоан.17:22). Итак, в славе этой у них нет недостатка, она им дана, и дана уже тогда. Как безумно поэтому начинание, если они хотят теперь создать эту славу единства; не значит ли это отрицать Его уверение пред Отцом? Поэтому придите, дорогие братья, придите и научитесь сознать и эту дарованную славу; признавайте ее за братьями вашими, потому что, давая ее, Христос дал ее всем: и, прежде всего, ищите ее лишь там, где ее видел и желал видеть Он Сам, именно в чудном и славном "**в Нас**". И если бы тысячи стоящих рядом с вами оспаривали у вас эту славу, она будет сопровождать вас, она осчастливит вас, потому что, как истина Божия, она будет с каждым днем все сильнее и сильнее сказываться сердцу вашему, и вы будете более, чем когда-либо возносить священнические моления за тех, которые отделяются от единства во Христе:

Воедино, Пастырь дивный,
Собери Своих овец.
Дабы был в них Дух единый,
Как желал того Отец!
Чудной истиной святою -
Эта истина Ты Сам-
Тесно их свяжи с Собою,
Дав отраду их сердцам.
Дабы нам, в Тебе сокрытым,
Дух единый Твой являть
И людским сердцам закрытым
Твое царство возвещать.
Ты, с Отцем Единосущий,
Светлый светоч в нас зажги
И в греховной мгле тонуций
Мир им ярко озари.

Аминь.

Глава 24

Хитон и верхняя риза

И сделай хитон из виссона...

(Исх. 28:39)

И сделай верхнюю ризу к ефоду всю голубого цвета; среди ее должно быть отверстие для головы; у отверстия ее вокруг должна быть обшивка тканая, подобно как у отверстия брони, чтобы не дралось; по подолу ее сделай яблоки из нитей голубого, яхонтового, пурпурового и червленого цвета [и из крученого виссона], вокруг по подолу ее; [такого вида яблоки и] позвонки золотые между ними кругом: золотой позвонок и яблоко, золотой позвонок и яблоко, по подолу верхней ризы кругом; она будет на Аароне в служении, дабы слышен был от него звук, когда он будет входить во святилище пред лице Господне и когда будет выходить, чтобы ему не умереть.

(Исх. 28:31-35)

Если мы бросили даже только один беглый взгляд на высокое положение, достоинство и преимущественные права первосвященника Израилева, то очень скоро и совершенно невольно у нас возникнет вопрос: что же собственно давало это высокое преимущество и достоинство, позволявшее человеку, посредничая перед Иеговой, заступать своих собратий? Был ли он исключением из них в каком-либо отношении? Был ли он другим по рождению или по своим заслугам, или он обладал какими-либо преимуществами перед другими смертными? Мы можем совершенно спокойно ответить на все это решительным "нет". Он стоял на одном уровне со всеми своими братьями, именно на том, который Господь раз на всегда указал словами Св. Писания, говоря: "Нет различия, потому что все согрешили и лишены славы Божией" (Рим.3:22,23). И все-таки, мы не можем себе иначе представить: тот, который заступал всех и безбоязненно приближался к святому Богу, должен был быть возвышен над этим общим уровнем, должен был быть праведным и святым, без пятна и порока, благоугодным, достойным и чистым пред Богом, как торжественно свидетельствует апостол, описывая Евреям первосвященника: "Таков и должен быть у нас Первосвященник: святой, непричастный злу, непорочный, отделенный от грешников и превознесенный выше небес" (Евр.7:26). Он должен был соединять в себе божеские и человеческие качества, посредством которых он мог бы удовлетворить и Бога и человека. Так как ни один человек и даже Аарон не обладал ими, но все-таки представлял прообразно грядущего великого Первосвященника, Который должен был иметь их в совершенстве, то они были символически приобщены ему Богом в священных одеждах. Во всем,

что ни облекало или украшало первосвященника Аарона, во всякой принадлежности его одежды ему сообщалось какое-нибудь качество посредника нашего, какая-нибудь черта нашего Спасителя, и поэтому и здесь мы должны искать его превосходство, его великое преимущество пред другими священниками. Постараемся в предстоящих беседах выяснить эти крайне драгоценные черты в "славных и благолепных" одеждах первосвященника. Сам Дух Святой да руководит нами в этой благословенной работе. Начнем прежде всего с

хитона и верхней ризы.

Итак, рассмотрим хитон первосвященника. В 39 ст. сказано: "И сделай хитон из виссона".. Это была одежда, плотно прилегавшая к телу и притом первая, которую Аарон одевал после полного омовения Моисеем. Таким образом, он являлся, по отношению к омовению, как чистый и омытый, по отношению же к хитону, как облеченный в праведность, на что указывал светлый белый виссон. Очевидно, что тот, кто должен был заступать других грешных и порочных людей, сам должен был быть непорочным, чтобы в нем не нашлось никакого недостатка. Праведность должна была быть первым качеством его, основанием его служения пред Богом, исходной точкой всех его действий. Еслиб у первосвященника не доставало праведности, то как могло бы видеть его око Божие? И могла ли успокоиться совесть бедных грешных людей, доверявшихся ему, как своему заступнику и ходатаю? Никогда! Поэтому Аарону, хотя бы только символически, необходимо было облечься в ризы праведности.

Но каким был он здесь точным прообразом Христа Иисуса, не имевшего ни в чем недостатка, обладавшего всем совершенством в полной мере; Он был назван Самим Богом "священником Бога Всевышнего", "по чину Мелхиседека"; и, чтобы мы не сомневались в том, что Он хочет этим сказать, сам апостол дает нам пояснение: "Во первых" - говорит он нам, - "Он по знаменованию имени **царь правды**, а потом и царь Салима, т.е. царь мира" (Евр.7:2). Итак, праведность стоит и у Него во главе, Он - царь ее, потому что она принадлежит Ему в совершенной мере, она составляет Его ближайшее качество, область Его неограниченного владычества, и поэтому Он и может быть благословенным и увенчанным славой носителем мира для всех тех, которых Он заступает пред Богом. Апостол Иоанн не находит никакого другого утешения для Его ошибающихся и согрешающих детей, как именно совершенство Господа, когда он им пишет: "Дети мои! сие пишу вам, чтобы вы не согрешали, а если бы кто согрешил, то мы имеем Ходатая пред Отцом, Иисуса Христа, **праведника**" (1Иоан.2:1). "Нам могут наши недостатки и грехи заграждать уста, и наши ошибки заставляют нас молчать перед Богом, но Иисус" - хочет он сказать, - "может ходатайствовать за нас; Он, праведник, имеет полное право на это". Но это еще не все. Не только Сам он праведен, но и действие Его и дело Его ходатайства за грешников пред Богом совершенно праведно, потому что "Он есть умиловление за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира" (1Иоан.2:2). Он - "Господь, **оправдание наше**" (Иер.23:6), "Солнце правды", несущее нам исцеление в лучах Своих (Мал.4:2); и в нем Он скрывает всех тех, которые, подобно птенцам, собрались под крылами Его, найдя себе убежище под ними. Подобно той чистой белой одежде, покрывавшей тело первосвященника, облек Он тело Свое, **которое есть Церковь Его**, в Свою праведность, и так стоит она в Нем и с Ним пред престолом Божиим. Сыны Аарона представляют собой верное отражение этого, потому что в таких же чистых, белых одеждах, какую носил и их глава, ходили они пред Господом во святилище; в этом отношении они были одеты одинаково с ним.

Итак, как спокойно можешь ты быть, чадо Божие, и какой чудный мир может быть уделом

твоим! Взирая на Него, твоего царственного Ходатая, Царя правды и мира, ты знаешь, что никакое око - ни человеческое, ни ангельское, ни око князя мира сего, так сильно желавшее подметить в Нем что-либо, ни самое око Божие не откроет в Нем ни малейшего недостатка; итак, ты можешь вполне и всецело опереться на Него: Он с торжеством доведет до конца дело твое. Если ты смотришь чрез Него на себя и видишь себя сокрытым в Нем, то ты можешь ликовать за себя вместе с пророком: "Радостию буду радоваться о Господе, возвеселится душа моя о Боге моем; ибо Он облек меня в ризы спасения, **одеждою правды** одел меня, как на жениха возложил венец, и как невесту украсил убранством. Ибо как земля производит растения свои, и как сад произращает посеянное в нем, так (т. е. без содействия, помощи с их стороны) **Господь Бог проявит правду** и славу пред всеми народами" (Ис.61:10,11). Но твой жребий еще несравненно драгоценнее: тебе не нужно более ожидать его осуществления в будущем, как пророку, но ты можешь сказать: "Господь Бог уже проявил мне правду и славу Свою".

Но обратимся далее ко второй одежде первосвященника - **голубой верхней ризе**. Это было, собственно, длинное, широкое одеяние, ниспадавшее складками с плеч до самой земли. Весь человек был вполне облечен им.

Нам уже известно, что, голубой цвет есть цвет неба и что всем, носившим его предметам он сообщал оттенок небесного. Итак, первосвященник являлся здесь, как небесный, потому что был весь покрыт этим цветом. Хотя служение его совершалось здесь, на земле, но в этом обстоятельстве заключалась мысль, что на него следовало смотреть, как на небесное служение. И действительно, главное, служение первосвященника происходило во Святом-святых, прообразе неба, почему кроме него никто не имел туда доступа. И замечательно, у священников мы не находим этой голубой ризы и вообще никакого голубого знака, что указывает на то, что их служение касалось только жизни веры здесь, на земле.

В действительности, братия мои, мы отнюдь не можем искать здесь нашего великого Первосвященника и Его первосвященническое дело; Он, правда, был здесь умирающим жертвенным Агнцем, но, лишь только пролилась Его кровь, Он поспешил с ней в вечное Святое-святых, где и с этой минуты занял Свое место одесную Бога. Нет, не здесь совершается это драгоценное служение Господа, не по эту, а по ту сторону завесы, в присутствии Иеговы. Конечно, Он совершает служение Свое для тех, которые на земле, но совершает его там, на том месте, где мы в Нем так сильно нуждаемся. Некогда это место занимал "клеветник братьев наших, клеветавший на них пред Богом нашим день и ночь" (Откр.12:10). Но при появлении нашего Ходатая он был низвержен, и "не нашлось уже для него места на небе". И мы можем присоединиться к торжеству; "Итак, веселитесь, небеса и обитающие на них" (Откр.12:12), потому что Бог нас "посадил на небесах во Христе Иисусе" (Еф.2:6).

При внимательном чтении Библии, нам станет очень ясно, что первосвященническая деятельность Христа совершается в небесах. Правда, почти кажется, что это не так, когда в 17 гл. Евангелия Иоанна мы уже **здесь**, на земле, слышим, Его горячую, первосвященническую молитву, звучащую в ушах наших еще прежде, чем Он восшел туда, но, проследив хорошенько, мы скоро откроем, как Он, уверенный в Своей победе и Своем торжестве, предварил Себя и, в духе видя Себя уже там, в присутствии Своего Отца, приносил Ему эту молитву. Слава и благодарение Ему за то, что Он сделал это, потому что таким образом Он дал нам блаженное предвкушение нашего бесконечного приобретения, выпавшего на нашу долю с тех пор, как Он пребывает на небесах. Перечтите Его слова, и вы убедитесь, как, будучи еще здесь, пред завесой святилища, Он возносился от земли и видел Себя уже в славе пред Отцом. "Я" - говорит Он в этот торжественный час - "**совершил** дело, которое Ты поручил Мне исполнить", и все же слово

"Совершилось"! Им еще произнесено не было. Затем Он продолжает "И ныне прославь Меня Ты Отче, у Тебя Самого славою которую Я имел у Тебя прежде бытия мира"; в духе Он уже вкушает предлежавшую Ему радость (Евр.12:2. В исправленном переводе). Далее мы слышим: **"Я уже не в мире"**: таким образом Он стоял уже, как великий Первосвященник, на месте Своего вечного священнического служения. Далее мы находим, что все Послание к Евреям было написано, чтобы отвлечь взгляд бедных новообращенных Евреев от земных священников и первосвященников, служивших еще тогда прообразам; для этого апостол направляет взоры их **в небеса и удерживает там**, показывая им Христа как великого Первосвященника, являющегося служителем самых будущих благ. "Главное же, о чем говорим, есть то: мы имеем такого Первосвященника, **Который воссел одесную престола величия на небесах**, и есть священнодействователь **святилища и скинии истинной, которую воздвиг Господь**, а не человек", - так описывает апостол место и священническую деятельность нашего Господа. И, далее, он даже говорит нам: "Если бы Он оставался на земле, **то не был бы и священником**" (Евр.8:1-5), и это должно раз навсегда разрешить нам вопрос, что небо служит областью Его первосвященнической деятельности, на что указывает нам прообраз. Нет, на земле Он не мог быть священником: Он не принадлежал к колену Левия. Он был, как поясняет нам тот же апостол, - "из другого колена, из которого никто не приступал к жертвеннику, ибо известно, что Господь наш воссиял из колена Иудина, о котором Моисей ничего не сказал относительно священства" (Евр.7:13,14). Он не мог быть здесь священником, потому что здесь служили **"образу и тени небесного"** (Евр.8:5); это служение должен Он был предоставить другим, ведь Он Сам был сущностью этих небесных благ и пришел, чтобы послужить им, а это могло совершаться только на небе.

Итак, направим раз навсегда наши взоры туда, где Христос сидит одесную Бога. Там наш Первосвященник и Ходатай, там, где мы нуждаемся в Нем, и, слава Ему, Он не только носит, подобно Аарону, голубую ризу, которую можно было одевать и снимать, но Он Сам - "Господь с неба", "превознесенный выше небес"; там отныне - святилище наше, там - наше истинное поклонение, наше истинное Богослужение, там - источник наших благословений и "все во всем", там да будет и жительство наше!

Возвращаясь опять к нашему прообразу, я особенно хотел бы **указать на тщательность, с которой должно было быть отделано отверстие для головы у голубой ризы**. В 32 ст. сказано: "Среди ее должно быть отверстие для головы; у отверстия ее вокруг должна быть обшивка тканая, подобно, как у **отверстия брони**, чтобы не дралось". Обшивка около ворота делалась из крепкой ткани, чтобы она была очень прочна, потому что не только Аарон должен был носить эту одежду, но она переходила еще и к преемникам его. И, действительно, риза эта переходила от одного первосвященника к другому. Когда Аарон окончил свое земное поприще, Господь повелел Моисею: "Возьми Аарона и Елеазара, сына его, и возведи их на гору Ор. И сними с Аарона одежды его, и облеки в них Елеазара, сына его, и пусть Аарон отойдет и умрет там" (Чис.20:25,26). И Моисей в точности исполнил это божественное повеление. Лица сменялись одно другим, но отличительные знаки их первосвященнического достоинства оставались, они должны были изображать нечто пребывающее, не переходящее.

Если мы, далее, примем еще во внимание, что раздирание одежды человека было выражением скорби о гибели, несчастья или незаменимой утрате и, таким образом, означало отчаяние, как будто все погибло, то нам понятно, почему Бог желал предотвратить это. Никогда у первосвященника **в служении его пред Богом** не должно было быть минуты подобно тем, которые мы находим в жизни других людей. Отметим лишь некоторых из великого числа тех,

которых называет нам Св. Писание. Вот Рувим, не находящий Иосифа во рве; о нем сказано: "Разодрал он одежды свои, и возвратился к братьям своим и сказал: отрока нет, а я, куда я денусь"? (Быт.37:29,30). Нечто подобное же читаем мы и о престарелом Иакове, когда ему принесли обогрелую кровью одежду Иосифа. Он узнал ее и сказал: "эта одежда сына моего; хищный зверь сел его; верно растерзан Иосиф". И разодрал Иаков одежды свои, и возложил вретисце на чресла свои, и оплакивал сына своего многие дни" (Быт.37:33,34). Вспомним затем об Иисусе Навине и Халеве: когда все общество сынов Израилевых возмутилось, задумало избрать себе начальника и возвратиться в землю Египетскую, Иисус Навин и Халев из страха и в ожидании грядущего на непокорных гнева Божия, разодрали одежды свои пред лицом всего народа (Чис.14:6). И затем еще Иисус Навин разодрал одежды, когда при Гае народ был поражен рукою сравнительно слабого врага. То была отчаянная борьба с Богом, что мы видим из следующих слов: "Иисус разодрал одежды свои, и пал лицом своим на землю пред ковчегом Господним, и лежал до самого вечера" (Иис.Н.7:6). И вот, подобных случаев, случаев такого горя и утраты, которые могли бы привести к раздиранию первосвященнического одеяния, не должно было быть между Богом и первосвященником; такое раздирание означало бы, собственно, конец и лишение этого служения и этого звания, так как эта одежда имела отношение именно к ним. Напрасно искали бы мы в Ветхом Завете примера, где первосвященник разодрал бы свою ризу: это было время, в которое служение образу и тени небесного должно еще было продолжаться, и потому, какие бы тяжелые удары ему ни наносились, знак его конца не мог быть дан первосвященником. Единственный пример этого рода встречаем мы в Новом Завете: это случилось в то время, когда истинный великий Первосвященник направлял шаги Свои во Святое-святых, чтобы предстать со Своею собственною кровию пред Богом, о чем Он заявил последнему служителю образа и тени небесного, сказав: "Отныне узрите Сына человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных" (Матф.26:64). То, что Он сидит одесную силы, апостол и относит в Послании к Евреям 8:1 к Его первосвященнической деятельности. Она действительно началась, именно, с этой минуты, а потому должно было случиться, как мы читаем далее: "первосвященник разодрал одежды свои" (Матф.26:65). Настало время, когда служение образу и тени должно было окончиться, и началась действительность. Христос, Агнец Божий, подошел к медному жертвеннику, а вслед затем, как первосвященник, за завесу.

Итак, та голубая одежда не должна была раздираться, и, все-таки, она была, наконец, разодрана, потому что была земная. Это было нечто видимое, временное, а "невидимое - вечно", говорит апостол; но все-таки своей прочностью она должна была указывать на вечное священство нашего Спасителя. Поэтому остановись и поразмысли, искупленный Богом. Подумай: твоему Ходатаю пред Богом не угрожает конец, и нет ни конца, ни утраты или отчаяния Его славному званию и служению для тебя. Безгранично велика может быть испорченность тех, за которых Он сделался Ходатаем, и они могут раздирать об этом сердца свои, но Он не знает перемены и никакой тени страха относительно успешного завершения Своего славного дела в них и для них. Для Сына, поставленного "на веки совершенным" первосвященником по клятвенному слову Божию, нет теперь ничего невозможного.

Но дальше, возлюбленные, **посмотрите на подол этой одежды с его роскошными украшениями.** "По подолу ее сделай яблоки из нитей голубого, яхонтового, пурпурового и червленого цвета, вокруг, по подолу ее; позвонки золотые между ними кругом. Она будет на Аароне в служении, дабы слышен был от него звук" (Ст.33:35). По человеческому рассуждению, могло казаться странным такое украшение при торжественном богослужении: но в свете

Божием оно полно благословения.

Прежде всего, посмотрите на **золотые колокольчики** по всему подолу ризы. Какие приятные, нежные звуки должны были раздаваться во время шествия первосвященника! Он не мог ступить ни шагу без того, чтобы не быть услышанным. Мы читаем о многих обязанностях первосвященника во святилище и Святом-святых: он должен был возлагать каждое утро и каждый вечер благовонное курение на золотой жертвенник, наполнять золотой светильник свежим елеем, и по субботам он же должен был полагать новые хлебы на стол для хлебов предложения; кроме того, при каждом приношении жертвы за грех, он постоянно окроплял кровью эти покои; обо всем этом упоминается в Св. Писании, но нигде мы не читаем о том, что ему приходилось там говорить. Нет, Аарон не говорил ни слова, ни во святилище ни во Святом-святых, но облакавшие его одежды с их украшениями изображавшими качества, благоугодные Богу, говорили, посредством этих колокольчиков, языком, который Бог один понимал и только желал слушать. Он Сам повелел прикрепить эти маленькие звоночки именно к тому месту одежды, где малейшее движение должно было вызвать их звуки. И где только не слышались эти приятные звуки? Из святилища проникали они с одной стороны до двора, и с другой доходили до внутренней части святилища, до Святого-святых, к Богу. Как удивительно должно было себя чувствовать все множество ожидающего вне народа, который не мог уже видеть первосвященника своего, лишь только он вступал в скинию собрания, когда изнутри, хотя бы только тихо, до их ушей доносился звон золотых позвонков. Они могли себе тогда сказать: "Теперь он священнодействует за нас", и: "Если уже здесь, во дворе, мы слышим звон золотых колокольчиков, как дивно должны они звучать вблизи Иеговы, во Святом-святых"!

И мы, возлюбленные, видели нашего великого Первосвященника входящим во Святое-святых; Он скрылся из наших глаз, и ухо наше не слышит Его более; но все мы знаем, что Он говорит там, где прекратятся все языки (1Кор.13:8, которые тоже принадлежат к тому, что отчасти), говорит звуком золотых позвонков, говорит божественным языком одним Своим появлением, превосходящим все языки. Подумаем только о личности Его: от начала веков был Он возлюбленным существом Отца, одинаковым с Ним, и разделял славу Его; и как при всем этом Он уничижил Себя, сделавшись поверженным в прах Сыном человеческим, Который был послушен до смерти, и смерти крестной; помыслим о Нем, как о Том, Который не знал греха и, все-таки, как великий пастырь овец, отдал жизнь Свою в жертву повинности, жертву умилоствления для грешников и стоит теперь там со Своею собственною кровию; помыслим о Нем во всей Его жизни, Его страданиях, Его полном самопожертвовании до смерти, как Он из горячей, пламенной любви к Отцу отдал Самого Себя в жертву и с этою же любовью приводить теперь в исполнение Его намерения, да, помыслим о Нем таким образом, и тогда скажите, каким всемогущим языком говорит там Его явление. И не доносятся ли от времени до времени отсюда и до нас эти чудные звуки? Не долетают ли отдаленные звуковые волны эти из небесного Святого-святых и до нашего слуха в потоках благословений, обетований и сладких утешений, нам передаваемых чрез посредство чудного другого Утешителя нашего, Духа Святого? Да, и я, и ты, и все мы, несомненно, слышали их много раз. "Оставь его и на этот год, пока Я окопаю его и обложу навозом, не принесет ли плода", так ходатайствует пред Богом Его явление за одного. "Носи, поддерживай и охраняй его до старости и до седины его", ходатайствует Он за другого. "Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя", тихо шепчет Он третьему; четвертому из нас возвещает Его явление на небе благовую весть: "Если будут грехи ваши, как багряное, как снег убелю; если будут красны, как пурпур, как волну убелю" (Ис.1:18). Пятый утверждает в уверенности, что "Он **одним** приношением навсегда сделал совершенными освящаемых"

(Евр.10:14). Все это - разве не звуки золотых колокольчиков, доносящиеся до нас из другого мира, из Святого-святых, и не Ему ли обязаны мы ими? Необходимо, чтоб ухо наше оставалось всегда открытым и приобрело особенную чуткость, дабы ни один из доносящихся до нас оттуда звуков не пропал даром, но сделался нам вечно памятным.

Рядом с золотыми колокольчиками красовались еще на подоле голубой ризы **гранатовые яблоки**. Они чередовались с золотыми звонками; этих милостивых плодов должно было иметься как раз столько же, сколько и золотых колокольчиков. "Золотой позвонок и яблоко, золотой позвонок и яблоко, по подолу верхней ризы кругом" - таково было повеление Божие (ст. 34). Плоды первосвященника должны были вполне соответствовать речи его посредством золотых колокольчиков. Он должен был быть плодовитым ходатаем своего народа пред Богом. Рассматривая ближе привешенные к первосвященнической одежде плоды мы открываем в последних чудное сходство с приобщенными ему от Бога свойствами. Я напоминаю вам только те четыре облачавшие его священные цвета и значение их, и, затем, посмотрите, как эти гранатовые яблоки им соответствуют; в плодах этих снова встречаются все эти привлекательные цвета Таким образом, первосвященник являлся не медью звенящей и не кимвалом звучащим, но таким, речь которого производила "золотые яблоки в серебряных прозрачных сосудах" (Притчи 25:11),- таким, чьи плоды вполне согласовались с сообщенными ему свойствами.

Все это в первосвященнике Израильском были только тени, картина, нарисованный огонь которой не жжет и не светит, но указывает на действительность, не только вполне соответствующую всякой тени и всякой верно нарисованной линии но бесконечно превосходящую ее. Блаженны дети Божии, нашедшие во Христе Иисусе в силе и жизни то, что показано в этом прообразе! Они ежедневно познают, как перешли от тени к действительности, потому что вкушают теперь плоды своего истинного Ходатая: они видят их не только изображенными на картине, но и наслаждаются ими, они сделали их пищей и питьем. Да, возлюбленные, мы знаем, что ни один звук нашего Заступника не останется тщетным, что Его ходатайство производит плод за плодом, которые достаются нам, членам Тела Его, здесь на земле, даром и безвозмездно. С первой минуты Его вступления во Святое-святых до возвращения Его оттуда, весь народ Его и каждая отдельная душа получает непрерывный приток тех благословений, которые Он изливает на них оттуда. "И Я умолю Отца"- обещал Он, оставляя Своих искупленных, "и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами во век" (Иоан.14:16): и лишь только Он предстал пред Богом, как этот драгоценнейший из всех плодов Его ходатайства снишел к нам. Апостол Петр, один из первых получивший Его, свидетельствует об этом следующими словами: "Итак, Он, быв вознесен десницею Божию и приняв от Отца обетование Святого Духа, излил то, что вы ныне видите и слышите" (Деян.2:33). Только что явившись туда, - Он получает, только что получив, посылает Он нам Его - другого Утешителя, чтобы мы могли пользоваться плодом Его ходатайства. И если бы мы вздумали рассказывать друг другу, какие чудные плоды, вполне соответствующие Его существу, мы ежедневно вкушаем, то нам не достало бы времени на это. И еще больше, посмотрите только, какая драгоценная свобода дана нам в том, что Он позволил нам приходить **чрез Него** Самого к Отцу и просить Его о чем мы хотим. "И если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне. Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю" (Иоан.14:13,14),- вот торжественное приглашение, два раза подряд, - и уверение в получении желаемых плодов. Блажен народ, имеющий такого Первосвященника пред лицом Божиим!

Поэтому всякий, причисляющий себя к этому народу, взгляни радостно на все это, потому что чего могло бы недоставать даже самому слабому и ничтожному из них? Он знает, что его

Первосвященник всегда жив, чтобы ходатайствовать за Своих; и Его уста громко провозгласили: "Я и знал, что Ты **всегда** услышишь Меня" (Иоан.11:42); из этого он может дерзновенно заключить: "**Когда и в чем** могу я нуждаться"? Если Он всегда жив, если Он всегда ходатайствует за меня, если Он всегда услышан, тогда, воистину, возлюбленные, мое спасение совершенно! Да, оно полно, оно совершенно! Пусть же око ваше с детским доверием успокоится на Нем навеки! Аминь.

Глава 25

Ефод и нарамники

И сделай священные одежды Аарону, брату твоему, для славы и благолепия. И скажи всем мудрым сердцем, которых Я исполнил духа премудрости [и смысления], чтобы они сделали Аарону [священные] одежды для посвящения его, чтобы он был священником Мне. Вот одежды, которые должны они сделать: наперсник, ефод, верхняя риза, хитон стяжной, кидар и пояс. Пусть сделают священные одежды Аарону, брату твоему, и сынам его, чтобы он был священником Мне. Пусть они возьмут золота, голубой и пурпуровой и червленной шерсти и виссона, и сделают ефод из золота, из голубой, пурпуровой и червленной шерсти, и из крученого виссона, искусною работою. У него должны быть на обоих концах его два связывающие нарамника, чтобы он был связан.

(Исх. 28:2-7)

Славной одеждой первосвященника, особенно выдвигавшей его высокий сан и служившей верным признаком его бесконечного превосходства пред его сослужителями, священниками, был бесспорно ефод с его драгоценным украшением. В виду этого он назван и описан Господом первым из всех других одежд и никак не должен быть смешиваем с хитонами священников, название которых иногда переводится словом "ефод", как, например, в 1 Цар. 22:18 и 2 Цар. 6:14. В первом из этих мест мы находим всех священников в Номве одетыми в льняные ефоды; в таковой же был одет и Давид; под этим, очевидно, подразумевались священные одежды, которые тоже иногда так назывались, потому что плотно прилегали к телу. Это - то, что называлось у первосвященника хитоном, который мы уже рассмотрели и который был также и одеждой других священников, служивших только во дворе скинии и во святилище. Тот хитон был основанием для каждого священного звания и каждого служения пред Богом, совершались ли они вне, во дворе скинии, у медного жертвенника, внутри святилища, или в самом Святом-святых, исполнялись ли они главой или подчиненными ему, т.е. первосвященником или сынами его, священниками, - всюду их должен был украшать узкий белый хитон, обозначавший чистоту и праведность. Как он ни был прост, тем не менее, он был необходим всякому. Но здесь говорится не о нем, здесь идет речь об одежде, присущей исключительно первосвященнику и надевавшейся поверх голубой ризы, что имело особенно важное значение. Последняя, верхняя риза, возводила первосвященника или, вернее сказать, его звание и служение из обыкновенной священнической сферы, в которой он находился в своем льняном хитоне, в высшую и славнейшую; она поднимала его прочь от этой земли в небеса, к Богу. Она указывала, что служение его было неземное, служение во Святом-святых, в непосредственном присутствии Божиим. Сюда же относился и ефод со всеми его украшениями и поэтому светлая голубая риза

должна была быть его основанием. Сегодня, минуя драгоценные украшения и их значение, мы поближе рассмотрим только

ефод и принадлежащие к нему нарамники.

Да укажет нам Господь их значение.

"Слава и благолепие" первосвященнического ефода выражались преимущественно тканью, из которой он был сделан. В нем мы снова встречаем уже известные нам четыре рода виссона с их многозначительными цветами. Стоит упомянуть здесь, хотя вкратце, о их значении. Ведь здесь мы находим эти цвета облакающими ходатая Израилева, вступающего в присутствие Божие. Они, вместе с другими славными знаками его, говорят языком, направленным к вечному нашему благу, к блаженству нашему здесь на земле и в вечности. Мы уже часто имели случай указать, что голубой цвет есть цвет неба, пурпуровый изображает человеческое царское величие и славу, червлёный же, напротив, - кровь или жизнь, отданную на смерть, и, наконец, белый означает невинность и праведность. В них мы уже видели Христа, как спешшего с небес, как Царя человечества, как Праведника, отдавшего за неправедных жизнь Свою на смерть. Таким мы видели Его, возлюбленные, во дни Его земного хождения; но самое многозначительное здесь то, что Он в этом Своем благолепии стоит, как великий Первосвященник на небесах, как нам это указывает наш прообраз.

Нам хотелось бы обратить ваше внимание еще и на то, как здесь вполне подтверждается наше объяснение, которое мы дали в предыдущих беседах, когда на различных священных предметах видели эти цвета, применив их к личности Иисуса Христа, потому что первосвященник, носивший их здесь сам на своем теле, как украшение, возложенное на него Господом, является, как почти никто другой, одним из самых выдающихся прообразов Господа. Мы уже очень ясно видели это из приведенных мест Послания к Евреям.

Только одну существенную разницу, вполне заслуживающую наше внимание, мы находим между этою тканью, тканью ефода и тканью, употреблявшейся для ворот скинии, ее двери, завесы и покрывала с херувимами. Во всех этих последних предметах нигде не упоминается о золоте; ни одной золотой нитки не заключалось ни в необыкновенно длинных и широких завесах, закрывавших входы скинии, ни в роскошном покрывале с херувимами, непосредственно соприкасавшемся с позолоченными брусьями. Здесь, в ефод, мы, напротив, встречаем золото в равном количестве с другими разноцветными нитями ткани, взятыми вместе, т.е. золотых нитей было столько же, сколько было других частей разноцветного виссона. Это явствует из Исх. 39:3, где мы читаем: "И разбили они золото в листы и вытянули нити, чтобы воткать их между голубыми, пурпуровыми, червлёными и виссонными нитями, искусною работою". К каждой из этих нитей придавалась отдельная золотая нить, так что получился ефод, весь залитый золотым сиянием. Всякому, видевшему Аарона, должно было сразу же броситься в глаза, что его украшала слава, несравненно превосходившая славу, заключающуюся в других, только что упомянутых священных предметах. На какого рода славу указывает золото, это нам уже известно: мы знаем, что золото обозначает природу божественную. Как первосвященнику, Аарону надлежало одеждami своими представлять как человеческую, так и божественную природу. Но, по видимому, божественная природа являлась преобладающим элементом этого чудного сана, потому что в отношении ефода, золото везде ставится на первом месте.

Останавливая наш взгляд на Иисусе, мы не можем не заметить, как резко вся земная жизнь Его, начиная от яслей до самой могилы, от вступления в этот мир до исхода из него, отличается от

Его первосвященнического явления пред Богом, именно, указанной здесь разницей. Здесь, на земле, видим мы в Нем Того, Который, хотя и "будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил Себя Самого", т.е., как бы добровольно **отказался** от божественности Своей, принял образ раба, сделался подобным человекам и по виду стал, как человек (Фил.2:6,7); все это вполне соответствует всюду встречающейся в скинии цветной виссоновой ткани, в которой совершенно отсутствовало золото. Но вот мы приближаемся к концу Его земного поприща, когда Он уже совершил порученное Ему Отцом дело; какой поворот принимает оно здесь? Посмотрите, как жаждет Он теперь прежней славы, как Он молит Отца, чтобы войти в то положение, из которого вышел. "Отче",- говорит Он во всеуслышанье пред учениками Своими - "пришел час, прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя"; и далее: "И ныне прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого **славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира**" (Иоан. 17:1,5). Это было возвращение к божественной славе, той, из которой Он некогда Сам вышел; то не была новая слава, которую надо еще теперь приобретать, но та, которая принадлежала Ему прежде создания мира. И лишь только Он вступил, как великий Первосвященник, со Своею собственною кровию, "говорящей лучше, нежели Авелева", в небесное святилище, на Нем тотчас же выступило вновь и золото Его божественности в никогда не тускнеющем блеске. Стефан, первый увидевший Его по вознесении Его на небо, видит Его во "**славе Божией**"; Савл был озарен при Его явлении светом, превосходящим солнечное сияние, который ослепил его и заставил упасть на землю, и Иоанн, некогда блаженно возлежавший у груди Его, увидя Его, теперь пал, как мертвый, к ногам Его; и не забудем, что последний видел Его **в первосвященническом служении Его, ходящим посреди семи золотых светильников**. Это золото Его божественности делало вид Его нестерпимым для человеческого глаза. Пред Богом, Иеговой, Он являлся не только как Сын человеческий, но и как "засвидетельствованный от Бога различными **силами**" Сын Божий, чтобы ходатайствовать за нас.

Кто из всех детей Божиих может постигнуть бесконечную полноту блаженного утешения, которая может истекать из этого явления нашего возлюбленного Господа - Это- Христос, весь Христос, Сын человеческий и Сын Божий, со всеми Его прежними унижениями и лишениями, с признаками Его страданий и смерти и знаками Своего тесного, искреннего общения с нами; и в то же время Христос, облеченный славою, которую Он имел прежде бытия мира, сотворенного чрез Него, - Христос, сияние славы и образ ипостаси Его, держащий все словом силы Своей и совершающий ныне первосвященническое служение на небесах. Неправда ли, Он вполне удовлетворяет Отца, удовлетворяет Его во всех наших обстоятельствах и положениях, удовлетворяет Его навеки! Как же Он может не удовлетворить тебя, меня и каждого из нас в отдельности? Да, конечно, мы вверяемся Ему всецело, с детским доверием полагаемся на Него. Полный глубокого благоговения, молясь во прахе у подножия престола Его, и, в то же время, полный блаженного доверия, каждый из нас взирает лично для себя на Него и с неизреченно счастливым сердцем говорит:

Начаток нового, божественного рода,
Глава и сила Церкви всей,
И на меня, как члена Твоего народа,
Твой мир, Твой чудный свет пролей!
Тебе хочу отдать все силы,
Тобой одним хочу дышать!

Вождем моим будь до могилы,
Дай грех Тобою побеждать,
И, за меня моля Отца,
Дай верным быть мне до конца.

Другим принадлежащим к ефоду украшением и тесно с ним связанным **были оба чудные нарамника**. В наших общепринятых переводах они нигде не описаны, и в Исх.28:7, где о них упоминается, говорится только: "У него должны быть на обоих концах его два связывающие нарамника, чтобы он был связан". Из всего, что мы можем узнать из указания Моисеева, вытекает, что ефод был одеждой, покрывавшей тело первосвященника, начиная от груди до колен; грудь и плечи его не были им закрыты. Они между тем украшались двумя особыми нарамниками, связывавшимися на плечах, концы которых проходили через грудь до пояса, к которому и прикреплялись. Они были сделаны из той же, искусно протканной золотом, разноцветной ткани, которую мы видели на ефоде. Таким образом, плечи и грудь первосвященника были украшены точно так же, как и его тело, и посвящены порученному ему святому служению. Это снова потребует нашего особенного внимания.

Мы все знаем, что **плечи в Св. Писании означают везде средоточие силы и служат символом власти**. На них носятся бремена, как приятные, так и неприятные. Предоставлять кому-либо в распоряжение плечи означало подчиниться, отдать себя с готовностью на служение, и именно со всеми имеющимися силами. Так, например, об Израильтянах, не хотевших служить Господу, мы читаем следующее: "Они упорствовали и не слушали заповедей Твоих и отклонялись от уставов Твоих, которыми жил бы человек, если бы исполнял их, и **хребет свой** ("рамена" в других переводах) **сделали упорным**, и шею свою держали упруго, и не слушали" (Неем.9:29). Для них служение Иегове было бременем, они не хотели посвятить Ему сил своих. В другом месте, мы, напротив, читаем, что левитам, носившим вероятно на плечах ковчег завета, давалось следующее повеление: "Нет вам нужды носить его на раменах" (2Пар.35:3). Такое ношение сравнительно легкого ковчега имело вид, как будто они должны были употреблять большие усилия и как будто это служение тяготило их. Здесь же плечи Аарона, подобно чреслам его, украшались особым первосвященническим украшением и, таким образом, посвящались на исключительное служение пред Богом за народ. Это имело очень глубокое значение. В этом заключалась мысль, что вся сила, которую он имел, духовная ли или телесная, всякое влияние, оказываемое его положением и личностью, всякое телесное или душевное достоинство принадлежало впредь Богу и, именно, во благо народа Его. И мы неоднократно читаем, что этот народ со своими разносторонними потребностями делался часто для Моисея и Аарона почти невыносимым бременем. Однажды, когда Моисей, казалось, изнемог под этим бременем, он воскликнул: "Для чего Ты мучишь раба Твоего? И почему я не нашел милости пред очами Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего? Разве я носил во чреве весь народ сей, и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка, в землю, которую Ты с клятвою обещал отцам его"? (Чис.11:11,12). Какие вооруженные и посвященные рамена требовались таким образом, чтобы стоять пред Богом на этом служении!

Однако, возлюбленные, мы знаем Одного, Которому этот язык остался чуждым, Который с полной готовностью отдал Себя на служение Иегове всеми Своими силами. Он не делал хребта и плеч Своих упорными, но посвятил их на вечное первосвященническое служение Богу и народу, который дал Ему Отец. Он носил и носит его не как возложенное на Него бремя, но носит его, как нянька, на руках Своих, потому что Он, воистину, носил во чреве и родил его; Он

не ищет Себе помощника, который разделит бы с Ним тяжесть, потому что Его рамена достаточно сильны, чтобы вечно носить ее. "Мне" - так говорит Он Своему остающемуся народу, когда Он отошел, чтобы предстать пред Богом, - "**дана всякая** власть на небе и на земле" (Матф.28:18), так что "**владычество на раменах Его**" (Ис.9: 6), которые вполне уготованы, чтобы поднимать и носить нас, нам во благо.

Каким безопасным и скрытым можешь ты себя видеть, слабое и немощное чадо Божие, даже тогда, когда тебе кажется, что ты для Него бремя, потому что несомненно, что те рамена, которые носят на себе всю вселенную, на которых покоится владычество, снесут и тебя, и немощь твою; будь уверен в радости, что они поддержат тебя навеки. Что касается меня, то Его дивное могущество теперь - покой мой, радость моя и истинное мое утешение; некогда, прежде чем я знал Его, как моего Господа и Спасителя, я трепетал пред Его всемогуществом и был готов бежать от него, еслиб только нашел такое место, которое скрыло бы меня: теперь же оно - моя твердыня и крепость, верное убежище от всякой нужды и искушения; оно - военная сила моя, победа моя, которою я победил мир и сатану и еще побеждаю, потому что во Христе Иисусе, моем великом Первосвященнике, это могущество всецело стоит на моей стороне.

Однако, не одни плечи, но и **грудь Аарона была покрыта этими роскошными нарамниками**. Грудь, заключающая в себе сердце и с ним все самые нежные движения и наклонности, все стремления, всю жажду и всю любовь, являлась здесь как бы особенно освященной: таким образом, Аарон отдал не только силу свою, но и любовь и всю свою нежность на служение Богу и Его народу. Вся деятельность и все поступки его не должны были быть только обязательными занятиями, но чрез них должно было проходить пламя горевшей в нем любви; словом, вся душа его должна была быть вложена в порученное ему дело. Мы все хорошо знаем, что этого никогда не было в достаточной мере ни в Аароне, ни во всех его преемниках; поэтому Господь и дал им в этих одеждах прообразно то, чего у них недоставало, чтобы эти тени указывали на грядущего совершенного Первосвященника, Который все это должен был иметь в действительности.

О Нем мы читаем, что, "возлюбив Своих, сущих в мире, Он до конца возлюбил их" (Иоан.13:1); никогда не было колебания или неустойчивости в этой святой и посвященной груди, никогда не было ни перемены ни тьмы, никогда ни малейшего изменения, ни тени перемены (Иак.1:17); Он любил всегда и любил до конца. Его любовь выдержала испытание в совершенстве и вышла, торжествуя, как победительница. Его любовь крепка, как смерть, да она была и крепче ее, так как победила ее: она была люта, как преисподняя, в ревности своей, и такова еще и теперь, потому что не отдает назад ничего, чем она раз завладела. "Стрелы ее - стрелы огненные"; она - "пламень весьма сильный". Большие воды старались потушить ее, но со всеми своими реками не залили ее (П.П.8:6,7); она живет и горит в Его великом, обширном сердце. Да и могло ли это быть иначе? Не ставит ли Он любовь Свою **к нам** наравне с любовью Отца Своего **к Нему**, когда говорит нам о Своей любви: "Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас. Пребудьте в любви Моей" (Иоан.15:9). И зачем нам говорить о любви Его, как о принадлежащем Ему качестве, когда мы знаем, что Сам Он - любовь; она - сущность Его во всем, что Он делает. Вот картина любви, Им Самим начертанная, чтобы мы могли питаться, наслаждаться, согреваться ею, даже навеки исчезнуть в ней. "Любовь", - говорит Он - "долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, но сорадуется истине. Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает (1Кор.13:4-8). Кто может измерить наше блаженство, когда мы таким видим Его, не забывая при этом, что это -изображение Его теперь, именно

теперь, когда Он во славе ходатайствует за нас. Мы только можем присоединиться к певцу, и Ему, Кто Сам есть любовь, сказать:

Любовь! Велика
И прекрасна твоя участь,
Кто тенью твоей осенен;
Тобою, мой Бог,
Избавлен от смерти,
Небесною радостью я окружен!

Посмотрим, в заключение, на место, отведенное ефоду среди первосвященнических одежд. И это дает народу Господню бесконечное утешение. Он не надевался ни под белый хитон, ни под длинную голубую ризу, потому что они совершенно закрыли бы его. Конечно, Иегова видел бы его там одинаково хорошо, как если бы он красовался поверх их, но ни один Израильянин не мог бы тогда наслаждаться его чудным видом, ни один не мог бы присвоить себе утешений, истекавших из изображаемых ефодом свойств, и они не были ничтожны, потому что ефод соединял в себе, как в одной точке, все главные качества первосвященника и носил их на виду. Вспомним только еще раз его четыре многозначащие цвета, с его просвечивающим по всем направлениям золотом, и значение, которое Бог вложил в них.

Здесь, очевидно, было исполненное любви намерение Божие, чтобы мы, дети Его, узнали бы совершенства и чудные свойства, которые Он видит в Своем возлюбленном Сыне и которые удовлетворяют Его. Он не хочет один радоваться и иметь благоволение в Возлюбленном, когда Он в Своем славном убранстве предстоит пред Ним, но **и наша душа** должна удовлетвориться Им. Мы все, возлюбленные, еще слишком много увлекаемся деревом познания добра и зла, все еще надеемся получить от него жизнь и, таким образом, исследуем всевозможные, скажем даже, библейские тайны и непонятные места, находя некоторый свет, некоторое поучение и познание, которые не оставляют нас без удовольствия и радости; но мы откроем, если не видели еще до сих пор, как крайне мало в них жизни и силы, если Он, чудное дерево жизни, остается в стороне, и Его скрытые в Нем для нас жизненные силы остаются не открытыми, не познанными и не использованными нами. Мы слишком мало вникаем в Него и в то, чем Он так жаждет сделаться для нас, чем Его соделал для нас Бог. В Нем одном - жизнь, и "знать Его", еще и сегодня, как некогда, за двадцать веков, значит иметь "жизнь вечную". Мир, окружающий нас, имеет Его по букве, имеет Его, как личность историческую, знает нечто о Нем, но не знает **Его Самого**; поэтому, если он и много имеет, то имеет только вид благочестия, но не силу его; мы же не так познали Христа: мы именно познали Его, как "Божью силу и Божью премудрость" (1Кор.1:24). Будем же остерегаться, чтобы не смотреть на то, что мы имеем, подобно миру, только **познанием, по букве**, потому что прочитали и открыли из Его слова, как бы мы узнали в этом уже Его Самого в силе, и не удовольствоваться этим. К сожалению, во многих отношениях, Он знаком искупленным Своим лишь по букве, но так не должно быть. Знание **о Нем** должно бы повести нас прямо к познанию Его Самого; и, подобно тому, как первое все более и более возрастает с каждым днем нашей земной жизни, так надлежало бы непрестанно увеличиваться и последнему, и вместе с ним - нашей силе, нашей жизни и нашей радости, и мы сами должны все более и более преображаться в Его образ. Св. Писание называет познанием **личное, практическое усвоение себе Господа Иисуса и Его чудных жизненных сил Его искупленными**; подобное познание, во всяком случае, не может никогда окончиться, оно

должно продолжаться, пока мы не **увидим** Его, как Он есть. Поэтому мы слышим, как апостол, исполненный богатейшим познанием Господа, даже во дни, когда ему одинаково хотелось и оставаться во плоти, и разрешиться (Фил.1:23), исповедует, что его единственное приобретение "познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях", чтобы, - как он говорит, - "сообразоваться смерти Его, чтобы достигнуть воскресения мертвых" (Фил.3:10,11). И Петр, показывающий нам, что все блага Божии мы получаем не иначе, как чрез познание Бога и Христа Иисуса (2Пет.1:2,3), не нашел для "принявших с ним равно драгоценную веру" никакого иного заключительного слова, кроме следующего: "Возрастайте в благодати и познании Господа нашего и Спасителя. Иисуса Христа" (2Пет.3:18).

Сколько утешения и сколько блаженства теряем мы вследствие того, что мы сами **не видим** красоты Христа, как бы выставленной для нас наружу. Но что бы было, как бы мы должны обогатиться, если б непрестанно **вкушали** всю полноту неизследимого богатства Христова. О, если бы и наши беседы побуждали нас к этому! Да открывается Он с каждым днем все более и более душе нашей, как Он теперь пребывает на небе одесную величия Божия, как, облеченный во все совершенство и красоту Свою, ходатайствует за нас, и каким видит Его Отец! Аминь.

Глава 26

Пояс

И пояс ефода, который поверх его, должен быть одинаковой с ним работы, из [чистого] золота, из голубой, пурпуровой и червленной шерсти и из крученого виссона

(Исх. 28:8)

Сегодня мы приближаемся к искусно вытканному поясу первосвященника. Он принадлежал к ефоду и был далеко не маловажной или лишней принадлежностью, как мы, жители Запада, легко обходящиеся без него в нашей одежде, могли бы подумать. На Востоке же, при широком покрое одежд, пояс составляет, вообще, одну из существенных и необходимых частей одежды. Он делает человека совершенным мужем, годным на работу и деятельность, и дополняет и завершает его наряд. Вряд ли кто-либо появлялся без пояса в обществе, едва ли даже показывался кому-либо и едва ли совершалось какое-нибудь действие без него. Поэтому мы и встречаем в Св. Писании целый ряд очень серьезных и настойчивых духовных увещаний и ободрений, имеющих отношение к значению этой, столь важной для ежедневной жизни, принадлежности одежды жителя Востока и основанных на присущих ей достоинствах. Желая, например, видеть нас годными для драгоценного дела Своего здесь на земле, Он говорит нам: "Итак станьте, препоясав чресла ваши истиною", потому что это первое для того, чтобы быть готовыми "благовествовать мир" (Еф.6:14,15). Такое же увещание, с подобной целью, получали и ветхозаветные пророки. Так, Иеремию, уклонившемуся вначале беспрекословно последовать призыву, прямо говорится следующее: "А ты препояшь чресла твои, и встань, и скажи им все, что Я повелю тебе. Не малодушествуй пред ними, чтоб Я не поразил тебя в глазах их" (Иер.1:17). Чтобы дети Божии были готовы к заранее возвещенным им "Христовым страданиям и последующей за ними славе", апостол Петр увещевает их следующими словами: "Посему, **препоясав чресла ума вашего**, бодрствуя, совершенно уповайте на подаваемую вам благодать в явлении Иисуса Христа" (1Пет.1:13). Далее, чтобы мы с полной готовностью ожидали Его возвращения, Он Сам говорит нам: "Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи" (Лук.12:35). К Самому Господу, идущему на совершение дела Его, обращен возглас: "Препояшь Себя по бедру мечем Твоим, Сильный, славою Твоею и красотой Твоею. И в сем украшении Твоем поспеши, воссядь на колесницу, ради истины, и кротости, и правды" (Пс.44:4,5). Этими и другими подобными местами очень ясно изображено значение пояса в слове Божиим. Очевидно, что описанный Богом, точно так же, как и другие славные одежды и даже самые драгоценные камни,

пояс первосвященника

имеет высокое значение. Господь собрал нас сегодня вместе, чтобы нам поближе узнать его

значение.

Итак, пояс первосвященника был, прежде всего, знаком полной готовности, именно готовности к работе.

Когда первосвященник был не во святилище, а дома, у своих, когда отдыхал от служения, тогда он снимал с себя как священные одежды, так и пояс, чтобы свободнее двигаться, но никогда не смел он совершать в таком виде дело Божие. Лишь только у него возникала надобность идти в дом Господень, как тотчас же возлагались все священные одежды, и пояс заканчивал облачение. Его домашние знали, что он был готов, коль скоро надевал его И сколько работы ожидало его каждый день; поэтому он должен был быть готовым с раннего утра. Его прихода ожидало все святилище со своими потребностями и народ со своими нуждами. На нем лежала обязанность смотреть за тем, чтобы все во всей скинии совершалось в свое время и в порядке, указанном Богом. Прочтем только 28 гл. Чисел, и мы тотчас найдем, как того безусловно требовал Бог. Во втором стихе сказано: "Повели сынам Израилевым, и скажи им: наблюдайте, чтобы приношение Мое, хлеб Мой в жертву Мне, в приятное благоухание Мне, приносимо было Мне в свое время. Итак, первосвященник должен был следить, чтобы было принесено всесожжение, чтобы была очистительная вода в умывальнике. Золотой светильник со своими лампадами требовал ежедневного очищения и свежего елея, золотой жертвенник, каждое утро и каждый вечер, - фимиама и благовоний, стол хлебов предложения - новых хлебов, и Святое-святых, чтобы в свое время кропилось в нем семикратно кровию. Аарон, опоясанный по чреслам своим, являлся, как готовый доброхотно исполнить все.

Какая это была чудная картина, представлявшая Христа на небе. В этом прообразе Христос является нам, как ушедший на Свое первосвященническое дело. Действительно ли это так, братия мои? Конечно, несомненно так. Не в покое, под которым мы подразумеваем бездействие, проводит Он тысячелетия пребывания Своего во славе. Как на земле Он говорил: "Отец Мой доныне делает, и Я делаю", так слово это относится к Нему еще и теперь там, в небесном святилище. В Послании к Евреям 8:2 сказано: "**Он есть священнодействователь святилища и скинии истинной, которую воздвиг Господь, а не человек**". А несколько далее говорится: "Но сей Первосвященник получил **служение** тем **превосходнейшее**, чем лучшего Он **ходатай** завета, который утвержен на лучших обетованиях" (Евр.8:6). Итак, Он полон деятельности. Он до сих пор еще не снял Своего пояса, еще не утомился в Своем действовании, все еще готов на святое дело. Когда апостолу Иоанну дано было заглянуть за завесу и узреть Его, он увидел Его, как великого Первосвященника, одетого, именно, в рассматриваемые нами одежды. Вот как апостол описывает Его: "Я обратился, чтобы увидеть, чей голос, говоривший со мной; и, обратившись, увидел семь золотых светильников. И среди семи светильников подобного Сыну человеческому, облеченного в подир и **по персям опоясанного золотым поясом**" (Откр.1:12,13), Здесь мы видим Его в полном облачении, опоясанным для работы среди золотых светильников, готовым очищать их и снабжать елеем и светом. Благословенная мысль! Всякий луч света, получаемый тобою и мною, получаемый кем-либо другим в обширном царстве благодати Его, всякое насыщение, всякое новое преисполнение силой Его,- все это в течение тысячелетий приходит на нас чрез Него; всякий раз, что молитвы наши услышаны Богом, всякий ответ, получаемый нами на них, - все это плоды Его благословенного дела во славе. Он исполняет все наши потребности и, в то же время, идет навстречу всем требованиям Иеговы. Ныне исполняется слово, предреченное пророком, по которому, когда душа Его принесет жертву умилоствления, Он узрит потомство долговечное, и воля Господня благоуспешно **будет исполняться рукою Его**" (Ис.53:10). Иисус, великий наш Первосвященник, находящийся в деле,

- вот в чем наше спасение!

Первосвященнический пояс был также знаком готовности к служению. Не всякая работа бывает служением; но работа первосвященника была, именно, таковым. Он был призван как служитель Всевышнего и своего народа, который он заступал. Мы все знаем, что он пребывал во святилище не для себя, не сам себя он туда и поставил, но был поставлен Богом, как мы уже видели из повеления Божия, данного о нем Моисею; так же говорит и апостол Павел Евреям, 5:4: "Никто сам собою не приемлет этой чести, но **призываемый Богом, как и Аарон**". Аарон имел на себе все признаки служителя. Я думаю, что они состоят, преимущественно, из трех частей: когда **призываешься на дело высшим лицом**, когда **приготавливаешься на то другим** и когда **работаешь для других**. Аарон имел честь быть призванным Богом, быть Им приготовленным и Ему же служить. Об апостоле Петре, которого Господь хотел ввести в подобное положение, Христос сказал: "Когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел". До сих пор он сам опоясывался и делал, что ему нравилось, был сам себе господином; но впредь так не должно было быть, как Господь ему поясняет: "когда состаришься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь" (Иоан.21:18). Приготовление, служение и воля должны были с тех пор уже быть не Петра, но кого-то другого. Точно так было и с первосвященником.

Совершенно так было и со Христом в чудном деле славного искупления с самого его начала до дивного окончания. Еще раньше Своего явления Он многократно называется в Ветхом Завете рабом Господа. В одном месте о Нем сказано: " Вот Отрок Мой, которого Я держу за руку, избранный Мой, к которому благоволит душа Моя. Положу дух Мой на Него, и возвестит народам суд" (Ис.42:1). И в другой раз: "Кто так слеп, как раб Мой, и глух, как вестник Мой, Мною посланный? Кто так слеп, как Возлюбленный, так слеп, как раб Господа"? (ст.19). В том именно и состояло Его совершенство, что ни око, ни ухо Его не могло подпасть под какое-либо влияние, кроме Иеговы, Которому Он служил. И еще сказано: "Вот раб Мой будет безуспешен, возвысится, и вознесется, и возвеличится". И вслед затем: "Чрез познание Его Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих, и грехи их на Себе понесет" (Ис.52:13; 53:11). Так было предвозвещено о Нем. После, когда Он был на земле, кажется, что особенно охотно Он смотрел на Себя, как на "**посланного Отцом**". Более тридцати раз указывает Он на Себя, как на Посланника. Посланник же является всегда по поручению другого. Да и Он Сам говорит нам, зачем Он пришел: "Сын человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих" (Мат.20:28). Если бы земным служением окончилось все, то наша потеря была бы очень велика; но, слава Ему вовеки: Он, опоясанный, на престоле и облечен всякой властью на небе и на земле, чтобы выполнять предвечные предначертания Отца. Однажды служение повело Его в "преисподние места земли", но оно уже окончилось; теперь же служение Его одесную величия Божия, и оно продолжается. Некогда Он служил в немощи, теперь же в силе и славе, и так будет до тех пор, пока не завершится искупление тех, которых Отец дал Ему, пока весь мир и все, заключающееся в нем, не будет положено к ногам Его.

Взглянем еще немного на Его славное служение для нас. Подобно тому, как первосвященник в Ветхом Завете принимал прошения народа своего, тут же принося их Иегове в благовонном курении на золотом жертвеннике, так точно приносит и Он Богу наши моления; только чрез Него они благоугодны Отцу; Он - наш Первосвященник и наш жертвенник, освящающий наш дар. Также Он один приносит Отцу дела наши, как это вытекает из Откр. 3:2, где Он не находит совершенными пред Богом дела Ангела Сардийской Церкви. И, возлюбленные, не приходится ли

Ему ежедневно вновь омывать ноги наши, как омывались там ноги священников перед каждым вступлением во святилище? Имели бы мы часть с Ним, если бы Он не оказал нам этого служения любви? Первое омовение ног в горнице в Иерусалиме ответило бы отрицательно на наш вопрос. И не было ли оно, собственно, чудным прообразом того, что ежедневно совершается Им теперь для нас? Взгляните внимательно на это омовение, и вы убедитесь в этом. Не стоял ли Он тогда среди Своих учеников, как будто Он уже вошел за завесу? Посмотрите только, с каким сознанием Он умывает ноги Своим ученикам. Правда, Он стоял еще пред крестом, и все-таки в духе Он уже одержал над ним победу, о чем Дух Святой дал написать апостолу Иоанну: "Иисус, зная, что Отец все отдал в руки Его, и что Он от Бога исшел и к Богу отходит" (Иоан.13:3). Итак, в сознании Своего величия и божественной славы, в сознании Своего пришествия и Своего возвращения в славу, Он препоясал чресла Свои для самого низкого служения Своим. Возлюбленные, Он хотел раз навсегда показать всему народу Своему, чем будет дело Его для нас, когда Он будет действовать этой данной Ему властью. В то же время хотел Он показать нам, путь, которым нам надлежит идти, если мы хотим вкушать Его блаженство и радость, которые Он испытал в служении.

Не так ли это, братия мои? Не все ли мы знаем, что это и до сего часа дело Его в нас? И Он будет совершать его до тех пор, пока, наконец, мы все не будем без пятна и порока, без недостатка или чего-либо подобного, и будем поставлены в радости пред лицом Его. Что ты скажешь на это, робкое, застенчивое и боязливое чадо Божие, когда увидишь Его в могуществе, чести, славе и величии Его и вспомнишь, что Его блаженство заключается в том, чтобы взять в Свою руку дело твое, озабочивающее тебя, нужду, подавляющую тебя, и твое достоинство, приносящее тебе неисчислимы страдания, и так направить все это, что тебе ничего не останется, как только славить и благодарить Его. И как мог бы Он поступить иначе после того, как Он так близко, так тесно связал Себя со Своими искупленными, что называет их "членами тела Его, от плоти Его и от костей Его"; и при этом наставляет нас, чтобы мы не смущались этого чудесного отношения, но относились бы к Нему так же просто, как к окружающей нас жизни, потому что Он хочет, чтобы мы, судя по себе, заключали о Нем, когда говорит: "**Никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь**" (Еф.5:29,30).

Но возвратимся к нашему прообразу. **Заметьте, что пояс первосвященника являлся охватывающим все на нем.** Вообще, на Востоке пояс употреблялся не только для того, чтоб стягивать платье и подбирать его, но еще почти всегда, как кошелек для ценностей. Золото, серебро и все взятые с собой в дорогу ценные вещи прятались за пояс. Это очень ясно видно из повеления Господа, данного посланным ученикам Его: "Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои" (Мат.10:9). И до сего дня можно видеть на Востоке такое употребление пояса. Все имущество, все богатство и украшение Аарона заключалось в одеждах, возложенных на него Господом. Его пояс охватывал их со всеми вложенными в них красотами, с самой его личностью, объединяя все. Не было никакой части одежды, никакого украшения, ни драгоценного камня, которые не поддерживались бы им. Тут был и белый хитон, голубая верхняя риза, нарамники и ефод, и роскошный наперсник со своими драгоценными камнями, даже самые камни оникса на раменах, прикрепленные золотыми цепочками к ефоду и нарамникам, - все это охватывалось и в действительности поддерживалось поясом. Так представал за народ свой пред Господом первосвященник со всем, что он имел и чем он был чрез эти драгоценности в глазах Божиих.

Так и Иисус. Он тоже вносит все Свои совершенства, все Свои сокровища, все, что Он есть и

что имеет, в Свое чудное служение, в Свое благословенное дело. Если все это "благословение" давалось путем прообразов прежнему первосвященнику, то Он обладает ими в действительности, обладает в такой мере, о которой мы не имеем никакого представления; Он обладает ими в безусловном совершенстве, как они служат приятным благоуханием и вечным благоволением сердца Отца; и, да будет Ему слава и благодарение, Он соединяет их Своей бесконечной, вечной любовью, этим чудным поясом, этими узлами совершенства, и предлагает их за нас Отцу. Он и здесь наш чудный Заступник: то, что должны бы совершать мы, но чего здесь никогда не будем в силах выполнить, совершил Он, в вечной любви отдав Себя от **всего сердца, от всей души, всеми силами и всем духом** Иегове. И недостаточно ли этого? Да, торжествуй, дорогая душа: этого достаточно, навеки достаточно!

Он повелел, как мы только что видели, Своим ученикам не брать с собою в пояса денег, золота, серебра и меди, потому что Сам взялся заботиться о них, и они уверенно должны были идти на Его иждивении; так можем и мы теперь тем радостнее и доверчивее идти к Отцу во святилище пустыми, без всякого собственного имущества, без собственного достоинства и без собственных заслуг, мы смеем идти туда на Его счет. В Его поясе заключены "неисследимые богатства", вполне покрывающие все наши потребности, как бы велики они ни были.

О, чудная мысль: Он и вся Его красота, Он и все Его богатства, Он и все Его чудные совершенства и дары безраздельно и непрестанно находятся, к нашему добру и блаженству, в присутствии Божиим. Как спокойно могу я, на основании этого, приближаться к Богу! Как безусловно и дерзновенно могу принести, даже самому робкому, радостную весть: "Приди, приди! И для тебя здесь есть то, чего ты жаждешь, о чем вздыхаешь, а именно свободное, полное, вечное спасение, даром и безвозмездно; только доверься Ему как дитя!"

Но идем дальше. **Не забудем, что этот пояс был также украшением первосвященника.** Он принадлежал к тем одеждам, которые Господь называл то одеждами "священными", то "славными и благолепными", которые были сделаны людьми, мудрыми сердцем, исполненными от Господа "духом премудрости" (Исх.28:2,3). Мы также находим, что он был сделан из того же материала, как и ефод, а именно из золота, голубого, пурпурового, червленого и белого виссона. Он тоже принадлежал к тем предметам, которые отличали первосвященника от священников. Последние были, без сомнения, также препоясаны поясом, потому что и они находились во святилище для работы и служения; они носили свой пояс поверх белых льняных хитонов, и он был из такой же белой ткани, но все же им не доставало этого искусно вытканного первосвященнического пояса.

Итак, если пояс изображает работу и служение, - что мы только что видели, хотя мы были настолько робки, что не осмеливались приписать таковые нашему Господу во славе, потому что могло бы казаться, что мы этим умаляем Его славу и величие, - то что же мы скажем теперь, когда мы слышим, как Иегова называет этот символ служения, как и другие символы, "святым, славным и благолепным". Его служение - святое служение, оно славное служение, благолепное и благоугодное Отцу. Он смотрит на Его служение и труд, как на украшение, возложенное на Возлюбленного, окружающее Его со всех сторон. Он определил его таковым, за полторы тысячи лет до явления Господа, в этом прообразе, который мы имеем теперь пред собою. И в то время, когда Единородный ходил здесь по земле, что особенно выставлял в Нем Отец, по поводу чего особенно высказывал Свое благоволение? Не было ли это - Его послушание, Его дело? Оно было для Него "свято, благолепно и славно". Взгляните только на Отца и на Него, Который непрестанно называл Себя "**Посланным Отца**", и заметьте, как сопровождает Его благоволение Пославшего Его. Лишь только Он в детской покорности вступил в воды Иордана, лишь только

совершил то, от чего старался удержать Его Иоанн, считая это унижительным для Него, тотчас же отверзаются небеса, и не только небеса, но и сердце и уста Отца; и при этом первом открытом проявлении послушания Сына Он громким голосом возвещает всему миру: "Сей есть Сын Мой **возлюбленный**, в Котором Мое **благоволение**" (Мат.3:17). Затем посмотрите на Сына Божия на горе Фаворе: Он достиг той минуты Своей земной жизни, когда, весь проникнутый славой Божией, Он уже здесь преобразился в небесном величии; Он мог теперь вознестись, подобно Илии, на огненных конях и колеснице или быть взятым на небо, подобно Еноху, и это тем более, чем чище и непорочнее была жизнь Его перед жизнью их; но, вместо того, чтоб идти во славу с Моисеем и Илией, Он беседует с ними об ином исходе из этого мира, об исходе, ожидавшем Его в Иерусалиме, о последнем шаге уничтожения, шаге, перенесшем Его в среду "злодеев". И вот тут вторично раздается голос Отца, выражающий Его благоволение к Единородному: "Сей есть Сын Мой **возлюбленный**; Его слушайте". В глазах Отца служение Сына в уничтожении было славным украшением; должно ли быть иначе во славе?

Точно так же смотрит и Он Сам, носитель этого пояса, на труд и служение Свое. Не сказал ли Он еще во славе, отдаваясь на то: " Я желаю исполнить волю Твою, Боже Мой" (Пс.39:9; Евр.10:9). И когда Он находился среди труда здесь, на земле, это служение было радостью Его, так что Он забывал есть хлеб Свой; когда же ученики пригласили Его вкусить хлеба, Он дал им тот памятный ответ, который раз навсегда определил нам Его сердечное отношение к Своему служению. "Моя пища", сказал Он им, "есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его" (Иоан.4:34). Да, Он даже взял знаки Своего труда и служения, следы креста, раны на руках, ногах и ребрах Своих, с Собою во славу. Не видит ли Его апостол Иоанн стоящим посреди престола, как Агнца закланного (Откр.5:6), и не узрит ли Его всякое око, и те, "которые пронзили Его" (1:7)? Он не постыдится этих знаков, они дороги Ему и делают славу Его еще славнее.

И не стал ли Его пояс красую и славою для вас, вас, искупленных и освобожденных Его служением? Он ведь истинный Иаков, отслуживавший за вас полноту лет, совершенное время служения, подобно тому, как тот служил за Рахиль семь лет, которые "показались за несколько дней, потому что он любил ее" (Быт.29:20). Конечно, знак Его служения - утешение и блаженство ваше; но, да окажется он для вас также и чудным, как пример, которому вы пожелали бы последовать от всей души, снисходя, подобно Ему, к братьям вашим в добровольном служении. Да будет украшением и убранством вашим добровольная отдача себя на жертву для них в глубоком смирении и духе служения.

В заключение позвольте мне высказать еще одну не покидающую меня мысль относительно пояса. Однажды Господь сказал чрез пророка Иеремию: "Ибо как пояс лежит близко к чреслам человека, так Я приблизил к Себе весь дом Израилев и весь дом Иудин, говорит Господь, чтоб они были Моим народом и Моею славою, хвалою и украшением" (Иер.13:11). Не является ли здесь в прообразе искупленная кровью Церковь Господня? Воистину, это слово проливает удивительный свет на эту мысль. Представьте себе великого Первосвященника, так окруженного народом Своим, представьте себе народ Его, так близко примкнувши к Нему, и представьте себя в такой тесной связи с Ним на Его престоле. Конечно, наше сердце преисполнится благоговением к Нему, славой, хвалою и честью, и наши уста наполнятся песнопением и благодарением при этом взгляде! Но не заходим ли мы слишком далеко, думая так о себе, принимая это для себя? Нисколько! Все, что мы только что прочли в Ветхом Завете, Дух Святой засвидетельствовал нам живее в Новом, поучая нас, что Бог нас "оживотворил **со Христом**, воскресил с Ним и посадил на небесах **во Христе Иисусе**" (Еф.2:5,6).

Да, народ Его не только окружает Его, нет, он и в Нем, он украшение и краса Его; он и побуждает Его к труду, к непрерывному служению Его, потому что вся любовь Его принадлежит ему. Имейте это всегда в виду, дорогие дети Божии, во все время вашего земного странствования, чтобы оно, благодаря вашему славному положению и Его верному служению, было жительством на небесах и чтобы ваш Отец мог сказать о вас то, что сказал об Единородном: "Сии сыны и дочери. Мои возлюбленные, в которых Мое благоволение". Аминь.

Глава 27

Два камня оникса

И возьми два камня оникса и вырежь на них имена сынов Израилевых: шесть имен их на одном камне и шесть имен остальных на другом камне, по порядку рождения их; чрез резчика на камне, который вырезывает печати, вырежь на двух камнях имена сынов Израилевых; и вставь их в золотые гнезда и положи два камня сии на нарамники ефода: это камни на память сынам Израилевым; и будет Аарон носить имена их пред Господом на обоих раменах своих для памяти. И сделай гнезда из [чистого] золота; и [сделай] две цепочки из чистого золота, витыми сделай их работою плетеною, и прикрепи витые цепочки к гнездам [на нарамниках их спереди].

(Исх. 28:9-14)

Сегодня мы дошли до драгоценного убранства, украшавшего оба плеча первосвященника. Божественное повеление Моисею гласило: " Возьми два камня оникса, и вырежь на них имена сынов Израилевых; и положи два камня сии на нарамники ефода". Это повеление сразу устанавливало тесную связь между первосвященником и народом Израилевым. Если до сих пор мы видели ее только на основании некоторых намеков и заключений или позднейших заключений Писания, то здесь она представлена нам прямо и непосредственно, являясь вполне очевидной. Драгоценные камни с вырезанными на них именами двенадцати колен Израилевых на раменах первосвященника очень ясно являли нам его, как носителя этих колен пред Богом, а их, как порученных его заботам. Воистину, славная картина!

Что же касается этих драгоценных камней, их достоинства и цены, то мы, в настоящее время, не имеем о них точного и ясного понятия, потому что более чем вероятно, что современный наш камень оникс не имеет ничего общего с ониксом Св. Писания. Еврейское слово "Schoh ham", говорит выдающийся на этом поприще английский ученый Робертсон, переведенное в этом месте словом оникс или оних, происходит от очень редко употребительного корня и означает "сверкать блеском огня". Что этот камень был один из самых драгоценных среди драгоценных камней, вытекает уже из того, что он упоминается в нескольких местах Св. Писания. Он должен был особенно выделяться пред другими, потому что Св. Писание находит нужным упомянуть о его присутствии в раю (Быт. 2:12). И в Иов. 28:16, где он упоминается среди других драгоценных камней, чтобы выдвинуть ни с чем несравнимое достоинство премудрости, он определяется даже особым прилагательным "драгоценный". Наш современный полудрагоценный, непрозрачный, двухцветный оникс не только не блестящ, но и не многоценен. Обращая теперь

наше внимание на эти драгоценные

два камня оникса,

мы молим Господа даровать нам свет, который ясно открыл бы нам их глубокое и благословенное значение.

Оба эти драгоценные камня, в том виде, как мы их видим на плечах первосвященника, свидетельствуют очень громко о **высокой цене Израиля в очах Божиих**. Камни, сами по себе если они, по смыслу основного слова своего названия, светились блеском пламени, должны были быть сокровищем, в полном смысле слова, несравненной и необыкновенной цены. И, как мы уже видели, все, что о них говорит Св. Писание, дает нам право заключить о их высокой ценности. Здесь мы находим их на плечах первосвященника, что еще гораздо больше увеличивает их цену, но они находились там никак не для того, чтобы являть пред Богом свое собственное великолепие: они выражали блеск тех, чьи имена были вырезаны на них. Рувим, Симеон, Левий, Иуда, Дан, Неффалим были вырезаны отчетливыми буквами на одном камне; и Гад, Асир, Иссахар, Завулон, Иосиф и Вениамин - на другом. Итак, двенадцать колен всего народа Израильского являлись на плечах первосвященника пред Богом, как один драгоценный камень высокой цены; они были вырезаны на двух камнях только для того, чтобы их можно было носить на обоих плечах. Израиль - драгоценный камень Божий! - вот, что говорили эти камни оникса, и говорили не по собственной, произвольной надменности, но по распоряжению Самого Господа. Чем Израиль здесь был и являлся, тем он был действительно в очах Божиих, так как Сам Господь дал ему эту славу.

Если эти два камня, на которых были вырезаны имена, выражали полное единство пред Богом, то двенадцать имен колен, поставленные отдельно и в то же время друг подле друга, являли свое различие, которое признавал за ними Бог, расположив их таким образом. Как отрадно было знать каждому колену, что не только Израиль вообще, но и каждое колено в отдельности являлось возлюбленным и дорого оцененным, как различны они ни были между собою. Бог не делал никакой разницы: каждое колено сияло здесь одинаковым достоинством, в одинаковой оценке и одинаковом великолепии, потому что каждое получило по повелению Божию одинаковое с другими место в одном и том же драгоценном камне. Первородный и младший, скудно одаренный, как выдающийся, мальй Вениамин, как и мощный Иуда - все стояли на одинаковом уровне, в одной и той же оценке и милости пред Богом; таким образом, им не в чем было унижать своих собратий или им завидовать.

Неправда ли, возлюбленные, мы понимаем славную мысль Божию, которую Он вложил в эту тень будущих благ для Своего истинного Израиля, народа, искупленного Христом. Они для Него драгоценные камни бесконечной цены; как "благославные и славные" камни, видит Он их во Христе, нашем великом Первосвященнике: и это не потому, что они сами по себе так достойны, но потому, что Сам Господь возвел их в это высокое звание. Как написано: "Незнатное мира и уничиженное и ничего незначущее **избрал Бог**, чтобы упразднить значущее; для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом. **От Него и вы во Христе Иисусе**" (1Кор.1:28-30). Они **во Христе Иисусе**; но они в Нем по избранию Божию, чрез Него они получили свой удел в великой и превознесенной Главе, Он Сам ступень за ступенью поднял их до высшей славы. Проследите это удивительное дело Его, и вы, с начала до конца, найдете, что это так. Апостол в коротких словах дает нам описание его, говоря: "Ибо кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями. А кого Он предопределил, тех и призвал; а кого призвал, тех и оправдал; а кого оправдал, тех и

прославил" (Рим.8:29,30). Неправда ли, какое великое, чудное дело! Оно начинается в вечности, длится чрез все времена и заканчивается снова там, на небе; и все во всем - Он, Он и только Он, и конечная цель - Его **прославление**. "Так как ты дорог в очах Моих, многоценен, и Я возлюбил тебя, то отдам людей за тебя" (Ис.43:4); вот пояснение, которое Он дает нам о Своих непостижимых действиях. Его избранные славны для Него, потому что Он Сам сделал их такими, славные драгоценные камни, потому что они дело рук Его и Его собственная краса, в которой они сияют, как подтверждает нам носитель их, великий Первосвященник: "И славу", - свидетельствует Он,- "которую Ты дал Мне, Я дал им" (Иоан.17:22). Да, только на раменах Его, только в связи с Ним можем мы быть чем-нибудь к похвале славы Его.

Смотрели ли мы на себя, как на подобные драгоценные камни? Усвоили ли мы себе радостно то, что мы получили "по Его изволению и благодати, данной нам во Христе Иисусе прежде вековых времен" (2Тим.1:9)? Если да, то мы и здесь найдем необходимую нам силу, чтобы жить в этом мире на высоте, прославляющей Его. И еще больше. Смотрели ли мы на каждого из детей Его, на каждого из возлюбленных Божиих, к какому бы народу и к какому бы колену новозаветного Израиля они ни принадлежали, как на сокровище, как на драгоценный камень Господа? Не оспаривали ли мы иногда у того или другого из этих колен чудные права и высокую оценку, которые Господь дал им наравне с нами? Не случилось ли, хотя, может быть, в сердце нашем, втайне, отводить им совершенно иное, низшее, более отдаленное место? О, если бы мы хотя раз пожелали увидеть, что не одно только имя, но двенадцать имен красуются на одном и том же драгоценном камне на раменах Его, и красуются они там, потому что Он Сам поместил их туда. Да будет Ему угодно исправить нас в любви Своей чрез эту ветхозаветную тень, чтобы и в этом отношении в нас всегда были те же чувствования, как и во Христе Иисусе.

Эти камни на раменах первосвященника говорили еще **о вечной неизменяемости их достоинства**. Эти имена двенадцати колен Израилевых были связаны совершенно нераздельно с этими неоцененными драгоценностями. Не чернилами и пером были они написаны на камнях оникса, - они могли бы скоро стереться или даже сами по себе побелеть от времени; нет, здесь призывались резчики с твердым резцом, чтобы глубоко вырезать их на блестящем фоне. Там стояли они неизгладимую надпись на вечные времена.

Кто из нас, возлюбленные, не видит всей глубины мысли Бсжией, вложенной в это обстоятельство? Это, значит, не так, как полагает иная робкая, боязливая душа, что сегодня она является славной, а завтра ничтожной и даже презренной во Христе пред Богом; сегодня на драгоценном камне и оцененной подобно ему, а завтра она может быть отвернутой по ее личным чувствам и своей собственной оценке; нет ее слава и драгоценность вечны, как Тот, Который подарил ей их и Который носит ее на раменах Своих. "Вот", - говорит Он, - "Я начертал тебя на дланях Моих; стены твои всегда предо Мною" (Ис.49:16). Посмотрите хорошенько на эти начертания на руках Его, он непрестанно показывал их ученикам по воскресении Своем: "Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои", говорил Он им. Неправда ли, как глубоко врезались эти начертания! Руки Его были пронзены, и начертания прошли насквозь, и никогда не могут быть изглажены. Итак, вечно ценно, вечно дорого и вечно славно для Него даже самое меньшее из чад Божиих; драгоценный камень недостижимой, непреходящей цены - каждое колено Его собственного народа, носимого Им на раменах. О, если бы вы видели себя глазами веры навеки вырезанными так, а не в своем собственном свете, не в своем воображении, не в свете этих камней, "сверкающих блеском огня". Воистину, вы тогда лучше поймете, что эта надпись там несравненно значительнее всякого дара и всякой силы, значительнее всякого успеха и радости о нем. Вы будете совершенно согласны с вашим великим Первосвященником, когда Он будет

поощрять вас основать всю вашу радость на этой сверкающей надписи: "Се даю вам", - говорит Он нам, - "власть наступать на змей и скорпионов, и на всю силу вражью; и ничто не повредит вам. Однакож **тому не радуйтесь**, что духи вам повинуются; **но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах**" (Лук.10, 20). Они, значит, записаны на небе и вырезаны там на камне, на плечах великого Первосвященника, сидящего одесную величия Божия и оставившего нам обетование; "Не изглажу имени твоего из книги жизни" (Откр.3:5).

Далее, эти **камни оникса говорили о силе, которою носим был весь народ Израильский**. Это было поистине чудное место, назначенное им у первосвященника. Он носил их на плечах своих с легкостью, о бремени не могло быть никакой речи. Мы уже раньше видели, что именно эти плечи были посвящены на славное служение и означали местопребывание силы человека. Здесь мы видим, какое служение было возложено на них; именно, прообразно носить на себе народ Израильский. Без сомнения, плечи Аарона были достаточно сильны для этого; эти камни никогда не могли сделаться для него тягостными, он носил, не ощущая их, как свое украшение.

Какое место для нас, мои дорогие братья, находится на вечных, всемогущих раменах Христа Иисуса! Как спокойно можем мы опереться и покоиться на них со всеми нашими затруднениями и со всей тяжестью нашей. Будут ли они в состоянии носить и достаточно поддерживать нас? Может ли он утомиться или изнемоет ли когда-либо, даже неся нас долгие годы? Никогда! "Разве ты не знаешь? Разве ты не слышал", спрашивает Он каждого из нас в отдельности, "что вечный Господь Бог, сотворивший концы земли, не утомляется и не изнемогает? Разум Его неисследим" (Ис.40:28). Итак, Его созидаящая и сохраняющая сила существует для нас, на ней мы должны покоиться. Подобно тому, как вся сила первосвященника была посвящена Иегове и всецело поглощалась служением Ему, так и Христу для выполнения воли Отца дана "всякая власть на небе и на земле"; и Он сказал нам, в чем эта воля заключается. "Воля же пославшего Меня Отца есть та", - говорит Он, - "чтобы **из того, что Он Мне дал, ничего не погубить**, но все то воскресить в последний день" (Иоан.6:39). Итак, с каким могуществом пронесет Он чрез все трудности тех, которых дал Ему Отец.

Не испытали ли мы хорошо это неутомимое, сильное ношение с первого дня, как узнали Его? Он начал именно с этого. Что было первым Его делом после того, как Он, наконец, нашел нас, заблудших овец? Погнал ли Он нас впереди Себя или предоставил нам самим пролагать себе путь? О нет, Он взял каждого из нас "с радостью на плечи Свои" и понес домой; и Он не перестал еще нести нас, братья мои, потому что мы еще не дома. Он не бросил этого дела, несмотря на то, что много лет прошло уже со дня встречи нашей с Ним; несмотря на то, что нам казалось, что Он неминуемо должен бросить начатое Им дело, потому что со своей стороны, мы сделали все, чтоб утомить эти рамена. Как часто я ни обдумывал это безгранично любвеобильное и неустанное ношение, я не мог сказать ничего другого, как только: "Господи! Ты Бог, а не человек"! Только эта одна мысль может объяснить мне Его бесконечное долготерпение, с которым Он носит меня до сей минуты. И что же, будет ли это так продолжаться? Без сомнения, потому что у Него "нет изменения и ни тени перемены" (Иак.1:17). Его прямой ответ звучит: "И до старости вашей Я тот же буду, и до седины вашей Я же буду носить вас; Я создал, и буду носить, поддерживать и охранять вас" (Ис.46:4).

Далее эти камни оникса на плечах первосвященника говорят о **неприкосновенности положения Израиля пред Богом**. Уже потому, что первосвященник носил их, они были чудно сохранены; с ним они пребывали во святилище, где не было дерзкой руки, которая могла бы подняться на них. Кто решился бы проникнуть во святилище, и какая рука дерзнула бы посягнуть на священного служителя Бога Израилева, на первосвященника? Но не было ли возможно, чтобы

он сам потерял их? И здесь была приложена забота, чтобы этого не случилось. Мы видим их на плечах его, но как? Сами ли они держатся на этом месте или требовалось какое-либо напряжение силы, чтоб удержаться в этом высоком положении? Что они делают, чтобы оставаться там? С своей стороны ничего. Обо всем этом заботился Господь Сам. Взгляните только на те золотые гнезда, на ту драгоценную оправу, которая плотно охватила их и обеспечивала им это превознесенное место. Сюда же присоединяются еще цепочки из чистого золота, прикрепляющие их к личности их носителя. Они были, таким образом, неприкосновенными, и потеря их была невозможной.

Да, неприкосновенность и невозможность быть потерянными - вот наш жребий во Христе Иисусе. Когда некогда Господь ввел в рай первого человека, этот венец творения, отдав ему во владение всю землю, тогда человек занял действительно высокое и превознесенное положение: но рай не был неприкосновенным безопасным местом для него, пока ему приходилось держаться самому, потому что враг мог проникнуть и туда, и рука его могла и там протянуться за ним. Эта жемчужина могла быть уничтожена, этот драгоценный камень мог упасть; он и упал, и с ним все мы бывшие с ним одно, что мы и сознаем, глубоко сокрушаясь. Но насколько славнее участь тех, которые одно со вторым Адамом, с "Господом с неба", Который, вступая во святилище, за завесу, взял с Собой туда и Своих, посадив их с Собою на небесах (Еф.2:6). В Нем они уже "приступили к горе Сиону, и ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех, Богу, и к духам праведников, достигших совершенства" (Евр.12:22,23). Их теперешнее положение уже по ту сторону смерти и воскресения их Господа, потому что они умерли с Ним, с Ним же воскресли и живут Его жизнью, которая сокрыта со Христом в Боге (Кол.3:1-3). Если это так, возлюбленные, кто же может проникнуть туда и похитить у Него, великого Представителя, хотя бы только один из драгоценных камней Его? Есть ли там еще место для врага и его попыток? Конечно, здесь может он искушать их, рыть им ямы и растягивать пред ними сети, он может пускать свои палящие стрелы на них и на веру их, задевать любовь и надежду их, и они могут снова и снова оплакивать многими слезами свои ошибки; но их благая часть навеки обеспечена, обеспечена по ту сторону завесы, а потому и не может быть от них отнята. Их залог будет сохранен на оный день, а вместе с ним и они сами (2Тим.1:12), потому что написано: "Господь любит правду и не оставляет святых Своих; вовек сохранятся они" (Пс.36:28). Послушайте только, как апостол Петр говорит о "возрожденных воскресением Иисуса Христа из мертвых к упованию живому"; не говорит ли он, что они возрождены "к наследству нетленному, чистому неувядаемому, **хранящемуся на небесах**"? И не говорит ли он сейчас после этого, что и сами они, силою Божиею чрез веру соблюдают ко спасению, готовому открыться в последнее время" (1Пет.1:4,5)? Наследие хранится на небесах, наследники соблюдают силою Божиею, так что и наследники и наследие их непременно сойдутся. Можем ли мы пожелать себе лучшего жребия?

Но теперь возникает вопрос, сами ли мы должны держаться за Того, Кому мы принадлежим, или же Он должен держать нас? Ах, к сожалению, мы пробовали ухватить нашей маленькой детской рукой Его великую руку всемогущества и держаться за нее; и тут мы узнали по опыту, что она выскользнула у нас, и мы едва устояли, пока не научились не держать Его, а дать Ему держать нас, пока не научились положить свою руку в Его и доверять Ему, как дитя, что Он несомненно удержит нас до конца. Да, возлюбленные, вечные объятия охватили нас, как там золотые гнезда драгоценные камни; это узы любви привязали нас к Нему, как те золотые цепочки прикрепляли к первосвященнику двенадцать глубоко врезанных имен Израилевых,

чтобы они не могли потеряться. "Я вполне уверен", можешь ты ликовать сегодня, "что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией - во Христе Иисусе, Господе нашем" (Рим.8:38,39). Нет, нет! не наша любовь не допускает разлуки, не наши судорожные объятия, но любовь **Божия, которая во Христе Иисусе**, объявляя нас навеки. И гораздо раньше, чем хотя бы одно из детей Его могло так ликовать, Он уже высказал, что это так, что они навеки сохранены: "Я" - свидетельствуют нам Его праведные уста, - "**даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек; и никто не похитит их** из руки моей. Отец Мой, Который дал мне их, больше всех, и никто не может похитить их из руки Отца Моего" (Иоан.10:28,29). Как неприкосновенны, как защищены, навеки сохранены поэтому драгоценные камни на раменах нашего великого Первосвященника!

Позвольте мне высказать еще одну мысль по поводу этих камней оникса, а именно, что на раменах первосвященника они являлись **красноречивой картиной особенной любви Божией к Израилю**. Все, что мы видели до сих пор, свидетельствовало о Его любви к ним, потому что они не имели ничего, что не было бы даром и добровольным подарком со стороны Иеговы. Их высокое достоинство и их великолепие **Он** им дал, **Его** могущество несло их, и они заняли свое обеспеченное положение, **потому что Он** дал его им, возложив их на рамена первосвященника; но любовь Божия проявилась еще совершенно особенно в том **двойном намерении**, с которым Он поместил их на это место. Рассмотрим, точно, почему они должны были быть на плечах первосвященника, так как Он Сам открывает нам причину. Он не заставил нас догадываться о ней, но Сам высказал ее. Раз в повелении к Моисею сказано: "камни эти будут **на память сынам Израилевым**", а в другой раз вслед за этим говорится, что "Аарон будет носить имена их **пред Господом** на обоих раменах своих **для памяти**" (Исх.28:12). Блаженный Израиль! Всякий раз, что он видел своего первосвященника или только думал о нем, ему должно было тотчас же придти на память его блаженное положение пред Богом; таково было желание Самого Господа. Какая особенная любовь говорила из этого намерения Иеговы, какая нежная забота, укрепить их дух, поддерживать их радость, выражалась в этом! С другой стороны, Он хотел показать им что они никогда не выходили у Него Самого из памяти, но, подобно тому, как первосвященник постоянно стоит пред Ним, так пребывали и они всегда пред лицом Его.

Не это ли, братья мои, должны мы постоянно сохранять в памяти, - что мы однако так часто и скоро забываем, - что мы драгоценные камни Господа, драгоценные камни, носимые на благословенном месте, с бесконечной мощью и силой в присутствии нашего Бога, и связанные навеки узами любви с нашим великим Первосвященником. Думать об этом, запечатлевать это в нашей памяти нисколько не будет превозношением с нашей стороны; нет, это будет только осуществлением намерения Божия относительно нас, потому что Он повелел: "Положи два камня сии на нарамники ефода это камни **на память сынам Израилевым**". Если Он с такою любовью дал нам это место, желая, чтобы мы видели его; то неужели мы не поднимем своего взора, чтобы видеть его, или даже закроем глаза? А затем, если мы хотим "поступать достойно звания, в которое мы призваны" (Еф.4:1), то нам необходимо хорошенько узнать его, постоянно иметь его в виду и в действительности ему следовать. Никто никогда не занимал положения выше своего кругозора; насколько ограничен он, настолько же ограничено и истинное его положение; поэтому необходимо внимательно осмотреть и тотчас же занять его верою, коль скоро Бог показывает нам его. О, чтобы мы все получили просвещенные очи сердца нашего, дабы мы познали, в чем состоит надежда призвания Его (Еф.1:18)!

И что мы скажем на то, когда услышим, что Бог желает, чтобы мы знали, что мы возложены на плечи нашего великого Первосвященника, Ему для памяти? Благословенное положение! Если бы

мы даже и не узнали или забыли свое призвание, Он не может забыть его, не может забыть нас. Если даже наши мысли не там, мы все-таки стоим непрестанно пред лицом Его в Возлюбленном. Найдется ли еще место для жалобы, для того ложного обвинения Господа: "Господь меня оставил, Господь забыл меня"? Никогда! Взгляни на великого Первосвященника с теми драгоценными камнями на раменах Его, носящими и твое имя, и слушай внимательно голос Иеговы; не звучит ли оттуда торжественное опровержение твоих сетований: "Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? Но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя" (Ис.49:14,15). И к этому Он прибавляет: "Не оставлю тебя и не покину тебя" (Евр.13:5). Как мог бы Он это сделать? 'Он должен бы был тогда покинуть Своего Единородного Сына, составляющая одно с искупленными Своими, как Он одно с Отцом. О, славные это тени, проливающие такой чудный свет на наш вечный удел; только бы наша вера брала сущности действительность его в полнейшее владение! Тогда вскоре все наши стремления и желания будут обращены только к одному: увидеть Его, Возлюбленного, как Он есть. Он же, предпринявший достигнуть в нас эту славную цель, да осуществит ее во всех нас вскоре! Аминь.

Глава 28

Наперсник судный

Сделай наперсник судный искусною работою; сделай его такою же работою, как ефод: из золота, из голубой, пурпуровой и червленной шерсти и из крученого виссона сделай его; он должен быть четырехугольный, двойной, в пядень длиною и в пядень шириною; и вставь в него оправленные камни в четыре ряда; рядом: рубин, топаз, изумруд, - это один ряд; второй ряд: карбункул, сапфир и алмаз; третий ряд: яхонт, агат и аметист; четвертый ряд: хризолит, оникс и яспис; в золотых гнездах должны быть вставлены они. Сих камней должно быть двенадцать, по числу [двенадцати имен] сынов Израилевых [на двух раменах его], по именам их [и по рождению их]; на каждом, как на печати, должно быть вырезано по одному имени из числа двенадцати колен. К наперснику сделай цепочки витые плетеною работою из чистого золота; и сделай к наперснику два кольца из золота и прикрепи два [золотых] кольца к двум концам наперсника; и вдень две плетеные цепочки из золота в оба кольца по [обоим] концам наперсника, а два конца двух цепочек прикрепи к двум гнездам и прикрепи к нарамникам ефода с лицевой стороны его; еще сделай два кольца золотых и прикрепи их к двум другим концам наперсника, на той стороне, которая лежит к ефоду внутрь; также сделай два кольца золотых и прикрепи их к двум нарамникам ефода снизу, с лицевой стороны его, у соединения его, над поясом ефода; и прикрепят наперсник кольцами его к кольцам ефода шнуром из голубой шерсти, чтобы он был над поясом ефода, и чтоб не спадал наперсник с ефода. И будет носить Аарон имена сынов Израилевых на наперснике судном у сердца своего, когда будет входить во святилище, для постоянной памяти пред Господом. [И положи на наперсник судный витые цепочки, положи на оба конца наперсника, и положи оба гнезда на обоих плечах на нарамнике с лица.] На наперсник судный возложи урим и туммим, и они будут у сердца Ааронова, когда будет он входить [во святилище] пред лице Господне; и будет Аарон всегда носить суд сынов Израилевых у сердца своего пред лицом Господним.

(Исх. 28:15-30)

Из всех славных вещей, украшавших личность первосвященника, ни одна не была столь драгоценна, как наперсник судный на его груди. Почти можно бы сказать, что все определения славы и красоты, выступавшие как в построении скинии, так и в одеждах первосвященника, соединялись в нем, как в центральной точке. Здесь мы имеем опять ту же ткань с ее четырьмя священными цветами и вотканными в нее золотыми нитями, как на ефоде. Наперсник

представлял собою вдвое сложенный квадрат в пядень длиною, и в пядень шириною, на котором покоились расположенные в четыре ряда и заключенные в чистое золото двенадцать драгоценных камней чистейшей воды. На каждом из этих камней было вырезано одно из имен колен Израилевых, сиявшее особенным блеском и ослепительной красотой каждый раз, что первосвященник вступал во святилище и озарялся светом золотого светильника. Ко всему этому присоединяется еще таинственный "урим и туммим", или "свет и право", которые Моисей должен был возложить в складывавшийся в виде сумки наперсник. Снабженное на четырех углах золотыми кольцами, это драгоценное украшение прикреплялось, с одной стороны, посредством двух золотых цепочек к нарамникам, приходя, следовательно, в связь с известными уже нам камнями оникса, покоившимися на плечах, и, с другой стороны, привязывалось в нижней части двумя голубыми шнурами к ефоду, так что плотно прилегало к нему. Некоторые отдельные черты, сообщенные здесь, уже известны нам, по своему значению, из нашей последней беседы, мы не будем повторять их, предоставляя вам самим возобновить это в своей памяти. Да благоволит Господь открыть нам особые световые стороны, вложенные в этот роскошный

наперсник судный,

которые, наверно, побудят нас к новому благодарению и поклонению.

Что касается меня, **то форма славного наперсника, прежде всего, привлекает к себе мое внимание.** По всему, что прошло до сих пор пред моими глазами, во всем святилище и во всем облачении первосвященника, я нашел, что здесь не делалось ничего произвольно или приблизительно так или иначе, ничего не принимало ту или другую произвольную форму. Господь дал вполне определенный план, и Моисей должен был выполнить его точно так, как дал ему Господь, потому что в каждую его черту Он вложил Свое священное значение. Так и этот четырехугольник, на котором стояли имена Израиля, вырезанные на драгоценных камнях, имел особенное значение. Он был вполне похож на расположенный вокруг святилища стан и на народ, идущий в этом виде чрез пустыню. Четыре раза по три колена, по направлению четырех стран света, располагались они в шатрах вокруг скинии, и, четыре раза по три, покоились на наперснике первосвященника их имена, вырезанные на камнях. И, как мы можем видеть из повеления Господня, эти имена были расположены совершенно в ином порядке, нежели на камнях, возложенных на плечи первосвященника. В 9 и 10 стихах нашей главы сказано: "И возьми два камня оникса, и вырежь на них имена сынов Израилевых. Шесть имен их на одном камне, и шесть имен остальных на другом камне, **по порядку рождения их**"; о наперснике же говорится: "Сих камней должно быть двенадцать, по числу сынов Израилевых, по именам их; на каждом, как на печати, должно быть вырезано по одному имени **из числа двенадцати колен**" (Исх.28:21). В то время, как они стояли вырезанными на камнях оникса по порядку старшинства их в доме отца, потому что по рождению они все были равны и в них не могло быть никакой разницы, мы находим их на наперснике судном в военном порядке и в порядке расположения стана, предписанном Самим Господом коленам Израилевым, где, согласно Его священному плану, Он распределил их, сообразуясь с задачами и способностями каждого из них и совершенно не принимая в расчет их родословия. В Числ. 2 гл. мы можем в точности видеть чудный порядок расположения двенадцати колен в стане Израилевом.

Возлюбленные, этот четырехугольный стан, так же, как и наперсник судный на груди первосвященника, есть истинный прообраз Царствия Божия здесь, на земле, которое должно распространиться по всем четырем странам света и, как Господь предсказал чрез пророка

Даниила, оно наполнит, наконец, всю землю. (Дан.2:35). В конце веков "Бог небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно" (Дан.2:44). В настоящее время, конечно, мы видим народ Всевышнего совершающим свой переход чрез пустыню мира сего, разбивая то тут, то там шатры свои для того, чтоб вскоре снова снять их и перенести военный стан свой в другое место земли, так как не пришло еще время Господне.

Но как бесконечно чудно и теперь уже знать, что, хотя рассеянный во все страны света, народ Божий находится и в настоящее время в борьбе, хотя он и окружен многими, к нему враждебно настроенными, народами земли, хотя члены его и бывают часто далеко отброшены один от другого, всем им, однако, отведено одно и то же место на великой груди Первосвященника и в любящем сердце Его. Ни одно из колен народа Божия не находится в пренебрежении, ни одно из них не отвержено, не забыто Им. В каких бы отдаленных частях света искупленные Его ни находились, где бы они не были скрыты, так что никто не может предполагать их присутствия, тем не менее они, все без исключения, покоятся на необъятном сердце возлюбленного Первосвященника пред Богом. Чудное утешение: я, ты, все мы, и все дети Его на востоке и западе, на юге и севере, все перед Ним предстоят, пребывают всегда в присутствии Его!

Другое, очень важное обстоятельство этого нагрудного украшения первосвященника представляем его название. Он называется **наперсником судным**. 30 стих этой главы показывает нам причину, по которой он носить это название; там сказано о первосвященнике: "И будет Аарон всегда носить суд сынов Израилевых у сердца своего пред лицом Господним". Это данное ему Господом название именно потому имеет важное значение для народа Его, что последний, как мы это только что видели, постоянно находился как бы пред глазами Иеговы. Не должно ли было это сознание постоянного присутствия Божия производить в них боязнь и страх при мысли о своих ошибках, слабостях, недостатках и немощи? Не находились ли они пред лицом Господним во свете, от которого ничто не оставалось скрытым, но все было обнажено и открыто? Конечно, это было так. Но всякая боязнь и всякий страх тотчас рассеивался при мысли, что не они сами предстояли пред Богом, но первосвященник, что не они должны нести свой приговор, но их облеченный Самим Богом и благоугодный Ему ходатай. Они могли сознавать себя сокрытыми в нем, потому что его совершенство с избытком покрывало их слабости.

Какой чудный свет проливает это обстоятельство на нашего Ходатая там в небесах, как ярко оно освещает Его непрерывное дело во славе! Он ведь - великий представитель искупленного Своею кровию народа, народа, взятого Им в удел; Он представляет другую договаривавшуюся сторону в чудном, заключенном навеки, завете благодати Божией; не народ Его, нет, ни один из них не участвует в этом. Поэтому Он взял все обязательства этого завета на Себя и один ответствен с начала до конца за все и за всех. Некогда Он понес приговор Своего народа, приговор смертный, идя, **как жертвенный Агнец**, чтобы умереть за него на кресте; теперь же Он, **как ходатай**, носит на Своем сердце их приговор за их ежедневное хождение. Он - заступник, отвечающий за их недостатки и немощи, ходатайствующий за каждого из Своих немощных чад. Мы читаем о Нем, именно в этом Его положении первосвященника, что Он, как таковой, исполнен сострадания "к немощам нашим" (Евр.4:15), что Он молится за нас (7:25) и ходатайствует за нас (Рим. 8:34). Как высока, как утешительна эта славная действительность; душа должна бы торжествовать об этом и с радостью последовать приглашению апостола, который ободряет нас: "Посему да приступаем с дерзновением к престолу благодати, чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи" (Евр.4:16). Мирской разум плоти боится, чтоб эта истина не послужила поощрением греху, но Дух Святой только что

показал нам в последних драгоценных словах Господа, что она открывает двери к **милосердию** могущему сострадать нам в немощах наших, и к **благодати**, в силу которой мы можем одолеваять всякое затруднение и достигать победы. Нет, не для того, чтобы нам грешить, но для того, чтобы мы не согрешали, написал Он нам это; если бы это и случилось когда-либо, мы должны знать, что имеем "ходатая перед Отцом, Иисуса Христа, Праведника" (1Иоан 2:1).

Но еще больше, братия мои, силою Господа мы могли бы некоторое время так ходить пред Ним и с Ним, что, подобно апостолу Павлу, мы ничего не знаем за собою; но тогда мы не должны забывать, что этим мы еще "не оправдываемся" пред Господом (1 Кор.4:4), потому что еще могут существовать вещи скрытые, которые, хотя наше око и не видит и наша совесть не указывает их, все же были бы обнажены и открыты очам Божиим, если бы Он не смотрел на нас чрез Того, Кто, в сострадании к нам, носит на груди Своей падающее на нас осуждение. Да будет вечная хвала и поклонение Ему, в Котором мы можем, без страха и робости, занять свое место пред Отцом.

Далее, мне хочется еще заметить, что **Израиль был, таким образом, представлен в первосвященнике в двух отношениях**. Мы видели Израиля на плечах его, вырезанным на камнях оникса; здесь мы встречаем его вторично на драгоценном наперснике на сердце его. Итак, ему приходилось носить этот народ пред Господом в двух отношениях, а именно, как народ, которому он посвятил **все свои силы**, и как народ, которому он отдал **всю свою любовь**. Плечи, носившие на себе камни оникса и более ничего другого, принадлежали тысячам Израильтян, а сердце, бывшее под этими сверкающими камнями, должно было только гореть любовью к тем, которые были так приближены к нему именно в этих камнях. Какая задача для Аарона и какой ублажающий вид для Израиля! Насколько Аарон и его преемники осуществляли эту задачу, кто может сказать? Но если бы они и достигли человеческого совершенства, какая была бы от этого польза? Ибо, что есть человеческая сила, что есть человеческая любовь? И если они и имеют какое-либо значение для нас, то что они пред Богом? Они были тени, указывающие на будущие блага.

Поэтому, какое блаженство должно охватить сердца наши, когда мы смотрим на Него, великий первообраз, который Аарон только отражал, и узнаем из этой тени, что не только Его могущество, но и Его бесконечная любовь с ее непостижимой высотой и глубиной, широтой и долготой служит основанием, на котором мы так безопасно покоимся. Его всемогущество сделалось нашим, - это так высоко; Его всемогущество и Его благоволение сделались нашими, - это еще выше; но самое высокое, превосходящее всякое разумение наше, - это то, что вместе с Его всемогуществом и Его горящее любовью сердце всецело принадлежит нам. Посмотри, чадо Божие, как те сверкающие камни покоятся на сердце Его и покрывают его; они представляют собой Его народ, Его невесту, о которой Он сказал: "Пленила ты сердце Мое, сестра Моя, невеста" (П.П.4:9).

Кто из вас, братия мои, не позавидовал громко или хотя тайно ученику, некогда покоившемуся на груди Его, и кому из вас не хотелось бы в детской простоте этого места? И ведь это было твое место, чадо Божие, с первого вздоха твоей духовной жизни, потому что Он Сам поместил тебя туда. О, если бы ты мог, в случае если этого до сих пор не было, хотя сегодня узнать этот твой славный жребий и войти в него, направив взор свой на твоего великого Первосвященника. Не думай, что это исключительное счастье немногих выдающихся и преуспевших святых, нет; напротив, ты можешь прочитать вот что: "Агнцев будет брать на руки и носить на груди Своей" (Ис.40:11). Итак, слышишь, это место даже для агнцев. Да, та горячая, пламенная мольба, мольба отдельных душ и всей Церкви, невесты Христовой: "Положи меня, как печать на сердце Твое, как перстень на руку Твою" (П.П.8:6), - уже давно исполнена. С того дня, как Он занял Свое

место, как великий Первосвященник и представитель пред Богом, Он носит весь народ Свой на раменах Своих и на сердце во всемогуществе и любви.

Не следует ли нам, далее, **вспомнить еще разницу в блеске драгоценных камней, на которых сияли эти имена?** Посмотрите, какая разница между камнями на плечах первосвященника и камнями на груди его! Достаточно одного взгляда, чтобы открыть ее. Там встречается нам полное однообразие, здесь же - самое разностороннее различие; там все колена являлись в одном и том же блеске камней оникса; здесь каждое колено появляется в другом драгоценном камне и, таким образом, в различной славе; в то время, как там возраст и рождение указывают им соответствующее место, - здесь существует совсем не зависящее от этого назначение. И кто мог бы сказать, что это, собственно, не должно бы так быть, что это вероятно недоразумение, ошибка? Никакой ошибки здесь быть не могло, потому что здесь всюду царил чудный порядок Иеговы.

Но отразилась ли эта тень, осуществилась ли она на народе Божиим Нового Завета? Конечно. Когда этот народ рассматривается со стороны его рождения от Бога, то в нем нет никакого различия: в этом отношении все равны. Один столь же драгоценен и славен, как и другой. Бесконечно дорогая цена крови Христовой была одинаково уплачена за всех и каждого. Каждый возлюблен вечною любовью, избран во Христе от века; тот же Дух Святой родил их, та же жизнь вечная наполнила их и та же слава их общей Главы одинаково принадлежит всем. Нет, здесь нет различия ни для кого, кем бы они ни были раньше! Пусть Рувим "бушевал, как вода" и потерял вследствие этого свое земное первородство (Быт.49:3,4), но смотри, его имя красуется первым в камнях оникса на раменах первосвященника; пусть Иосиф и Вениамин пользовались некогда предпочтением Иакова пред всеми, здесь они стоят по порядку своего рождения и, таким образом, они здесь последние, что, однако, не делает никакой разницы, потому что они пользуются одинаковым блеском с другими.

Но если мы рассмотрим дорогой народ Божий по характерам, присущим каждому колену отдельно, по его значению для Царствия Божия здесь на земле, по его качествам и хождению, то каждое колено, даже каждый отдельный член колена явится, как те драгоценные камни на груди первосвященника, **в своем особенном ему одному присущем блеске, на своем особенном месте.** Иуда, воинственный и побеждающий лев, поставлен во главе, в первый ряд, тогда как Дану приходится стоять на конце; Господь взял их из середины и поставил на то место, где они лучше всего могли выполнить план Его. И как разнообразно блестяли они! Каждый в своем роде. То же еще и сегодня. Какое несметное воинство Господне сражается именно теперь за дело Того же Господа! Может быть, мы хотели бы переместить стан отдельных колен? Или, может быть, мы закрыли глаза для славы, присущей им одним? Если это так, то мы стоим в противоречии с Тем, Кто "так дивно устроил все". Откроем только хорошо глаза свои и, если нужно, помажем их глазною мазью Господа, чтобы нам видеть, как каждое из этих колен украшает нашего превознесенного Первосвященника своим особым, присущим ему одному, блеском. Подобно тому, как каждая капля росы отражает в себе великое солнце, и отражает его различным светом, так что мы видим во всех их все семь цветов радуги отраженными миллионы раз, так и каждое колено Израиля Божия отражает драгоценное Солнце Правды различным, ему одному свойственным образом. И не случилось ли тут недоразумения или ошибки? Не должны бы были все они сиять одним и тем же светом? Нет, о нет! Он, наш возлюбленный Господь, хочет послать в этот мир, чрез посредство народа Своего, тысячи лучей Своих разнообразных свойств и добродетелей, Его совершенства и превосходства, чтобы он увидел в них Его. Могу ли я передать их все, можешь ли ты это сделать или может ли это сделать мое колено, или кто-либо другой? Не

понадобится ли Ему для этого весь народ Его? Да, конечно, весь! А если это так, то сияй же ты, колено Иудино, в красноватых лучах твоего рубина, и ты, колено Иссахарово, - золотистым блеском топаза; ты же, Завулон, сияй освежительным зеленым светом изумруда; пусть от одного исходит сияние голубого сапфира и пусть другой блестит фиолетовыми лучами приятного аметиста, и да покроет всех третий ослепительным светом алмаза; когда же не хватит больше лучей для изображения совершенства непостижимой красоты великого нашего Первосвященника, пусть каждый присоединит тогда радостно и добровольно данную ему славу; она безусловно нужна для того, чтобы дать полную картину. Будем поэтому остерегаться, чтобы не превратить чудное разнообразие и разносторонность Его драгоценных камней в мертвое однообразие, иначе мы неизбежно направлялись бы к тому, чтобы отнять лучшую славу у безценного сокровища Господня.

Нам остается еще обратить внимание на урим и туммим на груди первосвященника. Моисею повелено было возложить урим и туммим в наперсник судный, нижний конец которого был поднят вверх, так что, сложенный вдвойне, он представлял собою нечто вроде сумки. В немецком тексте эти еврейские названия переведены словами "свет и право"; другие переводчики придают им значение "света и совершенства"; перевод же семидесяти толковников передает их выражением "откровение и истина". Нам совершенно неизвестно, в чем, собственно, состоял урим и туммим. Были ли это также драгоценные камни, носившие эти два многозначительные имени, или же - жребии, бросавшиеся пред Господом, отрицавшие или утверждавшие поставленные вопросы, было ли это что-либо другое, ничего этого из Св. Писания не видно. Одно только очень ясно для нас в слове об этой святой тайне, хранимой на груди первосвященника, что посредством нее Господь открывал Свою божественную волю и объявлял Израилю Свои решения. Так, например мы читаем об Иисусе Навине, уже не говорившем с Господом, подобно Моисею, лицом к лицу, что ему повелено было узнавать решения Господа следующим путем: "И будет он обращаться к Елеазару, священнику, и спрашивать его о решении посредством урима пред Господом, и по его слову должны выходить, и по его слову должны входить он и все сыны Израилевы с ним, и все общество" (Чис.27:21). Итак, во всяком затруднении, где требовался новый свет и новое откровение Иисусу Навину и всему обществу Израилеву, им было указано обращаться к уриму и туммиму. Несчастный павший и отверженный царь Саул, который хотел воспользоваться этим же путем, чтобы выйти из больших затруднений, не получил никакого ответа: "И спросил Саул Господа; но Господь не отвечал ему ни во сне, ни чрез урим, ни чрез пророков" (1Цар.28:6). И всему колену Левия, глава которого был носителем этой чудной тайны, заключительным благословением Моисея было желание, чтобы она ненарушимо оставалась с его главой. "И о Левии сказал (Моисей): Туммим твой и урим твой на святом Муже твоём, которого ты искусил в Массе, с которым ты препирался при водах Меривы, который говорил об отце своем и матери своей: я на них не смотрю, и братьев своих не признает, и сыновей своих не знает. Ибо они Левиты, слова Твои хранят, и завет Твой соблюдают" (Втор.33:8,9). Откровение Господа, Его решение и воля, познаваемые и прообразно представленные в урime и туммиме первосвященника, должны бы были быть - даже с отречением от самых любимых и дорогих им на земле - исключительным стремлением и желанием Левитов, а также и их богатством и наследием. Словом, в урime и туммиме своего первосвященника Израиль владел чудеснейшим и таинственнейшим из всех даров благодати.

И теперь, где и что такое наш урим и туммим в эти дни Нового Завета? Нуждаемся ли и мы в них или же мы предоставлены самим себе, чтобы беспомощно проходить чрез пустыню мира сего? О, слава нашему Богу и Отцу за то, что мы знаем Того, Чье имя "Чудный" и "Советник",

Кто Сам Себя называет "светом" и познать Которого значит не что иное, как видеть Отца и познать Его волю. "Кто последует за Мною",- так говорит "святой Муж" наш, - "тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни" (Иоан.8:12). О, только бы мы пребывали в том, чтобы нам идти вслед за Ним, дабы мы искали наш "свет и право" только у этого "святого Мужа" нашего и научились отречься от всего того, что отвлекает нас от Него. Всякая тьма, всякая нерешимость, всякое незнание пути и воли Его были бы для Него только новым случаем открываться нам тем славнее.

Но как же будет сиять до нас свет Его, если Он Сам пребывает пред престолом Отца? Да будет Ему хвала и поклонение! Хотя Он обитает в неприступном свете, но, тем не менее, Он, воистину, с нами "во все дни до скончания века". И больше этого. Он не только с нами; нет, еще славнее и драгоценнее удел наш: Он живет **в нас** чрез Духа Своего (Рим.8:10,11). Дух же Его прославляет нам Его; Он постоянно берет от Него и возвещает нам (Иоан.16:14), так что мы открытым лицомзираем на славу Господню и, взирая, преобразуемся в тот же образ (2Кор.3:18). Непрестанно свидетельствует о Нем Дух Святой, научая нас всему и напоминая нам все, что Он говорил нам (Иоан.15:26; 14:26), и всегда Он готов наставить на всякую истину. Он есть помазание от Святого, и, в силу того, что мы имеем его, нам может быть сказано: "вы знаете все" (1Иоан.2:20). О, благословенный Урим и Туммим! Пребудь же так близко к нам, как тот ветхозаветный урим и туммим был близок к тем драгоценным камням, так что они покоились на нем, и не дай нам омрачать Твой свет или подавлять твое сияние, чтобы нам не быть, как Израиль, потерявший это сокровище (Ездр.2:63) и ходящий теперь во мраке, по своему собственному пути. Нет, дай нам ходить во свете Твоём, доколе мы имеем его. Аминь.

Глава 29

Кидар с золотой дощечкой

И сделали кидар из виссона, и головные повязки из виссона

(Исх. 39:28)

И сделай полированную дощечку из чистого золота, и вырежь на ней, как вырезают на печати: Святыня Господня, и прикрепи ее шнуром голубого цвета к кидару, так чтобы она была на передней стороне кидара; и будет она на челе Аароном, и понесет на себе Аарон недостатки приношений, посвящаемых от сынов Израилевых, и всех даров, ими приносимых; и будет она непрестанно на челе его, для благоволения Господня к ним.

(Исх. 28:36-38)

Мы дошли сегодня до последней из первосвященнических одежд. Кидаром его вполне заканчивалось возложенное на него Господом чудное украшение. Кидар не представлял собою головного убора, какой мы могли бы себе представить по нашим западным понятиям, потому что еврейское слово указывает на совсем другой род головного убора, оно происходит от глагола, означающего "свертывать" или "обвивать", так что кидар первосвященника во всяком случае представлял собою головную повязку, которая должна была быть не без сходства с современной восточной чалмой. Именно этим первосвященническое головное украшение отличалось от уборов священников, которые, хотя и были из той же ткани, но имели совсем другую форму, а именно форму чепца, как они совершенно верно и названы в немецком переводе Библии. И в этом отношении первосвященник был единственным в своем роде и имел предпочтение перед своими сыновьями. Сюда присоединялась еще золотая дощечка со знаменательной надписью, которая еще увеличивала это преимущество.

Это должно было быть нечто в роде венка из искусно вычеканенных золотых цветов, на что указывает еврейское слово "Tzaz", или "цветок", так что первосвященник является увенчанным пред Богом. На это, впрочем, мы указывали уже и раньше. Что все это исполнено глубокого, поучительного духовного смысла, в этом не может быть ни малейшего сомнения; да будет же благоугодно Господу открыть нам Свой смысл в перво-священническом

кидаре и его золотой дощечке.

Прежде всего, рассмотрим в отдельности кидар. Он был, подобно всем одеждам, которые

первосвященник носил непосредственно на своем теле, сделан из хорошо известного нам белого виссона, изображающего, как мы тоже уже знаем, чистоту и праведность. Итак, с этим кидаром он являлся сокрытым с головы до ног в эти чудные качества.

Кроме того, покрытие головы имеет в Писании еще свое отдельное значение. Точное расследование этого вопроса легко даст всякому надлежащий свет. Мы не намерены рассматривать здесь все случаи, но хотели бы все-таки указать на некоторые из них, где покрытие головы имеет отношение к положению пред Богом. Прочтем, прежде всего, Лев. 10:6 : "Аарону же и Елеазару и Ифамару, сынам его, Моисей сказал: **голов ваших не обнажайте** и одежд ваших не раздирайте, чтобы вам не умереть и не навести гнева на все общество. Но братья ваши, весь дом Израилев, могут плакать о сожженных, которых сжег Господь". Далее, Лев. 21:10-12. "Великий же священник из братьев своих, на голову которого возлит елей помазания и который освящен, чтобы облачаться в священные одежды, **не должен обнажать головы** своей и раздирать одежд своих. И ни к какому умершему не должен он приступать; даже прикосновением к умершему отцу своему и матери своей он не должен осквернять себя. И от святилища он не должен отходить и бесчестить святилище Бога своего, **ибо освящение елеем помазания Бога его** на нем. Я Господь." Далее прочтем еще одно место Нового Завета, а именно 1 Кор. 11:3-10. "Хочу также, чтобы вы знали, что всякому мужу глава Христос; жене глава муж; а Христу глава Бог. Всякий муж, молящийся или пророчествующий с покрытою головою, постыжает свою голову. И всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытою головою, постыжает свою голову; ибо это то же, как если бы она была обритая. Ибо если жена не хочет покрываться, то пусть и стрижется; а если жене стыдно быть остриженной или обритой, то пусть покрывается. Итак, муж **не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава Божия**; а жена есть слава мужа. Ибо не муж от жены, но жена от мужа. И не муж создан для жены, но жена для мужа. **Посему жена и должна иметь на голове своей знак власти**".

Эти места Писания показывают нам, возлюбленные, что покрытие головы означает, в духовном смысле, подчиненность и покорность высшей власти и добровольное признание этой высшей власти над собою. В первом из этих прочитанных мест Аарон и сыны его должны с полнейшим подчинением и покорностью принять из руки Господа глубокую и жгучую скорбь, причиненную им истреблением огнем сынов Надана и Авиуда, так что им даже не было разрешено проявить какой-либо признак печали, т.е. обнажить голову или раздрать одежды; но они должны были явиться в таком совершенном согласии с Господом, не только как будто ничего не случилось, но как во дни полного благополучия. Обнажение головы Аарона или сынов его заставило бы их явиться мужами, стоящими в противоречии с действиями Иеговы. Во втором месте дается на все случаи ясное повеление, чтобы обнажение головы, даже при смерти самых дорогих его сердцу, никогда не допускалось. Итак, та же покорность, та же совершенная подчиненность раз навсегда. Но особенно ясно свидетельствует об этом вышеприведенное место из Нового Завета. Муж, названный там образом Божиим и славой Его, не должен покрывать голову свою; жена же, являющаяся, как говорить в другом месте апостол Павел (Еф.5:22,23) образ Церкви Христовой, должна, в доказательство своей полной подчиненности, иметь на голове своей знак власти, т.е. появлялась в собрании верующих с покрытою головою. Это, кажется, доказывает что покрытие головы первосвященника было знаком его подчиненности и покорности Богу. А так как он никогда не смел обнажать голову и должен был постоянно предстать пред Богом, то этим Господь показал, что в этом положении не может быть перемены даже ни на одно мгновение и что он должен подчиняться одной только воле Божией.

"Вот иду исполнить волю Твою, Боже", таково решение, выраженное Сыном еще прежде, нежели Он сошел на землю. Никто не исполнил воли Божией, никто не подчинился Ему, но все возмутились и попирали ногами волю Господню; поэтому Он пришел восстановить честь Отца Своего, и во все время Его земного хождения эти слова остались Его правилом, как Он неоднократно громко свидетельствует о том: "Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца" (Иоан.6:38). Для Него было пищей творить волю Отца Его и совершать дело Его (Иоан.4:34). И это дело все еще продолжается до сих пор и именно рукою Его, как предсказал пророк (Ис.53:10). Он, Сын, под ноги Которого покорено все, Который сидит одесную Отца, облеченный всякою властью на небе и на земле, исполняет предначертания Отца, Главы Своей, (1Кор.11:3) в совершенном согласии с Ним. Какое глубокое успокоение дает это душе моей! В то время, как я, один из членов Его здесь на земле, все еще искушаюсь творить мою собственную волю, и этим согрешаю к моему глубокому горю, моя превознесенная Глава пребывает там, на небе, за меня, в совершеннейшем согласии с Отцом, в полной покорности и отдаче Ему. Отец видит Его и исполнен благоволением к Возлюбленному, а чрез Него и ко мне.

Но обратимся к золотой дощечке. Точно вникнув в прочитанный нами текст, мы скоро увидим, что эта дощечка на кидаре первосвященника описана очень подробно, тогда как о самом кидаре упоминается только между другими предметами, как бы этим намекая, что самый кидар существовал только для того, чтобы носить на себе дощечку. Последняя была, бесспорно, главной принадлежностью кидара и выразительно названа "диадимой святыни" (Лев.29:6). Как мы уже говорили вначале она, по всей вероятности, представляла из себя искусно сработанный из золота цветок. Увенчание головы цветами было издревле прославлением того человека и повело к увенчанию или коронованию драгоценными диадимами в знак высшего достоинства царского величия и славы. Так являлся и первосвященник, как увенчанный золотым венцом священник, высоко превознесенный над всеми собратьями его.

Не кажется ли это в применении ко Христу противоречием? Не видели ли мы только, что перед этим, что покрытие головы обозначало подчинение, покорность? Да, это так; но именно эти качества во Христе Иисусе увенчаны и прославлены Отцом. Кто из нас может прочитать Фил. 2:6-11, чтобы эта действительность не сделалась ему ясной, как солнце? До 8 стиха мы видим нашего Господа сходящим с одной ступени на другую, до тех пор, что дальше идти уже некуда, потому что Он уже не мог спуститься ниже крестной смерти. И кто же из нас, читая следующие за этим в 9 стихе слова: "**Посему** и Бог превознес Его", не скажет себе: итак, Его глубокое унижение есть причина Его величайшего прославления. И Евр.2:7-9 эти две противоположности снова стоят так же близко одна к другой, как они обе видны здесь на голове первосвященника. "Не много (т.е. не долго) Ты унижил Его пред Ангелами" - это указывает нам, очевидно, на Его униженное положение; но апостол не останавливается, но дополняет свое изречение: "Славою и честью увенчал Его, и поставил Его над делами рук Твоих" (7 ст.). И чтобы мы не заблуждались в понимании этого ветхозаветного места, Дух Святой еще раз сопоставляет чрез апостола обе эти противоположности, прямо говоря, что они встречаются во Христе, продолжая: "Но видим, что **за претерпение смерти увенчан славою и честью** Иисус, Который немного был унижен пред Ангелами" (9 ст.). Итак, здесь нет никакого противоречия. Он, первородный между многими братьями, второй Адам, стоит в этом образе, как увенчанный Ходатай Своего, Ему принадлежащая, рода пред Своим и нашим Отцом, пред Своим и нашим Богом.

Мы, собственно, должны бы были ожидать этого сияющего венца на голове первосвященника, потому что, рассматривая еще золотые и позолоченные предметы во святилище, из которых

каждый изображал собою Христа с известной точки зрения, мы видели их всех увенчанными. Золотой жертвенник, стол для хлебов предложения, золотой светильник и ковчег завета во Святом-святыях, все они там имели венцы; могло ли быть иначе, чтобы теперь, когда весь Христос, во "всей полноте Своей личности, изображался первосвященником, Он явился не увенчанным? И какое блаженное наслаждение для каждого чада Божия в отдельности и для всего собранного воедино народа Господня, видеть Его таким! Видеть Его "посаженым одесную Бога на небесах, превыше всякого начальства, и власти, и силы, и господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем" (Еф.1:20,21), и притом знать, что Он вместе с теми "священнодействователь" будущих благ, предназначенных для нас.

Прочтем же знаменательную надпись дощечки. Посмотрите, возлюбленные, там, на золотой дощечке, глубоко вырезаны резцом немногие, но столь содержательные слова: "Святыня Господня". Что же они обозначали? Каково было их содержание и какой смысл вложил в них Иегова? Почти с удивлением спрашиваем мы: Что же, собственно, придавали они первосвященнику? Не был ли он сам свят, не было ли сделано все, чтобы он и являлся таковым? И не все ли на нем было свято? Конечно; свята была каждая вещь, каждая одежда, каждое возложенное на него украшение и все действия его; об этом многократно говорил Господь, и, если б это было не так, то он никогда не мог бы и явиться пред Господом. Какое значение могла иметь эта надпись? Не должна ли была эта, приложенная ему в дощечке, "Святыня Господня" превосходить ту святость, которая была ему придана одеждой и украшениями его? Так это по моему мнению и было. Что касается меня, то я вижу здесь личную собственность Божию, святость, Ему Самому присущую, в этой дощечке прообразно перенесенную на первосвященника. Это двояким образом выразилось в этой дощечке. Во-первых, самим металлом, золотом, означающим божественную природу; затем - словами самой надписи. Итак, мы видим в первосвященнике двоякую святость: личную, человеческую, и божественную. Обе должны были безусловно находиться в посреднике между Богом и людьми. По своей личной святости он имел право предстать за себя **лично** пред Иеговой; в святости Господней, бесконечной, непостижимой и превосходящей всякое разумение, он мог являться и за других.

У Аарона как тот, так и другой род святости были извне и должны были быть ему приданы; у Того же, Кто один обладает вечным, неоспоримым правом носить имя "Первосвященника великого", и тот, и другой присущи Ему по природе. Ему не нужно было придать ничего. По Своей человеческой природе Он был от воплощения Своего посвященным Богу, отделенным для Него; по Своей божественной природе Он был и есть "Святыня Господня". Оба рода святости стояли и стоят еще ныне на благословенном служении Отца, во спасение Его искупленных. Он родился, как мы уже неоднократно видели, Святым Божиим; Он прожил земные дни Свои в совершеннейшем отделении и отдаче Отцу и для Него и пребыл в этом ненарушенном посвящении, несмотря на искушение и борьбу, окруженный грешниками и грехом, даже в страданиях и смерти. Но эта святость была приобретенная, достигнутая борьбой, дело Человека Иисуса, Который, еще будучи на земле, среди нас, говорил о ней, как о еще совершающейся: "За них", - говорил Он, - "за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною" (Иоан.17:19). Но одновременно с этим Его облакала и вечная святость, присущая Ему в силу тождественности естества Его с Отцом. Ведь Он был Тот, о Котором говорил апостол Иоанн, что Исаия видел славу Его, от которой серафимы закрывали лица свои и непрестанно поклонялись Ему, восклицая: "Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!" (Сравни Иоан.12:39-41 и Ис.6:1-4). Да, Он есть "сущий над всем Бог, благословенный вовеки. Аминь" (Рим.9:5). Неправда ли, братия мои, "таков и должен быть у нас Первосвященник:

святой, непричастный злу, непорочный, отделенный от грешников и превознесенный выше небес" (Евр.7:26)? И да будет Ему вечная хвала и поклонение, мы имеем Его таким, Он наш Первосвященник на престоле славы и величия. О, как это радует и укрепляет сердце и последнее тем более, **когда мы обратить особенное внимание также и на цель этой дощечки, носящей на себе эту чудную надпись.** Относительно этого Господом было сказано: "И будет она на челе Аароновом, и понесет на себе Аарон недостатки приношений, посвящаемых от сынов Израилевых и всех даров, ими приносимых" (Исх.28:38). Какое милостивое мероприятие со стороны Божией! Кто бы мог подумать о нем, если не Он Сам? Мы знаем еще из прежних бесед, как кровавый жертвы, приносившаяся Израилем по точному божественному постановлению, должны были покрывать грехи их; и мы читаем, что для каждого преступления была назначена жертва; каждый единичный грех требовал смерти и крови какого-либо чистого, непорочного жертвенного животного. И вот Израиль приносил их по предписанию, и священники наблюдали за этим; но не могли ли случиться грех, недостаток и немощи в самом приношении этих даров и жертв и в жертвователе их, когда он приносил их к жертвеннику? И даже когда они не приносили жертву за грех или жертву повинности, как грешники, но как уже очищенные приносили пред Господа добровольный жертвы благодарности, хлебного приношения или жертвы мирные, то сколько нечистого, не благоугодного Ему могло видеть в них око Господне.

И, конечно, Он видел и называл это "недостатками приношений, посвящаемых от сынов Израилевых". Как могла такая запятнанная недостатками жертва и такое оскверненное богослужение быть угодным Иегове? И где была та жертва, которая покрывала эти недостатки? Не был ли каждый приносимый Израилем новый дар в опасности быть одержимым этими недостатками? Конечно; исповедью каждого должно бы было быть: **"Вся праведность наша, как запачканная одежда"** (Ис.64:6). О, как чудно, что "Святыня Господня", возложенная на первосвященника Божия, несла на себе недостатки посвященных ими даров. То облеченное и вооруженное святыней Господней лицо, стоявшее за народ свой, простирало эту святость на дары, посвященные в немощи и недостатке, и делало их благоугодными Иегове.

Не видим ли мы уже смысл этого славного постановления Божия во Христе Иисусе, нашем превознесенном Первосвященнике? Мы знаем, кровь Его покрывает нашу вину; мы стоим пред Богом освященные и очищенные Его смертью; но как обстоит дело с нашей практической святостью, как святых, с тем, что мы, как дар и жертву, приносим во двор Его, с тем, на что мы сами смотрим, как на святее? Возлюбленные, если мы открытыми глазами смотрим на эти вещи, то как много пятен обнаруживаем уже мы; а что же тогда Он? Не должен ли Он сказать о большинстве наших жертв: "Я не нахожу их совершенными"? Приходя к Нему с нашими молитвами, как часто сами мы усматриваем в них то недостаток горячности, то недостаток упования; иногда они были вознесены только для успокоения, что мы все-таки помолились; но не были ли они часто не более, как одни слова? А наше песнопение? Сколько стройности и красоты в напевах, сколько приятности и нежности в тонах; но где сердце, которое в полнейшем единстве соглашалось бы со словами песни? Далее, как обстоит с нашими богослужениями? И они, конечно, совершаются обычным порядком; но мы, мы сами часто отсутствуем в них, т.е. наш дух и наши мысли находятся где-то в другом месте, а не в присутствии Господнем. Мы посвящаем Ему самих себя, наше имущество, наши силы и наше время; но так ли это в действительности? Отдаем ли мы Ему все это на самом деле, даем ли мы Ему это всецело и бесповоротно? Ах, как редко! И как часто случается, что приносимое нами на Его жертвенник оказалось хромым, слепым, вынужденным или принесенным после долгой борьбы! Так во всем. Это в действительности так, как говорит об этом предмете **Роджерс**: "Даже к самому

искреннему благочестию нашему примешивается столько греха и самолюбия, что даже наши слезы должны бы были быть омыты и в нашем раскаянии следовало бы еще раскаяться! Итак, какая милость, что мы можем с полным доверием поднять глаза наши на Того, Кто Сам свят, Сам "святыня Господня", Кто носитель всей нашей несостоятельности, немощи, освещающий и делающий благоугодными Отцу приносимые чрез Него дары наши: еще больше - мы взираем на Него, как на нашу превознесенную Главу, в которой мы сокрыты и облечены. Теперь мы знаем, что "если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его, то тем более, примирившись с Богом смертью Сына Его, спасемся жизнью Его" (Рим.5:10). Его божественная святость теперь уже более не ужас для нас, как было некогда; но она наша радость, наша жизнь, наша святость навеки.

Но возвратимся к золотой дощечке первосвященника. **Взглянем на то место, где мы находим эту драгоценную надпись.** "И прикрепи его шнуром голубого цвета к кидару, так чтоб она была на передней стороне кидара, и будет она на челе Аароновом", было сказано Моисею. Неправда ли, это было место, на котором она тотчас бросалась в глаза. Кто может смотреть на человека, не взглянув ему в глаза, не увидев чела его; и всякий, видевший Аарона, невольно должен был увидеть эту золотую диадиму с ее многозначительной надписью. Чело есть также место, обнаруживающее внутреннее состояние человека; оно отражает его настроение, его направление мыслей, и мы можем, хотя бы только частью, читать их там. За челом скрывается разум, дух, все существо человека. Если бы мы пожелали изучать значение тех мест Св. Писания, которые говорят о челе в переносном смысле, то нашли бы, что это совершенно так. И вот, на челе Аарона светились для Иеговы и всего Израиля, как знак его настроения, мыслей, внутреннего и внешнего существа: "Святыня Господня". Она стояла впереди всего другого, была характерным отпечатком его личности.

И как драгоценна для нас эта мысль, когда мы применяем ее ко Христу, нашему Первосвященнику! Иисус, Святой Божий, святой в сердце и настроении Своем, в духе и жизни Своей, святой, как Бог, достохвальный вовеки, носит за нас эту святость Свою впереди всего; она отпечаток Его во всем. Взгляд Отца видит ее, если я могу так выразиться, раньше всего и прежде всего другого, и мы тоже должны бы видеть ее всегда прежде всего. С какой радостью, с каким детским доверием и с какой полной уверенностью в услышании молитв являлись бы мы постоянно пред Богом, если бы очи наши покоились на Его святости. Поэтому, братия мои, если наша несостоятельность восстает перед нами, если наша немощь подавляет нас, так что мы не можем в радости поднять головы своей, взглянем тогда на Иисуса; взглянем на Его благословенное чело, покрывающее наши недостатки, и не забудем никогда, что Иегова смотрит на Него, а чрез Него и на нас в Его совершенстве. Без сомнения, сокрытые в Нем, мы должны являться пред Ним без пятна или порока или чего-либо подобного, в Его полное благоволение.

Скажем еще несколько слов относительно последнего повеления, касающегося этой дощечки. Господь заключил Свое повеление Моисею следующими словами: - "И будет она непрестанно на челе его, для благоволения Господня к ним" (Исх.28:38). Какое точное повеление Аарону и какое благословенное, спасительное мероприятие для Израиля лежит в этом слове непрестанно на челе его. Бог никогда не хотел видеть Аарона без этой дощечки; на нем всегда должен был быть этот знак, вполне покрывавший пред Ним тех, за которых он ходатайствовал, и не только покрывавший, но и делавший их благоугодными. Какая беспредельная любовь к Израилю заключалась в этом повелении Иеговы: они должны были быть вполне угодными Ему, благоугодными со всем, что они приносили, и благоугодными всегда. И какая это была святость! Их должна была покрывать не какая иная святость, как святость Им

назначенного ходатая, которому Он придал Свою собственную.

Как обеспечено для нас навеки благоволение Отца нашего, когда мы переводим наш взгляд с ветхозаветного первосвященника на Иисуса. Его дощечка, Его святость не прикреплена к голове Его только голубыми шнурами, как та прообразная, где она сегодня была на его челе, а завтра могла быть снята; и она там не только по повелению Божию, но она нераздельно связана с существом и сущью нашего великого Первосвященника. Она, как Он, и Он, как она, вечны и неизменны, а поэтому мы вполне освящены и спасены Им. Кровь Его навсегда отвратила гнев Божий от нас, бывших по природе чадами гнева; ибо некогда Он сказал нам: "И будет у вас кровь знамением на домах, где вы находитесь, и увижу кровь, и пройду мимо вас, и не будет между вами язвы губительной" (Исх.12:13); но святость Христова навеки приобретает нам благоволение Божие. "Он облагодатствовал нас в Возлюбленном" (Еф.1:6). О, если бы мы со всем бременем нашей немощи, бедности, недостойности и нечистоты положились бы всецело на Него, Который носит нас на Своих могучих плечах и на Своем горящем любовью сердце, покрывая нас Своею вечно пребывающей святостью. С другой же стороны, да отразится на нас чудная печать, украшающая чело Его, чтобы всякий, взглянув на нас, мог тотчас же прочитать: "Навеки освященный для Господа". Аминь.

Глава 30

Священное миро для помазания

И сказал Господь Моисею, говоря: возьми себе самых лучших благовонных веществ: смирны самоточной пятьсот [сиклей], корицы благовонной половину против того, двести пятьдесят, тростника благовонного двести пятьдесят, касии пятьсот сиклей, по сиклю священному, и масла оливкового гин; и сделай из сего миро для священного помазания, масть составную, искусством составляющего масти: это будет миро для священного помазания; и помажь им скинию собрания и ковчег [скинии] откровения, и стол и все принадлежности его, и светильник и все принадлежности его, и жертвенник курения, и жертвенник всесожжения и все принадлежности его, и умывальник и подножие его; и освяти их, и будет святыня великая: все, прикасающееся к ним, освятится; помажь и Аарона и сынов его и посвяти их, чтобы они были священниками Мне. А сынам Израилевым скажи: это будет у Меня миро священного помазания в роды ваши; тела прочих людей не должно помазывать им, и по составу его не делайте [сами себе] подобного ему; оно - святыня: святынею должно быть для вас; кто составит подобное ему или кто помажет им постороннего, тот истребитсся из народа своего.

(Исх.30:22-33)

До сих пор мы не встречали, как я думаю, еще ни одного прообраза небесного, который был бы лишним, или смысл и значение которого не были бы необходимыми для пополнения образа высокой личности нашего Господа. Тут не было ни одного лишнего, но все выполняли свое назначение, все были необходимы. Каждая черта этого божественного рисунка должна была быть проведена там, где она находится, и проведена, небесным Художником, чтобы Он яснее предстал пред нами и чтобы увеличилось наше познание о Нем. Всеведущий Строитель небесного святилища позаботился о том, чтобы в прообразе его, в земном святилище, не оказалось недостатка ни в чем; все стоит там по Его плану, все на своем месте и так приспособлено, что Он Сам должен был найти его совершенным. Мы можем быть очень несовершенными в понятии, мы можем поставить вещи не на должное место, даже можем ошибаться относительно их значения или вовсе не понимать их смысла, но, - хвала и благодарение Ему, - мы знаем, что Он и дело Его совершенны, и наша несостоятельность не может быть помехой в Его совершенном деле. И мы признаем здесь охотно и открыто, что, чем дальше мы идем и чем больше наша душа восторгается святыми истинами Его, мы более и более

убеждаемся, как бессильны мы проникнуть в Его божественный смысл и передать его так, как он того был бы достоин.

И если бы отсутствовал этот новый и славный предмет, который нам предстоит рассмотреть, то остался бы значительный пробел в богатом сокровище познания, предложенного нам скинией. Мы благодарим Господа, что Он дал нам его, и ожидаем с доверием, что Он Сам откроет в настоящей нашей беседе истинный смысл

священного мира для помазания.

Рассмотрим, прежде всего, его составные части. Главную из них, как мы видим из текста, было обыкновенное оливковое масло. Это было произведете земли Ханаанской, бывшее там в каждом доме в большом употреблены. Оно служило, главным образом, для помазывания головы, что мы узнаем из многих изречений Св. Писания. Так, например, противопоставляя фарисее Симона той женщине, помазавшей миром ноги Его, Господь мог сказать: "Ты головы Мне маслом не помазал" (Лук.7:46). В том же самом, хотя и переносном, смысле упоминает о нем и Давид, говоря в Псалме 22:5 о Господе: "Умастил елеем голову мою", и в Псалме 91:11: "Я умашен свежим елеем". Особенно оно применялось в праздничные дни, тогда как в дни печали его вовсе не употребляли. Итак, елей был символом радости и даже назывался, елеем радости. О Давиде мы читаем, что когда он боролся с Господом о сохранении ему сына и печалился, постился и лежал на земле, елее не было на голове его; но лишь только последовал ничем не отвратимый удар, "тогда Давид встал с земли, и умылся, и помазался" (2Цар.12:20). Умной женщине из Фекоя, которая должна была уговорить Давида возвратить Авессалома из изгнания, чтобы возбудить сострадание царя, Иоав сказал: "Притворись плачущею, и надень печальную одежду, и не мажься елеем, и представься женщиною, много дней плакавшею по умершем" (2Цар.14:2). Эти и другие подобные им места очень ясно показывают, что печаль, страдание и пост строго отделялись от помазания елеем и как, напротив, радость и блаженство согласовались с помазанием.

Далее елей был символом благословения Божия. Так благословение Господне, призванное Моисеем на колено Асирова, звучало: "Благословен между сынами Асир; он будет любим братьями своими, и окунет в елей ногу свою" (Втор.33:24). Иов называет дни своего благоденствия и обилия благословения Божия днями, когда "пути его обливались молоком, и скала источала для него ручьи елея" (Иов.29:6); и грядущее еще время благословения Израиля обещано последнему Господом следующим образом: "И будет в тот день, Я услышу, говорит Господь, услышу небо, и оно услышит землю; и земля услышит хлеб, и вино, и елей" (Ос.2:21,22). Из этого мы видим, что к истинному благословию всегда относилось и обилие елея.

Еще елей был особым символом посвящения Господу, как мы видим из помазания всех призванных Богом на особое дело людей. Вспомним лишь некоторых из них, как например Саула, Давида, Соломона и всех царей Израилевых, далее, всех первосвященников и многих пророков. Затем елей был символом силы и жизни, потому что им помазывались больные, и не для украшения или красоты, но для исцеления от болезни; также у всех простых Израильтян, получавших очищение от проказы, елей возлагался на край правого уха очищаемого, на большой палец правой ноги его и на большой палец правой руки его, чтобы посвятить их в чистоте для новой наступавшей для них жизни.

Во всем, что мы только что слышали об елее, так же, как и в его различных качествах, как, например, в его мягкости, светильной силе, изобилии в земле Израильской и т. д., был он,

главным образом, **символом Духа Святого**. В Ветхом и Новом Завете есть бесконечное число изречений, приводящих Духа Святого в связь с елеем помазания или же символически изображающих Его в виде елее. И всегда Иегова Сам совершает помазание елеем. О Христе мы много раз читаем, что Он был "**помазан Господом**"; именно потому Он и был Мессия, или Помазанник Божий. То же самое читаем мы и о чадах Его; и Он Сам, Дух Святой, изображается как "изливаемый"; в одной же главе Он трижды назван "**помазанием**" (1Иоан.2:20,27).

Что в нашем прообразе, который мы рассматриваем, подразумевается Дух Святой, ясно видно из всех обстоятельств его применения. Уже то обстоятельство, что миру для помазания непосредственно предшествует прилагательное "**священный**", не лишено значения, оно указывает именно на Духа Святого, потому что Ему, даже преимущественно пред первым и вторым Лицами Божества, приложимо название "Святого". Также и сравнение всего вышесказанного об елее с Духом Святым указывает на чудное сходство с Ним. Мы только что видели, что Он был истинное помазание, которое излилось на Христа, нашу прославленную Главу, причем Господь назвал его "елеем радости" (Пс.44:8), потому что чрез Него для Сына Божия, как и для всякого члена Его, каждый день существования здесь на земле сделался праздничным и радостным днем. Без Его полноты наши дни - дни поста и печали. И не все ли благословения, которыми мы наслаждались и еще наслаждаемся, истекают из Него? Это "**всякое духовное** благословение в небесах" заставило апостола Павла воскликнуть и повелело его перу написать (Еф.1:3): "Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа". Да и существует или существовало ли посвящение Богу без помазания от Него? Никогда. Ни собственный обет с самым твердым решением, ни отделение от мира и господствующих в нем элементов, ни иссоп, ни святая вода, ни борьба, ни усилия или какое другое напряжение сил или какой-либо обряд не могут посвятить нас Тому, Кто дорогою ценою искупил нас, если Он Сам не осенит нас Своим Святым Духом. Что же касается силы жить для Него, то только Дух Святой может "подкреплять нас в немощах наших" (Рим.8:26), и только Им мы можем "крепко утвердиться во внутреннем человеке" (Еф.3:16). Далее: только где Он, там и жизнь; без Него всюду господствует смерть, засуха, пагуба, несмотря ни на какую религиозность, благочестие или богословские познания. Если нет этого духа от четырех ветров, то сухие кости, одетые жилами, плотию и кожей, могут иметь вид живых людей, но остаются все-таки "убитыми"; но когда только Он войдет в них, то и о них может быть сказано: "И вошел в них дух, и они ожили, и стали на ноги свои - весьма, весьма великое полчище" (Иез.37:7-10). И что касается света, истинного небесного света, то он только у Него и приходит только чрез Него. Он один наставляет на **всякую** истину и наставляет так мягко, нежно и тихо, как тихо было "веяние ветра", от которого Илия закрыл милотию лицо свое (3Цар 19:12,13). И, слава Ему! Он сошел к нам в такой полноте и в ней всегда пребывает с нами, что каждый из нас может Им исполняться. Как я радуюсь, что среди теней будущих благ относительно Христа, Его народа и домостроительства Господня в Новом Завете отведено и Духу Святому подобающее место! Иначе и не могло быть, потому что без Него все дело искупления Христа сделалось бы невысказанным и было бы напрасным.

Обратимся же теперь к четырем благовонным веществам, примешивавшимся к оливковому маслу, чтобы придать ему нужное благоухание. Это были самоточная смирна, благовонная корица, тростник и касия. Кроме смирны они все, к сожалению, почти неизвестны лучшим исследователям; последние высказывают о них только предположения и вероятности, на основании которых мы не решаемся делать какие-либо выводы относительно значения, вложенного в них Богом. Одно только ясно и драгоценно нам всем, что Дух Святой - приятное

благоухание Божие здесь на земле и, подобно всепроницающему аромату, хотя и не насильственно, но все-таки непреодолимо оказывает свое освежающее и ублажающее влияние на всякое сердце, в которое Он приходит. Не прибегая к силе, Он делается силой, покоряющей самые жесткие сердца. Даже мы сами становимся чрез Него "Христовым благоуханием Богу в спасаемых и в погибающих" (2Кор.2:15).

В виду того, что четыре изысканнейшие благовонные вещества соответствуют здесь четырем же благовонным мастям благовонного курения, можно, не без основания, указать, что последнее стояло в тесной связи с миром для помазания. К тому же и описание курения следует непосредственно за описанием мира для помазания. Совершенно таким же образом Дух Святой, это благоухание Божие, должен предварительно снизойти со всеми Своими качествами в сердца наши, если из них должна подняться к Богу жертва благовонного курения и поклонения. Даже и с нашим прославленным Господом не было иначе: все Его совершенство и все Его чудные качества, соответствовавшие ароматам благовонного курения, были плодом Духа Святого как мы об этом читаем в Ис.11:1,2: "И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его. И почиет на Нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия; и страхом Господним исполнится". Итак все чудные, обнаружившиеся в Нем на земле совершенства были произведены в Нем этим Священным Миром свыше.

Но возвратимся к нашему прообразу и **обратим внимание на применение священного мира для помазания**. Прежде всего, читаем мы, должна была помазаться им скиния собрания со всеми ее принадлежностями. Сперва помазывалось жилище Божие, вслед за ним ковчег завета, стол для хлебов предложения, светильник, золотой жертвенник, затем медный жертвенник и медный умывальник. Священное миро для помазания было применено, таким образом, во Святом-святых, во святилище и даже во дворе; так это было повелено Господом. Итак, каждая прообразная тень небесного носила на себе отпечаток помазания миром; подобно божественной печати, оно должно было находиться на каждом предмете. В наших беседах мы познакомились с их значением и видели, что каждый из них изображал какую-нибудь сторону, какую-либо черту характера, какое-нибудь состояние нашего Господа Иисуса; какими же высокими должны они казаться нам, когда во свете применения священного мира мы видим, что каждая черта, каждая сторона, каждое состояние нашего Господа носило на себе печать Духа Святого. Посмотрим на Его жизнь здесь на земле, и мы везде найдем подтверждение этому. Остановимся ли мы на Его воплощении, мы читаем о нем, что Он рожден был от Духа Святого; коснемся ли вступления Его в чудное служение, то о нем сказано, что Дух Святой сошел на Него обратим ли внимание на Его проповеди и действия, то Св. Писание поучает нас, что все это совершалось чрез Него; что касается Его чудес, то Он Сам утверждает, что Он творил их Духом Святым (Мат.12:28); чрез Него же принес Он Себя в жертву, как мы читаем в посл. к Евр.9:14 "Кольми паче кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел для служения Богу живому и истинному". И так на каждом шагу, на каждом поступке и на каждом движении нашего Господа видна печать Духа Святого.

Но не только отдельные стороны и черты характера Господа носили эту печать; не только единичные качества и действия находились под Его влиянием или производились Им, но Он Сам во всей **Своей личности был Помазанником Божиим**, как указывается и здесь, в прообразе: "Помажь и Аарона и сынов его, и посвети их, чтобы они были священниками Мне" (Исх.30:30). Лишь только Аарон был одет Моисеем во все свои украшения, как тотчас же был он поставлен пред Господом, к совершилось его помазание по указанному Богом порядку. Если мы посмотрим внимательно, то окажется, что собственно только он один и был **помазан**, т.е. священное **миро**

возливалось только на него одного (Лев. 8:10-12), тогда как сыны его лишь впоследствии **окроплялись** им (Лев.8:30). Значит, было так, - как они в лице Аарона избирались в священники, так в нем же получали и помазание.

Возлюбленные, в полнейшем и обширнейшем смысле этого слова есть и остается истиной во все времена и для всех выдающихся из Его святых, что Он, наш Господь, помазан был елеем радости более соучастников Своих. Он один **Христос**, т.е. **Помазанник**, и хотя мы, как дети Его, наследуем имя Его, называясь **христианами**, но и в этом отношении имя Его остается превыше всех других имен. Это всегда будут только капли, что мы получаем от Духа Святого, в сравнении с Его полнотою. Каков сосуд, такова будет и мера содержимого в нем. "В нем", - это мы знаем, - "обитает **вся полнота** Божества телесно" (Кол. 2:9). Он был тот чудный сосуд, существовавший единственно для Духа Святого и всецело Им наполненный; Он был истинной "скинией Бога с человеками".

Но кто может сказать, как бесконечно благодатно душе читать в том же слове, что "мы имеем полноту в Нем" (Кол.2:10), и слышать изречения Божии о Нем и об искупленных Его, как в Евр.2:11, где сказано: "И Освящающий и освящаемые, **все от Единого**; поэтому Он не стыдится называть их братьями". Как тесно, как сердечно близки, как едино с Ним описаны здесь искупленные Его! Да, Он первородный между многими братьями, Он в этом отношении имеет и должен иметь "первенство" (Кол.1:18); Он - великий Первосвященник среди священников, Глава Тела Своего, с которой стекает драгоценный елей на бороду, на края одежды Его (Пс.132:2). От Него, Святого, имеем и мы помазание, научающее нас всему и пребывающее с нами (1Иоан.2:20,27). Слава святому имени Его!

Нам остается еще обратить внимание на особенно выдвинутую святость священного Им мира. Когда мы внимательно читаем все слева текста, мы получаем впечатление, как будто Господь с особенной ревностью охраняет ее. Заметьте, как Он повторяет, называя мир "священным", как строго Он запрещает злоупотреблять им, угрожая даже истреблением из народа Своего. Мы все знаем, что это было наказание, назначавшееся в Израиле исключительно за особо тяжкие грехи. Далее заметьте, что каждый сосуд во всем святилище, на который возлагалось священное миро, делался чрез это **святыней великой** (Исх.30:29), так что даже все, прикасавшееся после к этим сосудам, в свою очередь освящалось чрез прикосновение. Вследствие всех этих обстоятельств не подлежит никакому сомнению, что здесь идет речь о прообразе возвышеннейшего рода, и как мы, дети Нового Завета, имеем дело не с тенями небесного, а с самою сущностью, то эти предупреждения тем сильнее касается нас что мы можем огорчать и угашать Духа Святого и иногда к сожалению, даже подражать Ему.

Главным запрещением для Израиля было запрещение помазывать священным миром тела людей. Мы были почти готовы, согласно составленному нами заранее по этому поводу представлению, спросить: нужно ли это было действительно понимать буквально? Не должен ли был по крайней мере первосвященник быть исключен из этого правила? Если же мы внимательно проследим его при применении, то мы действительно найдем, что священное миро никогда не касалось тела первосвященника, и возливалось на голову его лишь тогда, когда она была покрыта кидаром и украшена диадимой святыни; также и сыновья его окроплялись облеченными в священные одежды (Лев.8). Теперь нам уже известно, что одежды Аарона и сыновей его придавали им то, чего они не имели сами по себе, т.е. элемент божественный, дарованный от Бога, и именно он и носил печать священного мира для помазания.

Слава и поклонение Богу и Отцу нашему, что Он дал нам Первосвященника, на Которого не нужно было ничего возлагать, ни во что-либо Его облекать, но Который превознесен превыше

небес; Он был, воистину, Святой Божий, о Котором было сказано еще до рождения Его, что Он от Духа Святого и наречется Сыном Всевышнего; Который только явился в **образе** плоти греховной, но не в греховной плоти; на Нем мог покоиться Дух Святой, и Иоанн свидетельствует нам, говоря, что он видел Духа, сходящего с неба и пребывающего на Нем (Иоан.1:32-34). Возлюбленные, Он и Сам подтверждает нам впоследствии то, что мы читаем здесь в книге Моисеевой, что это священное миро для помазания не может и не должно касаться плоти, говоря, что мир не может принять Духа Святого (Иоан.14:17). Бог так возлюбил мир, что **отдал Сына** Своего Единородного, Он предлагается ему, и лишь чрез принятие Сына Божия и посредством примирения с Богом, чрез Него открывается ему путь для принятия этого священного мира. Иначе и быть не может, потому что человек по природе, ветхий человек, плоть, до глубины своих помышлений есть вражда против Бога; эти помышления суть смерть, закону Божию не покоряются, да и не могут (Рим. 8:6,7). Плоть всегда противится Духу, всегда восстает против Него, и примирение здесь невозможно; только смерть ее чрез принятие Христа Распятого дает простор Духу Святому в сердце человека (Рим. 8:13). Потому ясно и доказано, что, где живет Дух Святой, там должна быть новая тварь, человек от Бога, рожденный свыше. Как оскорбительно поэтому Богу Духу Святому те кощунственные притязания жалких невежественных людей, которые, в силу своего звания, полученного от таких же людей без Духа, считают возможным передавать Духа Святого чрез рукоположение или иной какой-либо религиозный обряд другим, отчужденным от Бога и не принявшим Его спасения людям. Самое меньшее, что мы можем сказать о них, то: "Не знают, что делают".

Но и для детей Божиих, которые имеют и знают Его, есть еще опасность применять это священное миро к плоти человеческой. Как легко некоторые обращаются со словами: "Господь указал мне то и то; Он повелел мне то или другое, Он послал меня". Несомненно, Господь готов руководить каждым шагом нашим, вести нас, возбуждать или отстранять какую-либо мысль, управляя всеми силами нашего тела и нашей души, и Он делает это действительно, если мы вполне Ему отданы; это только и есть истинное положение чада Божия по отношению к своему Отцу; но если, в действительности, оно руководится своей собственной волей и разумом и притом приписывает это Духу Святому, то это значит приводить Его в связь с плотью. О, да сохранит нас Господь от подобных поговорок и да научит Он нас нежно обходиться с Ним.

Для Израиля существовало еще и другое запрещение: подделывать священное миро для помазания. Это легко могло бы случиться в виду того, что состав его так точно был описан. Существует ли эта опасность и в наши дни для народа Божия, для вас, братия мои, для меня? О, конечно. Как часто впадаем мы в искушение, желая казаться духовными, не будучи таковыми на деле. Ведь каждое наше действие, если мы не бодрствуем, может быть плодом ложного, подделанного мира. Не особенно ли охотно бывает деятельна плоть там, где должно бы действовать одному Духу Святому? Как она старается всегда выдвинуться, особенно в наших открытых действиях, наших общественных молитвах, проповедях, собеседованиях и преимущественно в присутствии людей, мнением которых мы дорожим. Как часто она хочет придать всему этому силу и вес, дать то драгоценное помазание, которое исходит исключительно от Духа Святого. И не проявляется ли она с особенной силой, когда мы чувствуем отсутствие **содействия Самого Духа Святого?** Пора, чтобы в нашем духе прекратилось, наконец, всякое лукавство и наше сердце сделалось таким нежным для Духа Святого, чтоб мы с отвращением отвергали всякое искушение подражать Ему, или ставить наше воодушевление на Его место. Воистину, лишь этим путем можем мы подчинить Ему в действительности наш дух, душу и тело, потому что только там есть простор для Него, где нет места для плоти.

И теперь, возлюбленные, позвольте мне обратиться ко всем вам с вопросом: есть ли вообще на вас это священное миро помазания? Есть ли оно на каждом из вас? Запечатлены ли вы Духом Святым до дня Господня, и залог ли Он наследия вашего ко спасению? Если это не так, то очень мало значения в том, что вы немного лучше или хуже того или другого; вы тогда плоть и не что иное, как плоть, и не можете ни видеть Царствия Божия, ни войти в него; ибо непреложно истинно остается слово: "Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его" (Рим. 8:9). Он Сам да уяснит вам и покажет, что это так. Аминь.

Глава 31

Посвящение священников

И сказал Господь Моисею, говоря: возьми Аарона и сынов его с ним, и одежды и елей помазания, и тельца для жертвы за грех и двух овнов, и корзину опресноков, и собери все общество ко входу скинии собрания. Моисей сделал так, как повелел ему Господь, и собралось общество ко входу скинии собрания. И сказал Моисей к обществу: вот что повелел Господь сделать. И привел Моисей Аарона и сынов его и омыл их водою; и возложил на него хитон, и опоясал его поясом, и надел на него верхнюю ризу, и возложил на него ефод, и опоясал его поясом ефода и прикрепил им ефод на нем, и возложил на него наперсник, и на наперсник положил урим и туммим, и возложил на голову его кидар, а на кидар с передней стороны его возложил полированную дощечку, диадиму святыни, как повелел Господь Моисею. И взял Моисей елей помазания, и помазал скинию и все, что в ней, и освятил это; и покропил им на жертвенник семь раз, и помазал жертвенник и все принадлежности его и умывальницу и подножие ее, чтобы освятить их; и возлил [Моисей] елей помазания на голову Аарона и помазал его, чтоб освятить его. И привел Моисей сынов Аароновых, и одел их в хитоны, и опоясал их поясом, и возложил на них кидары, как повелел Господь Моисею. И привел [Моисей] тельца для жертвы за грех, и Аарон и сыны его возложили руки свои на голову тельца за грех; и заколол его [Моисей] и взял крови, и перстом своим возложил на роги жертвенника со всех сторон, и очистил жертвенник, а остальную кровь вылил к подножию жертвенника, и освятил его, чтобы сделать его чистым. И взял [Моисей] весь тук, который на внутренностях, и сальник на печени, и обе почки и тук их, и сжег Моисей на жертвеннике; а тельца и кожу его, и мясо его, и нечистоту его сжег на огне вне стана, как повелел Господь Моисею. И привел [Моисей] овна для всесожжения, и возложили Аарон и сыны его руки свои на голову овна; и заколол его Моисей и покропил кровью на жертвенник со всех сторон; и рассек овна на части, и сжег Моисей голову и части и тук, а внутренности и ноги вымыл водою, и сжег Моисей всего овна на жертвеннике: это всесожжение в приятное благоухание, это жертва Господу, как повелел Господь Моисею. И привел [Моисей] другого овна, овна посвящения, и возложили Аарон и сыны его руки свои на голову овна; и заколол его Моисей, и взял крови его, и возложил на край правого уха Ааронова и на большой палец правой руки его и на большой палец правой ноги его. И привел Моисей сынов Аароновых, и возложил крови на край правого уха их и на большой палец правой руки их и на большой палец правой ноги их, и покропил Моисей кровью на жертвенник со всех сторон. И взял [Моисей] тук и курдюк и весь тук, который на внутренностях, и сальник на

печени, и обе почки и тук их и правое плечо; и из корзины с опресноками, которая пред Господом, взял один опреснок и один хлеб с елеем и одну лепешку, и возложил на тук и на правое плечо; и положил все это на руки Аарону и на руки сынам его, и принес это, потрясая пред лицом Господним; и взял это Моисей с рук их и сжег на жертвеннике со всесожжением: это жертва посвящения в приятное благоухание, это жертва Господу. И взял Моисей грудь и принес ее, потрясая пред лицом Господним: это была доля Моисеева от овна посвящения, как повелел Господь Моисею. И взял Моисей елее помазания и крови, которая на жертвеннике, и покропил Аарона и одежды его, и сынов его и одежды сынов его с ним; и так освятил Аарона и одежды его, и сынов его и одежды сынов его с ним. И сказал Моисей Аарону и сынам его: сварите мясо у входа скинии собрания и там ешьте его с хлебом, который в корзине посвящения, как мне повелено и сказано: Аарон и сыны его должны есть его; а остатки мяса и хлеба сожгите на огне. Семь дней не отходите от дверей скинии собрания, пока не исполнятся дни посвящения вашего, ибо семь дней должно совершаться посвящение ваше; как сегодня было сделано, так повелел Господь делать для очищения вас; у входа скинии собрания будьте день и ночь в продолжение семи дней и будьте на страже у Господа, чтобы не умереть, ибо так мне повелено [от Господа Бога].

(Лев. 8:1-35)

Длинную главу прочли мы только что и притом такую, каких не много в Св. Писании; потому что, при ближайшем рассмотрении ее, мы видим, что она содержит в целом ряде прообразов почти весь план Божий относительно нашего вечного искупления. С первого стиха во всей главе Бог Отец, - Который дает все постановления, предписывает точное выполнение их и повелевает Моисею своевременно совершать их вместо Него, - стоит перед нами. От второго до двенадцатого стиха в лице Аарона, первосвященника, является Сын Божий, как посредник между Богом и людьми, и, при этом, как облеченный и снаряженный на это славное дело. Пред душами нашими восстает заключенный в это снаряжение, - к которому особенно принадлежало священное миро, - Дух Святой, Который освящает и посвящает как Сына, так и все возведенное здание. Итак мы видим Святого Троиственного Бога, осуществляющего то чудное дело, в которое желали бы проникнуть сами ангелы. Непосредственно за этим, с 14 стиха до конца, нам показано именно это чудное дело. Прежде всего мы видим там все искупление, совершенное Христом на Голгофе, в виде принесения различных жертв, которые все изображали собою драгоценные черты одной жертвы Христовой; приближение священников показывает нам усвоение и участие каждой отдельной личностью истекающих из этих жертв даров благодати, тогда как в присутствии всего Израиля мы видим тот великий сонм искупленных, который, прославленный чудным делом Христа, окружит в оный день престол Божий. Таков краткий обзор содержащихся в этой славной главе теней будущих благ.

В сегодняшней нашей беседе нам не приходится вдаваться в рассмотрение всех этих божественных истин; мы остановимся лишь на одной из них, а именно на

ПОСВЯЩЕНИИ СЯЩЕННИКОВ,

которое раскрывается во всех своих чертах в этом драгоценном отрывке Слова Божия и вокруг которого группируются все вышеупомянутые истины.

Прежде, нежели приступить к рассмотрению посвящения священников, нам необходимо вспомнить, что раньше совершения этого священнодействия, давно уже было воздвигнуто

Моисеем святилище со всеми отдельными частями его и двор со всеми принадлежностями. Сопровождавшее Израиля облако покрыло скинию, лишь только была повешена последняя завеса, и слава Господня наполнила ее, так что сам Моисей должен был отступить от нее, и только когда облако и слава Господня отступила, он мог снова приблизиться к ней. С этого времени отсюда исходили дальнейшие повеления Господа Моисею относительно приношения жертв во дворе, как мы читаем в самом начале книги Левита. Там в первом же стихе говорится: "И воззвал Господь к Моисею и **сказал ему из скинии собрания, говоря**" (Лев.1:1). Отсюда была ему точно определена каждая жертва, касающаяся потребностей народа и требований Иеговы; и, таким образом, наступило время, когда "тени будущих благ" должны были раскрыться пред глазами Израиля. Недоставало лишь одного, а именно - личностей, которым они были бы вручены и которые управляли бы ими; потому что до сих пор только Моисей встречался нам в этих священных покаях. Эти лица были уже назначены Самим Иеговой, нужно было только, чтобы они были отделены от среды своих братьев, облечены силой и славой и посвящены на это служение. С посвящением их, собственно, последовало заключение всего устройства, но, в то же время, было положено начало ветхозаветному богослужению. Здесь следует отметить:

Прежде всего, приготовлена к этому посвящению. "Возьми Аарона и сынов его" - повелено было Моисею, - "и одежды и елей помазания, и тельца для жертвы за грех и двух овнов, и корзину опресноков. И собери все общество ко входу скинии собрания". Это должен был быть чудный высокаторжественный день для Аарона и сынов его, когда Моисей, уполномоченный этим повелением Господа, явился пред их шатрами и призвал идти вместе с ним пред лицо Божие. Он имел с собою "славные и благолепные одежды" и миро священное; телец, овны и корзина с опресноками сопровождали его. Вероятно Аарон должен был понимать, о чем идет дело. Он и сыны его должны были покинуть шатры свои и обыденные занятия, выйти из среды семей и братьев своих и переменить стан Израильский на славное святилище Иеговы. Какая это была перемена и какое новое и высокое положение было то, к которому они призывались, - предстоять отныне пред Богом Израилевым, пред Которым еще год тому назад трепетал от ужаса весь народ. И они должны были не только предстоять пред Ним и служить за себя, но и за своих грешных, невежественных собратий, окруженных со всех сторон немощами. До сих пор они жили среди них и **с ними**; теперь они должны были жить **для них** и стоять между ними и Богом. Какая задача! Откуда им было взять способность и нужную силу для этого возвышенного служения? Им нечего было заботиться об этом: Тот, Который призвал их, приготовил для них уже все снаряжение.

Это верная картина выступления избранных Господа из стана мира сего, из служения преходящему образу к славной свободе детей Божиих. И у них идет от одного служения к другому, когда Господь призывает их. Некогда жили они для себя, для своих радостей и наслаждений, для близких своих или сообразуясь с миром и с тем, что в мире; как сразу все это меняется с того дня, когда Господь призывает их жить для Него. Он становится с этого времени Господом их, и служение Ему - радостью их. Так было уже издревле. Ушедший в дальнюю страну сын возвращается в отцовский дом; Сам Отец облакает его в одежды спасения, принимает его в Свое общение, чтобы ему пребывать в доме Отца и служить Ему. Каждый из нас знает подобный день чудного призвания к царственному священству Божию, и мы навеки не забудем его.

Но здесь было еще больше, возлюбленные, нежели картина чудного призвания детей Божиих: здесь Аарон был прообразом Христа. Разве, однако, для Господа нашего существовало подобное время тихой, сокрытой жизни перед Его вступлением в Свое славное служение? Да,

существовало, и мы радуемся, что можем взирать назад на это время; нам известны дни, когда Он уединенно жил среди сынов человеческих и с ними; был как другие, дитя среди детей, юноша среди юношей, мужем зрелым среди мужей; жил в обыденном семейном кругу, изведав с домашними Своими их горе и радость, их искушения и трудности, их труды и работы, их заботы, муки и немощи и многие годы ел в поте лица хлеб Свой. Для многих этот период жизни Его есть время, на которое они мало обращают внимания, потому что, по-видимому, тут не случилось ничего особенного; но это тот славный промежуток времени, в который великий Первосвященник Своим личным опытом прошел через все стороны этой жизни и дозрел предусмотренным Самим Богом путем для Своего славного дела. ко дню, когда Он должен был выступить из среды братьев Своих, уже не для того, чтобы только жить с ними, как доселе, но чтобы для них существовать и за них умереть.

Но возвратимся к величественной картине в нашей главе. Не только Моисей, Аарон и сыны его, но и **все общество** переживало в тот день посвящения первосвященника чудное, славное зрелище. Израиль, весь Израиль должен выйти из стана; это - тот робкий, боязливый народ, недавно говоривший Моисею: "Говори ты с нами, и мы будем слушать; но чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам не умереть" (Исх.20:19); теперь он все-таки может подойти в непосредственную близость к Иегове, он даже приглашается к тому Самим Господом, жившим среди него во Святом-святах. Это был первый раз, что они появлялись здесь, вступая во двор, и на этот раз для того, чтобы созерцать происходящее в нем. Однако, не славу Господню приходилось им видеть, но посредника завета Божия, который поставлялся между ними и Иеговой. Они имели преимущество видеть его, малые и великие, молодые и старые, видеть во всей его славе и великолепии, в котором он впредь будет заступать их пред Богом. Поистине чудное зрелище!

Сделался ли, однако, и истинный Израиль, Израиль по духу, участником этого торжества? Конечно, братия мои. Хотя наш великий Первосвященник и вступил уже за завесу и сделался "священнодействователем святилища и скинии истинной", тем не менее, это - чудная действительность, что Его посвящение совершилось не за завесой, не во Святом-святах, но здесь, во дворе, на глазах Его собранного народа. Все избранные Его сделались свидетелями Его посвящения, потому что только чрез Него могли они войти в освященный двор Господень, чрез запечатленного Богом Посредника предстать пред лицо Его. Все относительно Него совершалось пред нашими очами: здесь на земле был Он представлен Господу и здесь открылись нам все Его совершенства, как там Аароновы - Израилю по плоти. И после того, как Он исходом Своим проложил нам путь туда, куда наши ноги веры никогда не могли бы направить свои шаги, мы стоим вместе с Ним навеки пред лицом нашего Бога, чтобы без страха созерцать красоту Его.

Второе, в нашей главе, на что следует обратить внимание, это - **помазание первосвященника**. Как различно от помазания сынов его совершалось оно. Правда, омовение в медном умывальнике было общее с ними в знак того, что он выступал на служение Иеговы, как чистый, не имеющий на себе ни пятна, ни порока. Но, далее, его превосходство выступает в каждом совершенном над ним действии. Он берется из среды сынов своих и прежде всех облачается в свои священные одежды, из которых каждая перечисляется отдельно, пока не возложен на него последний знак его первосвященнического достоинства. И когда он стоит там, облеченный в совершенство и великолепие свое, приносит Моисей священный елей помазания, помазывает им Святое-святах, святилище, двор и все, находящееся в них, затем приближается к Аарону" чтобы, пред глазами всего Израиля и сынов его, вылить на него весь рог елее. Не удивительно ли то, что

он, в то время, как сыны его стоять около него, все-таки помазывается **один**? Как естественно показалось бы нам, если бы и они вместе с ним сделались участниками этого святого посвящения; но это не соответствовало бы тогда помазанию грядущего великого Первосвященника. Сообразно с этим, Аарон должен был **первый** получить помазание. Еще раньше, чем одна капля священного елея упала на сынов его, прежде чем сожжена была огнем медного жертвенника первая жертва или кропилось кровию ее, он стоял освященный, помазанный и посвященный пред ними.

Кто бы не увидел во всем этом ясный, славный прообраз нашего Господа. Он был чистый, святой, "избранный из народа" (Пс.88:21): в Нем, поистине, не было никакого недостатка; Он не нуждался в омовении, как Аарон, чтобы очиститься на Свое служение и дело, и все-таки мы читаем о Нем, что Он со Своими братьями пред глазами всего Израиля вошел в воды Иорданские. И это случилось действительно в минуту, предшествовавшую Его священному помазанию. Иоанн удерживает Его; для него что то неслыханное, что ему предстоит совершить, но Господь хотел во всем уподобиться братьям Своим, также и в открытом исповедании вины и грехов, что было связано с Его крещением. И как верно говорит писатель **Годе**: "Он исповедывал пред Богом, как Исаия, Даниил и Неемия грехи народа, смилив Себя за него, но, конечно, с тою разницею, что Иисус сказал слово **"мы"** не с чувством Своего участия в общем грехе, но единственно движимый глубоким сочувствием. Ничто не может быть человечнее этого чувства сопричастности, с которым Иисус сковал в эту минуту узы, связывающие Его с обремененным виною человечеством. Вид этого зрелища вложил в уста Иоанна Крестителя впоследствии его великое слово: "Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира". Он узнал в Иисусе, в день Его крещения. святого жертвенного Агнца, который, хотя целая пропасть лежала между Ним и грехом, тем не менее добровольно сделал грех всего рода человеческого Своим, посредством добровольной связи Себя с родом грешников". Он вошел в среду их; чтобы предстоять **за них** пред Богом. И здесь же был Он помазан, среди братьев Своих, "более соучастников Своих", когда Дух Святой сошел и пребыл на Нем. Для Него не нужно было пролития крови, чтобы предварительно примирить Его, ни всесожжения, которое бы сделало Его благоугодным Богу, и никакого украшения, которое бы возлагалось на Него, чтобы Ему возможно было предстать пред Богом; Он был Сам по Себе совершенный и непорочный, и между Ним и Богом ничего разделяющего не было; поэтому Он и мог быть причастным в полной мере Духу Святому. Какое богатое утешение и блаженное наслаждение заключается во всех этих чудных откровениях для души, которая во всей своей немощи и нищете беззаветно положила на Него: о, только бы она захотела неизменно взирать на Него!

Перейдем, однако, от посвящения первосвященника **к посвящению священников**. Итак, Аарон был помазан, он стоял уже посвященный Господу, прежде, чем дошла очередь до них. Но посмотрим внимательно, на каких совершенно иных основаниях последовало их помазание. Прежде всего они облакались в те белые льняные одежды, в которых Аарон являлся, как чистый и оправданный пред Богом, и так как на них не возлагалось более никаких одежд, то, судя по ходу действий над первосвященниками, можно было ожидать, что теперь будет возложен на них елея помазания. Но вместо этого, кровь идет на жертвенник Божий и во святилище Его: это должно было предшествовать их помазанию. Первые жертвы, сгоревшие на медном жертвеннике, были, таким образом, **за них** и должны были быть принесены Иегове в своем **полном числе** прежде, чем совершилось их помазание. Поистине, это трогательное зрелище, когда мы в духе видим эту священническую семью подходящую к медному жертвеннику, чтобы, возложив руки на голову подведенного им тельца, признать свое единство с этой жертвой за

грех, а затем видим, как эта жертва покоряется жребию, который есть смерть, устраняя от них их **греховное состояние**. Далее то же случается и с овном всежжения, той жертвой приятного благоухания Иегове; и здесь они простирают руки свои над головой его, и, когда он в пламени возносился к Господу, они не только были помилованы, но делались **благоприятными** Ему. Снова выступали они вперед, чтобы снова заявить свое единство с жертвой, возлагая еще раз руки свои на жертву посвящения, кровь которой возлагалась на правое ухо, большой палец правой руки и большой палец правой ноги их; по совершении этого, они стояли, как **мертвые для греха, освобожденные от его власти**. И все далее, все глубже ведут их жертвы благодарности, хлебное приношение и возлияние вместе с опресноками, принесенными в корзине Моисеем, пока вся благодать спасения, в виде этих чудных прообразов, не станет на их счет и не изображается в прообразе полнейшее единство и общение их с Иеговой. **Тогда и только тогда**, возлюбленные, после того, как отстранена всякая тень разногласия между ними и Богом, явилось место для священного мира и только теперь кропилось оно на них, вместе с кровью, рукою Моисея, как печать их посвящения.

Скажите сами, дорогие братья, какое описание и какое событие может яснее этого, о котором мы только что прочитали, напомнить нам слова Господа, сказанные Им Своим скорбящим ученикам пред исходом Его: "Но Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам. А если пойду, то пошлю Его к вам" (Иоан.16:7). Не показывает ли это, что наше помазание Духом Святым было совершенно невозможно до возношения Христа на крест? Он должен был раньше взять "грех от среды", совершить очищение, сделать нас благоугодными Богу и явиться со Своей собственной кровью во Святом-святых пред Богом, прежде, чем этот чистый и святой Голубь нашел Себе место здесь на земле, и мы могли сделаться причастниками Ему. "Не придет к вам", - это и до сего дня сохранило силу свою, потому что, как было при первом излиянии Его на земле, и бывает вообще, так бывает и в отношении всякой отдельной души. Он не займет места в твоём и моём сердце, пока мы не возложим каждый за себя наши руки с полным упованием на Христа, как на истинную нашу жертву за грех, жертву повинности, всежжения, благодарения и жертву мирную, - на Него, как на **совершенную** жертву нашу, и не признаем себя одно с Ним пред лицом Божиим, как там посвящавшиеся священники Божии. Дух Святой хочет быть и нашей печатью, но что же может Он запечатлеть, когда мы не достигли полного спасения, вечного искупления во Христе и не покоимся на нем? Но лишь только усваиваем мы это спасение, даруется нам и святое помазание, совершенно также, как на сынов Аароновых **одновременно** возлагались кровь и священный елей помазания.

Заметим же себе это особенно, чтобы всегда, как бы ни была слаба наша вера, видеть себя запечатленными Духом Святым во Христе Иисусе. Знай же, брат мой, если кровь Его на тебе, то настал конец твоему греховному состоянию, и вина твоя снята с тебя; ты сделался благоугодным в Нем, и Он есть мир твой, пища и питье твое; в Нем же умер ты для греха и навеки посвящен Богу. Дух Святой, приведший тебя к этому спасению, запечатлел тебе его. Твое положение теперь - положение священника пред Богом, и ты хорошо делаешь, если постоянно смотришь на себя, как на находящегося в нем, потому что это поистине будет значить брать Господа за слово Его и усваивать себе все Его искупление. И не правда ли, ты сознаешь, что только это может удовлетворить тебя и только это одно соответствует славному делу, совершенному для тебя твоим возлюбленным Господом.

Наконец, заметим предписания, **данные Господом о поведении священников после их посвящения**. "Сварите"- так было сказано Аарону и сынам его,-"мясо у входа в скинию

собрания, и там ешьте его с хлебом, который в корзине посвящения" (Лев. 8:31). Посмотрите на святое занятие, предстоявшее священнической семье после ее посвящения. Им приходилось впредь в священных покоях иметь дело с жертвами, принесенными за них. Подобно тому, как Израиль, посредством крови агнца отделенный от Египтян, питался тем же самым агнцем и ел опресноки, так и посвященные священники во святилище. Та же самая жертва, которая пошла за них на смерть и соделала их благоугодными Богу, обращала затем все дни их в дни святого празднования и во времена драгоценного пирования. И не забудем, что не только священники, но и отец их и глава, Аарон, праздновал вместе с ними за этой трапезой.

О, драгоценная доля искупленных, они имеют право вместе со Христом, своею превознесенною Главою и великим Первосвященником, наслаждаться плодами Его подвига и Его искупления. В то время, как Он - пища и питье души их, центр их мыслей и рассуждений и чудное наслаждение нового человека их, наслаждается Его душа ими, так как они суть плод Его страданий, возмездие за муки Его. Речь Его, когда Он думает о них, такова: "Пленила ты сердце Мое" (П.П.4:9). Он смотрит на них, как на свою "часть", "добычу", которую Он получил, когда душа Его боролась за них и предавалась на смерть; теперь же Он с довольством смотрит на них, теперь сделались они Его радостью (Ис.53:11,12). О, только бы наши сердца были поглощены Им, как Его сердце нами; только бы Он был нашим непрестанным занятием в славном святилище, куда Он ввел нас после нашего посвящения: тогда, воистину, никогда, никогда не окончились бы дни нашего празднования!

Дальнейшее повеление звучало: "У входа скинии собрания будьте день и ночь в продолжении семи дней, и будьте на страже у Господа, чтобы не умереть" (Лев.8:35). Отныне они были исключительно служителями Иеговы, которые должны были повиноваться повелениям Его, но должны были ожидать их перед входом Его, пока Он не отдаст их. И хотя бы проходил день за днем и наступала ночь за ночью, это не была потеря: они стояли, ожидая Его, точно так же на святом служении Ему, как если бы они совершали святейшие действия по повелению Его.

О, если бы мы научились, братия мои, этому чудному ожиданию Господа и никогда не бежали бы раньше, чем мы посланы; о, если бы мы научились всегда стоять перед Ним, чтобы слушать премудрость Его, ожидать повелений у дверей Его, потому что Он Сам называет блаженными поступающих так: "Блажен человек", - так говорят Его уста правды, - "который слушает Меня, бодрствуя каждый день у ворот Моих и стоя на страже у дверей Моих" (Пр.8:34)! Это - священническое служение и вовсе не потеря, стоя на страже, ожидать слова Его и повелений Его, хотя бы вокруг нас совсем стемнело, и лучшие праздничные дни сменились темными и холодными ночами, потому что всегда блаженнее по воле Его в бездействии ожидать Его, нежели совершать по собственной воле великие дела, неугодные Ему. Так в славном священническом положении: все, все должно исходить единственно от Господа; Он должен распределять самое малое, как и самое великое, а мы, как искупленные Ему в цари и священники, должны в тихой отдаче и покорности следовать за Ним.

И сколько времени должны они были пребывать в этом ожидании? Семь дней, было сказано Аарону и сынам его; они не должны были выходить в это время из священных покоев. Семь - число полноты, совершенства, а потому в этом случае семь дней пребывать у входа скинии обозначает пребывать, пребывать и до конца пребывать в жилище Господнем. Да, Его святое посвящение должно покоиться на нас, пока не настанет восьмой день, славная заря вечности; тогда из двора и святилища, где ходят теперь наши ноги, мы войдем, вслед за нашим великим Первосвященником, за завесу, во Святое-святых.

Тогда исчезнет мрак последний,
Тогда откроются глаза,
И прежде мрачный путь пришельца
Осветит лучшая заря.

Тогда мы будем смотреть не через тусклое стекло, не гадательно, увидим не темные тени и небольшой свет из них, но увидим Его, как Он есть, лицом к лицу и - слава Ему - мы будем взирать на Него во веки веков! Аминь.

Глава 32

Странствование Израиля со святилищем

И сказал Господь Моисею и Аарону, говоря: исчисли сынов Каафовых из сынов Левия по родам их, по семействам их, от тридцати лет и выше до пятидесяти лет, всех способных к службе, чтобы отправлять работы в скинии собрания. Вот служение сынов Каафовых [левитов по родам их, по семействам их,] в скинии собрания: носить Святое Святых. Когда стану надобно подняться в путь, Аарон и сыны его войдут, и снимут завесу закрывающую, и покроют ею ковчег откровения; и положат на нее покров из кож синего цвета, и сверх его накинута покрывало все из голубой шерсти, и вложат шесты его; и стол хлебов предложения накроют одеждою из голубой шерсти, и поставят на нем блюда, тарелки, чаши и кружки для возлияния, и хлеб его всегдашний должен быть на нем; и возложат на них одежду багряную, и покроют ее покровом из кожи синего цвета, и вложат шесты его; и возьмут одежду из голубой шерсти, и покроют светильник и лампы его, и щипцы его, и лотки его, и все сосуды для елей, которые употребляют при нем, и покроют его и все принадлежности его покровом из кож синих, и положат на носилки; и на золотой жертвенник возложат одежду из голубой шерсти, и покроют его покровом из кож синих, и вложат шесты его. И возьмут все вещи служебные, которые употребляются для служения во святилище, и положат в одежду из голубой шерсти, и покроют их покровом из кож синих, и положат на носилки. И очистят жертвенник от пепла и накроют его одеждою пурпуровую; и положат на него все сосуды его, которые употребляются для служения при нем - угольницы, вилки, лопатки и чаши, все сосуды жертвенника - и покроют его покровом из кож синих, и вложат шесты его. [И возьмут пурпуровую одежду, и покроют умывальник и подножия его, и положат на них кожаное синее покрывало, и поставят на носилки.] Когда, при отправлении в путь стана, Аарон и сыны его покроют все святилище и все вещи святилища, тогда сыны Каафа подойдут, чтобы нести; но не должны они касаться святилища, чтобы не умереть. Сии части скинии собрания должны носить сыны Каафовы. Елеазару, сыну Аарона священника, поручается елей для светильника и благовонное курение, и всегдашнее хлебное приношение и елей помазания, - поручается вся скиния и все, что в ней, святилище и принадлежности его. И сказал Господь Моисею и Аарону, говоря: не погубите колена племен Каафовых из среды левитов, но вот что сделайте им, чтобы они были живы и не умерли, когда приступают к Святому Святых: Аарон и сыны его пусть придут и поставят их каждого в служении его и у ноши его; но сами они не должны

подходить смотреть святыню, когда покрывают ее, чтобы не умереть. И сказал Господь Моисею, говоря: исчисли и сынов Гирсона по семействам их, по родам их, от тридцати лет и выше до пятидесяти лет, исчисли их всех способных к службе, чтобы отправлять работы при скинии собрания. Вот работы семейств Гирсоновых, при их служении и ношении тяжестей: они должны носить покровы скинии и скинию собрания, и покров ее, и покров кожаный синий, который по верх его, и завесу входа скинии собрания, и завесы двора, и завесу входа во двор, который вокруг скинии и жертвенника, и веревки их, и все вещи, принадлежащие к ним; и все, что делается при них, они должны работать; по повелению Аарона и сынов его должны производиться все службы сынов Гирсоновых при всяком ношении тяжестей и всякой работе их, и поручите их хранению все, что они носят; вот службы родов сынов Гирсоновых в скинии собрания, и вот что поручается их хранению под надзором Ифамара, сына Аарона, священника. Сынов Мерариных по родам их, по семействам их исчисли, от тридцати лет и выше до пятидесяти лет, исчисли всех способных на службу, чтобы отправлять работы при скинии собрания. Вот что они должны носить, по службе их при скинии собрания: брусья скинии и шесть ее, и столбы ее и подножия ее, и столбы двора со всех сторон и подножия их, и кольца их, и веревки их, и все вещи при них и все принадлежности их; и поименно сосчитайте вещи, которые они обязаны носить

(Чис. 4:1-32)

С Божьей помощью мы дошли в нашей последней беседе до окончания главных постановлений относительно левитского богослужения и имели возможность видеть торжественное начало этого служения. Этим мы могли бы закончить, если б Израиль уже жил в Обетованной Земле, и святилище Господне нашло себе место покоя. Но так как этого не было, то невольно у нас возникает вопрос: "Что же случилось со святилищем, когда поднимался народ"? Для выяснения этого вопроса мы и собрались еще раз. Для этого нам не придется, как мы привыкли делать, заглядывать то в книгу Исхода, то в книгу Левита; нам сегодня придется открыть следующую страницу этих драгоценных откровений Божиих и бросить хотя бы только один взгляд в книгу Чисел. Господь так распределил Свои славные откровения в Пятикнижии Моисеевом, что каждая из этих книг представляет собою как бы особенный отдел и носит ей одной свойственный характер, так что различные драгоценные истины, имеющие отношение к нашему предмету, находятся то в одной, то в другой из этих книг. Книга Бытия выступает пред нами, как **книга о сотворении** и содержит в себе начала всех вещей и всех событий, входящих в великий царственный план нашего Бога; в ней не могло заключаться ничего относительно скинии собрания, так как последняя не принадлежит к началам. Вторая книга Моисея, Исход, **книга об искуплении**, представляет нам Израиля, как он, силою пролитой крови агнца, был помилован и чрез это избавлен от ужасной участи Египтян, затем рукою сильною и мышцею простертою Иеговы освобожден от фараона и выведен из Египта. Чудный прообраз славного искупления во Христе Иисусе. Почти само собою понятно, что эта книга должна была содержать в себе большую часть теней грядущих благ. Левит, третья книга Моисеева, есть **книга об освящении** и указывает нам путь в присутствие Божие, к общению и соединению с Ним. И в ней даны нам драгоценные указания относительно скинии собрания. Наконец, четвертая книга Моисея показывает нам этот спасенный и живущий в общении с Богом народ в его странствованиях по пустыне; она описывает нам его переходы с одного места на другое, его отношения к Богу и повелениям Его, его труды и радости, милосердие и требования Божии, долготерпение и

наказания Его, она, по справедливости, может быть названа записной книгой путешествия Израиля, и поэтому она может дать нам ответ на наш вопрос. Из нее мы и рассмотрим поближе

странствование Израиля со святилищем.

Израилю надлежало идти: такова была относительно него воля Божия с первого дня, как Моисей появился в Египте; Египет не был страной их, и когда они оставили его позади себя, снова было сказано: " Скажи сынам Израилевым, чтобы они шли" (Исх.14:15), потому что всякая пядь земли между Египтом и Ханааном была чужой землей для них, и пока они не перешли через Иордан, им не должно было иметь места покоя. Поэтому они должны были проводить в шатрах дни и ночи свои, и снова разбирать их после того, как они только что успели поставить их. И если им случалось на каком-либо месте оставаться подольше, то все же это была остановка только на несколько дней, о которой они не знали, как скоро и внезапно она прекратится, для того, чтобы им часто напоминалось их положение странников. Каких желаемых отрядных остановок они ни достигали (потому что Господь посылал им иногда и их), их местопребывание все же не было там; они никогда не могли сказать: "Здесь хорошо, устроимся по-домашнему". Да, мы даже видим, что долгое пребывание на одном месте не было хорошо для них. Около Синая, где они пробыли более года, они впали в идолопоклонство; на месте, получившем название "гробов похотения", они целый месяц ели выпрошенное мясо; поистине, это была роскошная местность, однако тысячами погибли они там (Чис.11). "**И жил**" - читаем мы далее, -"**Израиль в Ситтине**, и начал народ блудодействовать с дочерьми Моава; и приглашали они народ к жертвам богов своих; и ел народ жертвы их и кланялся богам их. И прилепился Израиль к Ваал-Фегору" (Чис. 25:1-3). Воистину, не хорошие свидетельства о времени покоя в пути, потому что повеление Господа для сынов Израилевых было: идти!

Возлюбленные, это был и есть жребий Божий и для искупленного Христом народа с первого дня его образования до сего дня. Церковь Христова должна идти, и она и до сего часа странствует в шатрах. Скажите сами, где было ее постоянное место покоя с тех дней, как было положено ее основание? Конечно, каждый из нас может указать места, славящиеся тысячелетним существованием Церкви Христовой, и где кажется, что она пришла к покою; но, присмотревшись внимательнее, мы откроем, что она вовсе не покоится, а умерла самою жалкою смертью, и что, собственно, осталось не что другое, как сухой скелет. Это не Церковь Христова, которая может так, с полным удобством, пользоваться покоем. Нет, посмотрите только, какое непрерывное движение заметно в том малом стаде верующих, которые, воистину, знали своего Пастыря. Оно появлялось то здесь, то в другом месте, его путь направлялся то на запад, то на восток и снова или на юг, или на север, и время от времени снова возвращался к месту своего исхода. О, какими трудными путями должна была проходить она и какими кровавыми следами были они покрыты; и еще до настоящего часа окружающий ее мир постоянно напоминает ей, что у нее здесь нет постоянного места. К сожалению и она иногда, во дни своего благополучия, забывала идти вперед и, таким образом, выпускала из виду, что она - странница; и, как не могло быть иначе, из этого выходила ее пагуба и ущерб для мира. Еслиб никогда не наступал плотский покой для Церкви, если бы она продолжала идти вперед, как в свои прежние дни, давно была бы, как говорил ее великий Вождь, принесена радостная весть о Нем "всякой твари" и "всему миру". О, если бы народ Его, хотя бы в эти последние дни, возвратился к своему характеру странника!

Но как обстоит со всем народом Господним вообще, так обстоит и с каждым отдельным из чад Его. Каждое из них получает в руку посох странника в тот день, когда оно узнало Христа, как

своего Спасителя. Оно становится одновременно "странником" (Пс.38:13) и "гражданином" (Еф.2:19), странником Божиим здесь на земле, гражданином Божиим на небе. С этого времени отчизна его уже не здесь, но там, где Господь его; с этого времени жительство его на небесах,

В стране блаженства, света,
Где солнце не зайдет,
Где нет уж боли сердцу,
Где вечный мир живет.

Правда, встречается и ему, подобно Израилю, что-нибудь дорогое здесь на земле, Елим со своими свежими источниками воды и тенистыми пальмами мира, но оно не может оставаться здесь: его правило, если оно хочет, чтобы ему было хорошо, должно оставаться и быть: "идти вперед".

Итак, Израиль должен был идти, **но не иначе, как со своим святилищем**. Таково было условие Божие. Мы читаем в нашей главе, что в день, когда стан Израилев поднимался в путь, Аарон и сыны его входили в скинию собрания, и, начиная со Святого-святых до последнего предмета во дворе, должны были приготовить все к путешествию, чтобы все принадлежности жилища Господня могли идти в путь. Итак, Бог хотел быть с ними во время пути их, Он хотел непрестанно пребывать среди Израиля. Того, что еще так недавно Моисей ставил Ему в условие дальнейшего путешествия, говоря Ему: "Если не пойдешь Ты Сам с нами, то и не выводи нас отсюда" (Исх.33:15), теперь крепко держался Сам Господь, живший среди них в шатре, прообразно изображавшем Христа. Он теперь был с ними, полный благодати и милосердия, из-за которых Он не хочет покинуть их, но хочет иметь среди них жилище Свое, и душа Его не отвергнет их, но Он будет вечно водить их и ходить с ними (Лев. 26:11,12).

Иегова, идущий с народом Своим! Кто может постигнуть объем этого неизмеримого благословения? Какой **надежный Вождь** был Он в совершенно незнакомой пустыне! Ведь они никогда не ходили этим путем, он был им вполне чужд, даже часто приходилось им идти и вовсе без пути; но что это значило для их Проводника, шедшего впереди их: они могли вполне довериться Ему. Правда, мы читаем, как Моисей упрашивал Ховава, говоря ему: "Не оставляй нас, потому что ты знаешь, как располагаемся мы станом в пустыне, и будешь для нас глазом" (Чис.10:31); но этот факт лишь подтверждает нам, как велика была беспомощность Моисея пред восставшими на пути трудностями, коль скоро он начинал смотреть на себя и принимать в расчет свое незнание пути; взирая же на Господа, он не имел бы нужды в присутствии Ховава. Иное око, око, не дремлющее и не спящее, руководило им. Иегова с Израилем какая **сильная защита!** Бедный боязливый народ мог бы с торжеством совершить путь свой, если б он всегда считал Его, ставил Его впереди в виду врагов своих. Он был действительно "колесницею Израиля и конницей его" (4Цар.2:12). И далее, **какое богатство** имели они в Нем! Они были нищим народом, еще недавно бывшим рабами, были теперь в сухой земле, в пустыне, но все свои источники они носили с собою, в Нем. Благодаря Ему, с Ним они не имели нужды. Блаженный народ!

Да, блаженный народ и ты, народ Нового Завета! Тот, Чей прообраз мы видели во святилище идущим с Израилем, идет и сегодня в силе и жизни с воинством избранных Своих. Он идет без всяких условий, добровольно, из любви, понуждаемый к этому пламенным порывом Своего сердца. "Се, Я с вами во все дни до скончания века" (Мат.28:20), - вот последние Его слова, которые Он сказал без вызова и принуждения Своему народу. Да и где двое или трое собрались,

готовые продолжать этот путь, то никогда не бывает, чтобы там недоставало Его. Только бы они непрестанно пребывали с Ним, как Он пребывает с ними; только бы не сомневался народ Божий в присутствии среди него Господа, не спрашивал: "Посреди ли нас Бог наш"? Он никогда не преминет занять Свое место среди тех, которых Он так любит, как Отец любит Его (Иоан.15:9). Поэтому взирай на Него с верою, взирай на Начальника и Совершителя веры твоей и, что бы ни было, ты будешь хорошо поведен, славно сохранен, богато накормлен и, наконец, торжественно доведен до родного дома. Радостно направляясь туда, ты можешь постоянно воспевать:

О, какая чудная дорога,
Где небесной пищею живешь,
Где, небесной влагой напоая,
Друг меня к стране иной ведет
И, рукой Своею закрывая,
От жары и зноя бережет.

Получив предписания относительно своего путешествия, Израиль **получил также и повеление носить с собою свое святилище**. Хотя здесь мы читаем, что это должны были делать Левиты, но во многих других местах Св. Писания мы находим, что они, собственно, были представителями первенцев всего народа. Господь видел в них всего Израиля на служении Своем. В Числ. 8:14,16 Господь говорит о всех Левитах: "Итак, отдели Левитов от сынов Израилевых, чтобы Левиты были Моими. Вместо всех первенцев из сынов Израилевых, разверзающих всякие ложесна, Я беру их Себе". Итак, в лице их, Израиль, путешествуя по пустыне, шел, как нагруженные странники. "Как те носят в своих дорожных суммах все свое имущество, так и этот народ нес при себе чрез пустыню свои богатства, заключавшиеся в их Боге. Какое зрелище должны были представлять Левиты, из которых каждый в отдельности или двое вместе несли таинственно окутанные предметы. Другие могли утруждаться преходящими, ничтожными для вечности вещами, но они отдавали свои силы на те сокровища, которые действительно были достойны, чтобы им были пожертвованы все время, сила и жизнь, удобства и все земные сокровища.

И теперь дети Божии призваны нести чрез этот мир Господа и святыню Его; только это цель Его, когда Он оставляет их еще странствовать на земле. Каждый из них принадлежит к тому народу, который должен носить "сосуды Господни". Окружающий их мир должен увидеть в них, что они имеют нечто драгоценнейшее и ценнейшее, нежели все сокровища и блага этого мира; нечто, ради чего они готовы отказаться от "временного греховного наслаждения", "сокровищ Египетских" и избегать всего, что здесь велико и славно. Он должен увидеть, что Христос и Его богатства, Он и Его привлекательность, Его мир, Его радость, наслаждение Им и жажда Его прославления стоят у нас выше всего. Во всяком случае, с этими драгоценностями не согласуются суета, радость и ничтожества земные, ни судорожная привязанность к тому, что нравится плоти и что удобно, потому что нашему Господу угодно употребить оба наши плеча и всю нашу силу для ношения Своих сокровищ. Поэтому наше решение должно быть подобно решению песнопевца:

Как путник в отчизну стремится,
Свободен, не связан ничем,
Не будем собирать и носить,

Чтоб шаг не замедлить в пути.
Кто хочет - носись, убивайся,
Идем мы, отрекшись всего,
Довольные очень немногим
И сверх не хотим ничего.

К сожалению, Церковь Божия еще часто обременяет себя внешними предметами, которые не принадлежат Христу, и множество отдельных ее членов носятся до утомления и изнеможения с тем, что замедляет их шествие; отсюда их бедность в богатствах Христовых и сокровищах, которые пребывают вовек, и отсюда столь частое отпадение. О, как больно будет нам, когда, по окончании нашего земного странствования, мы вдруг во свете Божиим увидим всю бесполезность и ничтожность внешности и узнаем, что мы гнались за ветром и тенью, пренебрегая Божиим намерением и целью, соделать нас носителями Его благ и Христа Его!

Далее мы находим, **что в Израиле каждый носил священные предметы, назначенные ему Самим Господом.** Там не мог каждый взять себе то, что казалось ему приятным или что первое попало ему под руку. Сам Господь, согласно Своему плану, распределил между ними принадлежности Святого-святых, святилища и двора. Среди тысяч работоспособных Левитов ни один не должен был быть забыт; потому избирал Он их по родам и семействам их. Их было три рода: род Гирсонов, Каафов и Мерарин. По Своему премудрому усмотрению Он приставил их к делу Своему не по рождению или почтенности их, а как они понадобились Ему. Поставленные вначале сыны Гирсона, потомки первенца Левиина, которых мы, во всяком случае, поставили бы на первое место, получили второе место, тогда как сыны Каафовы, которым, собственно, должно бы принадлежать второе место, были поставлены в первые ряды. Но мы нигде не читаем, чтоб последние завидовали первым, или чтоб выдвинутые вперед считали последних ниже себя, потому что те носили предметы меньшей важности; нет, они покорно принимали свое положение и служение из руки Господа. Все они знали, что они носили "сосуды Господни" и были служителями Великого Царя. Они тоже знали, что все, вверенное им, служило для прообразного представления и прославления их Господа. И, действительно, не были ли крючки и петли так же необходимы, как и покрывала с изображением херувимов, которые они соединяли, и шесты, гвозди и столбы так же необходимы, как ковчег завета и престол благодати? Если б не доставало одного, по-видимому, самого незначительного предмета, то сейчас же образовался бы заметный пробел в великом произведении, которое было тенью будущих благ. Поэтому ни один не мог сказать другому: "Если ты со своей ношей и отстанешь, то нам от этого не будет потери"; не мог также, с другой стороны, кто-либо о себе подумать: "В великом шествии этом я человек лишний". Нет, такие мысли огорчили бы Господа, повелевшего изготовить все эти священные предметы и распределившего их все по Своему усмотрению между Своими слугами.

Какой славный прообраз для Церкви Божией в наши дни. Посмотрите только, сколько замечается в единичных подразделениях ее погони и стремления к тому, чтобы стоять или идти впереди в чудном шествии, вместо того, чтобы точно узнать, какие именно особенные и драгоценные стороны Господа их поручены им, чтобы открыть их миру. И сколько тщеславия и похвальбы направо и налево замечается часто из-за того или другого особенного преимущества в столь выделяющихся рядах современного нам народа Божия. Каждое из них утверждает, что носит собственно Святое-святых, потому что особенно выделяет одну из многих драгоценных истин, и почти каждое из этих подразделений видит в этих нагруженных странниках возле себя сынов Мерариных с брусьями, шестами и гвоздями и говорит им, хотя бы только в сердце своем:

"Как ничтожны твои предметы, как мала ценность их!" не думая, что только все эти прекрасные предметы, взятые вместе, являют всего Христа и что всякий, даже самый ничтожный, луч славы необходим для совершенной полноты ее. И все-таки все они идут одним и тем же путем к одной цели и призванные одним и тем же Господом. О, если бы скоро настала перемена к лучшему на Сионе! Но как радостно отдыхает глаз в то же время на единичных тихих носителях святынь Господних и на возникающих то там, то сям среди различных подразделений Церкви малых группах, чувствующих себя счастливыми служить Господу каким бы ни было образом, и которые с глубоким горем об этом "бедствии Иосифа" странствуют чрез пустыню мира сего.

Еще видим мы у Израиля, как **старательно были скрыты эти драгоценные святыни при отправлении в путь**. Никто другой, как сам Аарон, первосвященник, получил повеление входить в скинию собрания и вместе со своими сынами завернуть, самым заботливым образом покрыть и окутать их. Они нуждались в этом покрове для своей защиты; также ничей непризванный глаз не должен был увидеть их, даже носившие их, которые, хотя могли знать, что именно они несут, тем не менее не могли наслаждаться, посредством рассматривания, или видеть своими глазами их блеск и высокое достоинство. Видеть их дано было лицам, имевшим доступ во святилище Господне. Поэтому посмотрите, какими ничтожными должны были они выглядеть, когда их видели вне святилища. Снаружи ничто иное, как те покровы из барсучьей кожи без блеска и цвета, без вида и красоты; только одно исключение среди них составляет ковчег завета со своим небесно-голубым покровом. Где же было здесь золото, где же блеск, могущий привлекать взоры человеческие? Нигде, решительно нигде не просвечивали они наружу. Не была ли отрезана, между прочим, всякая возможность хвалиться этими священными предметами?

Возлюбленные, не ждите никогда, чтобы вне стоящий мир стал восхищаться вашими богатствами. Он, Который некогда Сам ходил здесь в покрове уничижения из барсучьих кож и вышел из этого мира в красном покрове страданий и смерти, покрове из бараньей кожи, устроил так, что все блаженства, пришедшие на вас чрез Него, обнаруживаются только в уничижении. Мир никогда не увидит в них красоты: он не знает цены их, да и вы знаете ее только отчасти, и только насколько вы углубитесь в Него, настолько и эти сокровища будут славны для вас, потому что только тогда вы можете вместить богатство достоинства их. Если же это не было бы так, то как легко могли бы мы впасть в превозношение, как скоро были бы готовы хвалиться, так что к нам мог бы быть обращен вопрос: "Что ты имеешь, чего бы не получил" (1Кор.4:7). Или же из-за высоких откровений было бы необходимо дать нам жало в плоть, как апостолу Павлу, в противовес, чтобы мы не превозносились. О, придет еще время, открыться блеску золота славы, которую мы имеем в Нем, когда явится Христос, и мы с Ним. Будем же спокойно носить сокровища в глиняных сосудах наших. Но это не значит, что мы должны завернуть эти сокровища в платок и закопать их в землю; напротив, они должны быть пронесены нами чрез весь мир, от одного края земли до другого, и пронесены так, чтобы, как там на ковчеге завета, выступал наружу их небесный характер. Мир должен узнать и почувствовать, что тут существует нечто, чего он не имеет, нечто свыше, из другого мира. Да научит нас Господь так прославлять Его, чтоб бедный погибающий мир был достигнут и приобретен для Него.

Нельзя упустить из виду еще одну драгоценную мысль, **что каждый из тех носителей святынь имел ношу, соразмерную силе его**. Там были более тяжелые и более легкие предметы; но Господь устроил так, что более легкие и славные, называемые Святым-святых, носились на плечах, тогда как более тяжелые могли перевозиться. По мере сил возлагал Он ношу и по мере ноши давал Он силу. Когда была воздвигнута скиния, начальники народа принесли в

дар Господу шесть крытых повозок, которые были вручены Левитам; как мы читаем об этом в Чис.7:3-9. Сыны Каафовы не получили ни одной; сыны Гирсоновы две, и сыны Мерарины - четыре повозки. Сынам Гирсоновым приходилось носить тяжелые покровы и ковры шириною в десять и одиннадцать полотнищ каждый, причем они не могли быть разъединены, для чего нужно было больше силы, нежели для ношения единичных предметов, как ковчег завета, стол для хлебов предложения, золотой светильник, золотой или медный жертвенник; еще более нуждались в силе сыны Мерарины, и Господь позаботился о том, дав им в распоряжение наибольшее число повозок, именно четыре. Те тяжелые шесты и позолоченные брусья, медные и серебряные подножия требовали большой затраты силы, которая и была дана Господом.

Так же славно распределил Он все и теперь. Каков твой труд, каково твое служение, такова будет и твоя сила, чадо Божие, и ты, единичная ветвь Церкви Христовой. Никогда не придется народу Его жаловаться, что им приходится носить слишком тяжелую ношу Господню, как бы Господь возложил на них бремя выше сил. Он распределил как ношу, так и силы. Поэтому прости руку с дерзновением, брат мой, сестра моя, если бы Он дал тебе трудную задачу, потому что тебя ожидает тогда славный приток божественной силы. И если тебе назначено нести бремя, знай, что это - драгоценные предметы; тогда не озирайся по сторонам, ища кого-нибудь, кто мог бы снять и понести его дальше на себе. Сыны Каафовы не могли ничего перевозить, их плечи должны были переносить доверенные им святыни, и, обремененные ими, они не шли позади, не во втором ряду, но впереди. О, если бы мы отыскивали наше истинное место и бодро взялись за труд свой!

В заключение, посмотрите на славную цель странствования Израиля. Куда же шел этот народ? К Хориву, в Кадес-Варни, к горе Нево или в долину Иорданскую? Нет, ни одно из этих мест не было конечной целью их. К сожалению, временами они уставали и охотнее возвратились бы назад, вместо того, чтобы идти вперед. А между тем, согласно плану Божию, Израиль шел к месту покоя своего. Этого они не должны бы никогда выпускать из виду. Всякий взгляд назад на Египет, всякое желание сердца найти наслаждение или желание остаться где-нибудь в дороге, были в прямом противоречии с шествовавшим посреди их Господом. Не позади, где они раньше были, не в пустыне, где они теперь находились, был покой их, суббота; нет, он ожидал их там, куда указывал святой перст Божий. Поэтому Израиль должен был, забывая заднее, простираться вперед к тому, что было перед ним. Их сердце должно было быть там, где было их истинное сокровище, их отчизна; их взор должен был покоиться на невидимом, и их ноги стремиться к нему. Там должны были превратиться их шатры навеки в жилища мира, и их скиния в славный храм. Какая славная цель, и с Господом среди них, без сомнения, достижимая.

О, мои братья, да не исчезнет из глаз ваших эта цель, истинная цель земных странствований! Купите глазной мази у шествующего с вами Господа, чтобы сделаться весьма дальноркими, потому что, чем больше и лучше вы смотрите на нее, тем сильнее и скорее будет стремиться к ней сердце ваше. Да, только там наш окончательный и совершенный покой, где мы увидим Его, идущего теперь с нами, лицом к лицу. Там превратится наш страннический посох в пальму мира; этот дом, наша хижина, - в дом нерукотворенный, вечный; надежда наша сменится действительностью и наша вера - видением. Еще один шаг и если надо, еще один, и тогда, да тогда придет последнее -

Тогда я брег чужой покину,
Отдав себя в руки Творца,
Страну желанную достигну,

И это - родина моя!

Аминь.